

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№4 (12) 2016

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
Тел. (812)622-01-23

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)
профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский
университет)

д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (директор
Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета)

д.и.н. *О. П. Илюха* (директор Института языка,
литературы и истории Карельского научного
центра РАН, Петрозаводск)

д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа соци-
альных наук, Париж)

член-корр. РАН, д.и.н. *И. П. Медведев* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *И. И. Муллонен* (доктор филологических
наук, профессор Петрозаводского госунивер-
ситета, Петрозаводск)

профессор *А. Рабинович* (Индианский универ-
ситет)

профессор *У. Г. Розенберг* (университет
Мичигана, Европейский университет в Санкт-
Петербурге)

д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербургский государственный
университет)

д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-
Петербургский государственный университет)

д.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор из-
дательства «Нестор-История»)

№ 4 (12) 2016

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Секретариат

Ответственный секретарь – *К. А. Тарасов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

Дата подписания в печать: 12.12.2016

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 696

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77–64510

от 31.12.2015

Члены редколлегии:

к.филол.н. *Д. В. Кейер* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН; Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Исколь* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

Содержание

История России

- *О. А. Абеленцева*
Землевладение Николаевского Мостицкого монастыря в XV–XVII вв. 6
- *З. В. Дмитриева*
Челобитные крестьян и посадских людей Новгородской земли
о платежах и повинностях в 1610-е гг. 19
- *Н. В. Соколова*
Из истории боярского землевладения в Нижегородском уезде
в 80-х гг. XVII в. 42
- *М. Б. Свердлов*
Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М. М. Щербатов 59
- *Р. В. Новожеев, В. П. Барынкин, И. С. Иванчогло*
Охрана и режим в лагерях для немецких военнопленных на территории
Брянской области в 1944–1948 гг. (на примере лагерей № 252 и 327) 85

Всеобщая история

- *А. А. Андреев*
Посольство Ашур Бека к Петру Великому
и начало миссии князя А. Б. Черкасского 91
- *Risto Alapuro*
Finnish Elites and Russia in the Nineteenth Century 104
- *Е. Н. Наземцева*
Специфика политико-правового положения русской эмиграции
в Китае в период обострения международной ситуации
на Дальнем Востоке (1931–1937 гг.) 129
- *Sniedze Kale*
Latvian Riflemen's Young Artists Circle *Daile* and its Members.
Revision of the Current Interpretation 143

Дискуссии

- *К. А. Тарасов*
Распад Российской империи
в ракурсе концепций Б. Андерсона и М. Хроха 160

Публикации

- *Т. О. Рюмина, С. А. Исаев, М. Хайзе*
1905 год в России: взгляд лютеранского пастора из Санкт-Петербурга..... 181
- *О. П. Илюха, Н. А. Пеллинен*
От карельских озер до киргизских степей: путевой дневник-воспоминания
политического ссыльного Василия Еремеева-Ряйхя (1907–1908 гг.)..... 190

Историография

- *Е. А. Андреева*
Появление голландской расписной фаянсовой плитки в России
во второй половине XVII – начале XVIII в.: историография вопроса 212

Научная жизнь

- *П. В. Ильин*
Международная научная конференция
«Историческая память России и декабристы. 1825–2015» 236

Сообщения

- *Т. В. Андреева, Л. В. Выскочков*
Утомление жизнью или уход: Александр I. 1825 год. Новые материалы..... 255
- *Н. В. Родин*
Иудейский воинский некрополь Петрограда 1914–1918 гг.
Социокультурные измерения 268
- *С. Л. Новиченко, Л. Э. Сулягина*
К вопросу сохранения исторической памяти.
Мемориальные зоны на рубежах обороны Ленинграда..... 281

Рецензии

- *Н. В. Федоров*
Новые партнеры Новой Зеландии. Рецензия на монографию:
Новая Зеландия и страны Восточной Азии: взаимоотношения в сфере
политики, экономики и культуры:
Монография / И. В. Олейников, Н. Н. Пузыня, А. А. Сучкова;
науч. ред. В. П. Олтаржевский. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 167 с. 294
- *С. Н. Искюль*
Пост-юбилейные размышления о книге английского историка
(*Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814 гг.*
М.: РОССПЭН, 2012) 302
- *Т. Г. Леонтьева*
Либеральная ретроспектива: pro et contra. О книге В. В. Шелохаева
«Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции»
(М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.) 317

Аннотации..... 328

Abstracts..... 337

Сведения об авторах 346

Contacts of authors 348

Требования к публикации статей и материалов 350

О. А. Абеленцева

Землевладение Николаевского Мостицкого монастыря в XV–XVII вв.

Николаевский Мостицкий монастырь был основан не позднее 1412 г., под которым в Новгородской первой летописи сообщается о строительстве в нем деревянной церкви во имя Николая Чудотворца¹. Он располагался в окрестностях Великого Новгорода в Поозерье на правом берегу реки Веряжи рядом с мостом, по которому местность и получила свое название — Мостищи (в настоящее время — поселок Панковка)². Во время раскопок на территории, где находился монастырь, был обнаружен фундамент каменного храма³, построенного в 1448 г. на месте

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 403: «В лето 6920. Поставиша церковь камену святого Николу в Порхове, а другую на Веряжи у мосту святого Николу церковь древяну в монастыре». Ср.: Новгородские летописи (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 254: «В лето 6920. Поставиша церковь древяну святого Николая Чюдотворца, и монастырь устроиша на Мостицах у мосту от Великаго Новаграда три поприща на реки Веряжи».

² *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 102–104. Здесь же представлена схема границ его территории в соотношении с современной застройкой.

³ Подробнее см.: *Антипов И. В., Булкин В. А.* 1) Никольский Мостицкий монастырь // София. 2001. № 4. С. 23–25; 2) Изучение двух памятников новгородской архитектуры XV века // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. С. 7–9; *Антипов И. В., Булкин В. А., Васильев Б. Г., Салимов А. М.* Новые исследования памятников новгородской архитектуры и монументальной живописи XV века // Исчезающая красота: проблемы сохранения ценностей культуры в современной России: Материалы Всероссийской научной конференции. 17–19 мая 2002 года, Великий Новгород. Великий Новгород, 2002. С. 17–24.

сгоревшей деревянной церкви⁴. В 1471 г. в монастыре стояли войска Ивана III во главе с Александром Оболенским⁵, память об этом событии сохранялась в народе и в XVII в. и связывала с ним постройку моста⁶, что противоречит данным летописей, сообщавших о существовании моста уже в 1412 г.⁷ Опись Новгорода 1617 г. сообщала: «А в том Николском Мостицком монастыре церковь каменная одна, и та ныне стоит разорена. И келей, и ограды, и старцов, и слуг никого нет»⁸. От казны монастыря уцелело 20 книг, в том числе две харатейные, а также медные, оловянные и деревянные богослужебные сосуды, полотняные и выбойчатые богослужебные облачения и два небольших колокола⁹. Это имущество было взято в казну и постепенно раздавалось по другим новгородским монастырям и храмам, нуждающимся в богослужебной утвари¹⁰. Вероятно, вскоре после 1617 г. обветшавший каменный храм был разобран¹¹. Новый деревянный храм «на каменной прежней церковной подошве»¹² был построен не позднее 1651/52 г.¹³

О территории самого монастыря и находившихся на ней строениях сохранились только поздние сведения, относящиеся ко времени, когда по указу царя Алексея Михайловича от 11 марта 1663 г. Николаевский Мостицкий монастырь был приписан к Успенскому Тихвинскому «для приездов из Тихвина

⁴ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Стб 191: «В лето 6956. Заложиха церковь камену святого Николу на Веряжен, у мосту».

⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. С. 315.

⁶ См.: 1685 г. июня 25. — Выпись из отводных и межевых книг В. Г. и А. Ф. Резановых на вотчины и угодья приписного к Успенскому Тихвинскому м-рю Николаевского Мостицкого м-ря // Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. № 471. Л. 9: «И та де земля Никольского Мостицкого монастыря, а была дорога и мост учинен через ту землю в то время, как ходил блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси».

⁷ См. примеч. 1 к настоящей статье.

⁸ Опись Новгорода 1617 г. / Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. Ч. 1. С. 111.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: 1617 г. — Опись казны Николаевского Мостицкого м-ря 1617 г. из книг Ивана Орлова и подьячего Ивана Прокофьева // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 4. Л. 1 — 1 об. Записи о расходовании казны с 1617 г. по 1 марта 1626 г. // Там же. Л. 2–4.

¹¹ *Антипов И. В., Булкин В. А.* Никольский Мостицкий монастырь... С. 23.

¹² 1669 г. марта 18 — Опись Николаевского Мостицкого монастыря // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 222. Л. 20 об.

¹³ Там же. Колл. 172. Оп. 1. № 471. Л. 3–4. О положении монастыря в XVIII–XIX вв. см.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 2005. Кн. 2. С. 230–231. № 991; *Секретарь Л. А.* К истории трех утраченных новгородских монастырей: Николаевского Мостицкого, Николаевского Верендовского, Спасского Верендовского // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 216–218.

монастыря в Новгород»¹⁴. По данным описей имущества 1666–1694 гг., в нем постепенно были возведены четыре кельи для старца-строителя и работников, колокольня, ограда и Святые ворота, а за монастырем поставлены двор священника, три бобыльских двора, конюшенный и коровий дворы, три хлева, гумно, житница, сарай и две мельницы¹⁵. В переписной книге Шелонской пятины 1677/78 г. стольника Степана Александровича Аничкова и подьячего Антипы Федорова место около монастыря, где стояли дворы священника, конюха, повара и коровника, названо слободкой¹⁶. Местоположение Мостицкого монастыря обозначено на плане межевания 1758 г.¹⁷

Сведения о землевладении Мостицкого монастыря, вероятно, неполны. Архив монастыря за XV–XVI вв. утрачен. Акты и хозяйственные книги, отражающие историю землевладения монастыря, относятся ко второй половине XVII в., когда монастырь стал приписным к Успенскому Тихвинскому, и сохранились в архиве последнего, а также в коллекциях актов Новгородской казенной палаты и актов книг Археографической комиссии, куда попали основные правоустанавливающие документы на вотчины, изъятые в Коллегию экономии в процессе секуляризации церковных земель в 1764–1766 гг.¹⁸

В актах и материалах писцового дела имеются данные, которые позволяют установить периоды запустения Мостицкого монастыря, что важно для изучения истории его землевладения. Первый период пришелся на 1570–1580-е гг. и, вероятно, стал следствием похода Ивана IV Грозного на Великий Новгород, когда многие монастыри были разграблены, а их насельники казнены. В устрой-

¹⁴ См.: 1663 г. марта 11 — Указная с прочетом грамота царя Алексея Михайловича в Великий Новгород воеводе боярину князю Ивану Борисовичу Репнину с товарищами о приписке к Успенскому Тихвинскому м-рю Николаевского Мостицкого м-ря // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 7. № 165. Л. 1–3. Архимандрит Успенского Тихвинского монастыря Иосиф с братией в челобитной объясняли свое желание иметь Мостицкий монастырь приписным двумя причинами: во-первых, новые строители монастыря пытались оспаривать у них полученные Тихвинским монастырем в 1613/14 г. вотчины Мостицкого монастыря в Обонежской пятине, что выливалось в судебные расходы; во-вторых, для содержания тихвинского подворья в Великом Новгороде желательно было иметь хозяйство рядом с городом, чтобы не тратиться на покупку запасов и конского корма.

¹⁵ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 222, 323, 324, 382, 383, 400, 468, 476, 599, 638, 692, 703.

¹⁶ Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв. / Подг. публ. И. Ю. Анкудинов. (Материалы по истории Новгорода и Новгородской земли. Вып. 3). М., 2014. С. 404.

¹⁷ Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого... С. 103–104. В архиве Успенского Тихвинского монастыря сохранились копии межевой книги Николаевского Мостицкого монастыря 1758 г. межевщика Максима Карамышева. См.: Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. № 67. Л. 402 — 411 об., 541 — 547 об.

¹⁸ Подробнее см.: *Абеленцева О. А.* Грамоты на вотчины новгородских монастырей в составе актов Новгородской казенной палаты // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 1 (17)). СПб., 2015. С. 635–703.

ной книге 1572/73 г. дворцового села Паозерья с деревнями письма и меры Об-разца Баракова и подьячего Быка Михайлова о вотчинных деревнях Здриного и Поткино сказано, что они ранее принадлежали Мостицкому монастырю, причем последняя не была запустевшей¹⁹. Впоследствии Здриного (Вздрино-га) так и осталась в дворцовых землях²⁰, тогда как об изъятии Поткино данных нет. Более определенно можно говорить о запустении монастыря с 1587/88 г., в котором «градские всяких чинов люди», получили на оброк его «пустые» рыбные ловли на реках Веряже и Малой Веряжке. В начале 1580-х в городском дворе монастыря на Рядитине улице жили новгородские приказные люди²¹, затем, вероятно, дворное место было возвращено новгородскому Софийскому дому, так как в 1591 г. уже слуга новгородского Благовещенского монастыря Онуфрий Григорьев продал свою половину двора, стоявшего на белом месте Никольского Мостицкого монастыря площадному подьячему Василию Ушакову²². Насельники вновь появились в монастыре не позднее 1595/96 г., о чем свидетельствует указ царя Федора Ивановича о возвращении рыбных ловель обители²³. Второй период запустения был вызван Смутой. Вотчины монастырей, оставшихся без братии, были подведомственны новгородскому митрополиту. Пашенные земли, сенные покосы и угодья монастыря получил на оброк софийский протопоп Иван Онисимов, а с 1642/43 г. монастырь отдали «в строенье» новгородскому подьячему Дружине Протопопову, предположительно сыну протопопа Ивана²⁴. К 1651/52 г., как уже было сказано, возвели храм и появились насельники — старцы и бельцы²⁵.

Наиболее ранние сведения о вотчинах монастыря в Поозерье Шелонской пятины Новгородского уезда содержатся в писцовой книге «нового письма» 1497/98 г. Матвея Ивановича Валуева, включившей данные «старого письма» 1490/91 г. Ивана Михайловича Волынского. В ней зафиксированы в том

¹⁹ Писцовые книги Новгородской земли (далее — ПКНЗ). Т. 6: Писцовые книги Шелонской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов. М., 2009. С. 154, 165; Ильменское Поозерье... С. 45, 56.

²⁰ Там же. С. 96, 130, 156, 191 и др.

²¹ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 178.

²² Великий Новгород во второй половине XVI века. СПб., 2001. С. 139.

²³ 1678 г. июня 19 — Указная с почетом грамота царя Федора Алексеевича в Великий Новгород воеводе боярину Юрию Михайловичу Одоевскому и дьяку Петру Кудрявцеву о подтверждении прав архимандрита Успенского Тихвинского м-ря Варсонофия с братией на владение рыбными ловлями приписного Николаевского Мостицкого м-ря на реках Веряже, Малой Веряжке и впадающих в них ручьях // Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. № 356. Л. 1–2.

²⁴ Упоминается в: 1) Там же. Колл. 172. Оп. 1. № 356. Л. 4–5; 2) 1672 г. сентября 28 — Отводные и межевые книги В. Г. и А. Ф. Резановых на вотчины и угодья приписного к Успенскому Тихвинскому м-рю Николаевского Мостицкого м-ря // Там же. Колл. 2. Оп. 1. № 40. Л. 8 об. — 12.

²⁵ Там же. Колл. 172. Оп. 1. № 356. Л. 2.

числе и деревни, изъятые у монастыря в собственность великого князя после присоединения Великого Новгорода к Московскому государству — в Илменском погосте Шелонской пятины деревни Новоселье, Княжичи и деревня Платково, которой монастырь владел совместно с Селифонтовой пустошью²⁶, а также волостка в Пажеревецком погосте «в Трусколесе на Псковском рубеже»²⁷.

Согласно писцовой книге 1497/98 г., в Поозерье за монастырем остались вотчинные деревни Милуево Меньшее и Коровники с селищами Чижовым и Поткиным²⁸. По данным обыска 1683/84 г. стрелецкого головы Василия Иванова сына Козодавлева они располагались рядом с монастырем на правом берегу реки Веряжи вниз по течению. Границы объектов, тогда уже пустошей, определялись по впадавшим в Веряжу ручьям — Туровскому, Глубокому, Верблюжью, Свинуху и Страдуну²⁹. В 1497/98 г. в двух деревнях было два двора, а размеры владений в целом составляли две обжи, или 20 четвертей по данным перечневой росписи 1594/95 г. Ивана Самарина, приведенным в указной грамоте царя Алексея Михайловича о приписке Мостицкого монастыря к Успенскому Тихвинскому³⁰. Еще одно упоминание этой вотчины в сохранившихся материалах писцового дела также относится к последней четверти XVI в.³¹ По дозору 1581/82 г.

²⁶ Новгородские писцовые книги (далее — НПК). СПб., 1905. Т. 5. Стб 173, 174, 185, 188.

²⁷ Там же. Стб 60. В писцовой книге 1539 г. Григория Собакина земля волостки в Пажеревецком погосте числится поместной. См.: НПК. СПб., 1886. Т. 4. Стб 382.

²⁸ НПК. Т. 4. Стб 16–17; Ильменское Поозерье... С. 22–23: «На Веряже деревни Николского монастыря с Мостиц. Деревня Милуево Меньшее: во дворе Ивашко, пашни три короби, сена сорок копен, обжа. Деревня Коровники: во дворе Ивашко коровник, пашни пять коробей, сена триста копен, и на селищах на Чижове и на Поткине обжа; и ту деревню пашут монастырскими людьми. И сех деревень по старому писму и по новому две, двора два, человека два, а обжы две, соха без трети. А доходу емлют с обжы денгами и за хлеб две гривны, а обжу делают на монастырь». Селище Поткино, вероятно, находилось рядом с Коровниками, так как после запустения последнего их названия в представлении местных жителей означали одну пустошь — «пустошь Коровники, а в волости зовут Поткиным». См.: 1684 г. сентября 20 — Наказ новгородского воеводы боярина князя Федора Семеновича Урусова и дьяков Василия Мануилова и Семена Дядькина стрелецкому голове Василию Иванову сыну Козодавлеву о размежевании со сторонними землями вотчинных земель и оброчных сенных покосов приписного к Успенскому Тихвинскому м-рю Николаевского Мостицкого м-ря // Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. № 439. Л. 5.

²⁹ Там же. № 439. Л. 5.

³⁰ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 7. № 165. Л. 2.

³¹ О сохранившихся описаниях земель Шелонской пятины в XVI–XVII вв. см.: Аграрная история Северо-Запада России. Т. 1. Л., 1961. С. 15; Писцовые книги Новгородской земли / Сост.: М. Ю. Зенченко (отв. сост.), В. Ю. Беликов, Г. А. Иванова; под ред. И. Ю. Анкудинова, М. Ю. Зенченко, А. А. Селина, А. А. Фролова. М., 2004. (Сер.: Каталог писцовых книг Русского государства. Документы земельного кадастра и землеустройства XVI–XVII вв. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Вып. 2). С. 391–394; ПКНЗ. Т. 6. С. V–IX; Ильменское Поозерье... С. 5–10.

обе деревни запустели³². Мы не имеем данных о том, были ли заселены деревни после возобновления монастыря в 1590-е гг., так как приведенные в указной грамоте 1663 г. данные из перечневой росписи 1594/95 г. говорят лишь о площади вотчин монастыря в Поозерье³³. После Смутного времени вотчины монастыря в Поозерье были описаны как пустоши в 1625/26–1626/27³⁴ и в 1647/48³⁵ гг. В 1652/53 г. подьячий Савин Яковлев отвел вотчинные пустоши и уголья строителю Мостицкого монастыря старцу Сергию³⁶, а в 1662/63 г. на основе выписи из этих же отводных книг они были переданы Успенскому Тихвинскому монастырю отводчиком Мокеем Ушаковым³⁷. С этого времени старцы-строители, священники с причтом и работники присылались в Мостицкий монастырь из Успенского Тихвинского и жили, «переменяясь погодно»³⁸.

Вопрос о землепользовании в поозерской вотчине нуждается в дальнейшем изучении. Предварительно можно отметить, что в последней четверти XVII в. бóльшая часть пашни и сенных покосов отдавалась на оброк. По данным описи монастыря 1676 г. за оброчниками было закреплено покосов на 360 копен, а на монастырь скашивалось 140 и высевалась рожь. В вотчине проживало три бобыля. Они имели от монастыря участки пашенной земли и покосы, а также брали покосы на оброк³⁹.

Кроме вотчинных деревень в Поозерье у Мостицкого монастыря имелись оброчные пожни. Согласно отписной книге 1535/36 г. монастырских и церковных пригородных пожен Великого Новгорода дьяка Фуника Курцова, дворцового дьяка Дмитрия Великого, конюха Бунда Быкасова и лавочного приказчика Ивана Иванова игумен Мостицкого монастыря Киприан с братией платили оброк с девяти пожен, а с одной — священник никольского храма монастыря Игнатий⁴⁰. Вопрос о правах монастыря на эти пожни возник в 1682/83 г. в связи

³² См.: 1581/82 г. — Дозорная книга Зарусской и Залесской половин Шелонской пятины Леонтия Аксакова и подьячего Алексея Малахова. Извлечение опубли.: Ильменское Поозерье... С. 82.

³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 7. № 165. Л. 2.

³⁴ Ильменское Поозерье... С. 139.

³⁵ 1647/48 г. — Переписные книги стрелецкого сотника Ивана Володимерова. Книги не сохранились, но упоминаются в актах, касающихся споров о земельных владениях и рыбных ловлях Мостицкого м-ря в 1670-х — 1680-х гг. См.: 1) Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. № 356. Л. 4–5; 2) 1678 г. ноября 30 — Выпись из решенного дела архимандриту Успенского Тихвинского м-ря Варсонофию с братией о подтверждении права на владение рыбными ловлями приписного Николаевского Мостицкого м-ря на реках Веряже, Малой Веряжке и впадающих в них ручьях, оспариваемого дворцовыми крестьянами сельца Яковлева Макаром Ивановым с товарищами // Там же. Колл. 172. Оп. 1. № 363. Л. 5; № 439. Л. 2; № 471. Л. 3–4.

³⁶ Отводные книги не сохранились, упоминаются: Там же. № 471. Л. 4.

³⁷ Отводные книги не сохранились, упоминаются: Там же. № 356. Л. 2; № 363. Л. 3; № 471. Л. 4.

³⁸ Там же. Колл. 2. Оп. 1. № 40. Л. 8.

³⁹ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 324. Л. 10 — 12 об.

⁴⁰ ПКНЗ. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 1999. С. 325: «Никольского монастыря с Мостицк пожни. Пожня Борок в Трясовском пути за Негощю, дватцать

с челобитной дворцового крестьянина Тихона Васильева о передаче ему на оброк одной из пожен, которыми, по словам тихвинских монастырских властей, до 1662/63 г. владели строители Мостицкого монастыря⁴¹. Вероятно, права на эти пожни не были своевременно подтверждены, так как указ о передаче их на оброк архимандриту Успенского Тихвинского монастыря Макарию с братией состоялся только в следующем 1683/84 г.⁴² В связи с указом стрелецкий голова Василий Козодавлев провел обыск с участием старожилов и досмотр пожен, который установил, что спорная пожня ранее Мостицкому монастырю не принадлежала. Его пожни, по словам старожилов, находились «в иных урочищах в разных местех за ручьем за Свинухом и за псковскою старою мостовою дорогою»⁴³.

Помимо пашни и пожен на правом берегу реки Веряжи монастырь владел также двумя «полянками» на левом берегу рядом с городскими выгонами для скота. Права монастыря на эти земли пытались оспорить ямские охотники Перфил Григорьев с товарищами, утверждавшие, что «полянки» относятся к этим выгонам. Досмотр по делу и оформление отводных и межевых книг провели в сентябре 1672 г. стрелецкий голова Василий Григорьевич и казачий голова Афтамон Филиппович Резановы⁴⁴. Старожилом и «знатцом» выступил старец Юрьева монастыря Иоиль (в миру — ямской охотник Яков Новиков), который присутствовал «в прошлых годах» при разводе и межевании этих земель Василием Михайловым сыном Аничковым, которые проводились в период запустения монастыря. В результате обыска В. Г. и А. Ф. Резановых права монастыря на земли на левом берегу Веряжи были подтверждены⁴⁵.

Важной статьей дохода Мостицкого монастыря были рыбные ловли на реках Веряже, Малой Веряжке и впадавших в них ручьях. Ловли располагались по обе стороны Веряжи от монастыря до сельца Яковлева на протяжении 10 верст, при этом монастырские земли вдоль берега занимали только три

куч. Пожня Александровская за Негошею у мосту, дватцать куч. Пожня же Федоровская за Негошею на зимнике, пятнатцать куч. Две пожни Посолком Подубнею, Островок да Черницына, полсорока куч. Пожня над Веряжею против хлевищ у ручья у Страдунна, сорок куч. Да пожня в Николском жару, дватцать куч. Пожня Потеребец за осеком, Квасница словет, семь куч. Пожня на Березне реке в Трясовском пути, десять куч. Пожня Алексеевская Иванова за Веряжею в Луском пути возле Кузовкиных пожною за Долгою Лозою, сорок куч. У Никольского же игумена оброку девять денег. И с тех девяти пожен у никольского у игумена у Киприяна з братьею оброку полчетверты гривны з денгою. Да того ж монастыря с Мостиш пожня Селифонтиевская. А положил на ту пожною три грамоты купчие никольской священник Игнатей деда своего Селифонта. И та пожня дана в оброк ему ж, оброку четыре денги».

⁴¹ Упоминается: Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. № 439. Л. 2.

⁴² Там же. Л. 3–4.

⁴³ Там же. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Колл. 2. Оп. 1. № 40. Л. 1–12 (список со скрепами В. Г. и А. Ф. Резановых); Колл. 115. Оп. 1. № 67. Л. 452–456 (копия с копии, XVIII в.); Выпись из книг, выданная 25 июня 1685 г. Колл. 172. Оп. 1. № 471 (подлинник).

⁴⁵ Там же. Колл. 172. Оп. 1. № 439. № 471. Л. 11 — 12 об.

версты⁴⁶. В писцовой книге 1497/98 и дозорной 1581/82 гг. ловли не упоминаются. Иван Володимиров, составляя в 1647/48 г. переписные книги⁴⁷, указал только рыбную ловлю на реке Веряже: «Да у того ж монастыря угодыя рыбная ловля на реке Веряже, а в реке Веряжке и в ручье в Легоще про рыбные ловли к тому монастырю ничево не написано»⁴⁸. Невозможно установить, какими приправочными материалами он пользовался, так как об этом не сказано в приведенной цитате из его книг, а в ранее указанных писцовых книгах, использовавшихся в делопроизводстве середины — второй половины XVII в., нет упоминаний о ловлях монастыря на Веряже.

История этих угодий монастыря излагается в документах второй половины XVII в. В 1587/88–1595/96 гг. ловли, назвав пустыми, брали на оброк «градские всяких чинов люди», но по указу царя Федора Иоанновича от 1595/96 г. их вернули монастырю⁴⁹. Ситуация во многом повторилась после Смуты. В 1651/52 г. по челобитной старцев и бельцов Мостицкого монастыря был прислан указ царя Алексея Михайловича о расследовании дела о ловлях, отдававшихся на оброк новгородцам и дворцовым крестьянам⁵⁰. Обыск, проведенный приказчиком дворцового села Ракома Андреем Скрипчевым, установил, что ловли не только на Веряже, но и на Малой Веряжке и ручьях принадлежали монастырю еще до «немецкого разоренья»⁵¹. На основании результатов обыска в 1652/53 г. ловли вернули в безоборочное владение старцу-строителю Мостицкого монастыря Сергию с братией⁵².

⁴⁶ Там же. № 365. Л. 1.

⁴⁷ Сведения о характере и объеме работ, проведенных Иваном Володимировым, нами пока не выявлены.

⁴⁸ Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. № 363. Л. 4.

⁴⁹ Там же. № 356. Л. 1–2.

⁵⁰ Там же. № 356. Л. 2; № 363. Л. 3; № 560. Л. 2: 1688 г. августа 16 — Выпись из решенного дела архимандриту Успенского Тихвинского м-ря Макарию с братией о подтверждении права на владение рыбными ловлями приписного Николаевского Мостицкого м-ря на реках Веряже, Малой Веряжке и впадающих в них ручьях, оспаривавшегося дворцовыми крестьянами присельных деревень села Ракома старостою Сенькой Фокиным с товарищами.

⁵¹ Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. № 356. Л. 6.

⁵² Там же. № 363. Л. 5. Упоминается помета дьяка Исаака Кудрина на судебном деле оброчника Никифора Федорова с монастырем о рыбных ловлях от 14 февраля 1653 г.: «И по помете на деле дьяка Исаака Кудрина 161-го февраля в 14 день по государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси грамоте, и по приказу боярина и воеводы князя Юрья Петровича Буйносова-Ростовского, и по обыском, и по переписным книгам сотника стрелецкого Ивана Володимирова в реке Веряже и Малой Веряжке и с ручьем Лягощею рыбными ловлями владеть Никольского Мостицкого монастыря строителю старцу Сергею, а оброчником Микифорку Федорову отказать и оброк сложить» (Там же. Колл. 115. Оп. 1. № 67. Л. 415 об. — 416 об.) (копия XVIII в. со списка): 1653 г. марта 3 — Отводные книги подьячего Савина Яковлева старцу строителю Николаевского Мостицкого монастыря Сергию на рыбные ловли на реках Веряже, Малой Веряжке и малых ручьях // Там же. Колл. 172. Оп. 1. № 192. Л. 1–2 (подлинник). 1653 г. марта — Выпись из отводных книг Савина Яковлева. В книгах и выписи описано местоположение ловель:

В 1663 г. вотчины и угодья монастыря были отведены Успенскому Тихвинскому монастырю в соответствии с отводными книгами 1653 г. подьячего Савина Яковлева⁵³. Но в 1674/75–1675/76 гг., во время работы в Поозерье писца Федора Нащокина и подьячего Михаила Колуженинова дворцовые крестьяне присельного к селу Ракома сельца Яковлева Макар Иванов с товарищами попытались оспорить права монастыря на эти угодья, утверждая, что Савин Яковлев отвел их «знатно по дружбе без сыску и бес старожилов», что в писцовых книгах нет упоминаний о принадлежности ловель монастырю⁵⁴, а они желают получить ловли на оброк к своей волостной приходской церкви «на строенье, и на свечи, и на ладон»⁵⁵. Писец Федор Нащокин в 1675/76 г. отдал рыбные ловли на Веряже и «прибылой воде» в половодье крестьянам сельца Яковлева с условием, что деньги сверх оброка пойдут на обустройство их храма⁵⁶. В свою очередь тихвинские старцы в челобитной 1678 г. также писали, что их монастырские рыбные ловли «дворцовым, и помещицким, и вотчинниковым землям ни в каких писцовых книгах не написаны»⁵⁷, а монастырь владел ловлями с 1662/63 по 1674/75 г., отдавал на оброк дворцовым крестьянам, а на вырученные деньги покупал всё необходимое и нанимал священника с причтом⁵⁸. При этом никто не оспаривал права монастыря на ловли до 1674/75 г. По указу от 1675/76 г. монастырю было предложено предоставить какие-либо документы на владение ловлями, «да буде есть, и по тем крепостям указ учинить»⁵⁹. У монастыря, вероятно, не нашлось никаких документов, но его положение не было исключительным случаем. Так в 1676/77 г. по челобитной новгородского митрополита Корнилия, архимандритов, игуменов и строителей новгородских монастырей Федору Нащокину был прислан указ, согласно которому следовало провести повальный обыск всех новгородских митрополичьих и монастырских угодий, на которые владельцы «крепостей не положат, а владеют с давних лет», на основе которого

«Отведено в вотчину Никольского Мостицкого монастыря строителю старцу Сергию реки Веряжа от софейские мельницы вниз по Егорьевские ворота, да Малая речка Веряжка от тое же софейские мельницы до пустоши Горок, да ручей Легоща от пустоши Ногощи до реке до Веряжи. А как бывает большая внешняя вода, и розливаюцца от реке Веряже и Малой Веряжки малые ручья по обе стороны, и тою рекою Веряжею, и Малой речкою Веряжкою, и ручьем Легощею, и малыми ручьями велено владеть Никольского Мостицкого монастыря строителю старцу Сергию всеми рыбными ловли безоборочно. См. также: Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. № 356. Л. 2; № 560. Л. 2.

⁵³ Там же. № 356. Л. 2; № 363. Л. 3; № 471. Л. 4.

⁵⁴ Там же. № 356. Л. 1. См. также: № 363. Л. 3.

⁵⁵ Там же. № 363. Л. 3.

⁵⁶ Там же. Л. 6–7.

⁵⁷ Там же. Л. 3.

⁵⁸ Там же. № 356. Л. 3; № 363. Л. 3.

⁵⁹ Там же. № 356. Л. 1.

установить и закрепить за собственниками их права⁶⁰. Новый указ от 19 июня 1678 г. предлагал писцам справиться в Новгородской приказной палате с подлинным делом 1652/53 г. о рыбных ловлях Мостицкого монастыря и принять решение в соответствии с имеющимися в нем документами⁶¹. Дело решили в пользу Успенского Тихвинского монастыря, а 30 ноября 1678 г. была получена выпись из него на владение ловлями⁶².

Затянувшийся процесс установления законного владельца рыбных ловель на реке Веряже — частный случай, который иллюстрирует непростые условия проведения письма и межевания земель Федором Нащокиным и подьячим Михаилом Колужениновым, и во многом объясняет продолжительность их работы, которая проводилась с 1673/74 по 1685 г.⁶³

В 1687/88 г. дворцовые крестьяне присельных деревень села Ракома вновь попытались оспорить права монастыря на рыбные ловли, приводя прежние аргументы об отсутствии у него «крепостей» и упоминаний об этих угодьях монастыря в писцовых книгах. И в этот раз, уже третий за вторую половину XVII в., после разбирательства права монастыря на рыбные ловли были подтверждены⁶⁴.

Помимо вотчины в Поозерье Мостицкий монастырь владел волосткой из 18 деревень на реке Редале в Перхурьеве конце Антоньевского Дымского погоста Нагорной половины Обонежской пятины Новгородского уезда. Данные о ней имеются в дозорных книгах 1582/83 г. Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина⁶⁵ и 1619/20 г. Мины Дмитриевича Лыкова и подьячего Якова Гневашева⁶⁶. Уже к 1582/83 г. деревни волостки запустели, а пашня в них поросла лесом. Ту же ситуацию показал и второй дозор. Итоги дозоров схожи — в пустошах поросло лесом 206 четвертей земли, сенных покосов насчитывалось на 635 копен. На основе имеющихся в нашем распоряжении источников невозможно установить, когда была получена эта волостка и насколько значимы были доходы с нее для хозяйства обители. В 1613/14 г. эта вотчина Мостицкого монастыря была пожалована царем Михаилом Федоровичем Успенскому Тихвинскому монастырю взамен полей и сенных покосов около обители, которые во время осады монастыря «немецкие и литовские

⁶⁰ Там же. Л. 7–8.

⁶¹ Там же. Л. 8.

⁶² Там же. № 363. Л. 1–8.

⁶³ Ильменское Поозерье... С. 7–9.

⁶⁴ Архив СПбИИ РАН. Колл. 172. Оп. 1. № 560. Л. 1–7.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 965. Л. 444 об. — 446. Оpubл. с сокращениями: ВОИДР. М., 1850. 06. II. Материалы. Писцовые новгородские книги 7090 и 7991 годов с предисловием И. Д. Беляева. С. 58.

⁶⁶ Извлечение из книги опубл.: Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О. А. Абеленцева. М.; СПб., 2015. (Сер.: Тихвинский архив). С. 145–146.

люди ископали рвами и осыпали землею»⁶⁷. Новгородский митрополит Кириан в 1627/28 г. попытался вернуть пустоши, так как вотчины запустевших новгородских монастырей относились к его юрисдикции, но пожалование было подтверждено царским указом от 23 июля 1628 г.⁶⁸, который запрещал митрополиту впредь претендовать на эти земли. Вероятно, в Великом Новгороде сочли возможным толковать данный запрет формально, и челобитные о пустошах стали подавать старцы-строители Мостицкого монастыря, а тихвинские власти несли судебные издержки и нелицеприятно характеризовали истцов: «И к той де церкви в розных годех приходят бродящие старцы бражники по человеку и по два, называюща строителями, и о тех де пустошах, которые по нашему указу даны к ним в Тихфин монастырь, нам, великому государю, бьют челом, и в том де им убытки и волокиты чинят большие»⁶⁹. Итогом тяжб стал указ от 11 марта 1663 г. о приписке Николаевского Мостицкого монастыря к Успенскому Тихвинскому.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Мы не располагаем данными о точном размере вотчин Николаевского Мостицкого монастыря в XV–XVI вв. из-за малочисленности сохранившихся материалов писцового дела за этот период. К концу XVI в. монастырь владел вотчиной в Поозерье и волосткой из 18 деревень в Антоньевском Дымском погосте Обонежской пятины, в которой размеры пашни в 20 раз превышали поозерскую вотчину. В документах XVII в. нет данных о каких-либо значительных изменениях в составе вотчин монастыря по сравнению с концом XVI в. В XVII в. Мостицкий монастырь как до приписки к Успенскому Тихвинскому, так и после сохранил за собой земли только в Поозерье. Кризисы последней четверти XVI — начала XVII в. стали причиной гибели правоустанавливающих документов на вотчины многих новгородских монастырей и привели к положению, когда в спорных случаях основным инструментом подтверждения прав на земли и угодья стал обыск с участием старожилов. Как уже было сказано, в 1676/77 г. такой порядок был официально установлен в отношении вотчин духовенства царским указом писцу Федору Нащокину и подьячему Михаилу Колуженинову, проводившим межевание. Это позволило Мостицкому монастырю подтвердить права на земли и угодья и произвести межевание с землями других собственников.

References

Abelentseva O. A. Gramoty na votchiny novgorodskikh monastyrei v sostave aktov Novgorodskoi kazennoi palaty // Monastyri i arkhieireiskie dvory v dokumentakh XVI–XVIII vekov (Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN. Вып. 1 (17)). SPb., 2015. S. 635–703.

Agrarnaya istoria Severo-Zapada Rossii. T. 1. L., 1961.

⁶⁷ Грамота не сохранилась, включена в жалованную грамоту царя Михаила Федоровича Успенскому Тихвинскому монастырю от 26 сентября 1621 г. См.: Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 57–58, 185, 195.

⁶⁸ Там же. С. 195–198.

⁶⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 7. № 165. Л. 2–3.

Antipov I. V., Bulkin V. A. Изучение двух памятников новгородской архитектуры XV века // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. С. 7–9.

Antipov I. V., Bulkin V. A. Nikol'skii Mostishchskii monastyr' // Sofiya. 2001. N 4. S. 23–25.

Antipov I. V., Bulkin V. A., Vasil'ev B. G., Salimov A. M. Novye issledovaniya pamyatnikov novgorodskoi arkhitsektury i monumental'noi zhivopisi XV veka // Ischezayushchaya krasota: problemy sokhraneniya tsennosti kul'tury v sovremennoi Rossii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. 17–19 maya 2002 goda, Velikii Novgorod. Velikii Novgorod, 2002. S. 17–24.

Il'menskoe Poozer'e i smezhnye territorii v kontse XV–XVII vv. / Podg. publ. I. Yu. Ankudinov. (Materialy po istorii Novgoroda i Novgorodskoi zemli. Vyp. 3). М., 2014.

Maikov V. V. Kniga pistsovaya po Novgorodu Velikomomu kontsa XVI v. SPb., 1911.

Materialy po istorii Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya. Vyp. 1. Akty i materialy pistsovogo dela. Ch. 1. 1560–1644 gg. / Sost. O. A. Abelentseva. М.; SPb., 2015. (Ser.: Tikhvinskii arkhiv).

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. М.; L., 1950.

Novgorodskie letopisi (Tak nazvannyya Novgorodskaya vtoraya i Novgorodskaya tret'ya letopisi). SPb., 1879.

Novgorodskie pistsovye knigi. SPb., 1886. T. 4.

Novgorodskie pistsovye knigi. SPb., 1905. T. 5.

Opis' Novgoroda 1617 g. / Pamyatniki otechestvennoi istorii. М., 1984. Vyp. 3. Ch. 1–2.

Petrova L. I., Ankudinov I. Yu., Popov V. A., Silaeva T. V. Topografiya prigorodnykh monastyrei Novgoroda Velikogo // Novgorodskii istoricheskii sbornik. SPb., 2000. Vyp. 8 (18). S. 95–157.

Pistsovye knigi Novgorodskoi zemli / Sost.: M. Yu. Zenchenko (otv. sost.), V. Yu. Belikov, G. A. Ivanova; pod red. I. Yu. Ankudinova, M. Yu. Zenchenko, A. A. Selina, A. A. Frolova. М., 2004. (Ser.: Katalog pistsovykh knig Russkogo gosudarstva. Dokumenty zemel'nogo kadastra i zemleustroistva XVI–XVII vv. RGADA. F. 1209. Pomestnyi prikaz. Vyp. 2).

Pistsovye knigi Novgorodskoi zemli. T. 1: Novgorodskie pistsovye knigi 1490-kh gg. i obrochnye knigi prigorodnykh pozhen Novgorodskogo dvortsa 1530-kh gg. / Sost. K. V. Baranov. М., 1999.

Pistsovye knigi Novgorodskoi zemli. T. 6: Pistsovye knigi Shelonskoi pyatiny XVI v. / Sost. K. V. Baranov. М., 2009.

PSRL. М.; L., 1949. T. 25. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka.

PSRL. SPb., 1889. T. 16. Letopisnyi sbornik, imenuemyi letopis'yu Avraamki.

Sekretar' L. A. K istorii trekh utrachennykh novgorodskikh monastyrei: Nikolaevskogo Mostishchskogo, Nikolaevskogo Verendovskogo, Spasskogo Verendovskogo // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Novgorod, 1996. Vyp. 10. S. 216–218.

Velikii Novgorod vo vtoroi polovine XVI veka. SPb., 2001.

Vremennik Obshchestva istorii i drevnosti rossiiskikh. М., 1850. Kn. 6. II. Materialy. Pistsovye novgorodskie knigi 7090 i 7991 godov s predisloviiem I. D. Belyaeva. S. 1–126.

Zverinskii V. V. Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh v Rossiiskoi imperii. SPb., 2005.

Список литературы

Абеленцева О. А. Грамоты на вотчины новгородских монастырей в составе актов Новгородской казенной палаты // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 1 (17)). СПб., 2015. С. 635–703.

Аграрная история Северо-Запада России. Т. 1. Л., 1961.

Антипов И. В., Булкин В. А. Изучение двух памятников новгородской архитектуры XV века // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. С. 7–9.

Антипов И. В., Булкин В. А. Никольский Мостицкий монастырь // София. 2001. № 4. С. 23–25.

Антипов И. В., Булкин В. А., Васильев Б. Г., Салимов А. М. Новые исследования памятников новгородской архитектуры и монументальной живописи XV века // Исчезающая красота: проблемы сохранения ценностей культуры в современной России: Материалы Всероссийской научной конференции. 17–19 мая 2002 года, Великий Новгород. Великий Новгород, 2002. С. 17–24.

Великий Новгород во второй половине XVI века. СПб., 2001.

Временник Общества истории и древностей российских. М., 1850. Kn. 6. II. Материалы. Писцовые новгородские книги 7090 и 7991 годов с predisloviiem И. Д. Беляева. С. 1–126.

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 2005.

- Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв. / Подг. публ. И. Ю. Анкудинов. (Материалы по истории Новгорода и Новгородской земли. Вып. 3). М., 2014.
- Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
- Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О. А. Абеленцева. М.; СПб., 2015. (Сер.: Тихвинский архив).
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Новгородские летописи (Так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879.
- Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. 4.
- Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. 5.
- Опись Новгорода 1617 г. / Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. Ч. 1–2.
- Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 95–157.
- Писцовые книги Новгородской земли / Сост.: М. Ю. Зенченко (отв. сост.), В. Ю. Беликов, Г. А. Иванова; под ред. И. Ю. Анкудинова, М. Ю. Зенченко, А. А. Селина, А. А. Фролова. М., 2004. (Сер.: Каталог писцовых книг Русского государства. Документы земельного кадастра и землеустройства XVI–XVII вв. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Вып. 2).
- Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 1999.
- Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6: Писцовые книги Шелонской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов. М., 2009.
- ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века.
- ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки.
- Секретарь Л. А. К истории трех утраченных новгородских монастырей: Николаевского Мостицкого, Николаевского Верендовского, Спасского Верендовского // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 216–218.

З. В. Дмитриева

Челобитные крестьян и посадских людей Новгородской земли о платежах и повинностях в 1610-е гг.¹

В России на протяжении длительного времени (с конца XV до середины XVII в.) главными объектами обложения оставались обрабатываемая крестьянами земля и доходы посадских людей, занятых ремеслом и торговлей. Население не только обеспечивало пополнение денежной казны, но и выполняло самые разнообразные государственные повинности. Номенклатура налогов претерпевала существенные изменения во время войн и экономической нестабильности в стране. Изучение налогообложения, как правило, базируется на материалах, исходящих от властных структур. Это прежде всего акты, материалы писцового дела, приходо-расходные книги, отписки о поступлении денежных платежей. Задача настоящей статьи — показать отношение населения к государеву тяглу и влияние крестьянской и посадской общин на организацию государственного обложения в экстремальной ситуации, сложившейся в России в 1610-е гг.

Гражданская война начала XVII в., которую современники называли Смутой, вовлекла в борьбу не только все слои русского общества, но и два соседних государства — Речь Посполитую (Польско-Литовское государство) и Швецию. С лета 1608 г. начался новый виток политической и социально-экономической дестабилизации в России: в июне под Москвой, в Тушине, объявился самозванец Лжедмитрий II, объявивший себя русским царем. В «воровской столице» находились иноземные наемники, казаки и русские служилые люди. Для

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00066.

наведения порядка в стране и борьбы с «тушинским вором» Василий Шуйский обратился за помощью к иностранным наемникам. Для этой цели в 1609 г. в Россию было приглашено 15-тысячное шведское войско во главе с Яковом (Якобом) Делагарди. Согласно договору, русская сторона отказывалась от притязаний на Ливонию, уступала Корелу и должна была заключить вечный мир со Швецией. Объединенное русско-шведское войско одержало ряд побед над тушинцами. Однако последующие события не позволили реализовать полученные военные успехи. Польский король Сигизмунд III, опасаясь усиления шведского влияния в Москве, разорвал ранее заключенное перемирие, и перешел к открытой интервенции. В сентябре 1609 г. польско-литовское войско осадило Смоленск, Сигизмунд III потребовал от тушинцев присоединиться к королевским войскам. В Тушинском лагере, раздираемом внутренними противоречиями и нехваткой продовольствия, в связи с приближением объединенного русско-шведского войска положение становилось критическим. Часть вооруженных отрядов, возглавляемых польскими авантюристами и казаками, выполнили приказ и соединились с королевскими войсками под Смоленском.

М. В. Скопин-Шуйский и Я. П. Делагарди двинулись к Москве и вошли в нее 12 марта 1610 г. Однако ситуация кардинально изменилась после неожиданной смерти (апрель 1610) талантливого воеводы М. В. Скопина-Шуйского. Русско-шведское войско 24 июня 1610 г. у села Клушино потерпело поражение, часть наемников перешли на сторону поляков. 17 июля в результате заговора в Москве был низложен Василий Шуйский. Оценивая это событие, С. Ф. Платонов писал, что свержение царя Василия было последним ударом государственному порядку².

Власть в Москве перешла к избранным боярам. Новое правительство, ориентированное на Речь Посполитую, 17 августа заключило договор с гетманом С. Жолкевским о призвании на московский престол польского королевича Владислава, что привело к конфликту со шведами. Я. П. Делагарди, опираясь на часть новгородской элиты, стал проводить политику в пользу Швеции и поставил вопрос об избрании на московский трон шведского королевича³. Шведские войска, отведенные к границе Карельского перешейка, осенью 1610 г. заняли приладожскую Карелию⁴, а в июле 1611 г. Я. П. Делагарди штурмом взял Великий Новгород: 16 июля шведы захватили Софийскую сторону, 17 июля вошли в Кремль⁵. Новгородское дворянство заключило договор со шведской военной властью, надеясь получить защиту мирных жителей города и всей Новгородской земли от грабежей и бесчинств отрядов «литовских людей» и казачьих

² Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 288.

³ Кобзарева Е. И. Шведский военачальник Я. П. Делагарди в России «смутного времени» // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 172.

⁴ Там же.

⁵ Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник. СПб.; Новгород, 1993. № 4 (14). С. 124.

станци⁶. По договору Новгород и Новгородская земля переходили под протекцию шведского короля Карла IX. После его смерти в октябре 1611 г. великим князем в Новгороде новгородские дворяне провозгласили шведского принца Карла Филиппа, младшего брата нового короля Швеции Густава Адольфа.

Управление огромной территорией (более 10 тыс. посадских и крестьянских дворов)⁷ было возложено на совместную шведско-русскую администрацию, которую возглавили военачальник Яков Пунтосович Делагарди и князь Иван Никитич Большой Одоевский. Одной из главных задач новой новгородской власти был сбор налогов и «корма» для шведского войска.

Шведское пребывание в Новгороде завершается после заключения Столбовского договора в 1617 г. Оставляя город, Я. П. Делагарди вывез приказной архив в шведскую Ливонию, а оттуда в Швецию⁸. Большая часть этого фонда (Новгородский оккупационный архив — *Oskupations arkivet från Novgorod*) хранится в Государственном архиве Швеции в Стокгольме. Часть актов Новгородской приказной избы в 1837–1844 гг. изъял и увез в Россию профессор Гельсинфорского университета С. В. Соловьев. Позднее эти материалы он передал в Императорскую Археографическую комиссию. В настоящее время коллекция С. В. Соловьева находится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН⁹. Сохранность этого значительного документального комплекса позволяет детально восстановить ход событий и рассмотреть социально-экономическую ситуацию, включая налогообложение Новгородской земли в «смутное время».

Научное описание Новгородского оккупационного архива (*Oskupationsarkivet från Novgorod*) было закончено в 2009 г. Элизабет Лёфстранд и Лайлой Нордквист при участии Адриана Селина и Анатолия Турилова¹⁰. Архив

⁶ Политический альянс или шведская оккупация Новгорода и новгородских пятин в 1611–1617 гг.? События «смутного времени» на территории северо-запада рассмотрены в ряде фундаментальных исследований последних двух десятилетий, в них же дана историография и оценка шведского пребывания в Новгороде. Подробно см.: *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005; *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 205–216, 693–695; *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале Смуты XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 43; *Козлов С. А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. СПб., 2011. С. 100–101.

⁷ По подсчетам Т. И. Осьминского, в новгородских пятинах в 1582–1585 гг. население составляло 11 321 чел. (Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины / Рук. авт. кол. и отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974. С. 291, табл. 227).

⁸ *Нордквист Л.* Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 284.

⁹ Архив СПбИИРАН. Колл. 124. Оп. 1.

¹⁰ *Löfstrand E., Nordquist L.* Accounts of the Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Ser. 1. Stockholm, 2005; Ser. 2. Stockholm, 2009. Первая часть каталога переведена на русский язык А. М. Галиновой при участии А. А. Селина и Г. А. Победимовой, см.: Новгородский оккупационный архив 1611–1617 гг.: Каталог. Сер. I. Новгород, 2008 (на лазерном диске).

разделен на две серии (описи) по видам возникновения документации в делопроизводстве новгородских приказов. В первую серию включены кодексы, написанные в тетрадах, как правило, в 4-ю долю листа, (книги дозорные, обыскные, отдельные, приходо-расходные, сбора денег, «винные и пивные», сбора судебных пошлин, кормовые, ужино-умолотные, «хлебной раздачи», «приимочные», раздачи поместий и др.). Всего в серии учтено 147 ед. хр.; многие дела представляют собой сборники, объединяющие ряд книг, связанных тематически, территориально или хронологически. Вторую серию (368 ед. хр.) составляют столбцы (свитки), которые включают от 3–4 до сотни документов, а длина таких свитков достигает нескольких метров. «В целом объем архива, — по данным Лайлы Нордквист, — оценивается примерно в 30 000 страниц, из которых почти 7000 в свитках»¹¹. Столбцы в делопроизводстве формировались, как правило, по территориальному и хронологическому принципу и включали самый разнообразный актовый материал (грамоты, отписки, памяти, челобитные, росписи и др.). Таким образом, можно говорить, что в Ockupations arkivet från Novgorod в настоящее время является одним из крупнейших собраний русских документов приказного делопроизводства XVII в., в том числе актов.

Исключительная для приказного делопроизводства «смутного времени» сохранность новгородских документов позволяет рассмотреть налоговую систему и ее особенности на «воеванных и разоренных» казаками, «литовскими и воровскими людьми» новгородских землях. В организации обложения шведско-русская администрация сохранила московскую поземельную (посошную) систему налогообложения¹² и основные виды и величину прямых налогов¹³. Вместе с тем значительно возросли экстраординарные платежи, повинности и сборы; их величина и периодичность зависела от потребностей шведской армии. Составление кадастров (дозорных и обыскных книг), определение периодичности проведения дозоров и обысков осуществлялись по инициативе и с участием крестьянской общины¹⁴.

¹¹ Нордквист Л. Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива. С. 287.

¹² Как единица государственного обложения большая московская соха была введена в 1550-х гг. и включала определенное количество пашенной земли в зависимости от ее качества и социальной принадлежности землевладельца. На поместных и вотчинных землях соха соответствовала 800 четвертям «доброй» земли, 1000 средней, 1200 худой; на монастырской соответственно 600–700–800; на черносошных — 500–600–700 четвертям (размер сохи указан в одном поле, а «в дву» предполагалось «по тому же»). Земельная четверть (четь) равнялась 0,5 десятины (Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 29). В челобитных как единицы обложения упоминаются выть и обжа. Они составляли часть сохи, как правило, включали 10–12 четвертей в одном поле.

¹³ Дмитриева З. В. Налоги и повинности крестьян новгородских пятин в «смутное время» (1611–1617) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Самара, 2015. С. 38–47.

¹⁴ Дмитриева З. В., Селин А. А. Klassificering av revisions böcker från Novgorod-området 1611–1615 — Классификация дозорных книг новгородских пятин 1611–1615 гг. // Novgorodiana Stockholmiensia — Стокгольмская Новгородика / Науч. ред. Э. Лёфстранд, Г. М. Коваленко. Stockholm, 2012. С. 79–81.

Представленные в настоящей публикации челобитные крестьян и посадских людей содержат полную информацию о масштабах экстраординарных сборов, а также отражают участие крестьянского мира в организации налогообложения¹⁵. Челобитные сохранились в составе второй серии Ockupations arkivet från Novgorod (далее — RA. NOA. Serie 2).

Вводимые в научный оборот акты носят частно-деловой характер и представляют собой прошения отдельных лиц или групп населения, направленные вышестоящим властям, как правило, о сокращении размеров разных видов платежей. Все они составлены по сложившемуся к началу XVII в. формуляру, в котором выделяются три части: заголовок — а) начальный протокол документа, где указан адресат, челобитье и адресант; б) основная часть, включавшая изложение обстоятельств дела и просьбы; в) конечный протокол¹⁶. Новгородские челобитные, как было принято в такого рода документации XVII в., не датированы, в них отсутствует рукоприкладство челобитчиков и имена переписчиков. Даты составления документов определяются на основе упоминания прошедших событий, а также указов и отписок новгородских властей, последовавших после челобитья. В Старой Руссе от имени посада, вероятно, писали площадные подьячие, а в сельской местности, скорее всего, грамотные крестьяне или церковные дьячки¹⁷.

Новгородские посадские люди и крестьяне адресовали свои челобитья шведскому королю Карлу IX и шведско-русскому правительству или же шведскому королевичу Карлу Филиппу, причем челобитные Карлу IX составлялись и в 1612 г., т.е. после его кончины и провозглашения королем в Швеции Густава Адольфа. Я. П. Делагарди, как пишет Е. И. Кобзарева, «тщательно скрывал» от новгородцев известие о смерти короля¹⁸, и вероятно, население с опозданием

¹⁵ Челобитные как исторический источник начинают использоваться в исторических исследованиях уже во второй половине XIX в. для изучения хозяйства крестьян, их психологии, культуры, а также повседневной жизни. Историографию см.: Крестьянские челобитные XVII в. Из собрания Государственного Исторического музея / Сост.: Н. В. Горбушина, Л. В. Данилова, Е. И. Индова, Е. И. Колычева и др. М., 1994. С. 3–10. В сборник включена 291 челобитная частновладельческих, церковных, монастырских и государственных крестьян с 1613 г. до конца XVII в. Акты «смутного времени», в том числе челобитные, опубликованы: *Томенцев И. О., Тутикова Н. А., Рыбалко Н. В.* Письма наемников, отписки, сыскные дела воевод, челобитные жителей Суздаля из русского архива Яна Сапеги // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 4: Ист. 2009. № 2 (16). С. 102–127. 12 челобитных разных групп населения из шведского архива издала Лайла Нордквист: *Нордквист Л.* Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива. С. 293–302.

¹⁶ *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. С. 22.

¹⁷ Как показало исследование дозорных и обыскных книг, крестьянская община не только участвовала в проведении описаний, но и ее представители фиксировали и удостоверяли (скрепляли) результаты дозора (обыска), причем писали на мирской бумаге, затем тетради передавались в Новгород (*Дмитриева З. В., Селин А. А.* Klassificering av revisions böcker från Novgorod-området 1611–1615. С. 79, 80).

¹⁸ *Кобзарева Е. И.* Шведский военачальник Я. П. Делагарди в России «смутного времени». С. 175.

было извещено об изменении состава лиц верховной власти. Чаще всего новгородцы обращались непосредственно к объединенному правительству («боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарди, боярину и воеводе Ивану Никитичю Большому Одоевскому»). Независимо от адресанта крестьяне и посадские люди именовали себя жителями «Новгородского» или «Новгородского и Московского государства».

В качестве адресанта, как правило, выступали старосты или выборные крестьяне «во всех достальных крестьян (сирот) место». Важно отметить, что в новгородских челобитных отсутствует, по определению С. С. Волкова, «формула вассальной зависимости» — «холоп твой»¹⁹. Челобитчики называли себя «воевыми», «разоренными» и «бедными сиротами», используя часто формулу «крестьянишка», «старостишко».

Челобитчики с разной степенью подробности описывали причины их обращения к властям: разорение деревень всякого рода вооруженными «воровскими людьми» и непосильные платежи и повинности, в том числе экстраординарные денежные и натуральные сборы для обеспечения шведской армии. Как видим, обязательство Я. П. Делгарди охранять Новгородскую землю от разбоя и грабежей выполнялось далеко не повсеместно и не всегда своевременно. Вскоре после союзного договора, уже в начале 1612 г. ряд районов вновь подверглись нападению, особенно пострадали погосты Шелонской пятины²⁰. 14 января крестьяне Коломенского погоста писали в Старую Руссу, что «во[ров]ские и литовские люди многих крестьян, и же[н], и детей посекали, а иных замучили, а иных в [по]лон поимали, а иные на лесу от мразу умерли, а ин[ые] безвесто розбежались»²¹, просили «не править» на них «люцкой и конской» корм «немецким людям» (челобитная № 3²²). По росписи, составленной после челобитья, в 24 деревнях погоста погибло 180 человек: 125 «иссекли», 20 «замучили», 29 «в полон взяли», 4 сожгли, 2 «на лесе озябли»²³. Власти Старой Руссы для рассмотрения просьбы челобитчиков послали отписку в Новгород дворцовому дьяку Пятому Григорьеву, приложив челобитную и роспись²⁴.

11 февраля 1612 г. «польские и литовские люди ратью» в Старой Руссе «святыя церкви осквернили, и в церквах Божии милосердие престолы ободрали, и иконы перекололи, святыя сосуды и Евангилья поимали, и книги изодрали, колоколы и свечи пограбили, двory з животы и с хлебом нынешним у нас сожгли, и людей многих мучили и огнем жгли, а иных до смерти побили и в полон поимали»²⁵ (челобитная № 4).

¹⁹ Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. С. 44.

²⁰ Рабинович Я. Н. Старая Русса в Смутное время. Великий Новгород, 2011. С. 18, 24–26.

²¹ RA. NOA. Serie 2:362. Ст. 42.

²² Здесь и далее указаны номера челобитных, опубликованные ниже.

²³ RA. NOA. Serie 2:362. Ст. 42–45.

²⁴ Там же. Ст. 45.

²⁵ Там же. Serie 2:359. Ст. 62.

Население разоряли также казачьи станицы и русские служилые люди, не поддержавшие политику Я. П. Делагарди. После взятия Новгорода шведами В. И. Бутурлин и Л. А. Вельяминов «воевали» новгородские земли, «отлучившись» от Московского государства²⁶. В феврале 1612 г. «воевода Василий Бутурлин да Левонтей Вельяминов с тотары и с казаки» «приходили» в волости Устрецкого стана, крестьян «из корму мучили». Когда же получили известие, что к Боровичам подошел Н. В. Вышеславцев «с ратными с неметцкими людми», то пошли назад и у многих крестьян «пограбили» лошадей и «платье» (челобитная № 6).

В 1612 г. были разорены жители Шелонской, Деревской, Бежецкой и других пятин (см. челобитные № 2–8). Несмотря на сокращение численности населения и запустение тяглых земель власти пытались собирать налоги в полном объеме и ставили должников «на правеж» (взыскивание долга, сопровождаемое насилием). Правила «в Великий мясоед» 1612 г. на крестьянах Околорусских Верхних погостов «с выти з жила и за побитых крестьян со всех по дозору Луки Милославского» «на осадных немецких людей всяких кормов и обиходов», а также с выти по 26 алтын 4 деньги, «обежный оброк» «с пустых пожен и с пустошей», да еще они должны возить дрова к варницам в Старой Руссе²⁷. Крестьяне Замошского стана Дретенского погоста писали, что после дозора Луки Милославского²⁸ «литовские и воровские люди» были у них, «высекли и выжгли, и животишка, лошаденка и коровенка, выгнали, и платышко помали, а хлебенко вытравили и вытолочили», а по указу из Новгорода «правят» на них «приказные люди всяково государева доходу, денежново и хлебново, противно иных погостов», т.е. как в других погостах (челобитная № 7). Возможно, по этой просьбе было проведено новое описание живущих дворов Дретенского погоста Филоном Аничковым (об этом есть запись на обороте челобитной).

Посадские люди Старой Руссы писали, что их «воеванных и разоренных» бьют насмерть на правеже «во весь день с утра до вечера» и взыскивать «немерным правежом» корм «людцкой и конской» немецким ратным людям, при этом перечисляют все виды продовольствия для шведской армии (рожь, овес, «ячный» солод, вино, мясо, рыба, соль, хмель). Старорушане должны были также выплатить более 139 рублей прямых налогов («оклад») да 100 рублей «королевского величества немецким ратным людям на жалованье, чтоб охотны были стояти за истинную православную крестьяньс[кую] веру», да еще недоплаты «на нынешней на сто двадесятой год кормовых денег пятидесят рублей» (челобитная № 4).

²⁶ Как пишет П. В. Седов, после захвата Новгорода шведами для В. И. Бутурлина «новгородская земля превратилась во вражескую территорию, и он разрешил своему отряду грабить имущество, чтобы оно не досталось неприятелю» (Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. С. 124).

²⁷ RA. NOA. Serie 2:358. Ст. 52. Документ ветхий, полностью его прочитать не удастся.

²⁸ Дозор погостов Старорусского уезда Лука Милославский «с товарищами» проводил в 1611/12 г. (Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 53). Перечень сохранившихся дозорных книг этого уезда см.: Там же. С. 125, 126.

Помимо денежных платежей и натуральных сборов («корма») служилым людям крестьяне выполняли различные повинности в пользу государства. Старорушане «город поставили, на городе острог поставили, и около города ров выкопали, и в городе в зимнюю пору дворы про ратных людей на стуже поставили», «на яму» ставят подводы «для государевых ратных людей, и посланников, и гонцов» (челобитная № 4).

Виды и объемы повинностей зависели и от места расположения погостов. Особенно страдали крестьяне, деревни которых находились на берегах озер, рек и вдоль больших дорог. Как писали в начале 1612 г. крестьяне новгородского владыки Холынского погоста, жившие «на большой дороге, от Новгорода пятнатцать верст», «всякие ратные немецкие и русские люди корм емлют люцкой и конской, скольке у нас чово найдут, и то все покормят», брали свиное мясо, масло, рыбу, хлеб, сено. Крестьяне также кормили ратных людей, «емлючи по дворам» (челобитная № 2). Челобитчики из Кострецкой волости весной 1612 г., обращаясь к властям, подробно перечислили все платежи и повинности: их «волостка перед иными волостями стала на дороги по обе стороны Мсты реки», где проходила «водяная дорога Мстою рекою и горние дороги Дубецкая, и Бильская, и Тихвинская», а «теми дорогами<...> казна ходит, и гонцы гоняют, и всякие воинские люди нимцы и казаки ходят», дворы их разорены: «лошаденца <...> розведены и хлеб прикормлен». Обязанности крестьян этой волости не ограничивались обслуживанием дорог, они еще поставляли «корм» и платили «денежный доход», величину которого власти не уменьшали после опустошительных «приходов» литовских людей. Крестьяне вынуждены были покупать продовольствие на содержание армии (челобитная № 5).

Обязанностью крестьянского мира была доставка собранных денег в Великий Новгород. Передача денежных сборов в новгородскую казну фиксировалась в официальной документации (книгах сбора денежных платежей, приходных книгах, памятях и отписках). При выполнении такого ответственного задания бывали и курьезные случаи. Так случилось с Феткой Микулиным, крестьянином одного из Заонежских погостов (челобитная № 1). В мае 1612 г. он привез в Новгород данные и оброчные деньги не только со своего Никольского Шуйского погоста, но и с трех Лопских погостов, общая сумма была значительной — более 320 рублей²⁹. Однако, возвращаясь домой водным путем, он «сумочку» с отписками уронил в Волхов, и найти ее в реке не смогли. Фетка написал властям «Московского и Навгородцкого государства» и просил выдать ему «новые отписи в волость с моего платежу по книгам и по записке моего платежу, с чем бы мне бедному в волости было показатца», так как вернуться домой «без отписей не уमितь». Решение властей было утешительное: «Дать другая отпись». Как видим, крестьянская община не только выбирала из своей

²⁹ Сумма сбора данных и оброчных денег, собранных с Никольского Шуйского погоста и трех Лопских погостов и переданная Федором Микулиным в казну, зафиксирована в приходной книге Обонежской пятины (RA. NOA. Serie 1:92. P. 87, 104).

среды ответственных за денежные сборы, но и полностью контролировала их поступление в государственную казну.

Просьбы тяглого населения не оставались без внимания властей. Сохранились указы и отписки властей о мерах, направленных на удовлетворение просьбы (часто частичной) челобитчиков (см. ниже № 10 — челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева старорусским воеводам о зачете крестьянам Рамышевского погоста платежей, уплачиваемых на перевозах через р. Ловать и уравнении их в платежах с крестьянами других Околорусских погостов). Решения об изменении размеров платежей и повинностей, проведении новых дозоров отмечались на оборотах челобитных.

Подводя итоги, еще раз отметим значение челобитных тяглого населения для изучения системы налогообложения в России XVII в. Хранящиеся в государственном архиве Швеции материалы новгородского приказного делопроизводства, в том числе документы, возникшие по инициативе крестьян и посадских людей, всесторонне отражают конкретно-историческую ситуацию, в которой оказалось население Новгородской земли во время шведской оккупации 1611–1617 гг. Челобитные содержат также сведения о всех экстраординарных налогах и повинностях, включая наиболее обременительные сборы («кормы») на содержание шведских и русских «ратных людей» и меры по их взысканию со стороны властей. Этот вид мирской документации раскрывает отношение общины к государеву тяглу и показывает стремление крестьян к сильному и равному для всех тяглецов налогообложению.

Челобитные³⁰

Челобитная № 1

1611 г. июня 20. — Челобитная крестьянина Никольского Шуйского погоста Федора Микулина новгородским воеводам Я. П. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому о выдаче утерянной отписи об уплате налогов.

Королевского величества Московского и Навгородского государства боярину большому и ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарди вольному господину в Екхолме, и в Колке, и в Рунсе да боярину и воеводе князю Ивану Микитичю Большому Одоевскому бьет челом дворцовой крестьянин Никольского погоста Шуйского Фетка Микулин.

Платил, государя, я здесь (в) Великом Новгороде в казну своего погоста данные и оброчные денги на нынешней на стодватцатой да с трех Лопских

³⁰ Тексты челобитных подготовлены к печати в соответствии с правилами издания русских документов XVII в. и сложившейся эдиционной практикой (Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990). Квадратные скобки отмечают утраченный текст, круглые — гаплографию (пропуск согласных при их удвоении). Выражаю благодарность Элизабет Лёфstrand, Лайле Нордквист и Адриану Селину за помощь в выявлении и подготовке челобитных.

погостов денги. И я, государи, из Новагорода поехал был домой. И на до мною, государи, грех учинился. В судне, на котором я поехал был судни домой июня во втором надесять числе, противу Спаского Фунтынского³¹ монастыря сельца на Волхове сумочка моя с того судна упала в Волхово и с теми моими отписми, которые по мне подаваны были в тех денгах отписи, и з моею покупчиной. И той, государи, сумочки найти в Волхове не могли. А мне, государи, бедному (в) волость приехать без отписей не уमितь, вконец погиб!

Покажите, государя, милость, великие бояря Яков Пунтосович и князь Иван Микитич, пожалуйте меня сироту бедного, велите, государи, мне дать новые отписи в волость с моего платежу по книгам и по записке моего платежу, с чем бы мне бедному в волости было показатца. А то, государи, судно, на котором я поехал из Новагорода, пошло с товаром в Колывань.

Чтоб я, бедная сирота, досталь вконец не погиб.

Государи бояря, смилуйтесь.

На обороте другим почерком: Дать другая отпись.

RA. NOA. Serie 2:159. Cct. 3, 3 об. Подлинник.

Челобитная № 2

1611/12 г. после декабря 25. — Челобитная Дорофея Иванова и крестьян Холынского погоста Деревской пятины новгородским воеводам о поверстании их с крестьянами погостов, приписанных к Бронницам, в уже уплаченный ими корм служилым людям.

Московского и Ноугороцкого государства бояром бьют челом софейские вотчины крестьянишка Холынского погоста Дорофейко Иванов и во всех крестьянишок место.

В нынешнем, государи, во сто двадесятом году бил, государи, на нас челом Герасим Муравьев в кормех в счете, как шол Микита Вышеславцов с немецкими людьми. А мы, государи, и сами софейские крестьянишка жывем на большой дороге, от Новагорода пятнатцать верст. И у нас, государи, всякие ратные немецкие и русские люди корм емлют люцкой и конской, скольке у нас чово найдут, и то все покормят. Ноября, государь, в 4 день приезжали к нам из Великого Новагорода немецкие люди и у нас сирот взяли сто сорок копен сена волоковых. Да два³² другие приезжали в трех судех тритцать человек. И у нас, государи, взяли корму десеть сигов, да полтора борова свиного мяса, да двенатцать хлебов больших, да берестен масла с ведро, да десеть куров. Да перед Рожеством Христовым ехали тотарове из Новагорода тритцать человек в полки и взяли корму три чети овса да воз сена. И same же тритцати человек корми-

³¹ Так в ркп.

³² В ркп в выносная.

ли, емлючи по дворам. И нам, государи, волостные люди, которые приписаны к Бройнице погосты, в тех кормех с нами не верстаютца. А мы, государи, им в те поры на Бройничю во всякие кормы тянули.

Покажите, государи, милость, бояре, пожалуйте нас, велите, государи, на сей челобитной потписати к счетчику к подьячему Томилу Родионову на Бройницкой погост, чтоб нас с волостными людьми в том нашем корму счол и поверстал, что у нас поимали, дорогой идучи, немецкие и русские ратные люди.

Государи бояре³³, пожалйте!

На обороте другим почерком: Дати память, велети счесть.

RA. NOA. Serie 2:73. Ст. 25. Подлинник. Нижний край разорван.

Челобитная № 3

1612 г. января 14³⁴. — Челобитная старосты Дениса Васильева и всех крестьян Коломенского погоста Старорусского уезда шведскому королю Карлу IX и новгородским воеводам Я. П. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому о не взимании корма немецким ратным людям в связи с разорением погоста «воровскими людьми».

Велеможного и высокорожденного князя и государя, государя Карла короля Девятого Свицкого, Годцкого, Вендейского и иных многих и его королевского величества Московского и Новгородского государьства боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарде вольному господину³⁵ в Еколме, в Колке, и в Рунсие да боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Одоевскому бьет челом и плачетца Старорусского уезда Коломенского погоста старостишко Денеска Васильев и во всех бедных воеванных достальных крестьяниш[ка], много³⁶ мученых и зяблых от литовских и от воровских людей.

В нынешнем, государи, во 120-м году, генваря в 11 день по наказу воеводе Герасима Арсеньевича Муравьева да дьяка Томила Сергиева приезжал в наш Коломенский по[гос]т подьячей Ждан Рябинин да розсылщик Михайла Лизу[нов]. А велено доправить корм ратным немецким люд[ем] всякой люцкой и конской. А в нашем, государи, погосте в нын[еш]нем же во сто двадцатом году по грехом нашим во[ров]ские и литовские люди многих крестьян, и же[н], и детей посекли, а иных замучили, а иных в [по]лон поимали, а иные на лесу от мразу умерли, а ин[ые] безвесто розбежались. И в Коломенском погосте нет крестьян нисколько. И подьячей Ждан и розсылщик Михайла крестьян

³³ В ркп над строкой.

³⁴ Точная дата подачи челобитной указана в челобитной (отписке) старорусских властей, воеводы Г. А. Муравьева и дьяка Т. Сергеева, в Новгород дьяку Дворцового приказа Пяттому Григорьеву о разорении Коломенского погоста (RA. NOA. Serie 2:362. Ст. 46).

³⁵ Так в ркп.

³⁶ В ркп над строкой.

не сыскали, опрочи крылошан, никово. И нам, государи, тех коромов³⁷ взяти негде, весь погост пуст, по деревням крестьяне высечены безостатка.

Смилуйте[ся], государи, не велите тех коромов и денег править, чтоб достальным крестьянишкам будут, что зберетца, вконец не погинуть, и вперед Коломенский погост пуст не был.

Государи бояре и воеводы, смилуйтесь, государи, пожалуйте!

РА. NOA. Serie 2:362. Ст. 42. Подлинник. Правый край ветхий, незначительная часть текста утрачена. Текст восстановлен по формуляру.

Челобитная № 4

1612 г. после февраля 11. — Челобитная посадских людей Старой Руссы новгородским воеводам Я. П. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому с просьбой о сокращении платежей.

(ст. 62) Велеможного и высокорожденного князя и государя, г[осу]д[аря] Карла] короля Девятого Свийкого, Готцкого, Вендейского и иных [многих и его коро]левского величества Московского и Новгородского государь[ства] боярину и большому ратному воеводе Иякову Пунтосовичю Делегарде вольному господину в Ехколме, в Колке, и в Рунсе, боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьют челом и плачютца воеваные и разореные бедные сироты старорусской посадцкой старостишко Богданко Федоров и во всех старорусских посадцких достальных людишек место ис Старой Русе.

Нынешняго 120-го году февраля в 11 день по грехом учинилося. Приходили на нас, воеваных и на разореных достальных людишек, в Стару[ю Русу] враги и разорители истинные православные [хрис]тьяньские веры польские и литовские люди ратью. И в Старой Русе у нас святые церкви осквернили, и в церквах Божии милосердие престолы ободрали, и иконы перекололи, святые сосуды и Евангилья поимали, и книги изодрали, колоколы и свечи пограбили, двory з животы и с хлебом нынешним у нас сожгли, и людей многих мучили и огнем жгли, а иных до смерти побили и в полон поимали. А которые в острог утекли душею да телом, и на тех по наказной памяти воеводы Матфея Семеновича Большова Льова Микифор Коротаев немерн[ым] правежом правит королевского величества немецким ратным людем, которые стоят в Старой Русе на посаде и в остроге в досталь[ных] [...] ³⁸ дворишких корму на три месяцы людцкого и конь[ского] ста тритцати четверей чети с полуосминою ржи, ста шестидесят треи четвертей и треи четвериков солоду ячного, тритцати одного ведра и восьми кружек пудовых вина, пятидесят

³⁷ Так в ркп.

³⁸ В ркп далее утрачено 4–5 знаков.

треи пудков масла, пятисот пятидесят пудков и дву гривенок мяса, двусот сорока шести пудков пяти гривенок рыбы соленые, шестидесят чет[ы]рей пудков шести гривенов рыбы вялые, шестидесят дву пудков десяти гривенок соли, со[ро]ка семи пудков хмелю, шестидесят дву [бо]ранов с полубораном, семидесят трое куров с куром, пятидесят четырей четвертей овса, треи //(сст. 63)десят дву возов сена. И бьют нас, воеванных и разоренных бедных сирот достальных людишек, во весь день с утра до вечера, и бьют на правежи насмерть. Да на нас же на бедных сиротах правят на нынешней на сто двадесятой год по Лукину дозору Милославского старорусского с Русы с посаду окладу ста тритцати девяти рублей с четью, да королевского величества немецким ратным людем на жалованье, чтоб охотны были стояти за истинную православную крестьяньс[кую] веру, ста рублей, да недоплату на нынешней на сто двадесятой год кормовых денег пятидесят рублей. Да мы же, бедные сироты воеванные и разоренные достальные людишка, даем королевского величества немецким ратным людем, которые в Старой Русе на посаде и в остроге, и в Великой Новгород столовой людцкой и [скот]ской корм. А в кормы у нас разошло[сь] денег марта по седьмое число двесте сор[ок] пять рублей и дватцать три алтына пять дене[г]. Да и впредь по силе рады кормы платить, как нас бедных сирот изможсяжат. Да мы же, бедные сироты, заплатили на нынешней на сто двадесятой год кормовых денег сто дватцать рублей. Да мы же, бедные сироты, с Русы с посаду для ваших государевых ратных людей, и посланников, и гонцов на яму подводы ставим, и для польских и литовских людей на все дороги от Старой Русе верст за сто и больши подъезщиков в подъез[дах] посылаем на многих подводах многи[м]. И под стрельцов в посылки лошади на нас с посаду многижда имали и провели³⁹. Да мы же, //(сст. 64) бедные сироты, в Старой Русе город поставили, на городе острог поставили, и около города ров выкопали, и в городе в зимнюю пору двory про ратных людей на стуже поставили, да и ныне в остроге двory ратным людем ставим, и на посаде в Старой Русе, где стоят королевского в[ели]чества ратные немецкие люди в достальных наших дворишках. Острог своими головами все неотступно делаем, и на острог лес готовим, и дворовые хоромы, которые в острог годны, с своих дворишков даем. И мы, бедные сироты воеванные и [ра]зоренные людишка, от того и от литов[ских] и польских людей войны обнищали и и[сху]дали, а конечно погинули от великого правежу, что нам бедным сиротам королевского величества немецким ра[тным] людем, которые в Старой Русе в остро[ге] и на посаде, на три месяца корму людцково и коньского заплатит нечим и некому, потому что многия посадцкие люди побиты насмерть, а иных в полон литовские люди имали. А мы, достальные посадцкие люди, и топеря на остроге все сво[и]ми головами з женишками и з детьми с[тоим] неотступно и помираем гладом

³⁹ В ркп над строкой.

на [...] ⁴⁰. Смилосердуйтесь, государи бояре и [вое]ды, покажите милость, пожалуйте воеванных и разоренных бедных сирот дост[аль]ных людишей для нашей бедности, и [раз]оренья, и для острожных дел, и хоромн[ого] // (сст. 65) поставленья не велите нас, бедных сирот воеванных и разоренных достальных лю[ди]шек немногих, во всем в том уби[...] ⁴¹ правежи, и не велите на нас тех кор[мов], и окладу, и на жалованье немец[ким] ратным людям ста рублей и к[ормовых] ⁴² достальных пятидесять рублей править. В том велите льготить, чтоб мы, воева[ные] и разоренные бедные сироты, на пра[ве]жи на смерть убиты не были, и в остр[оге] з гладу не померли, и досталь в[ко]нец не погинули, и врознь не розбр[елись].

Государи, пощадите, смилуйтесь и пож[алуите].

На обороте сст. 62 другим почерком: Послать грамота, а велеть кормовых денег [...] ⁴³ рублей не править. А в доходах дать сроку, до куды кормы неметцким людям зберут. А корм собрать на 2 месеца, а третей месяц корму до указу не править. А в жалованье неметцким людям 100 рублей [з]аплатить, а треть корму тотчис прислать.

RA. NOA. Serie 2:359. Сст. 62–65. Подлинник. Правый край ветхий, часть текста не читается. Текст восстановлен по формуляру.

Челобитная № 5

[1612 г. после февраля 12] ⁴⁴. — Челобитная Пятого Никифорова и всех крестьян Кострецькой волости Бежецкой пятины шведскому королю Карлу IX, новгородским воеводам Я. П. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому о невозможности платить дополнительные 10 рублей с выти с перечислением ранее уплаченных налогов.

Велеможнаго и высококороченнаго князя и государя, государя Карла Девятого Свитцкого, Готцкого, Вендейскаго, Финскаго, Корильскаго, Лопскаго в Сиверной стране, Каенскаго и Естерскаго в Лифлянтах короля, его королевскаго величества королевича и Московскаго и Навгородцкого государства государю боярину и воеводе Якову Пунтосовичю Делегарде да боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Болшему Одоевскому бьет челом Устрецьких волостей из Меншия ис Кострицькие волостьки твои государевы сироты Пятка Микифоров и во всех достальных сирот место Кострицькие волостки.

⁴⁰ В ркп далее утрачено 4–5 знаков.

⁴¹ В ркп далее утрачено 5–6 знаков.

⁴² В ркп далее утрачено 6–7 знаков, восстановлено по вышеизложенному тексту.

⁴³ В ркп сумма утрачена, вероятно, следует читать 50.

⁴⁴ Челобитная подана после похода «литовских людей» на Устреку в феврале 1612 г. (Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 451).

В нынешнем, государи, во 120-м году присланы в Устрецкие волости Елизарей Фомич Карсаков, да Григорей Дементиевич Негановской, да подьячей Богдан Михайлов. А по наказу велено им в Устрецких волостех живущего и пустого нас сирот дозировать. А по дозору, государи, велено им доправить на нас на сиротах з живущего с выти по десяти рублев. И нам, государи, в том окладе поднятца немочно. Мы, сироты, от воровских и от литовских людей воеванные. Животишка, государи, наши разграблены, и хлеб прикормлен и приржен, и лошаденца розведены, и домишка, государи, наши у многих сирот выжжены, и многие люди побиты, а иные сироты безвистно розбрелися. А нам, государи, достальным сиротам отжитца было николи, потому што и послы войны казну к Москве на нас на сиротах правили и кормы многие мы, сироты, ставили во Тверь, и в Колязин монастырь, и в Сергиев монастырь, и в Торжек. И от того, государи, корму и от дальних провозов, и от насильства, откупаючи, вконец погинули. А в нынешнем, государи, во 120-м году королевского величества и по вашему, государи, указу уплачено у нас в Великий Новгород в королевскую казну дватцать рублев денег, да на Котлыван к воеводе Миките Васильевичю Вышеславцову казенных денег заплачено пятьдесят пять рублев, да сукон восм аршин. Да на Котлыван же, государи, к Миките Васильевичю по наказу заплачено у нас шесть рублев денег. Да мы же, сироты, немецким и всяким ратным людем в Боровичи и на Котлыван кормы возим. Да наше же, государи, Кострецкая волостка перед иными волостьми стала на дороги по обе стороны Мсты реки. Через нашу волостьку водяная дорога Мстою рекою и горние дороги Дубецкая, и Бильская, и Тихвинская. И теми, государи, дорогами казна ходит, и гонцы гоняют, и всякие воинские люди нимцы и казаки ходят. И лошаденца, государи, у нас у сирот розведены и хлеб прикормлен. И мы, сироты, и на дорогах живучи, сверх денежново доходу перед иными волостьми в подводах, и в корму, и от насильства вконец загнули. И нам, государи, в том денежном окладе с выти по десяти рублев окупитца ничим и поднятца немочно.

Милостивые государи бояре Яков Пунтосович и князь Иван Никитич, смилуйтеся, пожалуйте нас воеванных достальных сирот, штоб нам сиротам, как поднятца мочно, штоб мы, достальные сироты, в той казны, на правежи стоя, вконец не погинули, и участки б наши достальных сирот впусте не стали, и государевы б подати вперед не залегли, и детишка б наши, волочяся меж дворы, з гладу не померли.

Государи бояре, смилуйтеся, пожалуйте!

На обороте сст. 72 другим почерком: Выдать грамота, велеть взять по новому дозору.

RA. NOA. Serie 2:73. Сст. 72. Подлинник.

Челобитная № 6

[1612 г. после февраля 12]⁴⁵. — Челобитная Гаврилы Семенова и всех крестьян Устрецкой и Видимирской волостей Устрецкого стана шведскому королю Карлу IX, новгородским воеводам Я. П. Делагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому об установлении платежей «вмеру».

(сст. 69) Велеможному и высокорожденному князя и государя, государя, Карла Девятого Светцкого, Вендейского, Свенского, Корельского, Лопскаго в Северной стране, Каенского и Ястерского в Лифлянтах короля, его королевского величества королевича и Московского и Новгородского государьства государю боярину и воеводе Якову Пунтусовичю Делегарде в Екхолме, и в Колке, и в Рунсии да боярину же и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьет челом и плачетца Устрецкой волости сирота Гаврилко Семенов и во всех сирот место Устрецкого стану и Устрецкой и Ведомирской волости.

В нынешнем, государи, во 120-м году приходили, государи, на Устрецкой стан и в Устрецкую волость изгоном воевода Василей Буторлин да Левонтий Вельяминов с тотары и с казаки. И нас сирот из корму мучили насмерть. И мы, сироты, корм на них людцкой покупали. И нам, государи, стало, людцкой корм покупаючи, опрочно сена и овса, пятьдесят пять рублей. А как, государи, тот Василей Буторлин и Левонтий Вельяминов слышали, что воевода Никита Васильевич Вышеславцов с ратными с неметцкими людьми на ряд в Боровичи пришел, и тот Василей и Левонтий с Устрецкого стану со всеми ратными людьми, с тотары и с казаки, пошле назад. И, идутчи, на Устрецком стану и в Устрецкой волости платье и лошаде у многих пограбелли. И от того, государи, грабежю многие мы, сироты, оскудали. Да в нынешнем же, государи, во 120-м году по указу королевского величества приезжал на Устрецкой стан и в Устрецкую и в Ведомерскую волость воевода Никита Васильевич Вышеславцов с неметцкими с ратными людьми приводить нас сирот х крестному целованью. И стоял на Устрецком стану с неметцкими с ратными людьми десять дней, приводил окольных погостов дворян и детей боярских х крестному целованью. // (сст. 70) А корм, государи, людцкой и конской Никита Васильевич Вышеславцов и неметцкие ратные люди имали весь у нас сирот с Устрецкого стану и с Устрецкой и с Ведомерской волости. А дворяни и дети боярские воеводе Никити Васильевичю Вышеславцову и неметцким ратным людям лютцкого и конского корму не давали. И мы, сироты, людцкой корм: яловицы, и бораны, и куры, и масло, и соль, все покупали. И нам, государи, стало, покупаточи людцкой корм, опрочно хлебов, и конского корму сена и овса, девяносто пять рублей с четью. Да в нынешнем же, государи, во 120-м году по указу королевского величества прислан из полков от воеводы от Никиты Васильевича Вышеславцова на Устрецкой стан и в Устрецкую и в Ведомер-

⁴⁵ Челобитная составлена после прихода в Боровичи и разорения Устрецких волостей «литовскими людьми и казаками» (Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 451, 452).

скую волость сын боярской Василей Негоновской для людцких и конских кормов неметцким ратным людем. И доправил на нас сиротах людцких и конских кормов половину: сто дватцать пять чети ржи, пятьдесят колачей дву денежных, тритцать яловиц, тритцать боранов, тритцать куров, тритцать полоть свеного мяса, пять пуд соли, десять пуд масла, пять четий круп, пять четий толкна, десять ведер вена, сто дватцать пять четий солоду ячного, тритцать две чети без полчетверика хмелю; да конского корму сто пятьдесят четий овса, сто пятьдесят возов сена. А другой, государи, половины в людцком и в конском корму у Василья у Негоновского мы, сироты, стоим на правеже. А окупитца, государи, ничем, что от воровских и от летовских людей вывоены и вызжены, и достальные животишка казаки и тотарове выграбили. Да в нынешнем же, государи, во 120-м году по наказу королевского величье//сст. 71)ства приезжали из полков с Лепинского Котлывана от воеводы от Никиты Васильевича Вышеславцова дети боярские Иван Зиновьев да Роман Гордиев. И по наказу, государи, доправили на нас сиротах всяких денежных доходов на 120-й год с Устрецкого стану и с Устрецкой волости сто восьмьдесят два рубли восьмь алтын две денги, да с Ведомерские волости сорок сем рублев. Да с Устрецкого же стану и с Устрецкой и с Ведомерской волости доправили на нас сиротах неметцким ратным людем двести аршин сукон. Да в нынешнем же во 120-м году по наказу королевского величества приехали на Устрецкой стан и в Устрецкую и в Ведомирскую волость Елизарей Фомич Карсаков, да Григорей Дементиевич Негоновской, да подьячей Богдан Михайлов. А по наказу, государи, велено им в Устрецких волостех дозирати живущего. А дозрев, государи, велено им по своему дозору з живущих вытей доправити на нас сиротах всякие денежные доходы на нынешней на 120-й год с выти по десяти рублев. И которых, государи, волостей дозрели, и у Елизарья Фомича у Карсакова и у Григорья Дементиевича Негановского во всяких денежных доходах тех волостей крестьяне в том великом окладе стоят на правежи. А окупитца, государи, нечим, потому что от воров и от летовских людей вывоены и вызжены, и от казаков и от тотар, и достальные животишка пограблены.

Государи бояре, умилосердитесь, пожалуйте нас бедных сирот, положите на нас на бедных сирот для нашей бедности всякие денежные доходы вмеру, чтоб, государи, мы, бедные сироты, и вперед были тяглецы и с Устрецкого стану и изу Устрецкой и из Ведомерской волости от того великого окладу и от правежу не розбрелись, и Устрецкой бы стан и Устрецкая и Ведомерская волость от того впусе не стали, и мы б, бедные сироты, меж дворы не волоклися.

Государи, смилуйтиса, пожалуйте бедных сирот!

На обороте сст. 69 другим почерком: Дать грамота к Елизарью, велеть дозирать, а Парфенью дозору дела нет. И денги Елизарью збирать по дозору.

RANOА. Serie 2:73. Сст. 69–71. Подлинник.

Челобитная № 7

[1612 г. после июня 1]⁴⁶. — Челобитная Ивана Степанова, Федосея Михайлова и крестьян Замошского стана Дретенского погоста Старорусского уезда новгородским воеводам Я. П. Делаярди и кн. И. Н. Большому Одоевскому о новом описании (дозоре) тяглых земель, так как они не могут платить государственные налоги после разорения их деревень «литовскими и воровскими людьми».

Королевского величества Новгородского государства боярину большому и ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делаярде, боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьют челом и плачеца Старорусского уезда Спаской волости Дретунского погоста Замошского стану крестьянишка Иванко Степанов да Федосейко Михайлов и во всех крестьян место Замошского стану.

В прошлом, государи, во 120-м году в Филипов пост по вашему боярскому указу Лука Мирославской в нашем стану нас сирот дозирал. И по Лукину, государи, дозору Мирославского в нашем станишке в живущем было девять обож. И после Лукина дозору Мирославского литовские люди и воровские в нашем стану были с емью⁴⁷. И нас сирот розорили до основанья, высекли и выжгли, и животишка, лошаденка и коровенка, выгнали, и платышко помали, а хлебенко вытравили и вытолочили. И мы, государи, стали безовсево. А нынече, государи, правят на нас по вашему боярскому указу приказные люди всяково государева доходу, денежно и хлебно, противно иных погостов. Да нынече, государи, приехал к нам Лука Мирославской по вашему боярскому указу. А велено ему с нас с бедных оброк править с обжи по четыре рубли без трети. И нам бедным денег взять негде, продать нечево, людишка разоренные и грабленые, сами голодом помираем, от литовских и от воровских людей высечены и выжжены, розорены совсемь.

Государи великие бояря Яков Пунтосович, князь Иван Никитич, пожалуйте нас сирот, велите, государи, дать грамоту в Старую Русу ко князю Андрею Костентиновичю Шеховскому, да к Федору к Витовтову, да к Луке Мирославскому и велите, государи, нас сирот дозрит, дайте нам бедным свет видеть.

Смилуйтесь над нами, велите, государи, по вашему боярскому указу и по грамоте нам сиротам указ учинить, чтобы мы, бедные разоренные сироты, вконец не погибли и голодом не померли.

Государи, смилуйтесь!

На обороте ст. 135 другим почерком полустертая и зачеркнутая запись, читается конец фразы: Взять по Филонову дозору; далее тем же почерком: Велеть дозрить.

RA. NOA. Serie 2:349b. Ст. 135. Подлинник.

⁴⁶ Датировка установлена по упоминанию в челобитной адресатов: воеводы князя А. К. Шеховского и подьячего Ф. Витовтова. Первый был назначен воеводой в Старую Руссу в январе 1612 г., второй — летом 1612 г. (Рабинович Я. Н. Старая Русса в Смутное время. Новгород, 2011. С. 22).

⁴⁷ Так в ркп, возможно чтение семью.

Челобитная № 8

[1612 г. ранее 16 августа]⁴⁸. — Челобитная Федора Родионова и крестьян села Боброва Лядского погоста Шелонской пятины Старорусского уезда новгородским воеводам Я. П. Делаярди и кн. И. Н. Большому Одоевскому об уплате налогов и корма «вмеру» с перечислением всех взятых с них платежей.

Королевского величества и Новгородского государства боярину большому и ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делаярде и боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьет челом Лятцкого погоста села Боброва крестьянишко Фетко Родивонов и во всех крестьянишок место.

Прислан, государи, из Вьдова сын боярской Василей Ладыженской с стрельцами в наш в Ляцкой погост. А правит на нас по шти рублев с обжи и побивает на правежи до смерти. Да в наш же, государи, погост прислан ис Порхова от князя Ивана Мещерского дети боярские Казарин Туров с товарищи. А правит на нас немецким людям на корм за всякие обиходы с выти по полчетверта рубля по старым книгам з дватцати с пяти вытей. Да к нам же, государи, прислан из Новагорода сын боярской Василей Павшин да немчин Матфей Лавров. А правят, государи, на нас з городецкие кормы с пяти погостов дватцать сем рублев и четырнатцать алтын. Да на нас же, государи, велено взяти Матфею Муравьеву по наказу по три рубли с обжи. Да нынеча, государи, по вашему боярскому указу велено взяти с выти немецким людям на корм по двенатцати чети хлеба, да по два рубля денег, да по яловицы, да по борану, да по трое куров. И нам, государи, в тех во всех кормех оплатитца невозможно, помереть будет всем на правежи. А ныне, государи, мы отданы помещиком князю Микифору Мещерскому, да дьяку Ивану Тимофееву, да Ивану Крюкову. А погостишко, государи, наш стал пуст, от литовских и от воровских людей войны крестьянишка побиты и животы пограблены, и многие деревнишка пожжены, и женишка и детишка наши многие в полон поиманы. А мы, государи, скитаемся по печищам. А достальных нас, сирот крестьянишок, осталось несомного. А корму, государи, на нас на бедных правят в розные города не вмеру. И нам, государи, от тех немерных кормов не устояти и розбрестися розно, потому што оплатитца таких немерных кормов невозможно по многим городом. А преже, государи, сего наш Лятцкой погост всякие подати платили к Великому Новгороду.

Государи великие бояре Яков Пунтосович, князь Иван Никитич, покажите милость, пожалуйте, государи, нас бедных, не велите нас бедных на правежи до смерти побивать в немерных кормех. Велите, государи, на нас положити корм и всякие подати вмеру в один ряд и укажите, государи, нам корм и всякие государевы подати к одному городу платити, куды, государи, вы укажете. А до нового, государи, дозору не велите на нас своих государевых податей

⁴⁸ Установлено по дате указа от 16 августа 1612 г. новгородских воевод Я. П. Делаярди и И. Н. Большого Одоевского воеводе г. Гдова П. И. Елагину по рассмотрению челобитной крестьян с. Боброва (RA. NOA. Serie 2:356. Ст. 111).

и кормов правити, чтоб мы, бедные сироты, во многие города кормы платечи, розно не розбрелися и на правежи б, государи, до смерти забитым не быть.

Государи бояре, смилуйтесь, пожалуйте!

На обороте другим почерком: Платить так же, как Шелонские пятины погосты платили, и грамота дать платить по новому по Матвееву дозору Муравьева.

RA. NOA. Serie 2:356. Cст. 107. Подлинник.

Челобитная № 9

1612 г. октябрь. — Челобитная Михаила Перфирьева, Осипа Максимова и крестьян Рамышевского погоста Нижнего конца Шелонской пятины новгородским воеводам Я. П. Делагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому о поверстании повинностей и платежей («перевозов и кормов») с крестьянами других волостей.

Королевского величества Ноугороцкого государства бояром и воеводам Якову Пунтосовичю Делагарде да князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьют челом Старорусского уезда крестьянишка Рамышевские волости Нижнего конца Михалка Перфирьев из деревни с Новинки да Осипко Максимов и во всех достальных крестьянишек место.

Есть, государи, в нашей волостишки два перевозы на Ловоти реки. Ездят гонцы из Новагорода в Старую Русу для скорых⁴⁹ дел, а ис (С)тарой Русе ездят подъезды на те перевозы. А мы, государи, на тех перевозех стоим головами день и ночь, и подводы ставим и кормы своим волостишком сверх тех кормов, что мы даем в Русу ратным людем. И нам, государи, в те подводы и в кормы из ыных волостей не тянут. А сверх того ис (С)тарой Руси воевода⁵⁰ Матфий Семенович Большой Лвов доправил на нас на третей перевоз дватцать плотов больших.

Государи бояре и воеводы Яков Пунтосович, князь Иван Никитич, пожалуйте нас сирот, велите, государи, те наши кормы в дохот поставити в Старой Русе против ыных волостей, чтоб мы, горькие сироты, в том корму, и в перевози, и в подводах вконец не погибли.

Государи, смилуйтесь!

На обороте другим почерком полустертая запись, читается последняя запись: Зачесть в доходы.

RA. NOA. Serie 2:271. Cст. 18, 18 об. Подлинник.

⁴⁹ В ркп корых.

⁵⁰ В ркп вода.

Челобитная (отписка) № 10

1612 г. не ранее октября. — Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева старорусским воеводам кн. А. К. Шаховскому, С. Е. Отрепьеву и подъячому Федору Витовтову о зачете крестьянам Рамышевского погоста Нижнего конца их платежей, уплачиваемых на перевозах через Ловать, и уравнении их в платежах с крестьянами других Околорусских погостов.

(сст. 19) Господам князю Ондрею Костянтиновичю Смирнову Елизарьевичю, Федору Ивановичю Пятой Григорьев челом бьет.

В нынешнем во 121-м году октября в <...>⁵¹ били челом королевского величества и Ноугородцкого государства бояром и воеводам Якову Пунтосовичю Делегарде да князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому Старорусского уезда Рамышевские волости⁵² Нижнего конца з⁵³ деревни Новинки Михалка Перфирьев да Осипко Максимов и во всех крестьян место. А сказали: Есть-деи в их волости два перевозы на Ловоти реке, а ездят-деи через те перевозы гонцы из Новагорода в Старую Русу для скорых дел, а из Старой-деи Русе ездят в подьезды. И они-деи на тех перевозят стоят своими⁵⁴ головами день и ночь. И подводы-деи, кормы ставят сверх тех кормов, что дают в Русу ратным людям. И им-деи в те подводы, и в кормы, и в перевозы иных волостей не тянут. А сверх-деи того Матфей Лвов доправил на них третей перевоз дватцать плотов больших. И по приказу бояр и воевод Якова Пунто// (сст. 20) совича Делегарда да князя Ивана Никитича Большого Одоевского велено в тех перевозех, и в кормех, и в подводах Рамышевского погоста Нижнего конца крестьян со⁵⁵ Околорусскими погосты поверстать.

И вы б, господа, по боярскому приказу⁵⁶ Рамышевского погоста Нижнего конца крестьян в тех перевозех, и в кормех, и в подводах со всеми Околорусскими погосты поверстали против их живущих обеж повытно, чтоб того погоста крестьяне вперед о том бояром не били челом.

РА. NOA. Serie 2:271. Сст. 19, 20. Подлинник.

⁵¹ В ркп дата не указана, оставлено место.

⁵² В ркп исправлено из погоста.

⁵³ В ркп исправлено из союза и.

⁵⁴ В ркп над строкой.

⁵⁵ В ркп далее зачеркнуто всеми.

⁵⁶ В ркп над строкой по боярскому приказу.

Челобитная № 11

1615 г. мая 19. — Челобитная старосты Леонтия Дмитриева и крестьян села Королева Карлу Филиппу о поверстании их по вытню с крестьянами других волостей по новому дозору.

Пресветлейшему и высокороженному государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю бьет челом села Королева старостишко Левонтийко Дмитриев и во всех крестьян место.

По боярьскому указу и по памяти за приписью дьяка Пятого Григорьева Федор Григорьевич Бутурлин да подьячей Василей Заденьской дозирали в селе Королеве и по деревням крестьян побитых и мертвых, и безвестных крестьян, и охудалых и больных переписывали по именном, и живущих крестьян дозирали. А ныне на нас сиротах правят на розвосках, и на колодез, и на государеву десятинную пашню, и во всякие розвоски и страды по-прежнему сполна по Гостевым книгам Коковцова з десяти вытей без трети, и побивают нас на правежи за мертвых, и безвестных, и охудалых, и больных крестьян на достальных нас насмерть. А нам и (с) своих участков платити некому, обнищали, и своих участков ниhto у нас не почал орати.

Государь королевич и великий князь Карлус Филип Карлусович, пожалуй нас бедных достальных крестияшок, вели на нас сиротах колодезные, и розвозочные лошади, и государеву десятинную пашню пахати, и всякую страду делати по новому дозору. И нас сирот с ыными волостями вели, государь, розверьстати по вытню, чтоб мы и достальные крестьянишка вконец не погибли.

Государь, смилуйся и пожалуй!

Ниже другим почерком: 123-го мая в 19 день.

RA. NOA. Serie 2:72. Cst. 7. Подлинник.

References

Accounts of the occupied city. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. 2 vols. Stockholm, 2005; 2009.

Agrarnaja istorija Severo-Zapada Rossii XVI veka. Novgorodskie pjatiny / Ruk. avt. kol. i otv. red. A. L. Shapiro. L., 1974.

Dmitrieva Z. V. Nalogi i povinnosti krest'jan novgorodskih pjatin v «smutnoe vremja» (1611–1617) // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. 2014 god. Samara, 2015. S. 38–47.

Dmitrieva Z. V., Selin A. A. Klassificering av revisionsböcker från Novgorod-området 1611–1615 Klassifikacija dozornyh knig novgorodskih pjatin 1611–1615 gg. // *Novgorodiana Stockholmiensia – Stokgol'mskaja Novgorodika* / Nauch. red. Je. Lefstrand, G. M. Kovalenko. Stockholm, 2012. S. 65–72 (na shvedskom jazyke), 78–93 (na russkom jazyke).

Löfstrand E., Nordquist L. Accounts of the Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Serie 1. Stockholm, 2005; Serie 2. Stockholm, 2009.

Kobzareva E. I. Shvedskaja okkupacija Novgoroda v period Smuty XVII veka. M., 2005.

Kobzareva E. I. Shvedskij voenachal'nik Ja. P. Delagardi v Rossii «smutnogo vremeni» // *Novaja i novejsaja istorija*. 2006. N 3. S. 170–184.

Kozlov S. A. Russkie plennye Velikoj Severnoj vojny 1700–1721. SPb., 2011.

Kozlov S. A., Dmitrieva Z. V. Nalogi v Rossii do XIX v. Izd. 2-e. SPb., 2001.

Krest'janskije chelobitnye XVII v. Iz sobranija Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja / Sost.: N. V. Gorbushina, L. V. Danilova, E. I. Indova, E. I. Kolycheva i dr. M., 1994.

- Nordqvist L.* Neskol'ko chelobitnyh iz Novgorodskogo okkupacionnogo arhiva // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2015. N 2 (06). S. 285–303.
- Platonov S. F.* Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. M., 1995.
- Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR. M., 1990.
- Rabinovich Ja. N.* Staraja Russa v Smutnoe vremja. Istoricheskij ocherk. Velikij Novgorod, 2011.
- Sedov P. V.* Zahvat Novgoroda shvedami v 1611 g. // Novgorodskij istoricheskij sbornik. SPb.; Novgorod, 1993. N 4 (14). S. 116–127.
- Selin A. A.* Novgorodskoe obshhestvo v jepohu Smuty. SPb., 2008.
- Selin A. A., Dmitrieva Z. V.* Klassificering av revisionsböcker från Novgorod-området 1611–1615 // Novgorodiana Stockholmiensia / Eds. G. Kovalenko, E. Löfstrand. Iss. 19. Stockholm: Stockholms universitet, 2012. P. 64–71.
- Tjumencev I. O., Tupikova N. A., Rybalko N. V.* Pis'ma naemnikov, otpiski, sysknye dela voevod, chelobitnye zhitelej Suzdalja iz russkogo arhiva Jana Sapeci // Vestnik Volgogradskogo gos. universiteta. Ser. 4: Ist. 2009. N 2 (16). S. 102–127.
- Volkov S. S.* Leksika russkikh chelobitnyh XVII veka. L., 1974.
- Zamjatin G. A.* Rossija i Shvecija v nachale Smuty XVII veka. Ocherki politicheskoi i voennoj istorii / Sost. G. M. Kovalenko. SPb., 2008.

Список литературы

- Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины / Рук. авт. кол. и отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974.
- Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974.
- Дмитриева З. В.* Налоги и повинности крестьян новгородских пятин в «смутное время» (1611–1617) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Самара, 2015. С. 38–47.
- Дмитриева З. В., Селин А. А.* Klassificering av revisions böcker från Novgorod-området 1611–1615 — Классификация дозорных книг новгородских пятин 1611–1615 гг. // Novgorodiana Stockholmiensia — Стокгольмская Новгородика / Науч. ред. Э. Лефстранд, Г. М. Коваленко. Stockholm, 2012. С. 65–72 (на шведском языке), 78–93 (на русском языке).
- Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале Смуты XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008.
- Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.
- Кобзарева Е. И.* Шведский военачальник Я. П. Делагарди в России «смутного времени» // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 170–184.
- Козлов С. А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. СПб., 2011.
- Козлов С. А., Дмитриева З. В.* Налоги в России до XIX в. Изд. 2-е. СПб., 2001.
- Крестьянские челобитные XVII в. Из собрания Государственного Исторического музея / Сост.: Н. В. Горбушина, Л. В. Данилова, Е. И. Индова, Е. И. Колычева и др. М., 1994.
- Нордквист Л.* Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 285–303.
- Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995.
- Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.
- Рабинович Я. Н.* Старая Русса в Смутное время. Исторический очерк. Великий Новгород, 2011.
- Седов П. В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник. СПб.; Новгород, 1993. № 4 (14). С. 116–127.
- Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
- Тюменцев И. О., Тушикова Н. А., Рыбалко Н. В.* Письма наемников, отписки, сыскные дела воевод, челобитные жителей Суздаля из русского архива Яна Сапеги // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 4: Ист. 2009. № 2 (16). С. 102–127.
- Löfstrand E., Nordqvist L.* Accounts of the Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Serie 1. Stockholm, 2005; Serie 2. Stockholm, 2009.

Н. В. Соколова

Из истории боярского землевладения в Нижегородском уезде в 80-х гг. XVII в.

...за службу отца ево, царственные большие печати
и государственных великих посольских дел оберегателя,
ближнего боярина и намесника Новгородского...

Недолгое пребывание нижегородским землевладельцем боярина князя Алексея Васильевича Голицына (1665–1740) может быть отнесено к сюжетам, которым в историографии почти не уделено внимания. Так, С. В. Сироткин в публикации о заволжских монастырях упоминает о принадлежности Скоробогатовской пустыни Голицыным, не уточняя, впрочем, ни дат, ни имен («затем угодья переданы Голицыным, а позднее — Высокопетровскому московскому монастырю»)¹. К редким исключениям, на первый взгляд, относится исследование архим. Григория о московском Высоко-Петровском монастыре, в котором говорится о поступлении в его вотчину в апреле 1690 г. «описной князя Алексея Голицына вотчины в Нижегородском уезде — Скоробогатовской волости, а в ней село Скоробогатое, да село Соличное с 35 деревнями, с пустошьюми и со всеми угодьями». По мнению автора, ранее она «находилась некоторое время в непосредственном пользовании домового патриаршего монастыря Амвросиева-Дудина (нижегор. епар.)», а 14 апреля 1687 г. «причислена к дворцовым селам и в том же году дана князю Алексею Голицыну», у которого 6 октября 1690 г.

¹ Сироткин С. В. Заволжские монастыри Нижегородского края // Памятники христианской культуры Нижегородского края / Материалы научной конференции 29–30 марта 2001 года. Нижний Новгород, 2001. С. 35.

была «взята в Приказ Большого дворца»². Однако в единственном абзаце, посвященном нижегородским владениям монастыря, допущено сразу несколько ошибок.

Старший сын Василия Васильевича Голицына, родившийся во браке с Евдокией Ивановной Стрешневой, дочерью боярина Ивана Большого Федоровича Стрешнева, Алексей, будучи комнатным стольником царя Федора Алексеевича, 12 января 1682 г. поставил свою подпись под Соборным деянием об уничтожении местничества³. 22 октября 1686 г. А. В. Голицын пожалован боярским чином. В 1686–1689 гг. — вместе с отцом руководил рядом приказов (Иноземный, Пушкарский, Рейтарский, Посольский, Новгородский и др.)⁴. Вероятно, при этих назначениях руководствовались той же логикой, что и при определении воеводам «в товарищи» по родству или свойству. «Князь Голицын добился также, чтобы его сын был назначен его товарищем в приказах; это было новым знаком доверия к нему со стороны царевны», — пишет де ла Невилль о Голицыных в главе «Походы московитов в Крым с 1687 по 1689 годы»⁵. Надо полагать, для современников связь последних указов с предстоящим крымским походом и отсутствием Василия Васильевича в столице была очевидна. И вряд ли справедлив упрек, адресованный Алексею Голицыну А. С. Лавровым, — в отсутствии «своего политического лица», из-за чего-де он «не пользовался авторитетом в Думе». «Вся его предшествующая служебная карьера, — пишет исследователь, — была лишь отражением лавирования его отца между двумя придворными группировками: начавший службу комнатным стольником у царевича Петра Алексеевича, он служит затем “в комнате” у царя Федора Алексеевича, а непосредственно накануне пожалования в Думу мы вновь находим его среди комнатных стольников Петра»⁶. Как представляется, странно ожидать какой-то самостоятельной линии в Боярской думе от двадцатилетнего сына «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя». И придется тогда констатировать, что аналогично «лавиروвали», скажем, Б. А. и А. А. Голицыны, поскольку записи 7184, 7185 и 7194 гг.

² Григорий, архим. Высокопетровский монастырь в Москве // Русския достопамятности. Издание А. Мартынова. Т. 3. Ч. V. М., 1880. С. 42.

³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. М., 1828. С. 409.

⁴ The Russian Elite // The Seventeenth Century. 2 vols. Vol. 1. Marshall Poe, [Olga Kosheleva, Boris Morozov, Russ Martin]. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russians «Sovereign's Court» 1613–1713. Helsinki, 2004. С. 279, 285, 290, 295, 387; Лисейцев Д. В., Позожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 70, 135, 149, 164 и др.

⁵ Невилль де ла. Записки о Московии / Предисл., пер. с фр., коммент. А. С. Лаврова. М., 1996. С. 139.

⁶ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 92–93.

о «служебной карьере» их сына и внука Алексея Борисовича Голицына (1671–1713) абсолютно идентичны⁷. Основные перипетии жизни А. В. Голицына, — как до опалы в 1689 г., так и после, — были обусловлены не только тем положением, которое занимал его отец в период царствования Федора Алексеевича и регентства царевны Софьи Алексеевны, но и принадлежностью к роду Голицыных и, по праву рождения, к российской элите.

Рост административно-политического веса А. В. Голицына сопровождался увеличением его земельных владений. Важнейшим источником по истории его нижегородских вотчин являются впервые вводимые в научный оборот описные/отписные и отказные книги, возникшие в связи с изменениями владельческой принадлежности земель Скоробогатовской волости и села Соличное с деревнями во второй половине 80-х гг., а также официальные выписи с них, сделанные для Высоко-Петровского монастыря в разные годы⁸. Представляет интерес указная грамота на Балахну и Заузолскую волость воеводе Прокофию Юрьевичу Козинскому от 5 сентября 1690 г.⁹ В исследовании также использованы опубликованные актовые и делопроизводственные документы. Для ретроспективного картографирования вотчины привлекались материалы Генерального межевания из фондов РГАДА, в частности полевые записки и уездные планы Макарьевского у. Костромской губернии и Семёновского у. Нижегородской губернии, планы дач. Село Скоробогатое обнаружено также на карте 1729 г. «Territoires de Nijni Novgorod et de Balakhna» из собрания рукописных карт Жозеф-Николя Делиля в Национальной библиотеке Франции¹⁰.

В начале XVII в. на территориях, позднее вошедших в состав владений А. В. Голицына, из дворцовых и государственных «оброчных» земель сформировалось ядро заволжской вотчины нижегородского Амвросиева Дудина монастыря¹¹. В 70-х гг., когда монастырь стал патриаршим домовым, заволжская

⁷ Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853. С. 92.

⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8227, 8267.

⁹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8221.

¹⁰ Territoires de Nijni Novgorod et de Balakhna [par Ivan Solovtsov et Nikita Pouchkin]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550031344> (дата обращения 03.04.2016).

¹¹ Соколова Н. В. «...Что было истари уездом Городца пустого» (К истории монастырского землевладения в Нижегородском Заволжье в первой половине XVII в.) // Городецкие чтения. Вып. VIII: Материалы научно-практической конференции «VIII Городецкие чтения». Городец, 2015. С. 20–39.

часть его владений — Скоробогатовская волость и с. Соличное с деревнями — оказались изъяты из ведения монастырских властей и переданы под непосредственное управление патриаршего Дворцового приказа. Именно как патриаршие (и отдельно от вотчин Дудина монастыря) они фигурируют в переписных книгах князя Юрия Михайловича Сонцова-Засекина и подьячего Михаила Спасеньева 1678 г.¹² Таковыми они оставались до апреля 1687 г., когда по челобитью патриарха Иоакима было «взято <...> в дворцовые села из домовых ево вотчин в Нижегородском уезде Скоробогатовская волость да село Соличное з деревнями и с крестьянскими и з бобыльскими дворами и с пашнею и с лесы и с санными покосы и со всеми угоды по писцовым и по переписным книгам. А вместо того в патриарши домовые вотчины приписано в Володимирском уезде Юрьевские приписи в Боголюбовском да в Полском да в Кривцове станах Боголюбов и Кузмин монастыри с вотчинами и с крестьяны и з бобыли и со всеми угоды»¹³.

Однако дворцовыми эти земли оставались недолго, так как вскоре были пожалованы «в вотчину» князю Алексею Васильевичу Голицыну «за службу отца ево, царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя, ближнего боярина и наместника Новгородского князя Василия Васильевича Голицына»¹⁴. В указной грамоте на Балахну и в Зауольскую волость от 5 сентября 1690 г. это событие датировано 1686/1687 г. («И в прошлом же во 195-м году та Скоробогатовская волость и село Соличное и з деревнями и со всеми угоды отдано было в вотчину князю Алексею Голицыну»)¹⁵. В выписи, которая была сделана для Высоко-Петровского монастыря в Поместном приказе в 1691/1692 г., приведена конкретная дата, 14 июня 1687 г.: «И в прошлом во 195-м году июня в 14 день та Скоробогатовская волость и село Соличное со крестьяны и со всеми угоды отдана в вотчину князь Алексею Голицыну»¹⁶. В опись документов из архива Голицыных, составленную после их опалы, была включена жалованная грамота на эту вотчину: «197 году, октября 9-го дня, Нижегородского уезду на Скоробогатую волость. Печать малая красного воску. Печатана на бумаге»¹⁷. Таким образом, «отказ» вотчины А. В. Голицыну с составлением также упомянутых в выписи 1691/1692 г. отказных книг «Приказу Большого дворца подьячего Андрея Постникова» должен был состояться в период между 14 июня 1687 и 9 октября 1688 г.¹⁸

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7529. Л. 358 — 362 об.

¹³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8221. Л. 1.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 7582. Л. 243 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8221. Л. 1–2.

¹⁶ Там же. Д. 8227. Л. 50–51. Документ имеет скрепу по клейкам дьяка Семена Васильева и помету-автограф на последнем листе «Писал Васка Софонов».

¹⁷ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археографической комиссии. Т. 4. СПб., 1893. Стб 224.

¹⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8227. Л. 51.

Список с «отказных книг» Андрея Посникова был выявлен в фонде Поместного приказа РГАДА, в составе конволюта, состоящего из нижегородских отказных книг разным владельцам. Рукопись имеет на боковом поле две дьяческие скрепы — «Ди|ок Се|мен Ва|си|ль|ев» и «Ди|ок Арте|мон Ти|мо|фе|ев», а на нижнем поле — запись «Справил Ивашко Олферьев» (в нескольких вариантах полистного деления)¹⁹. Пометы на верхнем поле первого листа свидетельствуют, что 21 октября 1688 г. отказные книги были присланы из Приказа Большого двorca в Поместный приказ, где 18 декабря того же года «записаны в книги», т.е. список был сделан и отправлен в Поместный приказ вскоре после выдачи жалованной грамоты на вотчину²⁰.

Согласно преамбуле, 5 июня 1688 г. подьячий Приказа Большого двorca Андрей Посников²¹ был послан по царскому указу и по наказу того же дьяка Артемона Тимофеева в «Нижегородского уезду их великих государей в дворцовую Скоробогатовскую волость», которую надлежало сначала описать, а затем «со крестьяны и с пашнею и с лесы и со всеми угоды дать в вотчину» князю А. В. Голицыну. В соответствии с принятой процедурой на отказе присутствовали жители соседних владений, в данном случае — крестьяне дворцовой волости: «А на отказе были Балахонского уезду великих государей дворцовой Городецкой волости розных деревень крестьяне...» В списке описаны рукоприкладства, имевшиеся на подлинных книгах — самого отказчика и священника, скрепившего документ за всех перечисленных в нем дворцовых крестьян: «К подлинным отказным книгам руки приложили. Приказу Большого двorca подьячей Андрей Посников. Вместо Городецкой волости крестьян Городецкой ж волости села Брилякова церкви преподобного отца Макария поп Андрей»²².

Источник позволяет составить представление о размерах пожалованной молодому царедворцу вотчины: «Отказано боярину князю Алексею Васильевичу Голицыну Скоробогатовская волость да село Соличное. А в них два двора поповых, два двора дьячковых, двор просвирницы, всего церковных причетников пять дворов. Да к той же Скоробогатовской волости и к селу Соличному сорок пять деревень и починков живущих»²³. По подсчетам составителя отказной книги, «в той волости и в селе и в деревнях и в починках двести девяносто девять дворов крестьянских, восемь дворов вдовьих, две-

¹⁹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник / Отв. сост. Г. А. Иванова. М., 2011. С. 30, 105, 556. Копии ряда нижегородских отказных книг, включая данные, опровергают тезис Ю. А. Тихонова о том, что «списки с книг скреп и рукоприкладств не имеют» (Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России (феодалная рента в XVII — начале XVIII в.). М., 1974. С. 54).

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 7582. Л. 176, 243.

²¹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века. С. 449.

²² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 7582. Л. 242а — 285 об.

²³ Там же. Л. 283 об. — 284 об.

натцеть дворов бобыльских. Всего триста девятнадцать дворов»²⁴. Таким образом, к лету 1688 г. наблюдается полное восстановление Скоробогатовской волости и с. Соличного с деревнями после демографической катастрофы, связанной с моровым поветрием, в том числе и по такому показателю, как «дворность» сельских поселений. Если по переписным книгам кн. И. Ф. Шаховского и подьячего Прокофия Симонова 1646 г. здесь насчитывалось 285 дворов, в которых проживало 584 душ мужского пола, то в переписных книгах кн. Ю. М. Сонцова-Засекина и подьячего Михаила Спасеньева 1678 г. было зафиксировано сокращение численности населения, которое «вымерло з женами з детми в моровое поветрие, а иные бежали от хлебного недороду» (237 дворов и 448 д. м. п.)²⁵. На момент отказа А. В. Голицыну в 319 дворах проживало 1147 д. м. п. Средняя населенность двора за десятилетие с переписи 1678 г. увеличилась почти в два раза и составляла примерно 3,6 д. м. п. В крестьянских дворах живут не только двух- и трехпоколенные семьи — отцовские и братские, но и люди, не приходящиеся дворохозяину кровными родственниками, в частности пасынки, зятья, два шурина, один «приимыш», 15 захребетников с 7 детьми м. п., 5 человек «соседей» и «подсоседников», у которых еще 7 детей м. п.

Отметим, что в упомянутой выше выписи 1691/1692 г., со ссылкой на результат запроса в Приказ Большого дворца, приведены аналогичные данные («село Скоробогатое да село Соличное, а к ним сорок пять деревень и починок, а в них триста девятнадцать дворов крестьянских и бобыльских»)²⁶. Таким образом, количество сельских поселений в вотчине в 1688 г. — по двум независимым источникам, восходящим к подлиннику отказных книг, — почти вдвое превышает цифру, которой применительно к концу XVII в. (без ссылок на источник) оперирует нижегородский исследователь А. А. Давыдова: «Всего 22 маленьких поселения, затерянных среди лесов». «Большинство их, — пишет она далее, — было расположено по берегам реки Узолы. Процесс освоения лесных пространств шел очень медленно, поэтому границы этого нижегородского «анклава» были стабильными»²⁷. Ретроспективное картографирование позволяет идентифицировать в качестве «голицинских» владений земли дач № 48 и 79 Макарьевского у. Костромской губернии, которые не имели общей границы. Другая (меньшая) часть вотчины, располагавшаяся на левом берегу Узолы и в «стрелище» рек Узола и Хохлома, на момент Генерального межевания

²⁴ Там же.

²⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8136. Л. 76 об.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7529. Л. 358 — 362 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8227. Л. 51.

²⁷ Давыдова А. А. Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI — XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2005. С. 155–156. Главы диссертации опубликованы автором в электронном периодическом издании «Открытый текст». URL: <http://www.opentextnn.ru/history/rushist/dorevigu/gubnn/admter/?id=1284> (дата обращения 03.04.2016).

относилась к Хохломской волости Семеновского у. Нижегородской губернии²⁸. По сравнению со временем писцового описания 1620-х гг., к которому апеллирует А. А. Давыдова, ко второй половине 80-х гг. структура расселения весьма существенно изменилась. Не только починки, но и немалое число деревень стоит на притоках Узолы, а кое-где расселение вышло уже за рамки «прибрежного» типа. Починки составляли около 10% всей номенклатуры поселений вотчины, и их доля в 1670–1680-х гг. неуклонно сокращалась.

В отсутствие межевых документов утверждение А. А. Давыдовой о «стабильных» границах нельзя расценить иначе как чисто декларативное. Для рассматриваемой территории справедливо наблюдение Ю. В. Готье о «первоначальных границах», которые «вследствие редкости населения, должны были быть неясными, едва, может быть, намеченными среди обширных лесных пространств и пустырей, отделявших один вновь возникающий сельский округ от другого»²⁹. В результате сельского расселения к 80-м гг. XVII в. пашенные земли и другие угодья соседних волостей уже пришли в непосредственное соприкосновение. В этой связи показательны как присутствие на отказе А. В. Голицыну крестьян соседней Городецкой дворцовой волости (Балахнинского у.), призванное зафиксировать некие условные «границы» царского пожалования (межевание не проводилось), так и то обстоятельство, что в 1689/1690 г. крестьяне Скоробогатовской волости обвиняют в завладении их землями другую дворцовую волость, Заборовскую, а в 1690 г. проводившие отказ бывшей голицынской вотчины близкому к Нарышкиным Высоко-Петровскому монастырю Я. В. Безделкин и нижегородский подьячий Иван Васильев «для сторонних людей старост и целовальников и крестьян ездили <...> дважды», но в итоге вынуждены были отправить отказные книги в Москву без необходимых рукоприкладств, сообщая в доезде, в частности: «А к той Скоробогатовской волости смежно Юрьевского уезду Поволского дворцовая Городецкая волость, и тое волости Сытного дворца стряпчей Андрей Зимин для отказа старост и целовальников и крестьян не дал же»³⁰.

В отказной книге Андрея Посникова зафиксированы сведения о площади пашни и размерах сенокосных угодий в вотчине А. В. Голицына («пашни паханные и перелогом и лесом поросло пятьсот девять четвертей в поле, а в дву потому ж», «сенных покосов в полях и на пустошах триста девяносто копен»)³¹. Однако те же самые цифры содержатся в книгах (списках) раздач дворцовых зе-

²⁸ РГАДА. Ф. 1315. Оп. 1. Ч. 4. Д. 11274; Ф. 1321. Оп. 1. Д. 2529; Ф. 1354. Оп. 190. Ч. 1. (777) Д. С-4 (красное), С-29 (красное); Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1677, 1685–1689, 2600, 2788 и др.

²⁹ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 192.

³⁰ Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. Т. 4. Стб 515–520 // РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8267. Речь идет о другой части ранее единой Городецкой дворцовой волости, относившейся к уезду Юрьева Поволжского, а не Балахны.

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 7582. Л. 284.

мель, один из вариантов которых был опубликован еще в 1858 г. как «Ведомость о роздачных селах и деревнях из дворцовых волостей с 190 году», — в записи под 1689/1690 г., в связи с пожалованием Скоробогатовской волости Высоко-Петровскому монастырю³². Причем сам отказ дворцовой земли на реках Узоле и Соличной А. В. Голицыну в 1688 г. в этом перечне вообще не нашел отражения. Данные наблюдения не могут не повлиять на оценку полноты и достоверности сведений этого источника, который привлекал и, безусловно, еще будет привлекать внимание исследователей. В частности, информация книг раздач дворцовых земель была использована в монографии Я. Е. Водарского, пересчитавшего площадь пашни из четвертей в одном поле в десятины в трех полях, а сенокосные угодья «в копнах» сена — в десятины из расчета 10:1³³. На основе его расчетов А. А. Давыдова сделала вывод, что «площадь пахотных угодий, расчищенных среди лесов вокруг Скоробогатовской пустыни к концу XVII века, была совсем небольшой и составляла 764 десятины пашни»³⁴. Однако ни отказные книги, в тексте которых имеются лишь общие, итоговые, цифры о пашне и угодьях, ни тем более книги раздач дворцовых земель не позволяют судить о том, как распределялись обрабатываемые земли по территории волости.

Можно предположить, что при отказе А. В. Голицыну использовали некое более раннее и, скорее всего, более подробное описание волости. В одном конволюте с отказной книгой Андрея Посникова была выявлена рукопись со сходным оформлением и тождественными заверительными записями и пометами о поступлении в Поместный приказ, которая и оказалась этим гипотетическим источником. Документ представляет собой копию описной/отписной книги, составленной Тимофеем Ерохиным и подьячим Приказа Большого дворца Борисом Ивакиным в мае 1687 г. В преамбуле документа сообщается об их отправке по царскому указу и по наказу из Приказа Большого дворца за приписью дьяка Артемона Тимофеева «в домовую ево (патриарха. — Н. С.) вотчину в Скоробогатовскую волость да в село Соличное для описывания крестьянских и бобыльских дворов, на дворах людей по имяном с отцы и с прозвищи и их детей и братеи и сосед и подсоседников и всяких свойственников с пашнею и с лесы и с пустошми и с санными покосы и с мельницы и с рыбными ловли и со всеми угодья за великих государей»³⁵. Книга содержит сведения о результатах измерения крестьянской пашни по каждому из селений волости, а приведенные в ней итоговые цифры не только были использованы в отказных

³² Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. I: Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 394.

³³ Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. М., 1988. С. 95. По-видимому, с опечаткой в сведениях о сенокосах в Скоробогатовской волости.

³⁴ Давыдова А. А. Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI — XVII в. С. 142.

³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 7582. Л. 175а — 211 об.

книгах Андрея Посникова 1688 г., но и позднее включались в различные документы. К сожалению, в рукописи выявлены механические повреждения, в частности отсутствуют листы 189 и 191, есть небольшие лакуны в тексте. Впрочем, имеющиеся дефекты не могут существенно повлиять на общие выводы, хотя и ограничивают несколько возможности исследователя.

Согласно описи Тимофея Ерохина и подьячего Бориса Ивакина, наибольшая по площади запашка существовала в д. Большая Гарь, расположенной на правом притоке Узолы р. Пежеле («25 четв в поле, а в дву потому ж», или 37,5 дес. в трех полях). В пяти поселениях — д. Большая Бутаевка, название которой прямо указывает на ее расположение на другом правом притоке Узолы, д. Гузолово, д. Кулихино (на той же р. Пежеле), д. Медвежково («на суходоле»), в с. Соличное на р. Соличенке — было по 20 четв. в одном поле. Чуть меньше, 18–19 четв., намерили в д. Щепихина, Медвешкова тож (р. Медвешкова, еще один правый приток Узолы), д. Грязино (на р. Пежеле) и д. Андреевка, тянувшей к с. Соличное. В с. Скоробогатое было 15 четв. в одном поле, столько же — в расположенной ниже по течению р. Узолы д. Воротнево и в д. Малая Бутаевка. Минимальный показатель, 3 четв. в поле или 4,5 дес. в трех полях, зафиксирован в двух починках³⁶. В среднем на поселение приходилось 11,07 четв. «пашни паханые и перелогом и лесом поросло». Сравнение сведений из описной книги 1687 г. с данными «мерных» книг Амвросиева Дудина монастыря 1672 г. показало, что рост населения Скоробогатовской волости и с. Соличное с деревнями сопровождался как значительным увеличением площади распаханых крестьянами земель (с 474,5 до 763,5 дес. в трех полях), так и выраженной положительной динамикой размера среднего дворового надела (с 2,1 до 2,9 дес. в трех полях), который, впрочем, оставался крайне незначительным³⁷.

Описные и отказные книги зафиксировали только тяглую пашню, без учета внаемного землепользования крестьян, которое, безусловно, также существовало. Подтверждением этого может служить «скаска Скоробогатовской волости и села Соличного старост Дементья Костянтинова, Евдокима Ананьина и всех крестьян, что в той Скоробогатовской волости и в селе Соличном пустошей и бортных ухажьев и мельниц и всяких угодей и за кем на оброке», представленная мирскими выборными стряпчему Сытного двора Алексею Бекетову и подьячему Григорию Акишеву в 1689/1690 г. В ней, в частности, упомянуты пустоши, отданные безоброчно под пашню («пустошь Черницыно, пустошь Запердеиво, пустошь Заделихинская отданы на распашку крестьянину Михаилу Анисимову с товарищи»). Еще пять пустошей перечислены с указанием оброч-

³⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 7582. Л. 177, 181, 188, 192 об., 193 об., 195, 196 об., 198, 198 об., 200, 203, 203 об., 205, 207.

³⁷ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 202 об. — 203. Подробнее об источнике: Соколова Н. В. К вопросу о «классическом» трехполье в XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 284–285.

ной платы, однако характер их использования (пашня или сенокосы) в тексте не уточняется (например «Пустошь Крутцы. Пустошь Чететниково. Оброку платят села Соличного крестьяня по шти алтын по четыре денги»). За единственным исключением не удастся установить и характер прежнего использования пустошей, которые «поросли лесом» («Пустошь Фокинская, поросла лесом, оброку нет. Пустошь, что была починок Федоров, безоброчно, порос лесом. Пустошь Заводи и пустошь Ключища, поросли лесом, сенных покосов нет») ³⁸. Измерение пустошей или их оценка иным способом не производились, однако судя по размеру оброка внеадельное землепользование к значительному увеличению среднего дворового надела привести не могло.

Данных об урожайности в источниках нет; судить о качестве пашенных земель можно лишь ретроспективно. Так, Е. Медиокритский, изучавший в 80-х гг. XIX в. промыслы Макарьевского уезда Костромской губернии, констатировал: «Земельный надел крестьян Скоробогатовской волости мал и дурного качества. Земля песчаная, с большим количеством камня, без удобрения вовсе не годится под посевы; но и при хорошем удобрении, в урожайные годы прирост не бывает выше 3-х» ³⁹. Аналогичная оценка дается и условиям земледелия в сопредельной волости, возникшей чуть выше по течению Узолы: «Земля плохого качества; урожай, по отзывам крестьян, не бывает выше сам-третьяго, разве овес доходит до сам-четверт. <...> Земля — песок и камень» ⁴⁰. Исследователь уже нижегородских кустарных промыслов, М. А. Плотников пишет по поводу Хохломской волости, часть земель которой на левобережье Узолы в «голицинский» период относилась к Скоробогатовской волости: «Население Хохломской волости всего менее может прожить одним земледелием, ее почва принадлежит к низшим по урожайности почвам: это или боровые пески, или подзолистые супеси, отнесенные к низшим оценочным разрядам» ⁴¹.

Расчет размера сенокосов, приходящих на двор и на десятину пашни по описным книгам 1687 г. и отказным книгам 1688 г., показывает, что они также были чрезвычайно малы — даже по сравнению с имеющимися в литературе средними показателями по Нижегородской губернии конца XVIII в., которые, в свою очередь, многократно уступают рассчитанным А. В. Чайновым в качестве некоей усредненной «нормы» ⁴². Зимнее содержание минимума лошадей,

³⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8267. Л. 10–11.

³⁹ Медиокритский Е. Крашение посуды и мебели в Скоробогатовской волости Макарьевского уезда // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. IX. СПб., 1883. С. 2176.

⁴⁰ Медиокритский Е. Рогожный промысел в Ковернинской волости Макарьевского уезда // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. IX. СПб., 1883. С. 2196.

⁴¹ Плотников М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1894.

⁴² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., дополн. М., 2006. С. 195–196, 213; Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 328.

крупного и мелкого рогатого скота, даже с учетом использования соломы, явно было делом непростым. (Сведений о летнем выпасе источники не содержат.) Как следствие, потребность в крайне необходимом и единственно доступном для крестьян удобрении определенно не удовлетворялась. Подобное положение дел сохранилось и в XIX в. Тот же Е. Медиокритский замечает: «Крестьяне стали бы держать и более скота, он необходим для навоза на удобрение полей, без которого земля положительно ничего не родит, но беда в том, что большое количество скота им нечем прокормить»⁴³.

На момент отказа Скоробогатовской волости А. В. Голицыну существовало две действующих мельницы на Узоле, обе на оброке за волостными крестьянами: «...мельница Меркулиха на ходу со всяким строением на оброке деревни Перехватной за Миткою Михайловым», «мельница колесная Новоселиха, а по скаске старосты Кондрашки Фомина тою де мельницею владеют из оброку тое деревни Комелниковы крестьяне Оска Захаров с товарищи». Еще одну мельницу опись фиксирует в нижнем течении р. Пежела, под д. Большая Гарь («мельница Передвига пуста на оброке тое ж деревни за крестьянином за Кипрюшкою Ивановым сыном Ежевым»)⁴⁴. В отказной книге Андрея Посникова оброк не указан, но вряд ли он существенно отличался от того, что платили, когда волость еще была дворцовой. Согласно описной книге 1687 г., оброк с трех мельниц составлял 2 руб., 50 и 25 коп., причем речь идет о коллективной аренде, а получателем оброчного платежа выступала волостная община («Да под тою деревнею мельница колесная Новоселиха тож на оброке тое ж Скоробогатовской волости тое ж деревни за крестьянином за Оскою Захаровым с товарищи. Оброку плотит в мир по два рубли»)⁴⁵. Общинный, мирской, характер обложения, вероятно, свидетельствует о том, что сумма оброка отражает размер и, косвенно, производительность мельниц. Надо полагать, что имевшиеся 2–3 мельницы составляли тот необходимый минимум, который должен был обеспечивать потребности самих волостных крестьян⁴⁶.

Таким образом, исследование показало, что бояр-землевладельцев Голицыных не могли привлечь на Узолу возможности развития земледелия на здешних скудных почвах. Однако не приходится сомневаться, что Скоробогатовская волость и с. Соличное с деревнями оказались в вотчине А. В. Голицына не случайно. Прежде всего, необходимо отметить, что ранее, по царскому указу от 29 июня 1686 г., В. В. Голицыну уже была пожалована вотчина в Нижегородском уезде — Белгородская волость, на правом берегу Волги выше

⁴³ Медиокритский Е. Рогожный промысел в Ковернинской волости Макарьевского уезда. С. 2196.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 7582. Л. 265 об., 267, 270.

⁴⁵ Там же. Л. 193.

⁴⁶ Горская Н. А. Обработка зерна и зернопродуктов в центральной части Русского государства во второй половине XVI — начале XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник VI. М., 1965. С. 43–44.

Балахны⁴⁷. Ретроспективное картографирование нижегородских вотчин В. В. и А. В. Голицыных показало, что приписанный к Белогородской волости «за Волгою рекою меж Юрьевского Поволского и Нижегородского уездов лес черной и белой рамени со всеми угодья по урочищам за рекою за Узолою» находился непосредственно «в межах» с землями Скоробогатовской волости. Причем лесные владения в Заволжье потребовались Голицыным явно не для обеспечения лесом крестьян Белогородской волости, поскольку тем разрешалось «ездить для хоромного и дровяного лесу и всякого угодья про свою нужду в дворцовые волости Юрьевецкого уезду, в Ячменскую да в Заборскую волости»⁴⁸.

Информация о лесе в описных книгах Скоробогатовской волости 1687 г. и в отказных книгах 1688 г. абсолютно тождественна, — «лесу непашенного на восемьдесят на две версты с полуверстою», что многократно превышало площадь лесов «за Узолою», приписанных двумя годами ранее к белогородской вотчине⁴⁹. Наличие большого «непашенного» леса, измеряемого не десятинами, а верстами, позволяет высказать гипотезу о значимости неземледельческих занятий для крестьян и бобылей Скоробогатовской волости и с. Соличное с деревнями, а также об определенной роли леса в структуре вотчинного хозяйства. Материалы заволжской вотчины А. В. Голицына подтверждают наблюдения Н. А. Горской, изучавшей надельное и вненадельное землепользование крестьян в Центре России в XVII в., которая отмечала, что «в селах, богатых различными угодьями (лес, луга), полуосмачный надел (наиболее распространенный. — Н. С.) мог уменьшаться в конце XVII в. до 1,2 дес. в трех полях»⁵⁰.

Лес занимал важное место в жизни местного населения и как «необходимый элемент сельскохозяйственного производства, огромный резерв земель с естественным плодородием», и как «источник присвоения созданных природой продуктов и материалов», часть из которых была предназначена для собственного потребления, а другая — имела хождение на рынке⁵¹. Охота и соби́рание лесных даров (грибов, ягод) позволяли восполнить нехватку продуктов земледелия и домашнего скотоводства. Особо следует отметить, что отсутствие упоминаний о бортовых ухажеях в отказных книгах 1688 г. не означает, что в Скоробогатовской волости не было бортовничества. Так, в сказках мирских

⁴⁷ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 3. Стб 595–598; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. С. 524.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 7582. Л. 164 — 171 об.

⁴⁹ Там же. Л. 210 об. — 211; 284 об. — 285.

⁵⁰ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977. С. 83.

⁵¹ Кольчева Е. И. Лес России как фактор средневековой агрикультуры (XI — середина XVII в.) // Аграрные технологии в России IX–XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 47, 57, 59.

старост 1689/1690 г. зафиксирован оброк «по рублю по дватцати алтын на год» с бортного промысла волостных крестьян Киприяна Ежова, Ивана Филипова и Василия Логинова, которые «владеют» тремя знаменами («знамя теляши, знамя костыли, знамя летяга»). Еще одно «знамя» («прозвание костыль, лежит впусе») старосты отдали Ивану Парамонову на условиях уплаты в мир натурального оброка («А платит он Иван по две гривенки меду на год»)⁵².

Именно лес, вероятно, был источником поступления средств, необходимых для уплаты господствовавшей в вотчине денежной ренты. Так, в 1672 г. оброк Скоробогатовской волости в Дудин монастырь составлял 38 руб., с Соличное с деревнями — 3 руб. 10 коп.; в 1690 г. волостные крестьяне платили 115 руб.⁵³ Узла традиционно обеспечивала крестьянам сплав продуктов лесных промыслов к местам сбыта: дров для балахнинского солеварения, строительного леса, лодок, так называемого «щепного товара», продуктов углежжения и смолокуреного промысла и пр. Исследование не выявило новых обстоятельств, касающихся времени возникновения в Скоробогатовской и Хохломской волостях известных во всем мире крестьянских промыслов по производству и окрашиванию деревянной посуды и мебели, но показало экономические условия их зарождения.

После конфискации вотчин Голицыных Приказ розыскных дел специально интересовался заволжскими владениями кн. Алексея Васильевича на предмет наличия там будных майданов. В январе 1690 г. Савин Протопопов, «послуживец» Голицыных, на допросе показал, что «в Нижегородском уезде в Скоробогатовской волости, в селе Соличном с деревнями, что дано князь Алексею Голицыну из дворцовых волостей, будных майданов нет»⁵⁴. А. В. Голицыну принадлежало три будных майдана на его поместной земле в Арзамасском у. (с. Спасское, д. Керженка и Новый Майдан), один — в Кадомском у., между рек Варнавы, Сармы и Мокши. Для организации еще одного майдана, в Алатырском у., на речке Лунге, он «землю и лес нанимал у алатырской мордвы разных деревень». Размеры существовавшего производства позволяет оценить «сказка» того же Савина: «А на тех де на всех будных майданех было в деле поташу, оприч нового Кадомского майдану: во 195-м году — 258 бочек, в 196-м году — 279 бочек, а в 197 году на тех майданех сделано было поташу 320 бочек августа по 4-е число, а после того сколько сделано, — того он не ведает, потому что прикачки не писали»⁵⁵. Нижегородский поташ славился со времен боярина Б. М. Морозова, чье положение позволяло ему получать освобождение от пошлин на провоз и торговлю поташом⁵⁶. Возможно, и в планы всесильных Голи-

⁵² РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8267. Л. 10 — 10 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 202 об. — 203; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. С. 394.

⁵⁴ Розыскные дела о Федоре Шахловитом и его сообщниках. Т. 3. Стб 579–580.

⁵⁵ Там же. Стб 499–502.

⁵⁶ *Петрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. (По материалам вотчин боярина Б. И. Морозова). Л., 1967. С. 110, 118–119, 125.

чных входило расширение географии их поташных заводов на вновь приобретенные лесные земли нижегородского Заволжья.

Однако 9 сентября 1689 г. именным царским указом В. В. и А. В. Голицыны были обвинены в том, что «как они великие государи изволили содержать прародительский престол, и сестра их великих государей великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна без их великих государей совету во всякое самодержавие вступила, и вы князь Василий и князь Алексей, отставя их великих государей и угождая сестре их государевой и доброхотствуя, о всяких делех мимо их великих государей докладывали сестре их, а им великим государям в то время было неведомо». Указом предписывалось: «...отнять у вас честь боярства, а все поместья ваши и вотчины ваши отписать на себя великих государей, и послать вас в ссылку в Каргополь»⁵⁷. Вместе с А. В. Голицыным в ссылку отправились его жена Марфа Исаевна, в девичестве Квашнина, и малолетний сын Михаил (1687–1775).

Во исполнение этого указа в октябре того же года были конфискованы и нижегородские владения А. В. Голицына: «А во 198-м году октября в 6 день по нашему великих государей указу та волость из-за него князь Алексея отписана на нас великих государей в наши дворцовые села в Приказ Большого дворца по прежнему»⁵⁸. 3 апреля 1690 г. Скоробогатовская волость и с. Соличное с деревнями были пожалованы в вотчину Высоко-Петровского монастыря. В документах из монастырского архива, со ссылкой на отписные книги стряпчего Сытного дворца Алексея Бекетова и подьячего Приказа Большого дворца Григория Акишева (1689/1690 г.), сообщается, что на момент конфискации владений А. В. Голицына они включали «село Скоробогатое да село Соличное, а к ним сорок семь деревень и починков, а в них крестьянских и бобыльских дворов триста шездесят пять дворов». Следовательно, в период вхождения заволжской волости в состав боярской вотчины незначительно изменилось количество деревень (с 45 до 47) при росте числа крестьянских и бобыльских дворов (с 319 до 365) и показателя «дворности» поселений. Основные тенденции демографического и хозяйственного развития не изменились и в последующие месяцы. В июне 1690 г. упомянутые выше нижегородский отставной дворянин Яков Безделкин и подьячий Иван Васильев отказали в вотчину Высоко-Петровского монастыря «село Скоробогатое да село Соличное, а к ним пятьдесят две деревни и починков, а в них четыреста шеснатцать дворов крестьянских и бобыльских»⁵⁹. Таким образом, не только размер пашни и сенокосов, но сведения о числе дворов в книгах (списках) раздач дворцовых земель требует критичного отношения, как,

⁵⁷ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 3. Стб 1–6.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8221. По-видимому, иной год, указанный в работе архим. Григория стал следствием банальной ошибки при пересчете «октябрьской» даты на современное летоисчисление (*Григорий, архим.* Высокопетровский монастырь в Москве. С. 42).

⁵⁹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8227. Л. 51–52.

впрочем, и информация архим. Григория о составе нижегородского пожалования Высоко-Петровскому монастырю⁶⁰.

Возможность вернуться из ссылки у кн. Алексея Васильевича появились лишь после смерти В. В. Голицына, по приговору Правительствующего Сената от 9 августа 1714 г. «об освобождении из ссылки вдовы князя Василия Голицына княгини Авдотьи Ивановны и сына его князя Алексея Васильевича Голицыных»⁶¹.

В декабре того же 1714 г. мирской староста Скоробогатовской волости Кирилл Алексеев в своей челобитной напишет, что де «в прошлом во 198-м году по указу великого государя и по грамоте из-за князь Василия и сына его князь Алексея Голицыных отказаны они в вотчину Петровского Высокого монастыря»⁶². И четверть века спустя крестьянский мир помнил «голицынский» период как время принадлежности вотчины прежде всего самому Василию Васильевичу Голицыну, а не его сыну, как то было написано во владельческих документах.

References

- Chayanov A. V.* Organizatsiya krest'yanskogo khozyaistva // *Krest'yanskoe khozyaistvo. Izbrannye trudy.* M., 1989. S. 194–443.
- Davydova A. A.* Prostranstvenno-demograficheskie izmeneniya i osobennosti struktury rasseleniya Nizhegorodskogo uezda v kontse XVI — XVII v.: Dis. ... kand. ist. nauk. N. Novgorod, 2005.
- Demidova N. F.* Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700). Biograficheskii spravochnik / *Otv. sost. G. A. Ivanova.* M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2011.
- Gorskaya N. A.* Monastyrskie krest'yane Tsentral'noi Rossii v XVII v. O sushchnosti i formakh feodal'no-krepostnicheskikh otnoshenii. M., 1977.
- Gorskaya N. A.* Obrabotka zerna i zernoproduktov v tsentral'noi chasti Russkogo gosudarstva vo vtoroi polovine XVI — nachale XVII v. // *Materialy po istorii sel'skogo khozyaistva i krest'yanstva SSSR. Sbornik VI.* M., 1965. S. 36–63.
- Got'e Yu.* V. Zamoskovskii kraj v XVII veke. Opyt issledovaniya po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoi Rusi. M., 1906.
- Grigorii (Voinov-Borzetsovskii), arkhim.* Vysokopetrovskii monastyr' v Moskve // *Russkiya dostopamyatnosti.* Izdanie A. Martynova. T. 3. Ch. V. M., 1880.
- Ivanov P. I.* Alfavitnyi ukazatel' familii i lits, upominaemykh v Boyarskikh knigakh, khranyashchikhsya v I-m otdelenii Moskovskogo arkhiva Ministerstva yustitsii, s oboznacheniem sluzhebnoi deyatel'nosti kazhdogo litsa i godov sostoyaniya v zanimaemykh dolzhnostyakh. M., 1853.
- Kolycheva E. I.* Les Rossii kak faktor srednevekovoi agrikul'tury (XI — seredina XVII v.) // *Agrarnye tekhnologii v Rossii IX–XX vv. Materialy XXV sessii Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy.* Arzamas, 1999. S. 47–61.
- Lavrov A. C.* Regentstvo tsarevny Sofi Alekseevny: Sluzhiloe obshchestvo i bor'ba za vlast' v verkhakh Russkogo gosudarstva v 1682–1689 gg. M.: Arkheograficheskii tsentr, 1999.
- Liseitsev D. V., Rogozhin N. M., Eskin Yu. M.* Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Slovar'-spravochnik. M.; SPb., 2015.
- Mediokritskii E.* Krashenie posudy i mebeli v Skorobogatovskoi volosti Makar'evskogo uezda // *Trudy komissii po issledovaniyu kustarnoi promyshlennosti v Rossii.* Vyp. IX. SPb., 1883. S. 2173–2192.

⁶⁰ *Григорий, архим.* Высокопетровский монастырь в Москве. С. 42; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. I. С. 394.

⁶¹ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 3. Стб 1457–1458.

⁶² РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8267. Л. 1.

Mediokritskii E. Rogozhnyi promysel v Koverninskoi volosti, Makar'evskogo uezda // Trudy komissii po issledovaniyu kustarnoi promyshlennosti v Rossii. Vyp. IX. SPb., 1883. S. 2193–2208.

Milov L. V. Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa. 2-e izd., dopoln. M., 2006.

Nevill', de la. Zapiski o Moskovii / Predisl., per. s frants., komment. A. S. Lavrova. M., 1996.

Petrikeyev D. I. Krupnoe krepostnoe khozyaistvo XVII v. (Po materialam votchin boyarina B. I. Morozova). L., 1967.

Plotnikov M. A. Kustarnye promysly Nizhegorodskoi gubernii. Nizhnii Novgorod, 1894.

Rozysknye dela o Fedore Shaklovitom i ego soobshchnikakh. Izdanie Arkheograficheskoi komissii. T. 3. SPb., 1888; T. 4. SPb., 1893.

Sirotkin S. V. Zavolzhskie monastyri Nizhegorodskogo kraja // Pamyatniki khristianskoi kul'tury Nizhegorodskogo kraja / Materialy nauchnoi konferentsii 29–30 marta 2001 goda. N. Novgorod, 2001. S. 32–36.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del. Ch. 4. M., 1828.

Sokolova N. V. «...Chto bylo istari uezdom Gorodtsa pustogo» (K istorii monastyrskogo zemlevladieniya v Nizhegorodskom Zavolzh'e v pervoi polovine XVII v.) // Gorodetskie chteniya. Vyp. VIII: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii VIII Gorodetskie chteniya. Gorodets, 2015. S. 20–39.

Sokolova N. V. K voprosu o «klassicheskom» trekhpol'e v XVII v. // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 4: Chetvertye chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 26 oktyabrya – 1 noyabrya 2015 g. M., 2015. S. 283–291.

The Russian Elite in The Seventeenth Century. In 2 vols. Vol. 1. *Poe M., [Kosheleva O., Morozov B., Russ M.]*. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russians «Sovereign's Court» 1613–1713. Helsinki, 2004.

Tikhonov Yu. A. Pomeshchich'i krest'yane v Rossii (feodal'naya renta v XVII – nachale XVIII v.). M., 1974.

Ustryalov N. G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. I: Gospodstvo tsarevny Sof'i. SPb., 1858.

Vodarskii Ya. E. Dvoryanskoe zemlevladienie v Rossii v XVII – pervoi polovine XIX v. M., 1988.

Список литературы

Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988.

Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977.

Горская Н. А. Обработка зерна и зернопродуктов в центральной части Русского государства во второй половине XVI – начале XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник VI. М., 1965. С. 36–63.

Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

Григорий (Воинов-Борзецовский), архим. Высокопетровский монастырь в Москве // Русские достопамятности. Издание А. Мартынова. Т. 3. Ч. V. М., 1880.

Давыдова А. А. Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI – XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2005.

Невилль, де ла. Записки о Московии / Предисл., пер. с франц., коммент. А. С. Лаврова. М., 1996.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник / Ответственный составитель Г. А. Иванова. М.: Памятники исторической мысли, 2011.

Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853.

Колычева Е. И. Лес России как фактор средневековой агрикультуры (XI – середина XVII в.) // Аграрные технологии в России IX–XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 47–61.

Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М.: Археографический центр, 1999.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.

Медиокритский Е. Крашение посуды и мебели в Скоробогатовской волости Макарьевского уезда // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. IX. СПб., 1883. С. 2173–2192.

Медиокритский Е. Рогожный промысел в Ковернинской волости, Макарьевского уезда // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. IX. СПб., 1883. С. 2193–2208.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М., 2006.

Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. (По материалам вотчин боярина Б. И. Морозова). Л., 1967.

Плотников М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1894.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археографической комиссии. Т. 3. СПб., 1888; Т. 4. СПб., 1893.

Сироткин С. В. Заволжские монастыри Нижегородского края // Памятники христианской культуры Нижегородского края / Материалы научной конференции 29–30 марта 2001 года. Н. Новгород, 2001. С. 32–36.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. М., 1828.

Соколова Н. В. «...Что было истари уездом Городца пустого» (К истории монастырского землевладения в Нижегородском Заволжье в первой половине XVII в.) // Городецкие чтения. Вып. VIII: Материалы научно-практической конференции VIII Городецкие чтения. Городец, 2015. С. 20–39.

Соколова Н. В. К вопросу о «классическом» трехполье в XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 283–291.

Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России (феодальная рента в XVII – начале XVIII в.). М., 1974.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. I: Господство царевны Софьи. СПб., 1858.

Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 194–443.

The Russian Elite in the Seventeenth Century. In 2 vols. Vol. 1. *Poe M.*, [*Kosheleva O., Morozov B., Russ M.*]. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russians «Sovereign's Court» 1613–1713. Helsinki, 2004.

М. Б. Свердлов

Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М. М. Щербатов¹

Определение круга чтения молодого аристократа в середине XVIII в. — сложная проблема. Она значительна в своем содержании, поскольку позволяет определить круг идей человека, которому в то время в большом числе случаев предстояло по праву рождения занять особое положение в общественно-политической жизни страны, в истории ее культуры. Вместе с тем эта проблема непроста. Состояние архивных фондов лишь в небольшом числе случаев позволяет конкретно ответить на многие вопросы, которые появляются при такой постановке исследовательской задачи.

1750-е гг. — значительное время в интеллектуальной истории России, время распространения идей Просвещения. Определить это понятие крайне сложно. На эту тему опубликовано бесчисленное множество работ, но даже относительно недавно изданный обобщающий труд «Мир Просвещения: Исторический словарь» предпочел его описательную характеристику. Из осторожной фразы редакторов этой публикации В. Ферроне и Д. Роша — «история Просвещения сегодня предстает, главным образом, как история культуры» — следует только, что для ее редакторов и большого международного коллектива авторов словарных статей категории *Просвещения* и *культуры* максимально близки в своем содержании. Поэтому основной смысл *Просвещения* раскрывается ими через анализ общих понятий и представлений, через системы ценностей и идей. Метод изучения авторов этой книги —

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФНФ, № 15-01-00038а.

установление их «динамической взаимосвязи» с контекстом, соотношения «дискурса и практики»².

Первой из таких общих понятий в «Мире Просвещения» указана противопоставленная прежним национальным и конфессиональным барьерам XVII в. «новая свобода и эмансипация личности, которая исследует мир вокруг себя, открывает в нем пространство без границ и сама становится объектом других культур»³. В качестве других общих понятий и представлений, свойственных Просвещению, указаны и специально рассмотрены категории морали, счастья, свободы, терпимости, разума, равенства, цивилизации, а также реалии общественной жизни — религия, воспитание, социальные связи, академии, масонство, общественное мнение, книги, наука, путешествия и др.

Молодость князя Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790) пришлась на 1750-е гг. Идеи Просвещения в России того времени активно поддерживали Иван Иванович Шувалов, наследник престола великий князь Петр Федорович и его жена Екатерина Алексеевна, будущие император Петр III и императрица Екатерина II. Под влиянием Шувалова в значительной мере изменила свое отношение к управлению империей Елизавета Петровна. В 1740-х гг. она стремилась к относительной политической, экономической и идеологической самоизоляции России по отношению к другим европейским державам. Видимо, наиболее пронизательно суть идеологии правления Елизаветы Петровны как ее «господствующей идеи» того времени сформулировал В. О. Ключевский: «Россия живет для самой себя и должна всё делать своими руками — такова была господствующая мысль того времени»⁴. Между тем, Россия экономическими связями и политическими союзами была тесно связана с другими европейскими державами. Российскому правящему классу были постоянно нужны высококачественные западноевропейские товары, российской экономике — новейшие технологии, а государственным интересам — политические союзы, которые позволяли стране поддерживать имперский статус европейской державы. В таком объективном по содержанию контексте определявших историческое развитие факторов в Россию всё активнее проникали с конца 40-х — 50-х гг. просветительские идеи, которые находили понимание и поддержку среди русской интеллектуальной элиты.

И. И. Шувалов в сотрудничестве с М. В. Ломоносовым подготовил проект основания в Москве университета. Этот проект был представлен 19 июля 1754 г. в Правительствующий сенат и утвержден императрицей 12 января сле-

² *Ферроне В., Рош Д.* Введение // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша; пер. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М., 2003. С. 7–8; перевод итальянского издания 1998 г.

³ *Фрейхоф В.* Космополитизм // Мир Просвещения... С. 33.

⁴ *Ключевский В. О.* Сочинения в восьми томах. М., 1959. Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905). С. 410.

дующего года. В нем как априорная истина утверждалась всеобщая необходимость в науках для просвещения народов, дающего превосходство над народами непросвещенными: «Как наука везде нужна и полезна и как способом той **просвещенные народы** превознесены и прославлены **над живущими во тьме неведения людьми** довольно известно». В проекте утверждалось также, что «<...> науки не терпят принуждения, и между **благороднейшими упражнениями человеческими справедливо считаются**».

Данные положения проекта были утверждены именным указом императрицы об основании Московского университета 24 января 1755 г. От ее имени указ отмечал также «**Наших истинных патриотов**», которые в утверждение «**народного благополучия к славе отечества**» «**прилежность свою и труд в общенародную пользу прилагали**». Как было в нем написано в соответствии с просветительскими принципами, «**всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется**». Поэтому, утверждалось в указе, существовала «**нужда необходимая о том стараться, чтоб способом пристойных наук возрастало в пространной Нашей империи всякое полезное знание**»⁵.

Эти постановления через тридцать лет после смерти Петра Великого свидетельствовали о возвращении правительственной политики к поощрению активной интеллектуальной жизни на благо России. Петровская и общеевропейская тенденция модернизации общественных отношений выразилась в 1757 г., в частности, в намерении осуществить секуляризацию церковного и монастырского землевладения⁶.

Символично, что в феврале 1757 г. в связи с подготовкой России к началу военных действий в Семилетней войне (1756–1763) И. И. Шувалов с согласия императрицы предложил Вольтеру написать «Историю Петра Великого»⁷. Вольтеровской концепции было свойственно понимание истории прежде всего как истории достижений человеческого разума и деятельности, цивилизации с особым вниманием к экономике, географии, населению, вооруженным силам, научным знаниям, культуре и т. д. По поручению И. И. Шувалова эти сведения о России подготавливали для Вольтера М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер, И. И. Тауберт и др. Они же прочли подготовленный Вольтером текст, написали свои замечания, а после издания книги вновь подготовили свои критические замечания⁸. Такое сотрудничество также способствовало распространению и утверждению в российской интеллектуальной элите идей Просвещения.

⁵ ПСЗ. Т. 14. № 10346; здесь и далее полужирным шрифтом выделено нами.

⁶ Там же. Т. 15. № 10765, 11441; *Комиссаренко А. И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990.

⁷ *Копанев Н. А.* Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II // Вольтеровские чтения: Материалы междунар. конф. СПб., 2009. Вып. 1. С. 35.

⁸ *Шмурло Е.* Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

М. М. Щербатов занимает особое место в истории общественно-политических и исторических идей второй половины XVIII в. Изучению его деятельности посвящено большое число исследований. Многие его труды опубликованы⁹. Между тем мало использованными остаются многочисленные материалы личного архива Щербатова. Как известно, они были куплены Екатериной II вместе с его библиотекой, а позднее хранились в составе Эрмитажного собрания Императорской публичной библиотеки (ныне — Российская национальная библиотека). Их анализ, а также состав щербатовской библиотеки позволяют определить тот круг чтения, который был доступен русскому аристократу щербатовского поколения в 1750-х гг. Этому поколению предстояло во многом определять направленность общественно-политической и интеллектуальной жизни в России второй половины XVIII столетия во всей сложности ее содержания. Анализ щербатовских рукописей и публикаций 50-х гг. позволяет определить круг просветительских идей, который был усвоен в это время молодым русским аристократом. Как они повлияли на его дальнейшую жизнь и творчество — другая исследовательская проблема.

М. М. Щербатов принадлежал к древнему княжескому роду Рюриковичей. Его отец, Михаил Юрьевич Щербатов (1678–1738), являлся комнатным стольником Петра I и, вероятно, входил в число доверенных лиц юного царя. В 1698 г. он участвовал в подавлении стрелецкого восстания, позднее — в Северной войне. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. С 1731 г. до своей смерти он являлся архангелогородским генерал-губернатором. Мать М. М. Щербатова, Ирина Семеновна, происходила из княжеского рода Сонцовых-Засекиных, потомков ярославских князей.

М. М. Щербатов родился 22 июня 1733 г. Он был «поздним ребенком» отца, который не успел принять участие в его воспитании. Мальчик получал образование по преимуществу «женское». В Научной библиотеке государственного Эрмитажа хранится изданный в 1692 г. букварь, принадлежавший его единокровному старшему брату Петру Михайловичу Щербатову (1724–1760). Автором букваря являлся Карион (Истомин) (1640 — не ранее 1718), иеромонах московского Чудова монастыря, справщик Московской духовной типографии, позднее игумен. Многие листы букваря повреждены, вероятно, вследствие долгого использования для обучения. Позднее они были подклеены бумажными полосками, нарезанными из деловых бумаг и писем Ирины Семеновны¹⁰, так что можно предположить активное участие матери в начальном обучении сына. По букварю Петра Михайловича учился читать и маленький Михаил.

⁹ Травников С. Н. Щербатов М. М. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. С. 436–441; Переписка князя М. М. Щербатова / Введение и коммент. С. Г. Калининой. М., 2011. С. 3–42; см. там же литературу.

¹⁰ Собрание чудное сокровищ книжных: Библиотеке Эрмитажа 250 лет. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 36, № 2.

Этот букварь позволяет установить, что кроме грамоты в раннем детстве усвоил по нему Щербатов. Все начальные прописные буквы гравированы по западноевропейским образцам в виде людей в западноевропейских одеждах, тогда как изображения многообразных бытовых реалий, названия которых начинались с соответствующей буквы, — русские. Такие изображения воспитывали понимание ребенком единства европейского мира, тогда как условное изображение «Иерусалим-града» с церквями за стенами города символизировало единство христианского мира.

Среди слов, начинающихся на «І», т.е. «И» десятиричное, изображен человек, который держит перо, чернильницу, тетрадь или книгу. Это изображение сопровождала надпись — «Исторіограф» (в значении «историк»). Так что Михаил Щербатов усвоил слово «историограф» и его смысл того времени еще в раннем детстве.

Гравированные изображения в букваре сопровождались стихами со словами, начинающимися с соответствующей буквы. Эти стихи, вероятно, полагалось учить наизусть, чтобы лучше запомнить буквы, а они обучали детей многому. В частности, обращалось внимание на особое значение людей пишущих: «Право писати писмяно и нужно / Повестописцев слушай неутружно»; «Покой от труда всякому есть знати / Егда будеши и пером писати». В стихах со словами, начинавшимися на букву «С», подчеркивалось особое значение чести в отношениях между людьми: «Во всяком слове юн зри свое сердце / Да в двоудушестве не будет в нем дверце», в словах на «Ю» отмечались упорные труды в юности и отдых в старости: «Юности труды лепо есть давати / В старости будет всяк опочивати»¹¹.

Щербатов уже в раннем детстве усвоил и многие другие поучительные премудрости, кроме отдыха в старости. Впрочем, усвоенный в детстве слог древней письменности он сохранил на всю жизнь. Поэтому его произведениям, историческим, публицистическим, служебным, да и личной переписке свойственен архаичный стиль, столь отличный от быстро развивавшегося русского литературного языка середины — второй половины XVIII в.

Княгиня Ирина Семеновна хотела, чтобы ее сын имел современное образование и воспитывался, следуя аристократическим началам. С пятилетнего возраста он рос в Москве. Щербатов получил хорошее домашнее образование. В обучении большое значение придавалось французскому, немецкому и итальянскому языкам. Учил он латинский, и позднее, когда надо было, приводил цитаты из трудов латиноязычных авторов. Обучали его, видимо, также греческому и даже древнееврейскому, судя по тому, как он уверенно воспроизводил в рукописях нужные по их содержанию слова на этих языках. В библиотеке Щербатова находилось базельское издание учебных пособий древнееврейского

¹¹ *Карион (Истомин)*. Букварь славенороссийских письмен <...>. М., 1692. Л. 11, 18, 20, 35; здесь и далее тексты XVII–XVIII вв. приводятся в упрощенной транскрипции с учетом современной орфографии и пунктуации.

и латинского языков 1710 г.¹² Судя по учебным пособиям и словарям в его библиотеке, позднее он самостоятельно выучил английский.

Такой выбор древних и новых иностранных языков может свидетельствовать о том, что княгиня Ирина Семеновна хотела подготовить сына не только к общественной, но также к научной деятельности, к занятиям философией, литературой и искусством. Это намерение матери осуществилось в полной мере, так что Щербатов уже в 1760 г. перевел с французского языка изданную в Германии статью, содержащую свойственные тому времени идеи борьбы за интеллектуальный прогресс. Публикуя свой перевод, Щербатов выражал и свое отношение к преодолению застойных традиций материальной и духовной жизни: «Душа, равномерно, как и тело, имеет нужды свои, а величайшая нужда человеческая состоит в том, чтобы он упражнялся разумом. Скука же вскоре последующая праздности душевной есть толь болезненное состояние для человека, что лучше он предприимлет труднейшие работы для избежания сего мучения»¹³. Такие идеи явно перекликались с тем, что усвоил Щербатов в раннем детстве по Кариону (Истомину).

В соответствии с установившейся в послепетровское время традицией Михаил Щербатов был записан в 1746 г. в гвардию, в Семеновский полк. Так что службу он начал с сержанта, а завершил в чине капитана, когда в 1762 г. вышел в отставку в соответствии с указом Петра III о вольности дворянской. Судя по сохранившимся рукописным материалам, он с молодости до конца жизни профессионально писал о проблемах вооружения, экипировки и подготовки армии к походам и боевым действиям, но сам он в них не участвовал¹⁴.

Пребывание в Петербурге 1750-х гг. способствовало формированию Щербатова как личности, мыслителя и историка. На его работы тех лет в исследовательской литературе обращалось мало внимания. А те, кто писал о них, учитывали преимущественно его прижизненные и посмертные публикации.

Большое значение в выявлении и определении времени написания ранних работ Щербатова, опубликованных и неизданных, имеет исследование Н. Д. Чечулина «Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова»¹⁵. В его работе рассмотрены рукописи, хранившиеся в Публичной библиотеке. Но до сих пор с ними ознакомились крайне небольшое число исследователей. Между тем они имеют немалое научное значение. При анализе круга чтения Щербатова в 50-х гг. учитываются рукописи преимущественно исто-

¹² РНБ. Эрм. 586. Реестр библиотеки кн. М. М. Щербатова. Л. 32.

¹³ [Щербатов М. М.] Слово о спокойствии души, взятое из Иппарха, философа Пифагорейского // Ежемесячные сочинения [СПб.] 1760. Июль. С. 276–277.

¹⁴ На последнее обстоятельство внимание обратил С. Н. Травников: *Травников С. Н.* Щербатов М. М. С. 436.

¹⁵ Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова. СПб., 1900 (Отд. отт. из Журнала народного просвещения. СПб., 1900).

рического и философского содержания, хранящиеся в Эрмитажном собрании Российской национальной библиотеки (ОР РНБ.Ф. 885)¹⁶.

Среди рукописей Щербатова и его первых публикаций второй половины 50-х гг. значительное место занимают переводы сочинений иностранных авторов. Здесь и далее рассматривается только этот круг его чтения. Такие переводы являлись превосходным средством освоения идей западных мыслителей, распространения их среди тех россиян, у которых не было возможности хорошо выучить иностранные языки, купить эти дорогие книги, поддерживать людей думающих и тем самым страну в целом на высоком интеллектуальном уровне. Утверждая такое мнение, Щербатов писал, переводя с французского: «Я же, напротив того, содержу (т.е. считаю. — М. С.), что они (переводы. — М. С.) еще более достойны похвалы, нежели обыкновенно им придают, и что переводить на наш язык то, что **каждый век лучшего в других нациях произвел, есть вернейший из всех способов умножить наши знания, содержать вкус к хорошему учению, возвращать, если он будет пропадать, и не допускать, чтобы мы впали в невежество и в варварство, в кое мы толь долгое время были погружены**»¹⁷.

Многочисленные переводы, которые Щербатов выполнял для себя и для публикаций, отражали его интересы не только в гуманитарных науках, но также в самых разных отраслях знаний, от естественнонаучных и военных дисциплин до «Науки дворцекого конфетурщика (кондитера. — М. С.)»¹⁸. Круг его интересов был необычайно широк.

С трудами французских просветителей Монтескье и Вольтера Щербатов мог ознакомиться уже вскоре после их публикации. Уже в 1750 г. в петербургской академической книжной лавке осуществлялась продажа крайне значимого для эпохи Просвещения труда Монтескье «О духе законов», опубликованного в 1748 г., а почти всех произведений Вольтера — в год или на следующий год после их издания во Франции, Голландии, Германии или Швейцарии¹⁹. В библиотеке Щербатова хранилось амстердамское издание 1758 г. трех томов трудов Монтескье²⁰. Их щербатовские переводы должны были способствовать лучшему усвоению их идей прежде всего им самим.

Среди щербатовских рукописей хранится чистовой автограф перевода знаменитого труда Монтескье «Рассуждения о причинах величества римлян

¹⁶ Мы благодарны сотрудникам отдела рукописей РНБ за неизменное содействие в работе над многими темами российской истории и историографии.

¹⁷ [Щербатов М. М.] Оправдание переводов. Переведено с французского с сочинений аббата Гедоина // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль. С. 50.

¹⁸ Перевод этой книги см.: ОР РНБ. Эрм. Ед. хр. 162.

¹⁹ Копанев Н. А. Репертуар произведений Ф. М. Вольтера в Петербургской академической книжной лавке середины XVIII века // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII веках. Л., 1984. С. 80–93.

²⁰ РНБ. Эрм. 586. Л. 31 об.

и падения их» (перевод датируется 50–60-ми гг.). Большое методологическое значение имело в этой книге замечание Монтескье, в соответствии с которым без научного изучения не может быть раскрыто содержание исторических явлений. Как перевел Щербатов, «**сие требует рассуждения, без чего мы будем зреть приключения** (т.е. события. — М. С.), **не понимая их**»²¹. То есть в данном случае Щербатов вслед за Монтескье написал о важнейших категориях научного познания, разработанных позднее Г.В.Ф. Гегелем — о сущности и явлении. Этот принцип позволял преодолеть описательные методы в изложении исторических событий и превратить историю в науку аналитическую.

Обращаясь к истории Рима, Монтескье писал о благотворном значении для его граждан равного раздела между ними земель, что стало основой создания могущественной армии, способной защитить страну. И, напротив, Римское государство было обречено в условиях максимального обогащения немногих и разорения большинства. Превращая историческое исследование в сочинение публицистическое, Монтескье указывал на те же процессы в современной ему Франции²². Такие наблюдения разъясняли необходимость сохранения обеспеченного состояния свободного населения страны, предотвращения крайних имущественных различий, которые пагубно сказываются на состоянии простого свободного населения и армии государства — основы защиты отечества. Всё это, как показал исторический опыт Римской империи, угрожало существованию государства в целом. Эти наблюдения учили нравственности в отношениях людей разных имущественных состояний.

Переводя Монтескье, Щербатов проходил курс наук по истории политического устройства государств древних и XVIII в. Он переводил текст Монтескье о вреде для государства тирании и фаворитизма правителей, которые обогащают своих друзей и родственников. Строгостью «древних нравов» и соблюдением законов Монтескье, а вслед за ним и Щербатов, объяснили победу Рима в его войнах с Карфагеном, в котором «простые люди имели королевские богатства», тогда как война «еще более разномыслие умножала»²³. Такие идеи обличали современные Монтескье правящие режимы и учили нравственности тех, кто принадлежал к правительственной элите, предупреждая о гибели их самих и их государства.

Труд Монтескье давал Щербатову повод для размышлений над самыми разными формами государственного правления, монархического, аристократического и «римского», которому Монтескье отдавал предпочтение. Вместе с тем Монтескье особо предупреждал о мнимом внешнем спокойствии при азиатском деспотизме, возможном и в европейских странах. Как перевел Щербатов, «но в согласии азиатического самовластья, сиречь каждого неумеренного правле-

²¹ РНБ. Эрм. 304. С. 26; в рукописи авторская валовая постраничная нумерация.

²² Там же. С. 27–28.

²³ РНБ. Эрм. 304. С. 35–37, 47.

ния, всегда действительной раздор обретается, ибо земледелец, военной человек, купец, судья и благородной един токмо тем соединены, что единой другого без сопротивления утесняет; и если и видно соединение, сие несть соединение граждан, но соединение мертвых тел, единых возле других погребенных»²⁴.

Щербатов переводил наблюдения Монтескье об особом значении соблюдения законов в тяжелейших испытаниях и в достижениях, при самых разных формах правления, о нравственной категории чести в государственной системе. Поэтому переводя с французского, он излагал предупреждение великого мыслителя правителям, которые «бесчестят» свой народ: «Народ легко может терпеть, когда с него требуют новых податей, ибо не знает, не в полезное ли ему употребят требуемые с него деньги. Но, когда его бесчестят, то единственно чувствует свое несчастье и прилагает к тому изображение всех возможных злоключений»²⁵. Французские короли не поняли всего значения такого рода предупреждений, что стоило Людовику XVI головы, а Франции — многих революций.

Щербатов перевел также наблюдения Монтескье над характеристиками исторических деятелей в современных им и в последующих во времени материалах, а также оппозиционных им людей и партий. Со временем они меняются в своем значении вследствие победы другой партии, которая пришла к власти. Наблюдение Монтескье обращало внимание Щербатова на то, что историк должен самостоятельно изучить деятельность исторического персонажа, а не ссылаться на мнения о нем сторонников и противников, современников и потомков. Монтескье умело исследовал социально-политические структуры и массовые общественные настроения. Так что Щербатов переведил написанное о диктатуре децемвиров, которые подавили «вольность» Рима: «Тогда во граде токмо стало два рода людей: то есть, терпящие покорствие и те, которые для собственных своих прибытков старались оное утвердить»²⁶. Это был урок Щербатову в изучении общественных настроений в связи с изменениями в политической организации государства. Другой урок относился к стилю повествования в историческом исследовании. Следовало конкретно и ясно излагать события, а не использовать их для славословия «великим людям»²⁷.

Щербатов перевел и другой труд Монтескье «О духе законов» (в его переводе «De l'Esprit des lois» — «О разуме законов»). В этой значительной книге его особое внимание привлекла тринадцатая глава двадцать пятой книги под названием в переводе Щербатова «Нижайшее представление инквизиторам Гишпаниии и Португалиии»²⁸. Данный перевод Щербатов включил в рукописный сборник своих сочинений и переводов 1759–1760 гг. Многие из них он

²⁴ Там же. С. 97, 104–105.

²⁵ Там же. С. 3, 47, 106.

²⁶ РНБ. Эрм. 304. С. 5, 12.

²⁷ Там же. С. 51.

²⁸ РНБ. Эрм. 228. С. 60–65.

датировал сам, в том числе и перевод этой главы (указан 1759 г.). Данная глава является страстным призывом к веротерпимости и гуманности как к одному из основных принципов наступившего века Просвещения. Ее содержание недвусмысленно соотносилось с политикой религиозной нетерпимости императрицы Елизаветы Петровны. Его перевод именно этой главы может свидетельствовать о том, что такая политика вызвала протесты русских интеллектуалов, в том числе и в офицерской среде.

В библиотеке Щербатова находился труд Вольтера «Век Людовика XIV», первый том которого был впервые опубликован в 1751 г. Уже в 1758 г. Щербатов перевел первую часть этого тома. Рукопись перевода представляет собой чистовой автограф с авторской валовой постраничной пагинацией. Этот перевод позволяет узнать, какие идеи, составляющие историческую концепцию Вольтера, Щербатов узнал в молодости, находясь на военной службе и не подозревая, что ему предстоит стать выдающимся историком своего времени.

Щербатов перевел сформулированную Вольтером исследовательскую задачу: не только описать жизнь этого короля, но и его эпоху в целом. Здесь же он привел основные принципы периодизации всемирной истории у Вольтера. Первый из «веков» «разума человеческого» — Греция V–IV вв. до н.э., позднее названный в научной литературе «классическим периодом» и «эллинизмом». «Остальные земли в варварстве погружены были», — перевел далее Щербатов. Краткое изложение средневековой истории Франции Вольтер резюмировал (в переводе Щербатова): «Так в течение девятисот лет наш разум был почти всегда стесняем под готическим (т.е. средневековым. — М. С.) правлением, посреди раздоров и междоусобных времен, не имея ни твердых законов, ни твердых обычаев, переменяя каждые два века грубый язык на грубый же; знатные, быв без повиновения, зная токмо войну и праздность; духовной чин жил токмо в беспорядках и невежестве, а народы — без искусства, погруженные в их нищету. Французы не имели участия ни в великих изобретениях, ни в удивительных выдумках других наций»²⁹.

Вольтер иронично писал об излишне обстоятельных повествованиях об исторических событиях. В переводе Щербатова он резюмировал: «...**итак, всё, что бывает, не достойно быть писано**». Этот метод подразумевал выделение главного в исторических фактах, стремление выявить во множестве событий их суть.

Столь же значимым являлось обозначенное Вольтером основное содержание предстоящего исследования. Щербатов перевел: «Потщимся здесь показать, какова была Франция и другие государства Европы прежде рождения Людовика XIV, потом опишем великие приключения политические и военные его царствования. **О внутреннем же правлении государства, яко о важнейшей причине для народов, будет писано особливо.** И домашняя жизнь Люд-

²⁹ РНБ. Эрм. 295. Л. 3–4, 7–8.

вика XIV, особенности его двора и царствования также немалое место займут. Другие же пункты определяются к показанию художеств, наук и успехов разума человеческого в сем веке. Наконец, будет говорено о церкви, которая уже столко времени соединена с правлением и иногда его беспокоит, а иногда подкрепляет, и которая, уставляема учить нравоучению, часто впадает в политику и страсти человеческие»³⁰.

То есть Щербатов уже в молодости хорошо усвоил мысль, в соответствии с которой вольтеровская концепция исторического исследования заключалась в превращении изучения правления французского короля в исследование его эпохи. Значение короля выявлялось посредством исторической экспозиции — рассматривалась предшествующая история Франции и других европейских стран. Основным содержанием книги должны стать не мелкие подробности личной жизни короля, а события исторического значения, изучение особенностей его правления. При этом биография Людовика, история его правления становились составной частью той эпохи.

Переводя в молодости труды Монтескье и Вольтера, которые стали классикой европейской литературы эпохи Просвещения, Щербатов определял свое отношение к ним, усваивая их идеи или, напротив, уточняя свои взгляды по оппозиции к ним.

Наряду с трудами историко-философского содержания Щербатов подготавливал себя к предстоящим разысканиям историка, переводя своего рода энциклопедию исторических знаний того времени, — коллективный труд английских историков: «An Universal History from the Earliest Account of Time to the Present, compiled from Original Authors and Illustrated with Maps, Cuts, Notes, Chronological and Other Tables» (Dublin, 1744–1745. Vol. I–XX). Щербатов изучал и переводил его, пользуясь французским переводом: «Histoire Universelle, depuis le commencement du monde, jusqu'a présent. Traduite de l'anglois d'une Société de gens de lettres» (Amsterdam; Leipzig, 1748. Livres I–V).

Щербатовский перевод представляет собой четыре огромных тома in folio. Это чистовой автограф, написанный мельчайшим почерком с авторской правкой, под названием на титульном листе: «Гистория универсальная от сотворения света даже до ныне, переведенная с аглинского языка на французской собранием ученых мужей»³¹. На первой странице первого тома рукой Щербатова написана дата 1755, в конце тома — «1758 году августа 17 дня» На титульном листе третьего тома Щербатов указал дату — 27 августа 1758 г., на его последнем листе — 4 февраля 1760 г., на титульном листе четвертого тома — 25 февраля 1761 г. Неясно только, эта последняя дата — начало перевода последнего тома или его завершение. Но очевидно, что Щербатов переводил и переписывал эти тома последние шесть лет своей армейской службы.

³⁰ Там же. Л. 9–10.

³¹ РНБ. Эрм. 303/1–303/4; Н. Д. Чечулин не смог установить, какой труд Щербатов в данном случае переводил: *Чечулин Н. Д.* Хронология и список сочинений... С. 17, примеч. 2.

Этот труд может свидетельствовать о том, что Щербатов уже тогда воспитывал себя как историка. Он осваивал западноевропейский опыт по новейшему тогда обобщающему историческому исследованию. Впрочем, его начальная часть содержала изложение событий в соответствии с библейской историей. Но в начале второго тома находится предисловие, в котором отражено понимание авторами этого труда истории как светской науки.

Авторы книги утверждали, что история является «частью наук, иже более Разум просвещает и нужнейшая <...>». Вслед за предисловием Щербатов перевел определение основного содержания истории как науки: «Подобные труды, как примечает Цицерон, **простирают наши знания за наиотдаленнейшие места, побеждают время** и делают нас, несмотря на пространственную отдаленность мест и веков, некоторым образом, яко очевидными свидетелями всех приключений (событий. — *М. С.*), которые произвели величайшие пременения (перемены. — *М. С.*) и удивительнейшие возмущения (так Щербатов перевел: “les plus étonnantes Révolutions”. — *М. С.*) в свете. Чрез сей способ мы живем почти в самое то время, как свет был сотворен; видим, в каком он состоянии был и каком своем создании, <...>, **как царства и цари учинились, возвеличились и разорились и какие были причины, которые ежечасно в истории обретаются**, могут быть рассудительному читателю весьма хорошие правила в поведении как государственных, так и собственных его дел». То есть Щербатову уже в молодости стал известен один из основных принципов исторической науки — не только установление исторических фактов, но также исследование причин происходивших событий — принцип, которому он будет следовать в своих трудах, посвященных российской истории. Это стремление к установлению объективных причин происходивших событий он видел тогда и в трудах Монтеסקье и Вольтера.

В переведенном Щербатовым предисловии сообщалось, что в этом труде будут рассмотрены основы хронологии, истории денежного обращения, весовых систем. Авторы «Истории универсальной» обещали также обращать внимание на условия материальной жизни («достойные любопытства вещи, как сделанные искусством, так и природные поминаем, потом о градах, реках, горах, озерах, одним словом, о том всем, что есть примечательного во всякой провинции»), а также этнокультурной истории («начало и древность жителей, которых мы рассматриваем, законы, правление, веру, обыкновения, установления, язык», новейшие достижения разума — «науки и мореплавание»).

Показательно, что эти характеристики материальной и духовной жизни человечества авторы «Истории универсальной» первыми указали как начальные, определяющие в конкретном изложении исторического процесса. История политическая описана как события последующие: «Наконец, представляем последствия и историю государей всякая земля, что содержит в себе историю войн, мирных договоров, возмущений (восстаний. — *М. С.*) и всех знатных приключений (событий. — *М. С.*)». Авторы обещали приводить все известия об исто-

рических событиях, оставляя читателям возможность размышлять о степени достоверности этих сведений: «...оставя нашим читателям о достойной им вероятности рассуждать». Они привели сообщения о многочисленных древних авторах, сочинения которых использованы в их труде как исторические источники, но обращали внимание на совмещение в этих произведениях достоверных сведений, как написано о Гомере, с «баснословными вещами». Поэтому, как перевел Щербатов вслед за авторами «Истории универсальной», «историк рассудной» «в состоянии правду от лжи» отделить и «может из них хорошие материалы для истории выбрать»³². Так что критика памятников письменности подразумевалась еще не источниковедческая, а рационалистическая.

Вслед за авторами Щербатов переводил сведения об основных видах исторических источников: хроники и анналы, которые велись в «градах и государствах», архивы, которые «содержали письма, договоры и прочие документы», о содержащихся в них сведениях о событиях общественных и культурных: «торжества, строение градов, столбов, жертвенников, гробов и других подобных [сооружений] для памяти созданных строениями и вещами». Обращалось внимание также на традицию надписей на камнях, которые использовались «древними историками» как свидетельства о произошедших событиях. Авторы «Истории универсальной» призывали к критическому отношению к используемым древним материалам. Они предупреждали, что, как перевел Щербатов, жрецы в их «усердной» службе богам «имели пользу обманывать». Они и народ «выдумывали чудеса», «вмешали оные в их сказания и привели посредство их богов в главные приключения, и в сем пункте лучшие историки обмануты быть могли».

Не доверяя сведениям «жрецов» «в материях политики, войны, новых установлений, договоров, смертей княжеских и протчая», авторы в соответствии с уже накопленными научными знаниями предупреждали: «Сказания о небесных чудесах есть излишность, введенная суеверием во все истории света».

Авторы «Истории универсальной» обращали внимание на необходимость критического отношения к известиям источников и к их тексту. Так что они сообщали читателям: «...для того мы всегда старались извещать по крайней мере в примечаниях, в чем писатели разнствуют, понеже несправедливо есть, чтобы наши читатели слепо поверяли рассуждению нашему». Кроме такого сопоставления известий исторических источников столь же важна «хорошая хронология», дабы «представить всякое важное дело в его истинном числе». География — «другая часть, нужная истории». Поэтому авторы «старались с подлинностью показать место положения градов, рек, лесов, озер и гор, о которых имели случаи помянуть». Но и в данных сюжетах они стремились к критическому анализу историко-географических сведений: «Мы всегда старались сводить в примечаниях древнюю географию с новой и показывать межи (границы. — М. С.) земель прежние и нынешние одного народа».

³² РНБ. Эрм. 303/2. С. III, IV, X–LVI.

Большое значение имели метрологические наблюдения над денежно-весовым содержанием монет, мер веса и длины, которые позволяли конкретизировать реалии материальной жизни людей в древности³³.

Такое обстоятельное изучение истории посредством переводов «Истории универсальной» и трудов французских просветителей не только усилило интерес Щербатова к этой науке, сообщило ему некоторые основные сведения о ней, но также показало, что исторические знания являются составной частью всех наук об обществе. Данный вывод подтверждает анонимно опубликованный в 1759 г. Щербатовым отрывок из «Истории универсальной». Впрочем, этот отрывок посвящен не историческим событиям, а категориям этики, нравственности в политике.

В своем переводе, озаглавленном «Нравоучительные мнения некоторых персидских царей по восточным писателям», Щербатов обратился к «царям», в том числе и к императрице Елизавете Петровне: «Итак, остерегайтесь от поспешных судов и предупредите чрез сие сожаления, которые не могут вред сей исправить». Английские авторы разрушали свойственное обыденному мышлению представление о добром царе и его плохих боярах, так что Щербатов перевел: «Злые цари имели иногда благих министров, но благие и мудрые цари никогда долго злых министров не держали». Перевел он и содержащуюся в «Истории универсальной» мысль о преходящей значимости богатства и власти, которые пробуждают в людях гордыню.

Недовольство Щербатова современной ему российской действительностью прослеживается и в переведенном им совете «царя Фридуна» своему наследнику. В нем были сформулированы этические и конкретные просветительские идеалы: «Делай правосудие, дерзких укоряй, несчастных утешай, люби твоих детей, **защищай науки**, последуй советам старых твоих министров, воспрепятствуй младым людям вступать в дела государственные; **польза твоего народа да будет главная и единая причина твоих намерений**»³⁴.

Об особом внимании Щербатова к проблемам нравственности свидетельствует его обращение к «Очерку о человеке» Александра Поупа (Pope) (1688–1744), которого в русском произношении вслед за французской традицией именовали Попом. Поуп в 1733 г. издал замечательную по форме и содержанию поэму «Очерк о человеке». В нем были сформулированы проблемы, которые волновали на Западе философов и, шире, интеллектуалов в переходную эпоху от раннего Нового времени к обществу индустриальному: противопоставление деизма средневековому теизму, определение божественных начал в новом обществе и как следствие этого создание новой этики.

Вскоре после выхода в свет поэма А. Поупа была переведена на несколько иностранных языков, в том числе на французский и немецкий, и стала доступ-

³³ Там же. С. LVII–LXXIX.

³⁴ [Щербатов М. М.] Нравоучительные мнения некоторых персидских царей по восточным писателям // Ежемесячные сочинения. [СПб.] 1759. Июль. С. 55, 57–58.

на хорошо образованным российским читателям, в среде которых знание английского языка встречалось еще крайне редко. В московскую академическую книжную лавку в 1749 г. поступили два экземпляра поэмы, и проданы они были в том же году³⁵. Французский перевод шеститомного собрания сочинений Поупа, изданного в 1754 г., находился и в библиотеке Щербатова³⁶. О том, что интересовало тогда в поэме Поупа русского интеллектуала, как он воспринимал содержащиеся в ней идеи, свидетельствует предисловие к ее переводу на русский язык ученика М. В. Ломоносова Н. Н. Поповского (1730–1760), который стал профессором Московского университета. Основное содержание первого «письма», т.е. главы, поэмы Поповский раскрыл прагматически: премудрость Божия проявляется в том, что промысел Божий «самые **нравственные наши недостатки обращает без сомнения в общую и повсеместную пользу всего мира**».

Обстоятельно изложил Поповский содержание второго «письма», не без иронии написанное по отношению к теологам и философам: «Во втором [Поуп] научает нас не мешаясь в Божеский промысел рассуждать только о самих себе, и минуши тонкости философские о причинах согласия между действиями душевными и телесными, и о бессмертии души, чего философы еще и доселе не разобрали, представляет в человеке только то, что никакому сомнению не подвержено, то есть, что **действий человеческих суть два начала, разум и самолюбие**; что оба сии начала сами в себе никакого в себе никакого порока не имеют, понеже и то, и другое от врожденно в нас Бога; что и то и другое, **если правильным образом употребляемо будет, служит к человеческой пользе**, что погрешение и в том, и в другом происходит от слепоты человеческой, а не от Бога, который и здесь, также как и во всей природе, **недостатки и погрешности обращает к общей пользе** <...>». Тем самым Поповский обращал внимание на содержащееся в философии Поупа снисхождение к слабостям человеческим.

Содержание третьего «письма» Поповский раскрыл как утверждение общества на основах дружбы и взаимной помощи, а не враждебных друг другу личностей. Отметил он также содержащуюся в концепции Поупа идею гражданственного служения обществу в целом, что было противоположно утверждавшемуся на буржуазных началах в западноевропейских странах принципу индивидуализма и личного успеха в ущерб правам других людей: «В третьем [Поуп] утверждает человеческую принадлежность к обществу, доказывая, что один никто быть не может, что люди требуют взаимные помощи, <...> **чтобы люди друг другу служили**. Напоследок говорит, что **естественное состояние или первейшее сообщество между людьми не была война, но любовь и дружба**. Потом последовало **сообщество гражданское от взаимных нужды**.

³⁵ *Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 158.

³⁶ РНБ. Эрм. 586. Л. 36.

Напоследок заключает, что любовь к самому себе и любовь к другим есть та же и разделиться не может, и **чем кто искреннее себя самого любит, тем больше должен стараться о пользе и целости всего общества».**

Основной смысл четвертого «письма» Поповский раскрыл как утверждение гармонично существующего общества на основах равенства и справедливости. Средством достижения такой цели должно было стать, по Поупу, то, чего можно было достигнуть усилиями каждого человека — исправление нравов. Это была любимая идея интеллектуалов эпохи Просвещения: «<...> **мы о своем счастье не должны рассуждать только по одному своему состоянию, но по общему концу и пользе всех тварей. Мы по естеству все равны, и нет достойнейшего, ибо Бог никого не любит больше прочих, следовательно, и счастье должно быть всем одно и общее.** Поэтому здравие, красота, благородство, богатство и прочие не могут быть первым и общим блаженством, понеже не всем они достаются и притом переменяются, а **счастье должно быть у всех и непременно. До добродетели и доброй совести достигнуть всем вообще можно, <...>, добродетель есть первое благополучие»³⁷.**

Эти и многие другие конкретные наблюдения и философские обобщения Поупа, изложенные Поповским, свидетельствуют о том, что еще в молодости, находясь на армейской службе в Петербурге, Щербатов прошел курс интеллектуальной подготовки не только на классических произведениях французских просветителей, но также на идеях новейшей английской философии на самом высоком для того времени интеллектуальном уровне. Все они пропагандировали идеи деизма, гуманности, самоценности человека, справедливости человеческих отношений, потому что счастье одного человека зависит от всеобщего счастья. Они утверждали новые идеи научной познаваемости материального мира и его исторического прошлого.

Щербатов перевел также научно-популярный труд «Grammaire des sciences philosophiques ou Analyse abrégé de la philosophie modern, appuyée sur les expériences; traduite de l'anglais de Martin» (Paris, 1749). Когда Щербатов перевел его, установить не удалось³⁸. В этой книге, которую Щербатов назвал в своем переводе «Грамматика наук философических», обобщен огромный опыт, накопленный к середине XVIII в. в естественных науках и в философии³⁹. Такой интерес к научным знаниям Щербатов объяснял в соответствии с просветительскими принципами в письме Г. Ф. Миллеру от 9 июня 1760 г.: «<...> **все науки тем более полезны, что они могут служить исправлению наших нравов».** В том же письме он сообщал Миллеру, что и его переводы должны служить просвещению людей: «<...> так как я заявляю, что перевожу как можно более буквально, ничего не прибавляя и не сокращая, я верю, что красоты, правильность и основательность мыслей проникнут сквозь недостатки моего

³⁷ Поповский Н. Предисловие // Поп А. Опыт о человеке. М., 1757. С. 1–4.

³⁸ Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений... С. 6.

³⁹ РНБ. Эрм. Ед. хр. 125.

перевода и произведут впечатление на ум тех, кто читает, чтобы извлекать [из прочитанного] пользу (*qui lisent pour profiter*)»⁴⁰.

Нет сведений о том, что Щербатов хотел издать свой перевод «Грамматики наук философических», но несомненно, что в соответствии с просветительскими принципами он открывал для себя по этой книге всю сложность существующего мира на уровне научного знания того времени.

Видимо, неудовлетворенность современной российской действительностью, явная оппозиционность религиозной политике Елизаветы Петровны, которая преследовала иноверцев и старообрядцев, имели следствием обращение Щербатова к философии стоиков, которые противопоставляли несовершенству этого мира высшие нравственные ценности, основанные на разумности и добродетели. Поэтому он перевел из издававшегося в Берлине в 1750–1755 гг. журнала «Парнасская пчела»⁴¹ статью, озаглавленную им как «Нравоучительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплициуса и Арриана», т.е. из сочинений классика античной стоической философии Эпиктета (ок. 50 — ок. 138) и его последователей Арриана (ок. 95 — 2-я пол. II в. н.э.) и Симплициуса (ум. 549).

В статье несбыточным мечтаниям противопоставлялись прагматические начала реальной жизни: «Делай, что ты можешь, и употребляй все вещи и другие так, как они приходят». Но то, что совершается, должно было быть справедливым. Вслед за философами-стоиками Щербатов писал в своем переводе о верховенстве духовной жизни над суетностью мирских мыслей и благ, унижающих и уничтожающих в человеке его достоинство и высокое предназначение.

Эти размышления о вечной для людей проблеме противопоставления духовного и нравственного материальному, но недостойному привело Щербатова вслед за автором статьи к закономерному вопросу: «Мы все боимся смерти тела, но кто душевной смерти страшится?» Праведная жизнь вела в этой грешной жизни к тяжким испытаниям, и Щербатов перевел текст автора статьи, в которой выражалась его решимость эти испытания выдержать: «Господи, нашли на меня все испытания, какие тебе угодно, я всё готов сносить; ты мне дал довольную крепость, и я чувствую себя в состоянии славно превозмочь наизлейшие приключения (т.е. события. — М. С.)». Вероятно, в последующей жизни Щербатов не раз вспоминал об этом жизненном принципе.

В заключение статьи Щербатов перевел афоризм, относившийся также к научной работе: «Величество разума не измеряется по пространству знаний, но по истине и по подлинности оных». То есть главное — не количество сведений, а их достоверность и обоснованность выводов⁴². Такое мировоззрение не могло не формировать в нем ученого. Интерес Щербатова к философии

⁴⁰ Переписка князя М. М. Щербатова. С. 171; здесь и далее письма на французском языке приведены в переводе С. Г. Калининной с незначительными коррективами.

⁴¹ *Чечулин Н. Д.* Хронология и список сочинений... С. 17, примеч. 3.

⁴² [Щербатов М. М.] Нравоучительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплициуса и Арриана // Ежемесячные сочинения. СПб., 1759. С. 243–246, 249, 252.

Эпиктета был значителен, так что в его библиотеке находился изданный в Гааге в 1734 г. труд, излагавший основное содержание его концепции⁴³.

Приведенные ранее переводы Щербатова свидетельствуют о его особом интересе в молодости к просветительским идеям общего блага и к историзму в анализе общественной жизни. Его внимание привлекли распространившееся тогда стремление к активной общественной жизни и совершенствованию отдельного человека, к самостоятельности мышления, стоицизм, тенденция к идейной независимости от властей. В его переводах выразился интерес к идеям светского содержания духовной общественной и личной жизни, к веротерпимости и гуманности в обществе. Вслед за просветительской литературой он воспитывал в себе научное мышление, в котором особое значение имели история и право, законы. При этом первенствовать должна была духовная жизнь, а не суетность мирских мыслей и благ, которые унижали, а то и уничтожали в человеке его достоинство и высокое предназначение. Идеи социальной гармонии и справедливости существовали в щербатовских переводах наряду с просветительскими представлениями о свободе личности, о равенстве перед законом. Его мышление воспитывалось на лучших образцах просветительской литературы, в которых утверждалась необходимость преодоления традиций средневековья как времени варварства. Им противопоставлялся век Просвещения, которому были свойственны новая нравственность, законы, науки, культура. В исторической науке анализ событий и их причин должен был заменить описательность, а история эпохи — историю монархов.

Другие переводы и статьи М. М. Щербатова позволяют расширить круг сведений о его интеллектуальной жизни в молодые годы. Правление Елизаветы Петровны давало молодому гвардейскому офицеру много поводов для размышлений над проблемой нравственности. В поисках ответов на многочисленные вопросы он обратился в 1758 г. к популярному в то время в западноевропейских странах труду Фенелона «Наставление для совести короля, сочиненное для научения Людовика французского герцога бургонского господином Салиньяком деламотом Фенелоном, архиепископом герцогом Камбрэнским, его учителем». Рукопись перевода является списком, но заглавие написано рукой Щербатова⁴⁴.

Автор переведенной Щербатовым книги — Франсуа де Салиньяк маркиз де ля Мот Фенелон (1651–1715), писатель и моралист. Педагогический талант и нравственные принципы Фенелона были использованы в 1689 г. для воспитания внука французского короля герцога Бургундского. В числе произведений, написанных Фенелоном для своего воспитанника, находится сочинение, которое привлекло особое внимание Щербатова. В предисловии к «Наставлению» указывалось, что оно предназначено для «действительного поправления нравов» будущего наследника престола (здесь и далее текст «Наставления» при-

⁴³ РНБ. Эрм. 586. Л. 33 об.

⁴⁴ РНБ. Эрм. 117.

веден в переводе Щербатова). По мнению Фенелона, правители должны быть «учтивыми, справедливыми, правосердечными, умеренными, жалостливыми и готовыми прощать учиненные противу их прегрешения», тогда как льстецы стремятся воспитать в них «гордость, жестокость и лукавство», противоположные «уставам справедливости и человечества». Содержание этих принципов Фенелон раскрыл в «наставлениях», он формулировал основные начала, которым должен следовать правитель. Не искал ли правитель советников, склонных льстить в мыслях честолюбивых, тщеславных и «обманчивых». Старался ли он «познать истинную форму правления» своего государства. «Надлежит знать настоящее», а не только «прошедшее». Стараются ли он «уменьшить роскошь и остановить разорительное непостоянство». Не показал ли он «худым примером иль неумеренно вольным словом, иль шуткою» «неприличным образом говорить об законе». Не взял ли он «чего у кого» из своих подданных «токмо [по] своей власти и противу правил». Не вершил ли он «неправосудия». Дал ли он «всем секретарям <...> министров и другим людям, в нижних чинах обретающимся, довольное жалование, чтобы могли без нужды жить, не брав ничего от дел». Старался ли он облегчить жизнь народа и собирать с них подати для нужд государства столько, сколько нужно для собственной пользы народа. Не умножил ли он число чинов и должностей для пожалования ими своих приближенных. Знал ли он, что его «министры брали имена ваших подданных для вас, не заплатив справедливой цены». В договорах с «партикулярными людьми» так ли он справедлив и соблюдает условия, как договаривался. Справедливы ли рекрутские наборы. Дает ли он своим солдатам «довольное жалование, чтоб они могли жить, не грабя никого». Не совершил ли он «какого правосудия чужестранным нациям». Награждал ли он «правосудно (по справедливости. — М. С.) достоинство всех ваших подданных, которых могли в чины употребить». Не «приучил» ли он своих «служителей» к расходам сверх состояния их и к награждениям, которые отягощают государство. Не сделал ли он кого фаворитом без достаточных оснований. Обращаясь к правителю, Фенелон вопрошал: «Не со излишеством ли вы разливали благоденствия на главы ваших министров, временщиков и друзей тогда, когда оставили в нужде людей, имеющих достоинства, которые долгое время служили, а защитников не имеют?»⁴⁵ Все эти вопросы Фенелона проецировались на российскую действительность 50-х гг. XVIII в. и, вероятно, соответствовали взглядам Щербатова на то, что происходило в его стране. Об особом внимании к трудам Фенелона свидетельствует наличие в щербатовской библиотеке его другого обобщающего сочинения — это «Философский очерк о гражданском правлении» (London, 1721)⁴⁶.

Щербатова интересовали также сложные вопросы изучения государства как в историческом, так и антропологическом контексте. Среди его переводов находится рукопись сочинения «Рассуждение о причинах установления

⁴⁵ Там же. С. 4–44.

⁴⁶ РНБ. Эрм. 586. Л. 34 об.

и отменения законов творцом Истории Бранденбургской». Автора и авторское название этой книги установить не удалось. Рукопись представляет собой чистовой автограф с незначительной авторской редакционной правкой, постранично пронумерованный Щербатовым. На первом нумерованном листе рукописи рукой Щербатова написано: «О притч. устан. закон.». Далее он указал «1758 год». Эту цифру он зачеркнул, а поверх ее написал «62», но ее также зачеркнул, а рядом указал: «Москва 1762 год». Можно предположить, что после осуществления этого перевода Щербатов вспоминал время работы над ним. Он сокращенно повторил название и привел первую дату по памяти. Видимо, это был год начала работы над переводом книги. Но затем он этот год зачеркнул и указал «62». Как отмечено ранее, 1762 г. в жизни Щербатова — время его отставки от армейской службы и переезда в Москву. Совершенно очевидно, что Щербатов много времени потратил в этом году на дела по организации перевозки из Петербурга в Москву, вероятно, значительного хозяйства, включая библиотеку и рукописи, после многолетнего пребывания в северной столице. Времени на осуществление полного перевода книги в 1762 г. у Щербатова также не было. Можно предположить, что первая из написанных им дат «1758 год» — приблизительное, по памяти установленное время начала перевода книги в Петербурге. Запись «Москва 1762 год» — время и место завершения работы над переводом, в которых Щербатов не сомневался. Так что идеи книги, которые его особо заинтересовали, относились еще ко времени его армейской службы в Петербурге.

«Рассуждение о причинах установления и отменения законов» в переводе Щербатова уже в самом начале устанавливало исторический принцип в изучении изменений законов во времени: **«Те, которые хотят приобрести точное знание, каким образом должно устанавливать или отменять законы, не могут инде его окромя истории почерпнуть»**. При этом в соответствии с эпохой, когда книга была написана, обращалось внимание на то, что только те законы были «долговременными», которые «единственно старались об **общем благополучии**» и которые более соответствовали этнокультурным особенностям народа.

В книге был предпринят опыт изучения истории законодательства в связи с историей общественного строя. Традиционно для историографии XVIII в. начальный период истории развития общества определялся семейной организацией. В ней «отцы фамилий были первые законодатели». Причина последующих изменений законов заключалась в том, что общественный строй стал более сложным: «<...> люди стали собираться во граде», тогда как древние законы «стали недостаточны для многочисленного собрания». В переведенной Щербатовым книге был предпринят опыт характеристики известных тогда древнейших законов: «Первые законы токмо великие непристойности (т.е. правонарушения. — М. С.) отвращали, гражданские же [законы] учреждали службу богам, раздел земель, договоры супружества и наследства». Особо характеризовалась начальная история уголовного права: «Криминальные же

законы были токмо строги для таких преступлений, от которых более [тяжелых] следствий опасались, и потому по мере, как бывали неожиданные случаи, то новые беспорядки производили новые законы», т.е. определяющей материальной причиной развития уголовного законодательства являлась практика правонарушений.

Последующие изменения общественно-политического строя заключалась в том, что «от соединения градов сочинялися республики». «Наскучивши демократией (народным правлением), народ переходил к аристократии (правление некоторого числа главных⁴⁷ людей). Наряду с “аристократическим правлением” могло появиться и “монархическое правление” в результате доверия людей к одному из “добродетельных” “своих граждан”, иль обманами какой честолюбивый похищал вышнюю власть»⁴⁸.

Далее в книге излагается краткая история Древнего Египта, Древней Греции, Рима, германцев, а также Франции, Англии и других «ученых народов», которых просветители называли «цивилизованными», в различиях их «правлений» и законов. Обобщая это повествование, автор книги в переводе Щербатова делал вывод: «Мы еще заметим, рассматривая поступок мудрейших законодатцев, что **законы должествуют сходствовать с родом правления и со склонностию нации**, которой они предписывались, что лучшие законодатцы имели в предмет (т.е. целью, задачей. — М. С.) **публичную пользу** и что, вообще, все **законы, которые сходственные с естественною справедливою**, с некоторым исключением **суть лучшие**»⁴⁹. То есть еще раз утверждались основные принципы законодательства. Оно должно соответствовать основному содержанию правления, этнокультурным традициям и желаниям народа, общей пользе. Но дополнены эти основы права еще принципом «естественной справедливости», т.е., как следует из последующего повествования, «все граждане находят» в существующих законах «свою пользу». Этот принцип утверждал в законах начала социальной и правовой справедливости.

Рукопись «О пользе гражданских законов» была опубликована Щербатовым в 1759 г. под названием «О надобности и о пользе градских законов»⁵⁰. Она свидетельствует о его значительном накопленном опыте в изучении сложнейшей проблемы происхождения и значения законов и власти. Щербатов начал эту статью с важнейшего утверждения: «**Человек сотворен для сообщества**». То есть он в полной мере обоснованно рассматривал человека как постоянного члена общества, а не индивидуума, некоего Робинзона, существующего отдельно от общества. Изданная в 1719 г. книга Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» была популярна в странах Западной Европы не только благодаря ее занимательности, но и философскому смыслу — возрождение человека в единении

⁴⁷ Слово *главных* Щербатов приписал на полях страницы.

⁴⁸ РНБ. Эрм. 46. С. 3–7; в круглых скобках разъяснения Щербатова.

⁴⁹ Там же. С. 30.

⁵⁰ *Чечулин Н. Д.* Хронология и список сочинений... С. 17.

с природой вдали от суетного человечества. Эту идею поддержал и активно разрабатывал Жан-Жак Руссо. Так что исходный тезис размышлений Щербатова имел в то время, да и значительно позже, вплоть до наших дней, принципиальное значение в связи с распространением антропологических методов изучения истории.

Но эта исходная посылка обосновывала следующее утверждение М. М. Щербатова: «Следовательно, он сотворен, чтоб жить под законами и под властью», т.е. отношения между людьми должны регулироваться правовыми нормами, а само общество должно управляться властными институтами. Эти отношения в обществе, по Щербатову, стали еще более сложными в связи с «установлением» «права твоего и моего», т.е. прав личности и частной собственности. Отметил он также их отрицательные следствия: «Сие право, кое впоследствии было причиною зол <...>». Так что законы и власть должны не только сдерживать различие людских интересов, но и поддерживать существующие различия в собственности. В подтверждение этой мысли Щербатов привел стихи Вольтера, видимо, в своем переводе: «Спокойной дух его раскаянья не знает; / Доволен он судьбой, и лучше не желает, / Равны состоянья, но в нас равенства нет».

Свои наблюдения Щербатов обобщил суждением, в соответствии с которым все виды отношений людей, включая дружбу, «безопасность жизни и имений», зависят от законов и власти. Без них «были бы люди как скоты или и еще хуже». Но в отношении свойств законов и власти Щербатов занял активную позицию. Он еще мог допустить ситуацию, когда «иногда власть, законы преступая, чинит подданных несчастными», когда это «зло» распространяется не на всех или оно временное, «мимоходящее». Но Щербатов предупредил, что власть может быть источником и всеобщего «зла»⁵¹. Решения данной проблемы он не предложил. Но заслугой Щербатова стало то, что он уже в молодости сформулировал мысль о воздействии власти и законов на отношения людей. При этом российская действительность 50-х гг. XVIII в. подсказала ему мысль о долговременном негативном воздействии ошибочных решений государственной власти и законов на общественную жизнь.

Наряду с такими общими проблемами анализа общественно-политической жизни, власти и права в историческом контексте Щербатова, гвардейского офицера и интеллектуала, интересовали сложнейшие вопросы современной российской действительности, которые определяли этические задачи основного содержания его жизни.

За годы службы в Петербурге в гвардейском Семеновском полку Щербатов, вероятно, в полной мере разочаровался в суетной жизни, наполненной интригами, стремлением к неправедным богатствам и чинам. Он видел при императорском дворе унижение людей знатных, их зависимость от гнева и милости государыни. Воспитанное чтением трудов выдающихся философов и историков

⁵¹ [Щербатов М. М.] О надобности и о пользе гражданских законов // Ежемесячные сочинения. СПб., 1759. Июль. С. 37–38, 49, 53–54.

самосознание, чувство собственного достоинства князя Рюриковича, потомка князей Черниговских, пробудило в нем стремление удалиться от этой суеты, от совершения «подлостей» по отношению к другим людям и к собственной совести, жить честной уединенной жизнью труженика и мыслителя. Вероятно, его мысли и чувства в полной мере выражала статья, опубликованная в 1750 г. в журнале «Парнасская пчела», издававшемся в Берлине⁵². Ее перевод Щербатов выпустил в 1760 г. В ней содержались смелые мысли, важные для него слова: «Счастлив тот, кто будучи отдален от **смущений света**, веселится удовольствиями уединения, и коего главное сообщение состоит в приятном разговоре самого с собою. С засвидетельствованием справедливой совести **взирает он с презрением на безумства и тщеславия света**. Он токмо старается о приобретении спокойства душевного, **не страшится непостоянства фортуны, ни переменчивостей рока, презирает богатства и гибельные величества земные**. Доволен настоящим, о предбудущем не беспокоится. Доволен сам собою, **никого не отягощает, никогда не бывает принужден говорить противу своих мыслей и терпеть споры, от упрямства происходящие**. Будучи отдален от двора, **не страшится гневу своего государя и не тщится ласкательством приобрести его милость. Он не бывает принужден делать сии подлости, которых требуют вельможи, и обретается в счастливой невозможности кого обидеть**. Он старается познать прошедшее, примечает настоящее и сокращает свои старания о себе самом, не имея попечения о делах других. Равно **неприступен гордости и честолюбию, сребролюбие ему кажется быть безумство, сластолюбие — блистающая глупость, а лень — преступление**»⁵³.

«Довольство собой» — в данном случае не эгоизм и не самолюбие, а самодостаточность, самопознание и самоутверждение, это — постоянная тема *преходящего и вечного* в творчестве. Всего через 70 лет А. С. Пушкин так же сформулирует проблему творческой личности: «Поэт! Не дорожи любовью народной (здесь: людей обыденного мышления всех сословий. — М. С.). / Восторженных похвал пройдет минутный шум; / Услышишь суд глупца и смех толпы холодной: / Но ты останься тверд, спокоен и угрюм. / Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум. / Усовершенствуя плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный. / Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд; / Всех строже оценить умеешь ты свой труд. / Доволен? Так пускай толпа его бранит / И плюет на алтарь, где твой огонь горит <...>» (Пушкин А. С. Поэту (1830)).

Ранее рассмотрены только те работы Щербатова 50-х гг., в которых выразился его особый интерес к истории, философии и общественно-политической жизни. Этот интерес по-разному будет проявляться в его последующей жизни историка, общественного и государственного деятеля, мыслителя. Но читал

⁵² Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений... С. 17, примеч. 3, с. 18, примеч. 3.

⁵³ [Щербатов М. М.] Нравоучительные рассуждения графа Оксенстерна // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Октябрь. С. 372–373.

и знал молодой Щербатов значительно больше. Его круг чтения научной литературы состоял не только из русских, но также иностранных книг — на французском, итальянском, английском, латинском и польском языках. Впрочем, молодая российская наука не могла удовлетворить его обширные интересы. Сложность определения круга чтения М. М. Щербатова 50-х гг. заключается также в том, что в его библиотеку были включены книжные собрания его отца, старшего брата и тестя, И. А. Щербатова⁵⁴.

Как известно, библиотеку Щербатова составляли около 15 тыс. книг. Судя по ее «Реестру», большая их часть была издана до 1760-х гг. Книги в щербатовской библиотеке были расставлены по новому для того времени тематическому принципу: военное дело, экономика, торговля, банковское дело, география, история, математика, архитектура, медицина, филология, философия, физика, естественные науки, астрономия, минералогия, электричество, поэзия, политика, теология, путешествия, разное (*mélanges*). Но внутри этих разделов они были расставлены по-старому — по форматам. Такая расстановка книг по-своему отразила двойственность взглядов их владельца: современная для середины — второй половины XVIII в. энциклопедичность знаний, активный интерес к новому, с одной стороны, и сохранение традиций старины — с другой. В числе иностранных книг, изданных до 1760-х гг., находились те, которые были куплены Щербатовым еще в годы молодости, но, без сомнения, также книги, приобретенные уже после переезда в Москву. Выделить те из них, которые принадлежали ранее его отцу, брату и тестю, сейчас невозможно. Но, учитывая широту интересов Щербатова, можно предположить, что и они входили в круг его чтения.

В «Реестре» щербатовской библиотеки привлекают внимание книги, отражавшие интересы ее владельца. Здесь и далее возможны лишь самые краткие характеристики произведений или их авторов для их соотнесения с достоверно использованными Щербатовым западными публикациями⁵⁵. Это амстердамское переиздание 1740–1750-х гг. «Исторического и критического словаря» Р. Бея (1647–1706), которого считают провозвестником философской мысли XVIII в., гаагское издание 1758 г. «Исторического словаря» П. Маршана, амстердамское издание 1740 г. «Большого исторического словаря» французского эрудита Л. Морери (1643–1680). В числе книг по философии указаны, кроме ранее названных, четырехтомное собрание сочинений П. Бея, изданное в Гааге в 1737 г., опубликованные в основном в 1710–1750-х гг. исследования, посвященные философии Ф. Бэкона (1561–1626), греческого моралиста и фи-

⁵⁴ Королев С. В. Книги из собрания рода Щербатовых в Российской национальной библиотеке // Книга. Исследования и материалы. М., 1995. Сб. 71. С. 224–227; Самарин А. Ю. Русские печатные книги в библиотеке князя М. М. Щербатова // Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. Вып. 3. С. 117–135; Калинина С. Г. Введение // Переписка князя М. М. Щербатова. С. 12–14 и другие работы.

⁵⁵ Каталог русских книг щербатовской библиотеки см.: Самарин А. Ю. Русские печатные книги... С. 124–135.

лософа Теофраста (ок. 372 — ок. 287 до н.э.), немецкого философа Х. Вольфа (1679–1794), ученика Г. В. Лейбница и учителя М. В. Ломоносова, концепции прав человека и гражданина немецкого правоведа и историка С. Пуфендорфа (1632–1694), труды Р. Декарта (1596–1650), основоположника современной системы научного мышления, основанного на логике ясных и точных определений, сторонника концепции сомнения как методического приема в процессе познания, а также теории моралиста М. Е. Монтеня (1533–1592), который пришел к выводу о невозможности человека найти правду и справедливость.

Наряду с этими трудами в библиотеке Щербатова находились также знаковый для Лейбница труд «Очерки о теодицее», в котором утверждалось, что при божественной предопределенности возможны в мире добро и зло, свобода и необходимость. Среди этих книг, написанных на французском или переведенных на него, также изданный в Лондоне в 1721 г. основной философский труд Д. Локка (1632–1704) «Опыт о человеческом разуме», где теории о врожденных идеях противопоставлена материалистическая концепция познания на основании опыта⁵⁶.

Эти и многие другие книги по истории, этике и философии в библиотеке Щербатова, его опубликованные работы и неизданные рукописи свидетельствуют о широте его научных интересов в 50-х гг., о его формировании как историка, мыслителя, общественного и государственного деятеля уже в молодости, когда он служил в гвардии в Петербурге.

References

- Čečulin N. D. Hronologiâ i spisok sočinenij kn. M. M. Šerbatova. SPb., 1900. (Otd. ott. iz Žurnala narodnogo prosvetešeniâ. SPb., 1900).
- Ferrone V., Roš D. Vvedenie // Mir Prosvetešeniâ. Istoričeskij slovar' / Pod red. V. Ferrone i D. Roša; per. N. Ū. Plavinskoj pod red. S. Â. Karpa. M., 2003.
- Frejhof V. Kosmopolitizm // Mir Prosvetešeniâ. Istoričeskij slovar' / Pod red. V. Ferrone i D. Roša; per. N. Ū. Plavinskoj pod red. S. Â. Karpa. M., 2003.
- Kalinina S. G. Vvedenie // Perepiska knâžâ M. M. Šerbatova / Vvedenie i komment. S. G. Kalininoj. M., 2011.
- Karion (Istomin). Bukvar slavenorossijskikh pis'men <...>. M., 1692.
- Ključevskij V. O. Sočineniâ v vos'mi tomah. M., 1959. T. 8: Issledovaniâ, recenzii, reči (1890–1905).
- Komissarenko A. I. Russkij absolûtizm i duhovenstvo v XVIII (Očerki istorii sekulârizacionnoj reformy 1764 g.). M., 1990.
- Kopanev N. A. Peterburgskie otkliki na konflikt Vol'tera s Fridrihom II // Vol'terovskie čteniâ: materialy meždunar. konf. SPb., 2009. Vyp. 1.
- Kopanev N. A. Rasprostranenie francuzskoj knigi v Moskve v seredine XVIII v. // Francuzskaâ kniga v Rossii v XVIII v.: Očerki istorii. L., 1986.
- Korolev S. V. Knigi iz sobraniâ roda Šerbatovyh v Rossijskoj nacional'noj biblioteke // Kniga. Issledovaniâ i materialy. M., 1995. Sb. 71.
- Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sočinenij v desâti tomah. M.; L., 1959. T. 8.
- Perepiska knâžâ M. M. Šerbatova / Vvedenie i komment. S. G. Kalininoj. M., 2011.
- Popovskij N. Predislovie // Pop A. Opyt o čeloveke. M., 1757.
- Samarin A. Ū. Russkie pečatnye knigi v biblioteke knâžâ M. M. Šerbatova // Problemy istočnikovedeniâ istorii knigi. M., 2000. Vyp. 3.
- [Šerbatov M. M.] Nравоучitel'nye mneniâ nekotoryh persidskikh carej po vostočnym pisatelâm // Ežemesâčne sočineniâ. SPb. 1759.

⁵⁶ РНБ. Эрм. 586. Л. 21 — 27 об., 33–36.

[*Šerbatov M. M.*] Nравoučitel'nye rassuždeniâ grafa Oksensterna // Sočineniâ i perevody, k pol'ze i uvесeleniû služašie. SPb., 1760. Oktâbr'.

[*Šerbatov M. M.*] Nравoučitel'nye rassuždeniâ, vybrannye iz Èpikteta, Simpliciusa i Arriana // Ežemesâčnye sočineniâ. SPb., 1759.

[*Šerbatov M. M.*] O nadobnosti i o pol'ze graždanskih zakonov // Ežemesâčnye sočineniâ. SPb., 1759. Iûl'.

[*Šerbatov M. M.*] Slovo o spokojstvii duši, vzâtoe iz Ipparha, filosofa Pifagorejskogo // Ežemesâčnye sočineniâ. SPb., 1760. Iûl'.

Šmurlo E. Vol'ter i ego kniga o Petre Velikom. Praga, 1929.

Sobranie čudnoe sokroviš knižnyh: Biblioteki Èrmitaža 250 let. Katalog vystavki. SPb., 2012.

Travnikov S. N. Šerbatov M. M. // Slovar' russkih pisatelej XVIII v. SPb., 2010.

Список литературы

Калинина С. Г. Введение // Переписка князя М. М. Щербатова / Введение и коммент. С. Г. Калининой. М., 2011.

Каруон (Истомин). Букварь славенороссийских письмен <...>. М., 1692.

Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. М., 1959. Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905).

Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990.

Копанев Н. А. Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II // Вольтеровские чтения: Материалы междунар. конф. СПб., 2009. Вып. 1.

Копанев Н. А. Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986.

Королев С. В. Книги из собрания рода Щербатовых в Российской национальной библиотеке // Книга. Исследования и материалы. М., 1995. Сб. 71.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.; Л., 1959. Т. 8.

Переписка князя М. М. Щербатова / Введение и коммент. С. Г. Калининой. М., 2011.

Поповский Н. Предисловие // Поп А. Опыт о человеке. М., 1757.

Самарин А. Ю. Русские печатные книги в библиотеке князя М. М. Щербатова // Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. Вып. 3.

Собрание чудное сокровищ книжных: Библиотеке Эрмитажа 250 лет. Каталог выставки. СПб., 2012.

Травников С. Н. Щербатов М. М. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010.

Ферроне В., Рош Д. Введение // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша; пер. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М., 2003.

Фрейхоф В. Космополитизм // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша; пер. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М., 2003.

Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова. СПб., 1900. 28 с. (Отд. отт. из Журнала народного просвещения. СПб., 1900).

Шмурло Е. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

[*Щербатов М. М.*] Нравouчительные мнения некоторых персидских сочинения. СПб., 1759.

[*Щербатов М. М.*] Нравouчительные рассуждения графа Оксенстерна // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Октябрь.

[*Щербатов М. М.*] Нравouчительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплициуса и Арриана // Ежемесячные сочинения. СПб., 1759.

[*Щербатов М. М.*] О надобности и о пользе гражданских законов // Ежемесячные сочинения. СПб., 1759. Июль.

[*Щербатов М. М.*] Слово о спокойствии души, взятое из Иппарха, философа Пифагорейского // Ежемесячные сочинения. СПб., 1760. Июль.

**Р. В. Новожеев,
В. П. Барынкин, И. С. Иванчогло**

**Охрана и режим в лагерях
для немецких военнопленных
на территории Брянской области
в 1944–1948 гг.
(на примере лагерей № 252 и 327)¹**

В 1944 г. на территории Брянской области были созданы лагеря для военнопленных фашистской Германии. Лагеря имели несколько десятков крупных и мелких отделений на территории области. Военнопленные работали на лесоразработках, восстановлении городской инфраструктуры, заводов и фабрик, учебных заведений, работали в подсобных хозяйствах².

Все лагерные отделения лагерей № 252 и 327, а также их управления были охраняемыми режимными объектами. В штатном расписании лагерных сотрудников обязательно было следственное отделение, группа режима и охраны, которые подчинялись заместителю начальника лагеря по режиму и охране.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-32001.

² *Барынкин В. П., Новожеев Р. В., Иванчогло И. С.* К вопросу об организации и деятельности лагерей для военнопленных и интернированных на Брянщине во второй половине 40-х годов XX века // *Studia internationalia. Материалы IV Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского. Брянск, 2015. С. 303.

Охрана лагеря организовывалась в соответствии с Приказом НКВД СССР № 0313 от 7 августа 1943 г., в котором была утверждена «Инструкция о службе гарнизонов по охране лагерей, госпиталей, тюрем, складов и спецобъектов конвойными войсками НКВД СССР».

Пребывание военнопленных в лагере регламентировалось строгими режимными условиями. Группы режима и охраны имелись в каждом лагерном отделении (далее — лаготделение), их штат и должностные оклады зависели от количества контингента. Так, например, в лагерном отделении № 2 с лимитом в 2 тыс. военнопленных охранная группа состояла из двух дежурных офицеров с окладом 600 руб., одного начальника вахтовой команды (далее — вахткоманды) с окладом 500 руб. и пятнадцати вахтеров с окладом 300 руб.³ Группа находилась в подчинении заместителя начальника лаготделения по режиму и охране, который обычно был в звании майора, с окладом 1200–1900 руб.⁴ Кроме вахткоманды охрану несли отряды конвойных войск НКВД, подчинявшиеся своему руководству. Лаготделения лагеря № 252 в 1947 г. охранял гарнизон в количестве 212 военнослужащих 400-го Конвойного полка. Из них внутренний наряд осуществляли 56 чел., охрану по периметру — 95 чел., охрану по периметру паровозостроительного завода в г. Бежица — 37 чел., конвой на объекты работы — 21 чел.⁵ Примерное количество вооруженной охраны для конвоирования на работу составляло: 1 охранник на 20 военнопленных⁶.

Также организовывались вспомогательные команды из расконвоированных военнопленных и спецконтингента (бывших полицаяв, старост и т.п.), показавших хорошее поведение, антифашизм, лояльность и трудолюбие. Вспомогательные команды, как правило, размещались вне лагерной зоны. При этом такие команды всё равно подвергались поверкам, обычно три раза в сутки — утром, вечером и ночью. В случае нарушения правил и режима расконвоированный наказывался, а по отбытии наказания отправлялся в зону лагеря⁷. В близлежащих населенных пунктах создавались «бригады содействия» из местных жителей, с которыми регулярно проводился инструктаж на тему: «О целях и задачах по задержанию военнопленных»⁸. Кроме того, свою охрану выделяли хозорганы, на объектах которых работали военнопленные.

Главная функция группы режима и охраны заключалась в охране порядка на лагерной территории, в контроле режима и недопущении побегов военнопленных. Для этого в каждом лаготделении был следственный отдел, состоящий из начальника отдела с окладом 1200 руб., старшего оперуполномоченного с окла-

³ Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 2. Л. 47–49.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 36. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 7. Л. 1 об.

⁷ Там же. Д. 11. Л. 46–47.

⁸ ГАБО. Ф. 2973. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

дом 900 руб., следователя с окладом 800 руб., оперуполномоченного с окладом 800 руб., переводчика с окладом 800 руб., политконтролера с окладом 600 руб., делопроизводителя с окладом 400 руб. Все сотрудники отдела кроме вольнонаемного делопроизводителя были вооружены табельными пистолетами «ТТ»⁹.

Лагерные отделения были оборудованы проволочными ограждениями высотой 2,5 м. По углам зон располагались вышки, 4 поста и 2 ночных дозора, которые выполняли круглосуточную охранную службу¹⁰. Также были установлены КПП с круглосуточным дежурством офицеров. Вход осуществлялся строго по пропускам. Связь между вышками и караульным помещением осуществлялась световой и звуковой сигнализацией (в подвешенные рельсы и гильзы)¹¹. Территория при ограждении на расстоянии 50 м регулярно очищалась от травы, кустарника и мусора.

В 1944 г. на вооружении охраны имелись винтовки, револьверы, 50% которых были трофейными и требовали ремонта. На июнь 1945 г. в лагере имелось 128 винтовок, 89 мелкокалиберных винтовок, 488 револьверов и пистолетов, 5 пистолетов-пулеметов, 2 сигнальных пистолета, 510 ручных гранат¹². В 1946 г. вооружение и военное снаряжение лагеря состояло из: снайперских винтовок — 8 шт., винтовок образца 1891/1930 — 117 шт., карабины 1938 г. — 12 шт., пистолеты «ТТ» — 45 шт., револьверы «Наган» — 122 шт., пистолеты иностранного производства калибра 6,35 мм и 7,65 мм, ПППШ — 24 шт., сигнальные пистолеты — 2 шт., ручной пулемет Дегтярева — 1 шт., автомат немецкий — 1 шт., иностранный ручной пулемет 7,92 мм (вероятно, немецкий «Кнорр-Бремзе») — 1 шт., бинокль — 1 шт., компасы Андрианова — 72 шт., патронов разных калибров, включая осветительные — 36 461 шт., противогазы — 844 шт., кирки тяжелые — 25 шт., фонари карманные — 85 шт., лопаты малые — 17 шт.¹³ Кстати, 106 винтовок и карабинов были неисправны, также неисправными были 27 пистолетов и револьверов, все ПППШ и ручной пулемет Дегтярева¹⁴. В акте обследования вооружения отмечается, что все винтовки, карабины, пистолеты-пулеметы и ручные пулеметы были подобраны на поле боя. Это оружие не было своевременно почищено и отремонтировано, поэтому их состояние оказалось неудовлетворительным. Также отмечено, что так как офицерский состав призван из запаса и в основном это люди гражданские, то они с трудом обращаются с оружием и не следят за его состоянием. В 1945–1946 гг. ремонт оружия не производился за неимением специалиста, инструмента, запчастей и помещения¹⁵.

⁹ ГАБО. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 2. Л. 47–49.

¹⁰ Там же. Д. 7. Л. 32.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 11. Л. 3.

¹³ Там же. Д. 30. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 5–6.

Еженедельно с личным составом вахткоманды проводились занятия по боевой и политической подготовке. Однако отмечалась недостаточность таких занятий в связи с малограмотностью вахтеров¹⁶.

В связи с неэффективностью вахтерских команд, предоставляемых хозорганами, для охраны лаготделений и объектов работ начальник лагеря № 252 полковник Малахов был вынужден в 1946 г. обратиться к начальнику УМВД по Брянской области с просьбой отказать от вахтеров хозорганов и заставить конвойные войска заниматься вопросами конвоирования, охраной по периметру и т.п.¹⁷

В период государственных праздников — 1 мая, 7 ноября и др. в лагере проводились дополнительные мероприятия по усилению охраны и безопасности. Выставлялись дополнительные наряды, создавалась опергруппа в составе 7 человек с автомашиной для быстрого реагирования, активизировалась агентурная деятельность как в лаготделениях, так и в окружающих населенных пунктах. Усиливалась охрана складов, водоемов, пищеблоков, ужесточалась выдача пропусков. Военнопленные в эти дни на работу не выводились. Проводились учебные тревоги, а также обыск военнопленных и помещений с целью выявления запрещенных предметов¹⁸. А таковые обнаруживались при обысках регулярно. Это были самодельные ножи, немецкие рейхсмарки, фашистские награды, иногда похищенные с места работы предметы, например спички¹⁹, молотки, стамески, топографические карты²⁰. Из личного архива авторов известно, что можно было сохранить даже альбом с фотографиями. Необоснованные обыски и присвоение вещей военнопленных со стороны дежурных офицеров пресекались и наказывались. Так, 11 мая 1945 г. за эти правонарушения были арестованы на 10 суток с удержанием 50% оклада два офицера второго лаготделения лагеря № 252²¹.

Распорядок дня для военнопленных в лагерных отделениях был следующим:

1. Подъем и туалет — 6:00–6:30
2. Завтрак — 6:30–7:20
3. Поверка и вывод на работу — 7:20–8:00
4. Рабочее время — 8:00–12:00
5. Обед и отдых — 12:00–13:00
6. Вывод на работу — 13:00–13:15
7. Рабочее время — 13:15–17:30
8. Антифашистская работа — 17:30–19:30

¹⁶ ГАБО. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 7. Л. 32 об.

¹⁷ Там же. Д. 29. Л. 37.

¹⁸ ГАБО. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 11. Л. 8 — 8 об.; Д. 14. Л. 82 — 82 об.

¹⁹ ГАБО. Ф. 2973. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

²⁰ ГАБО. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 27. Л. 7 об.

²¹ Там же. Д. 14. Л. 92.

9. Ужин — 19:30–20:30
10. Личное время — 20:30–21:30
11. Вечерняя поверка — 21:30–21:50
12. Отбой в 22:00²².

Военнопленные, нарушающие требования дисциплины и режима, совершившие или пытавшиеся совершить побег, симулянты, воры, «прототчики» обмундирования, дезорганизаторы производства, отказники, расхитители лагерного имущества помещались в штрафные взводы (роты) сроком от одного до трех месяцев. Рабочий день для штрафников устанавливался в 12 часов (при общепринятом рабочем дне продолжительностью в 8 часов) с обязательным выполнением норм выработки. Также для них устанавливались особые нормы питания. Так, выполняющим и перевыполняющим нормы выработки питание устанавливалось по норме № 1, отказникам и не выполняющим нормы — по нормам питания гауптвахты²³.

Регулярно проводились проверки состояния правил режима и условий охраны в лагерных отделениях. Выявленные нарушения оперативно устранялись.

Таким образом, режим и охрана в лагерях для военнопленных на территории Брянской области была организована в соответствии с нормативными актами и директивами центральных и региональных органов власти. Цель была предельно проста — максимальное использование дополнительной рабочей силы в послевоенной советской экономике. ГКО принял постановление № 8921 «СС» «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных». По этому постановлению нужно было провести рациональное распределение поступавшей с фронтов и уже имеющейся рабочей силы по различным хозяйственным отраслям СССР. По отдельным отраслям народного хозяйства НКВД требовал привлечения трудовых ресурсов из военнопленных на 80%. 29 сентября 1945 г. было введено в действие «Положение о трудовом использовании военнопленных». Согласно ему распределение рабочей силы по конкретным хозяйственным объектам осуществлялось по решениям ГКО. При этом стройки и предприятия, на которые направлялись военнопленные, выступали в качестве хозяйственных органов-работодателей или хозорганов, а НКВД в лице лагерей военнопленных — поставщика рабочей силы. От лагеря требовалось поддержание стабильного числа («явочной численности») работающих на объекте, сохранение их работоспособности. Поэтому одной из главнейших забот НКВД было физическое состояние военнопленных: их жилищные условия, снабжение, питание, медицинская помощь, использование по специальности, охрана труда, длительность рабочего времени. Это прежде всего могло быть обеспечено режимными мероприятиями. Как показало исследование,

²² ГАБО. Ф. 2973. Оп. 1. Д. 7. Л. 41.

²³ ГАБО. Ф. 2636. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

существовало несколько уровней охраны, которую осуществляли конвойные войска, вахткоманды из расконвоированных, вахткоманды хозорганов. Обязательными структурными элементами были следственные отделения, опергруппы, группы режима и охраны. Для недопущения побегов и оперативного розыска из местного населения создавались «бригады содействия». В целом охранные структуры выполняли поставленные перед ними задачи. Режим в лагерях был строгий, что объясняется условиями военного и послевоенного времени. Однако немецкие военнопленные, в недавнем прошлом враги, жили и работали по распорядку, несравнимому с тем, который был установлен в немецких концлагерях, деятельность которых была античеловечной, направленной на уничтожение попавших в плен людей, прежде всего красноармейцев. Немецкие военнопленные имели свободное время, личные вещи, зарплату, 8-часовой рабочий день, возможность расконвоирования, достаточные по тем условиям медицинскую помощь и питание, писали письма на родину. И всё это в тяжелейшие для советского народа военные и послевоенные годы.

References

Barynkin V. P., Novožeev R. V., Ivančoglo I. S. К вопросу об организации и деятельности лагерей для военнопленных и интернированных на Брянщине во второй половине 40-х годов XX века // *Studia internationalia. Materialy IV Meždunarodnoj naučnoj konferencii «Zapadnyj region Rossii v meždunarodnyh otnošeníh X–XX vv.»*. Brânskij gosudarstvennyj universitet im. akademika I. G. Petrovskogo. Brânsk, 2015.

Список литературы

Барынкин В. П., Новожеев Р. В., Иванчогло И. С. К вопросу об организации и деятельности лагерей для военнопленных и интернированных на Брянщине во второй половине 40-х годов XX века // *Studia internationalia. Материалы IV Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского. Брянск, 2015.

А. А. Андреев

Посольство Ашур Бека¹ к Петру Великому и начало миссии князя А. Б. Черкасского

В 1713 г. в пределы российского государства, в Астрахань прибыл хивинский посланник Ашур Бек с грамотой от хана Хивинского Хаджи Мухаммед Бегадур-хана к Петру I. Сама история его посольства не стала объектом отдельного исследования. В отечественной историографии она рассматривалась как частный эпизод в контексте отношений России и Хивинского ханства и как одна из причин последующей миссии кн. Александра Бековича Черкасского в Хиву².

Цель статьи — на имеющихся опубликованных и неопубликованных материалах Российского государственного архива древних актов (далее РГАДА) показать историю хивинского посольства Ашур Бека в 1713–1715 гг. и его влияние на последующую экспедицию князя А. Черкасского. При помощи нарратива из многочисленных челобитных как самого посла, так и его подчиненных мы попытаемся рассмотреть основные трудности, с которыми приходилось сталкиваться представителям иноэтничной и иноконфессиональной среды в российском государстве начала XVIII в.

¹ В отечественной историографии он упоминается как Ашур-бек (*Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. От древнейших времен до настоящего времени. СПб., 1877). При этом в своих же письмах он себя именует как روش ع كىب (Ашур Бек) (РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Л. 338). В связи с этим и в нашей статье мы будем писать его имя следующим образом.

² Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями, составленной Я. В. Ханьковым // Записки Императорского русского географического общества. Кн. 5. СПб., 1851. С. 272.

Мнение о том, что посольство и в первую очередь речи Ашур Бека послужили одной из причин последующей подготовки экспедиции, в отечественной историографии существует достаточно давно³. При этом Е. А. Княжецкая, вероятно, первая из исследователей, кто связывал «подтверждения Ашур Бека» не с речами туркмена Ходжи Нефеса⁴, а с информацией, полученной от князя М. П. Гагарина⁵. Исследователи середины XIX в., в частности Ч. Ч. Валиханов, писали о том, что Ашур Бек и князь М. П. Гагарин «имели близкие отношения»⁶. Вероятно, содержание писем самого посла позволяет предположить реальную дружбу между хивинским послом и сибирским губернатором. В письме от 5 марта 1715 г. к Астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову он просил отпустить его и откровенно сообщал: «Кроме вас у меня здесь нет друга. — При государе у меня друг Гагарин, а здесь вы»⁷. Существует мнение, что хивинский посланник сам предложил «построить при устье старого русла Амударьи в районе Красноводской косы крепость с гарнизоном на тысячу человек, заявив при этом, что хан не будет препятствовать»⁸.

Дефицит источников по истории Хивинского ханства, да и в целом по региону служит серьезным препятствием для изучения политической обстановки в самой Хиве накануне прибытия посольства. Учитывая данное обстоятельство, вполне оправданным может быть использование бухарских рукописей того периода. Таковыми являются опубликованная в 1957 г. под редакцией А. А. Семенова «Убайдалла-наме», написанная знаменитым бухарским историком Мир Мухаммедом Амин-и Бухари и опубликованная в 1959 г. «История Абулфейз-хана», ярко описывающая эпизоды противостояния Хивы и Бухары

³ *Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве. С. 161; *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России: Лекции. Л., 1925. С. 205; *Росляков А. А.* Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1981. С. 21; *Кастельская З. Д.* Из истории туркестанского края, 1865–1917. М., 1980. С. 6; *Вилинбахов В. Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 160; *Howorth H. H.* History of the Mongols. From the 9th to the 19th century. Part 2. 1830. P. 906.

⁴ Знатный мангышлакский туркмен из рода Садыр племени Човдур Ходжа Нефес прибыл в Астрахань и предложил одному из богатейших купцов города князю Михаилу Заманову найти «настоящее» русло реки Амударьи. По всей видимости в Москве туркменский посланник сумел заручиться поддержкой Александра Черкасского. Позже через него он добился аудиенции у Петра Великого, где и изложил суть проекта.

⁵ *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. М., 1964. С. 15.

⁶ *Голосов Д.* Поход в Хиву в 1717 г. отряда, под начальством лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Александра Бековича-Черкасского // Военный сборник. 1861. Т. XXI, № 10. С. 306; *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 4. С. 185.

⁷ Письмо хивинского посланника Ашур Бека астраханскому обер-коменданту Чирикову на татарском языке, 5 марта 1715 г. // Военный сборник. 1861. Т. XXI, № 10. С. 357.

⁸ *Сулейменов Б. С.* Казахстан в XV–XVIII вв.: (вопросы социально-политической истории). М., 1969. С. 61; *Allworth Ed.* The modern Uzbeks from the fourteenth century to the present: a cultural history. Hoover Press, 1990. P. 92.

после смерти Убайдуллы-хана, т.е. после 1711 г. Авторство данного рукописного источника принадлежит бухарскому историку Абдурахману Тали.

Еще одним интересным источником бухарского происхождения является «Тухфат аль-хани» (Ханский подарок), в котором повествуется о кочевниках, окружавших Хиву и Бухару в тот период⁹. К сожалению, полной публикации памятника с комментариями на русском и даже на английском нет до сих пор.

Следующей следует назвать «Силсилат ас-салагин» (Генеалогия государей) Хаджи Мир Мухаммада Салима ибн Мухаммада Рустам-султана. Ее автор, закончивший рукопись к 1730 г., был из династии Аштарханидов, много путешествовал по Востоку, бывал в Персии, в Османской Империи и в Империи великих моголов, где и остался служить и писать данную рукопись. Сама она представляет собой династическую историю, посвященную «древним тюркам, монголам, Тимуридам, Шейбанидам и Аштарханидам»¹⁰.

С летописными сводами интересующего нас периода собственно самого хивинского происхождения ситуация более трагичная. Не будет преувеличением сказать, что единственным введенным в отечественный научный оборот подобным письменным источником является «Фирдаус аль-Икбал» («Райский сад счастья»), написанный в конце XVIII — начале XIX в. Составлен он был на чагатайском языке Шир-Мухаммед бен Эмиром Авазбий-мирабом и его племянником Агахи-Мухаммед Реза-мирабом бен Эр-Нийаз-беком. Данная уникальная рукопись опирается на большой свод материалов других историков, в частности Абу-л-Гази-бахадур-хана, и посвящена преимущественно XVIII в. Именно поэтому «Райский сад счастья» является оригинальным и уникальным источником, позволяющим нам посмотреть на события, происходившие в Средней Азии, именно с Хивинской стороны. Существует полный перевод рукописи на английский язык, выполненный советским востоковедом в эмиграции Ю. Э. Брегелем¹¹. В 2010 г. рукопись была переведена, вероятно, с английского на русский Л. В. Строевой¹². На сегодняшний день данная летопись является единственным среднеазиатским источником, где упоминается о миссии Александра Бековича Черкасского. И еще одним из наиболее ярких достоинств издания в США являются научные комментарии одного из лучших специалистов по хивинским источникам Ю. Э. Брегеля. Сопоставляя данные из российских архивных источников с рукописями из архива хивинских ханов, он выстраивает свою, на сегодняшний день наиболее полную версию порядка престолонаследия в Хиве в начале XVIII в. Этой версии мы и будем придерживаться в нашей статье.

⁹ Собрание восточных рукописей АН Узбекистана. Ташкент, 1952. Т. 1. № 189–193.

¹⁰ Тулибаева Ж. Бабуридские источники // Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана XIII–XIX вв. Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2006. С. 126.

¹¹ Munis, *Shir Muhammad Mirab*. Firdaws al-iqbāl: history of Khorezm / By Shir Muhammad Mirab and Muhammad Riza Mirab Agahi; transl. and annot. by Y. Bregel. Boston, 1999.

¹² Райский сад счастья / Пер. Л. В. Строевой. М., 2010.

В РГАДА в фонде 134 («Сношения России с Хивой») хранятся десять писем, которые идентифицируются как документы посольства Ашур Бека. Письма были выявлены и переведены, когда в 2013–2014 гг. автор статьи с коллегами из отдела Центральной Азии МАЭ РАН «Кунсткамера» участвовал в проекте российского гуманитарного научного фонда «Хивинские и Бухарские ханские и посольские грамоты конца XVII — нач. XVIII в.»¹³. В процессе реализации проекта всего было переведено одиннадцать грамот с персидского языка и двадцать восемь — с чагатайского, все они датировались периодом правления Петра Великого и представляют значительный интерес. Тем не менее мы ограничимся письмами Ашур Бека и его людей.

Какова была политическая обстановка в самом Хивинском ханстве во время посольства Ашур Бека? Исходя из скудных сведений, единственное, что можно выявить — это линию престолонаследия хивинских ханов в данный период. Следует отметить расхождения в российских и хивинских источниках. Согласно хивинским хроникам, «инициатор» ухода Хивы под российское подданство Шах-Нияз умирает в 1704 г. при невыясненных обстоятельствах. Его преемником становится Муса-хан, его младший брат. Одним из первых его указов стало требование чеканить его имя на монетах вместо имени бухарского хана, как это было при Шах-Ниязе. Вероятно, это означало, что Хива больше не признавала вассальную зависимость от Бухары и становилась самостоятельным и независимым государством. В «Фирдаус аль-Икбал» есть только упоминание о том, что Муса-хан «своим блеском и славой превосходил всех прежних ханов». Причина его убийства ближайшим окружением неясна. Он бежал в Мерв, где был убит, и голова его была доставлена в Хиву¹⁴.

Его преемником, согласно документу из приказа Казанского дворца — «царской грамоте астраханским воеводам об отпуске из Астрахани хивинского посла», становится Аран-Мамет-хан¹⁵. Ю. Э. Брегель справедливо указывает, что, вероятно, это не Аран-Мамет или, как писали позднее в российской и советской историографии, Араб-Мухаммед, а Аранг-Мухаммад-хан¹⁶. Им же было подмечено, что в хивинских источниках Аранг-Мухаммад-хан не упоминается в отличие от российских источников, и что в российских источниках также не фигурируют еще два хивинских хана, упоминаемых Мунисом — Шах-Бахт-хан, бывший сыном Шах-Нияза и Сейид Али-хан¹⁷. Первый правил год, второй — не более двух лет. Следующим преемником становится Муса-хан.

¹³ Руководителем проекта была заведующая отделом Центральной Азии МАЭ РАН «Кунсткамера» М. Е. Резван, участниками — Н. С. Терлецкий и К. С. Васильцов.

¹⁴ Райский сад счастья. С. 23.

¹⁵ Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв.: материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А. Н. Самойловича. Л., 1932. С. 275.

¹⁶ *Munis, Shir Muhammad Mirab*. Firdaws al-iqbāl: history of Khorezm. P. 568.

¹⁷ Там же.

Согласно «Генеалогии государей», он был из «принцев Хорезма». Амиры Хивы попросили бухарского хана Убайдулла прислать им правителя. Таковым и стал Муса-хан. Ввиду крайне скудной информации, имеющейся в источниках, можно лишь утверждать, что в самой Хиве шла борьба между каракалпаками, узбеками Хорезма, с одной стороны, и пробухарски настроенными узбеками и представителями самой Бухары — с другой. В результате на короткое время власть удалось захватить Йадигер-хану¹⁸; как свидетельствует летопись, он был сыном Ануши-хана, одного из самых известных противников бухарского влияния в хивинском оазисе.

О самом хане известно крайне мало, как писал позднее летописец, «он был простой и мудрый правитель». Есть точная дата его восшествия на престол, это 19 июня 1712 г. Летопись также свидетельствует, что он доверил страну нескольким надежным людям и с многочисленной свитой отбыл в Мекку и Медину. «Совершив все церемонии хаджа и прославившись своим паломничеством к священной могиле Мухаммада, последнему убежищу пророка, он вернулся домой. В районе Сирии (Шам. — А. А.) большая группа бедуинов окружила его и устроили бой. В конце концов они были разбиты и отступили. Они (узбеки. — А. А.) преследовали их, разграбили их племена и продолжили свой путь с большей скоростью. По дороге губернатор Багдада устроил королевский праздник (в честь Йадигер-хана. — А. А.) и потом позволил ему ехать дальше. Пройдя Астрабад, вновь вступил своей благородной поступью в Хорезм, дом Ислама»¹⁹.

Йадигер-хан посылает в Россию Ашур Бека с грамотами и посольскими письмами в 1713 г. Вероятно, это произошло уже после того, как он совершил хадж. Как свидетельствует летопись, аральские узбеки в союзе с правителем каракалпаков султаном Ишимом решили воспользоваться отъездом правителя и захватить Хиву. Йадигер дважды ходил на них в поход и, вероятно, война с ними продолжалась в течение всего посольства Ашур Бека.

Оригиналы документов, относящиеся к самому Хивинскому посольству Ашур Бека, представляют собой 10 писем, написанных на чагатайском языке, из которых три можно идентифицировать как письма, написанные или подписанные им самим. Начнем с одного из первых, условно обозначив его как письмо-представление. В нем содержится одно чрезвычайно интересное обстоятельство. В Приложении 2 приводится большая часть этого письма, в которой говорится о Йадигер-хане.

«Милостью Всевышнего Бога довожу до сведения Великого государя и Великого, не имеющего себе подобных правителю Востока и Запада, что летом 1124 г. из области Индии [прибыл] в Мекку, где совершил хождение вокруг Ка'бы а из Мекки возвратился на место своего отца в [город] Хиву. [Там] сперва

¹⁸ В самом тексте грамоты имя хана обозначается *ناخ رداحب دمهم راگدای* (что означает: Йодгар мухаммед бехадур хан) (см. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 69).

¹⁹ *Munis, Shir Muhammad Mirab. Firdaws al-iqbāl: history of Khorezm. P. 54.*

посетил Айук-хана (хана Аюка. — А. А.). Айук-хан принял меня должным образом и назначил [мне в сопровождение] своего брата Назар-бека и других начальников [из числа] десяти тысяч войска, [которые] препроводил Мухаммад Йадигер-хана Бахадура в Хиву. Мухаммад Йадигер-хан Бахадур прибыл в Хиву и взошел на трон [все]властия своего отца»²⁰.

В письме подтверждается, что Йадигер-хан совершал паломничество, и также сообщается, что калмыцкий вождь Аюка-хан помог ему вернуть власть в Хиве после того как восстали узбеки Арала и каракалпаки. Правда, как выяснилось позже, ненадолго. Каракалпаки всё еще представляли собой значительную угрозу. Об этом также сообщается, но уже в другом письме хивинского посланника, отправленном 18 мая 1714 г. из Кронштадта главе Посольского приказа графу Г. И. Головину. В фонде 134 отложилось как само письмо на чагатайском, так и перевод, выполненный служившим при посольстве толмачом. При сравнении оригинала и перевода можно увидеть незначительное расхождение, в целом снижающее акцент на проблеме. Текст перевода гласит, что «Его государского величества ближнему боярину Графу Гавриилу Ивановичу Головину доношу, что хивинский Йадигерь Магамед Багадырь хан приказал мне, когда государского величества у лица я буду донести, что между его величества, и Хивой стали каракалпаки, и оные каракалпаки, его государского величества торговых людей которые ходят... (грабят. — А. А.)»²¹.

В оригинале послания содержится следующая информация: «Йадигар Мухаммад Бахадур-хан приказал донести Великому Государю, что между Его [владениями и хивинскими владениями] в районе Астрахани появились каракалпаки, которые грабят купцов, проходящих в тех пределах. Они (каракалпаки. — В. К.) являются в той же мере Вашими врагами, [как и] нашими»²².

Йадигер-хан, вероятно, находился в отчаянном положении и искал помощи в том числе и в России. Можно предположить, что одной из задач посольства был поиск союзников против каракалпаков, представлявших угрозу не только для Хивы, но и для торговли России со среднеазиатскими ханствами. Важно еще то, что благодаря этой просьбе, вероятно, впервые появляется мысль о нехватке у хивинского хана войск для самостоятельной борьбы, и об оказании ему военной помощи с целью усиления российского влияния в самой Хиве. Эта идея впоследствии нашла свое отражение в четвертом и пятом пунктах указа Петра Великого князю Александру Черкасскому:

«4. Хана хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к ево службе и чтоб он за то радел в наших интересах.

²⁰ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 69 (Перевод письма был выполнен Н. С. Терлецким).

²¹ Там же. Л. 220.

²² Там же. Л. 219. Пер. К. С. Васильцова.

5. Буде он то охотно примет, а станет желать той гвардии и без нее ничего не станет делать, опасаясь своих людей, то оному ее дать, сколько пристойно, но чтоб были на ево плате, а буде станет говорить что перво нечем держать, то на год и на своем жалованье оставить, а впредь чтоб он платил»²³.

Возвращаясь к истории самого посольства, исходя из содержания писем челобитных посольских людей к российскому государю и администрации, укажем основные трудности, с которыми приходилось сталкиваться представителям хивинского хана в России. Итак, 13 марта 1713 г. находящийся при посольском приказе Мухаммад Женакиев уведомляет, что «хивинский посол, а также [находящиеся при нем] ханские и посольские люди, размещены, согласно постановлению канцелярии сената, за Москвой-рекой в двух опасных [для проживания] деревянных дворах Петра Фролова и Василия Алатоцова. Хивинский посол просит, чтобы ему для постоя отвели двор с каменные палаты, поскольку те дворы [в которых они размещаются] деревянные и [находятся] в низинах [по берегам Москва-реки], отчего их затопляет при наводнениях, а в особенности из-за пожаров, жить [в этих домах] небезопасно»²⁴.

Данную просьбу можно оставить без комментариев, в самом деле нет информации, была ли просьба выполнена. По количеству жалоб можно заключить, что посол и его люди довольно часто обращались в посольский приказ с разными просьбами. 3 февраля 1714 г. посольский поверенный Бобошир-боши пишет просьбу: «[Согласно] переписи, общее количество посольских лошадей [составляет] девять [животных]. Из их числа: у пяти коней по чепраку и нагруднику, у двух лошадей нагрудники из кутни (полушелковая ткань) и плотной шелковой ткани. У этих девяти лошадей имеются дорожные попоны, две из тех попон красного [цвета]. С этими лошадьми отправляются пять конюхов. Им (в тексте букв. “тем пяти людям”. — А. А.) необходимо предоставить восемь подвод, а коней надобно подковать. Кроме того, лошадей необходимо снабдить торбами, ибо прежние пришли в негодность. Сверх того, требуется девять недоузтков»²⁵.

Согласно текстам челобитных самым насущным вопросом были подводы. Подводы предназначались не только для транспортировки подарков царю от хана, но и для своих товаров. О коммерческой деятельности посольства свидетельствует другое письмо. Бобошир-боши писал 24 февраля 1714 г. секретарю посольского приказа, что «посол Ашур Бек оставил двести пудов пшена и приказал это пшено продать. Извещаем вас относительно этого, дабы, если мы то пшено продадим, нас пошлинами не облагали бы и препятствий не чинили. Уповая на вашу милость, поверенный хивинского посла Бобошир боши»²⁶.

²³ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 584.

²⁴ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 86.

²⁵ Там же. Л. 219.

²⁶ Там же. Л. 161.

К сожалению, нет информации относительно того, была ли выполнена просьба, но очевиден факт, что посольские люди, а зачастую это были купцы при посольстве, получали от российской администрации всё необходимое. По этой причине они могли экономить на транспортных расходах и в конечном итоге находились в выгодном положении и, вполне вероятно, могли извлекать прибыль.

Случались с посольскими людьми и чрезвычайные происшествия. Можно привести в пример одного из людей Ашур Бека. В русском переводе он значился как есаул, а в оригинале челобитной на чагатайском языке он себя представлял как поверенный. Итак, есаул Мухаммад Амин подал прошение к ближайшему боярину Великого Государя Г. И. Головину. В прошении он сообщал, что до прибытия в Москву Ашур Бек послал его в Москву в посольский приказ с тем, чтобы известить о его прибытии. По дороге в приказ его ограбили московские извозчики, взявшие у него «девять рублей и двадцать алтын; кинжал булатной [стали], украшенный серебром, стоимостью четыре рубля; шубу овчинную белую, стоимостью три рубля; кушак, стоимостью пятьдесят алтын». После ограбления он прибыл в Посольский приказ, пожаловался, и по жалобе были приняты меры: «В удовлетворение моего прошения были пойманы и задержаны в посольском приказе два человека. [Однако] из пропавшего имущества ничего при них обнаружено не было. [Посему] прошу у Вашего сиятельства и ближнего боярина, чтобы мне, за здоровье государево, возместили [стоимость] пропавшего, хоть его и было малое количество. Я же [в свою очередь] по прибытии в родные земли, всегда буду хвалиться об этом»²⁷. В деле нет информации о том, был ли компенсирован ущерб Мухаммаду Амину. Вторым подобным чрезвычайным происшествием стало исчезновение одного из посольских людей. В Посольский приказ из посольства сообщили, что «исчез служащий Йадигар хана по имени Мухаммад Зайид». Посольские служащие просили, чтобы не препятствовали посольским людям разыскать беглеца²⁸.

Еще одной особенностью данного посольства были хронические невыплаты жалования посольским людям со стороны Ашур Бека. Вышеупомянутый Мухаммад Амин, Малашир Мухаммад и их товарищи написали прошению Петру Первому с жалобой на Ашур Бека. В частности, они сообщали, что «ханские служители Ашур Бека добрались до этих пределов», при этом «жалование, которое нам причиталось, выдано не было». «И то имущество, что имелось в наличии, продали и истратили. Просим, чтобы Великий Государь пожаловал нам то, что причитается»²⁹.

К сожалению, за неимением ответных писем мы не можем сказать, была ли оказана какая-либо помощь со стороны российской администрации. Отсутствуют источники, описывающие аудиенцию, предоставленную Ашур Беку Петром I. По сведениям ганноверского резидента Фридриха Христиана Вебера,

²⁷ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 246.

²⁸ Там же. Л. 39.

²⁹ Там же. Л. 248.

17 мая прибыл из Москвы в Петербург посол Узбекского хана со свитой из 16 человек, оставив в Москве жену свою с сыном и 30 прислужниками. Эти данные несколько расходятся с архивными документами, в которых указано, что «ханских человек было 35, ево посольских 15 и того 50 человек»³⁰. На следующий день царь дал ему аудиенцию. По установленному церемониалу посол должен был держать речь стоя на коленях, но на этот раз Его Царское Величество не пожелал в точности придерживаться обычая и велел послу явиться к себе в дом князя Долгорукого³¹. По завершении аудиенции Петр Первый «положил руку на голову посла», и после этого приступили к показу подарков. Посол «положил у ног Его Величества множество Китайских и Персидских шелковых и других товаров в дар от своего повелителя царю, присовокупив, что еще несколько персидских лошадей и зверей осталось в Москве и что один прекрасный леопард и обезьяна, к сожалению, не доехали и околели во время пути»³².

Из архивных документов по делу посольства можно узнать, чем кормили посла и его людей после аудиенции. В деле записано, что «как он посол тот был на аудиенции и в тот день давано ему... яловица (говядина), два барана, два гуся, 10 куриц, 25 калачей хлеба. Пития. 6 фунтов водки, ведро вина двойного, 10 ведер пива. По цене всего на 26 рублей 18 алтын»³³.

Вебер сообщает интересные сведения о самом посланнике: «Имя самого посла было Ачерби, он был 50 лет, имел бодрый и достойный вид, длинную бороду, одет по-восточному и на чалме его красовалось страусовое перо, знак вольности и чести, которое, по словам его, дозволяется у них носить только князьям и владельцам первого чина»³⁴. В первом издании книги Вебера, вышедшей в Ганновере в 1721 г., на с. 14 есть рисунок, подпись к которому гласит: «Atcherbi Gesandte von Uzbek»³⁵. Единственное расхождение рисунка и описания в том, что на рисунке у Ашур Бека нет длинной бороды. Мы можем лишь предполагать, что это действительно его изображение.

Возвращаясь ко времени пребывания Ашур Бека в Санкт-Петербурге, можно упомянуть о небольшом приключении, произошедшем с ним. Петр I велел послу после аудиенции не возвращаться на постоянный двор, а «чтобы он немедленно отправился, вместе с великим канцлером, на шняву, называемую “Rake” и последовал бы за ним в Кроншлот»; в пути, попав на мель и затем в бурю, посол, «никогда не бывавший на такой воде, сделался похож на труп, завернулся наконец совсем в шелковое покрывало, лег на пол и приказал своему мулле стать над ним на колени и читать что-то из книги пророка Али (он был

³⁰ Там же. Л. 343.

³¹ Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. № 6. С. 1082.

³² Там же. С. 1079.

³³ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 343.

³⁴ Там же. С. 1080.

³⁵ *Friedrich Christian Weber*. Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung des Geist und weltlichen Regiments der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser. N. Försler, 1721. P. 14.

Персидской веры)»³⁶. Это, пожалуй, одно из самых интересных упоминаемых резидентом сведений о хивинском посланнике: Ашур Бек, будучи высокопоставленным сановником в Хиве, был шиитом.

История о поездке хивинского посланника в шторм в Финском заливе воспроизводится практически слово в слово в воспоминаниях Питера Генри Брюса³⁷. По мнению Ю. Н. Беспярых, Брюс на самом деле «заимствовал эту историю» у ганноверского резидента³⁸. В воспоминаниях обоих современников тех событий есть еще одна деталь. Они оба делают акцент на том, что посол узбекский или из узбекских татар. В то же время в российских источниках постоянно писалось про его хивинское происхождение. Этноним «узбек» в это время практически не встречается в российских источниках.

Ашурбек был вскоре отправлен домой не только с ответной грамотой и подарками, но и с небольшим поручением «ехать в Индию для покупки попугаев и барсов»³⁹.

Последним из писем данного посольства является послание самого Ашур Бека, отправленное в посольский приказ уже в 1714 г. В нем он достаточно лаконично сообщает, что им «Великий Государь пожаловал шесть пушек а к ним также лафеты, колеса, порох и ядра. Однако в выдаче тех пушек случилось промедление. Премножеством милостей Великого Государя [прошу], чтобы изготовить те пушки в дорогу и отправляться без промедления, дабы успеть [их доставить] по воде. Засим желаю многие лета»⁴⁰.

Действительно, с отпуском Ашур Бека назад в Хиву медлили, поскольку началась подготовка экспедиции князя А. Черкасского на Каспий. В Хиве из-за постоянной борьбы каракалпаков и бухарских ставленников происходила частая смена правителей и было неизвестно, будет ли каждый новый хан считать себя российским подданным или нет⁴¹. В связи с этим было решено изменить текст грамоты, уже отданной Ашур Беку. В старом тексте содержалось упоминание о том, что Хивинские ханы состоят в подданстве у Российского Государя. «Во всем вас содержать будем так как предков ваших а имянно шанияса хана которой присылал к нам великому государю к нашему царскому величеству в 1700-м году посла своего Достобека Багадыря прося о принятии в подданство, на что мы тогда соизволили, и потом во всем и ныне с тобой поступать и при-

³⁶ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 1082.

³⁷ Memoirs of Peter Henry Bruce: Esq., a Military Officer, in the Services of Prussia, Russia and Great Britain. Containing an Account of His Travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies... London, 1782. P. 121.

³⁸ Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 186.

³⁹ Жуковский С. В. Сношения России с Хивой и Бухарой за последнее трехсотлетие. СПб., 1915. С. 58.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 320.

⁴¹ Тема хивинского подданства — отдельный и дискуссионный вопрос. См.: Андреев А. А. Российско-хивинские отношения в конце XVII — начале XVIII в. Декларативная «шерть» или реальное подданство? // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 16–31.

язнь нашу являть непременно будем в чем вы можете быть нашею милостью обнадужены»⁴². В период подготовки посольства Черкасского о подданстве решили не упоминать. В грамоте содержалась просьба принять посланника Петра «по ево чину и достоинству и тому <...> и полную веру дати и на предлагаемые по нашему, великого государя указу желаемые и ко общему благу принадлежащие решения дать»⁴³.

В Астрахани Ашур Бекком было отправлено 4 письма обер-коменданту М. И. Чирикову об отпуске его обратно в Хиву и одно письмо князю М. П. Гагарину. Это были жалобы за задержку его в Астрахани. Прося разъяснений, он также требовал средств на содержание, поскольку был вынужден оставаться в России, но статуса посла не терял. За время его задержки в Хиве уже дважды сменился хан и в 1715 г. к власти пришел знаменитый Шир Гази хан. Об этом хивинский посол получил сообщение в Астрахани от сановников хана Аталыка Ишкара и Назар Ходжи Инаха⁴⁴. Сам Ашур Бек, судя по тексту послания, очень радовался этой перемене и общал, что вновь в Хиве бухарский ставленник. «Теперь ханом Ширгазы из Бухары. Он знает меня и ценит в тысячу раз и более, нежели Ядигер»⁴⁵.

Аталык Ишкар в дальнейшем в российских источниках не упоминается, в отличие от Назара Ходжи Инаха. В показаниях туркмена Ходжи Нефеса, которые он давал 11 сентября 1717 г. в губернской канцелярии Казани, упоминается некий Назар Ходжа. Он и еще один хивинец Кулун Бей были присланы на переговоры с князем А. Черкасским по его же просьбе⁴⁶. Они, как сказано в показаниях, поклялись на Коране, что «никакого зла не учинят»⁴⁷. Далее, как известно, клятва была нарушена.

Ашур Бек, судя по всему, Астрахань покинул. Одним из последних писем из Астрахани было описание двух судов (стругов), отданных хивинскому послу для возвращения. Вероятно, один из людей Ашур Бека писал: «В струге, предназначенном для посла, имеется четыре шатра. На другом струге — один шатер. [На каждом] струге имеется по два топора, двести больших лодочных гвоздей четыре бурава, две скобели, два паруса, две лодки, два якоря с канатами, две бечевки, в посольском шатре четыре окончины»⁴⁸.

⁴² РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 199.

⁴³ История Свейской войны (поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преображенского: В 2 вып. М., 2004. Вып. 2. С. 589.

⁴⁴ Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. V. СПб., 1851. С. 273.

⁴⁵ Письмо хивинского посланника Ашур Бека от 1 ноября 1715 г. к обер-коменданту Чирикову // Военный сборник. 1861. Т. XXI, № 10. С. 360.

⁴⁶ Показания об экспедиции и гибели отряда кн. Черкасского участников экспедиции: Хаджи Нефеса, Алтына Усейнова, Федора Емельянова и Михаила Белотелкина // Записки Императорского русского географического общества. Кн. IX. СПб., 1853. С. 326.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. Л. 338.

После своего отъезда назад в Хиву, Ашур Бек в последующей истории с экспедицией князя Черкасского особой роли не играет. В показаниях выживших, где достаточно подробно описываются события, связанные с гибелью экспедиции, его имя не упоминается. В равной степени и посланник Петра на Востоке Флорио Беневини, находившийся при дворе хана Шир Гази, в своих реляциях ничего не пишет об Ашур Беке. Из чего можно сделать вывод, что в дальнейшем бывший посол какой-либо роли в Хиве не играл.

Перед Ашур Бекком, согласно письмам его посольства, были поставлены определенные задачи: заручиться поддержкой для хана в войне с каракалпаками и обезопасить таким образом участок торгового пути из Бухары и Хивы в Среднюю Азию. Нет пока каких-либо сведений, что Ашур Бек был знаком с князем А. Черкасским. Сибирского губернатора князя М. Гагарина он прекрасно знал и обращался к нему с просьбами. Хивинский посол своими речами лишь подтвердил слабость хана и зависимость его от кочевой знати, наведя тем самым Петра Первого на мысль о посылке к нему гвардии «в помощь», что и попытался впоследствии реализовать князь А. Черкасский.

Относительно структуры посольства и его деятельности на основании документов можно предположить, что иерархия в нем была весьма условная, чему способствовали постоянные неплатежи. Зачастую представители хана имели собственные торговые интересы, которые и пытались реализовать под видом посольских людей и, получая довольствие и компенсации за транспортные расходы, извлекали определенный доход.

References

- Andreev A. A.* Rossijsko-hivinskie otnošenîâ v konce XVII – načale XVIII v. Deklarativnaâ «šert'» ili real'noe poddanstvo? // Peterburgskij istoričeskij žurnal. 2015. N2. S. 16–31.
- Bartol'd V. V.* Istorîâ izučeniâ Vostoka v Evrope i Rossii: Lekcii. L., 1925.
- Bespâtyh Ū. N.* Peterburg Petra I v inostrannyh opisaniâh. L., 1991.
- Gistorîâ Svejskoj vojny (Podennaâ zapiska Petra Velikogo).* Vyp. 1. M., 2004.
- Golosov D.* Pohod v Hivû v 1717 g. otrâda, pod načal'stvom lejb-gvardii Preobraženskogo polka kapitana knâzâ Aleksandra Bekoviča-Čerkasskogo // Voennyj sbornik. 1861. T. XXI, N10.
- Howorth H. H.* History of the Mongols. From the 9th to the 19th century. P. 2. 1830.
- Kastel'skaâ Z. D.* Iz istorii turkestanskogo kraâ, 1865–1917. M., 1980.
- Knâžeckaâ E. A.* Sud'ba odnoj karty. M., 1964.
- Munis, Shir Muhammad Mirab.* Firdaws al-iqbâl; history of Khorezm. By Shir Muhammad Mirab and Muhammad Riza Mirab Agahi / Transl. and annot. by Y. Bregel. Boston, 1999.
- Rajskij sad sčast'â / Per. L. V. Stroevoj.* M., 2010.
- Roslâkov A. A.* Ukreplenie russko-turkmenskikh vzaimootnošenij v XVIII–XIX vv. Ašhabad, 1981.
- Tulibaeva Ž.* Baburidskie istočniki // Persoazyčnye istočniki po istorii kazahov i Kazahstana XIII–XIX vv. Astana, 2006.
- Vâlîhanov Č. Č.* Sbranie sočinenij: V 5 t. Alma-Ata, 1984. T. 4.
- Veselovskij N. I.* Očerki istoriko-geografičeskikh svedenij o Hivinskom hanstve. Ot drevnejših vremen do nastoâšego vremeni. SPb., 1877.
- Vilimbahov V. B.* Iz istorii russko-kabardinskogo boevogo sodružestva. Nal'čik, 1982.
- Weber F. Ch.* Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung des Geist und weltlichen Regiments der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser. N. Försler, 1721.

Список литературы

- Андреев А. А. Российско-хивинские отношения в конце XVII — начале XVIII в. Декларативная «шерть» или реальное подданство? // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 16–31.
- Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России: Лекции. Л., 1925.
- Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 4.
- Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982.
- История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004.
- Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г. отряда, под начальством лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Александра Бековича-Черкасского // Военный сборник. 1861. Т. XXI, № 10.
- Кастельская З. Д. Из истории туркестанского края, 1865–1917. М., 1980.
- Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М., 1964.
- Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. От древнейших времен до настоящего времени. СПб., 1877.
- Райский сад счастья / Пер. Л. В. Строевой. М., 2010.
- Росляков А. А. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1981.
- Тулибаева Ж. Бабуридские источники // Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана XIII–XIX вв. Астана, 2006.
- Howorth H. H. History of the Mongols. From the 9th to the 19th century. P. 2. 1830.
- Munis, Shir Muhammad Mirab. Firdaws al-iqbāl: history of Khorezm. By Shir Muhammad Mirab and Muhammad Riza Mirab Agahi / Transl. and annot. by Y. Bregel. Boston, 1999.
- Weber F. Ch. Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung des Geist und weltlichen Regiments der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser. N. Försler, 1721.

Risto Alapuro

Finnish Elites and Russia in the Nineteenth Century

The position of Finland in the Russian Empire affected relations between the Finnish elites — bureaucratic, economic and ideological — and their relations with popular groups within the Grand Duchy. The central elite, the highest echelons of the bureaucracy, assumed a dual role. This elite was the interface between the empire and the local population and it espoused both loyalty to the autocracy and consolidation of Finnish institutional distinctiveness — a position epitomized by the term «loyal patriotism». The Finnish state and its central administration emerged as a result of an external decree, which gave the bureaucratic elite strong reasons for identifying with and further developing the new political unit. A major factor in this identification was the fact that the elite lacked a real power base, most notably landownership, outside the bureaucracy. In enhancing the country's distinctiveness, the elite was well aware that it had to maintain loyalty to the autocracy and forestall all offences against social peace in the borderland. In its relations with popular domestic groups, the elite began to construct its legitimacy on its solidarity with the «people». Unlike nationalism in many other ethnically distinct regions of multinational empires in the same epoch, the Finnish variant, Fennomania, was not only a movement for liberation and emancipation but also a version of state-based nationalism. It included both upper-class conservatism, loyalty to the mother country, and a strong populist component. Finally, the bureaucratic elite had to utilize the learned estate (the clergy and academics) in their efforts to maintain loyalty to the empire. This need created (limited) tensions between the bureaucracy and the ideological elite.

Elites in a dependent polity

The relationship between the economic elite and the politico-military elite is a key element of state formation in developing societies¹. Thus can be read the reflections of Nobel laureate Douglass C. North and colleagues on the connection between rent seeking and the use of violence², if those engaged in the former activity can roughly be equated with the economic elite and those engaged in the latter with the state elite (including the political, military, and administrative elite)³. State-making in developing countries can advance, so the argument goes, if economically powerful groups are united or at least able to avoid mutual conflicts to the degree that a monopoly of violence, necessary for a functioning state, can be established: due to common (economic) interests, the elites close ranks to the extent that they can agree on the use of violence.

This perspective also indirectly addresses the question of the elites' relation to other groups in society. In a state where unified elites enjoy a close relationship to those exercising coercive power, they can effectively limit the access of newcomers from other social groups to economic and political opportunities. The limits to the diffusion of prosperity and the extension of economic opportunities depend on the degree to which both coercive and other state institutions are controlled by representatives of larger groups in contrast to narrow elite⁴.

Nineteenth-century Finland can be considered a developing society on the road to state formation. Therefore, the reflections of prominent institutional development scholars mentioned above may provide the starting point for the examination of Finland's consolidation as a state during this period. First, they imply that investigation of inter-elite relations and relations between elites and popular groups is also the key for understanding development in the Finnish case. Second, this perspective directs attention to two fundamental preconditions of social life, namely the control of violence and the organization of the allocation of economic surplus. Third, these preconditions are viewed as processes: the elite analysis is at the same time an analysis of the development of the political unit in which they operate. Fourth, examination of

¹ In various sections below I have benefited from *Alapuro R.* State and Revolution in Finland. Berkeley: University of California Press, 1988. Ch. 2 and 5.

² «[D]eveloping societies limit violence through the manipulation of economic interests by the political system in order to create rents so that powerful groups and individuals find it in their interests to refrain from using violence» (*North D. C., Wallis J. J., Webb S. B., Weingast B. R.* Limited Access Orders: An Introduction to the Conceptual Framework // D. C. North, J. J. Wallis, S. B. Webb, B. R. Weingast (eds.) *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013).

³ The term state elite and the groups included in it come from *Etzioni-Halevy E.* Introduction // E. Etzioni-Halevy (ed.) *Classes and Elites in Democracy and Democratization.* New York & London: Garland Publishers, 1997. P. xxvi.

⁴ *Acemoglu D., Robinson J. A.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. London: Profile Books, 2012. P. 75–83.

the elite configurations that originated in tandem with the formation of the nation-state is also illuminating from a larger perspective. Many studies describe the long-term persistence of these configurations, reaching far into subsequent periods⁵.

There is one problem, however. These considerations, as well as many comparable elite analyses, mainly focus on the *internal* political and economic processes that shape inter-elite relations and the elites' relations to the masses. They fail both economically and in terms of the maintenance of order, to seriously tackle the issue of dependence on an external power center. More precisely, they do not address the problem of how external dependence affects elite relations *within* the dependent polity. This is perhaps partly because most development analyses examine post-colonial state-making, and thus they frequently focus on the period following liberation from colonial rule. In addition to these post-colonial cases, a distinct group of dependent state formation resulted from the wave of emancipation from large multinational empires (The Russian, Austro-Hungarian and Ottoman empires) in the nineteenth and early twentieth century. In the emergence of these new states, the elites were intertwined in different ways with the structures of the metropolitan power, and their domestic roles and mutual relations varied as well.

Finland is an example of such a state. It was a dependent minority region in a multinational empire in nineteenth-century Europe, and both the relationships between elites and their relationships with other strata of the population were shaped not only by internal social and institutional structures but also by the place of the Grand Duchy in the Russian empire.

Adopting this perspective, I will begin my survey with the elites in administrative and political institutions, including the issue of their coercive capacity; it was on this level that dependence was most concretely felt in Finland. Other elites – economic and cultural (or ideological) – are analyzed in relation to the administrative elite. Looking at relations between these elites provides a vantage point on the consolidation of Finland as a political unit in the nineteenth century.

The importance of the cultural elite, or more narrowly the ideological elite, stems from its central role in the regulation of the relationship between elites and other social groups. Obviously, the control of the means of coercion is instrumental in this effort. However, besides coercive power, the acceptance of existing power relations can occur through the legitimation of elites among the masses. Gaining legitimacy is a considerably more practical – and in the long term more functional – way of maintaining the position of elites than violence or the direct threat of violence, as long as their character and mutual relations do not make this process impossible to accomplish. Besides, changes in elites' relationships with the masses may also serve to re-form their inter-elite relations – for example, if one elite sought support from popular groups in order to gain supremacy over the others. This development has been examined most notably in the study of nation-

⁵ See: *Field G. L., Higley J., Burton M. G. A New Elite Framework for Political Sociology // Revue européenne des sciences sociales. 1990. T. 28.*

building, that is, in the creation of an integrating ideology for a state or other regional entity. Those taking part in this process can be called the ideological elite. They are the people who are active in defining who «we» are, the character of our mutual relations and the nature of the epoch more generally, including «our» place in this entity.

In the examination of elites, the following elements are included from three different but related levels⁶:

(1) the institutional level: the formation and interrelations of the top strata of various institutional fields (that is what elites are)⁷;

(2) the recruitment of elites and their character as a social group: the class composition and class background of elites, their education, ideologies and political orientations;

(3) personal connections, i.e., inter-elite networks.

Levels 2 and 3 are the most closely intertwined; thus, they are largely treated together.

State institutions and economic activity

When the Russian Emperor Alexander I decided to create a Grand Duchy from the eastern counties of the Kingdom of Sweden and annexed to it the so-called Old Finland conquered from Sweden in the eighteenth century, he maintained the existing institutions of local administration and the Church. Former laws and privileges were confirmed or extended, as in the case of the local university in Turku (Åbo), which later moved to Helsingfors. Apart from these favors, a central administration and a counterpart to the four-chamber Swedish Diet were created for the new administratively, economically, and religiously separate unit. As Anthony F. Upton puts it, Alexander «did not establish a Finnish national state, but he established a state machinery»⁸. As the backbone of the elites in this new polity served its highest bureaucracy, nineteenth-century Finland was a bureaucratic

⁶ Cf. *Ruuskanen O.-P., Snellman A., Widgrén M.* Yhteiskunnan huipulla: Eliittirakenne muutoksessa 1809–2009 // P. Pietikäinen (ed.) *Valta Suomessa*. Helsinki: Gaudeamus, 2010. S. 36–37.

⁷ See: *Etzioni-Halevy E.* Introduction. S. xxv–xxvi; cf. *Snellman A.* Suomen aateli yhteiskunnan huipulta uusiin rooleihin 1809–1939. Helsinki: Historiallisia tutkimuksia Helsingin yliopistosta XXXIV, 2014. S. 18–21.

⁸ *Upton A.* Epilogue // M. Branch, J. Hartley, A. Maćzak (eds.) *Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study*. London: School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1995. P. 283; *Katajisto K.* Isänmaamme keisari. Eliitin kansallisen identiteetin murros ja suomalaisen isänmaan rakentuminen autonomian ajan alussa. Helsinki: Yliopistopaino, 2008. S. 241–248.

society through and through. There followed «a golden era <...> of the civil service and bureaucracy», where those who were «willing to wield power», «had to run for office»⁹.

The highest domestic authority was the Senate. Its Economic Department served as the supreme administrative council, and the Judicial Department as the Supreme Court. The Senate was chaired by the Governor General, who was the highest official in Finland and commander-in-chief of the Russian troops stationed in the country. The civil service had an internal hierarchy and an official system of ranks. In St. Petersburg, Finnish matters were prepared and presented by the Committee of Finnish Affairs (between 1826 and 1857, the State Secretariat for Finnish Affairs), headed at first by a state secretary, and from 1834 by the Minister-Secretary of State for Finland, who was one of the ministers of the empire.

The central bureaucracy played a key role among the elites thanks to its mediating position between the Russian autocracy and Finnish society. This position implied two opposite perspectives on power. On the one hand, the Finnish administration really wielded supreme power within the country (backed by Russian autocracy and ultimately by its coercive capacity). On the other hand, it was subordinate to the metropolitan power and could only act within limits imposed from above — within limits dictated, above all, by the autocracy's high sensitivity to the maintenance of social peace in the borderland. Characteristic in the latter respect was the quick reaction to a number of student demonstrations in the nineteenth century. Russian troops were stationed in the country, representing the metropolitan monopoly of coercive power. They had no need to intervene in Finns' activities before the turn of the twentieth century; yet their sheer presence not only reminded Finns of the necessity of obedience but also placed strict limits on the expression of mutual tensions. Internally, it was the domestic bureaucracy that was responsible for the maintenance of order between social groups and the prevention of criticism directed at the empire.

In its role of a local powerholder dependent on a metropolitan power, the Finnish bureaucratic elite acted as responsibly as it could to promote the development of the country, following its own understanding of the best course for the nation. It was in a delicate position, trying to balance between the loyalty required by the Russians and defense of Finnish interests; in the nineteenth century, the latter consideration led to increasing political and economic distinctiveness. In other words, besides their administrative function, the highest tier of the bureaucracy — especially the Senate and the top civil servants under it in the sections responsible for various fields of state activity, central agencies, and county administration — also performed a specific political function, as long as the Diet was not convened. However, it did not entirely lose its role as a political mediator even after the Diet was convened in

⁹ *Jutikkala E.* Johtavat säädyt. Aateli // Suomen kulttuurihistoria 2. Porvoo: WSOY, 1934. S. 44; *Ylikangas H.* Autonomisen Suomen virkamieseliitti // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki: Edita, 1996. S. 487 (quotes in this order).

1863 (it subsequently met at regular intervals)¹⁰. Consequently, when the Russian Emperor created the Finnish polity, the position of the domestic bureaucracy was greatly strengthened. A central administration was constructed, but its role was not limited to administrative affairs. By suspending the Diet for nearly half a century, the Russians indirectly endowed the top of the administration with vital political functions. As Raimo Savolainen observes, «originally the Senate was supposed to function as an administrative agency, but in the minds of contemporaries it became the most central symbol of the political existence of Finland»¹¹.

Finnish administrative institutions dominated economic activities, as was the case in many other European countries that strove to eliminate backwardness in the nineteenth century¹². The impact of market forces was shaped by means which only the state had at its disposal. The most notable examples are the creation of a separate monetary system, construction of a canal from Lake Saimaa to the Gulf of Finland, a railway network, and forest ownership regulations. The involvement of civil servants in economic-industrial development appeared particularly pronounced in the latter activity, as it concerned the largest area of forest in Europe, relative to the size of the country¹³.

In 1856, two large industrial committees were established, and their reports would decisively guide industrial policy for many years to come. The required capital was provided directly by the state or by state loans. Relations with industry were close, and in economic policy industrial interests were prioritized over those of agriculture. Reforms that prepared the way for the rise of industrial capitalism were effected under the leadership of the bureaucratic aristocracy¹⁴.

It seems that state guidance not only promoted the narrow economic interests of the elite (or the metropolitan power), but it also promoted the economic autonomy of the Grand Duchy more generally. It is of course true that dominant groups always claim general interest or even universality for their aspirations. However, in nineteenth-century Finland, «the interest of the nation or the common interest

¹⁰ Cf. *Savolainen R.* Keskusvirastot, virastot ja laitokset // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki: Edita, 1996. S. 305; *Westerlund L.* Lääninhallinto 1808–1917 // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki: Edita, 1996. S. 371–372; *Ylikangas H.* Autonomisen Suomen virkamieseliitti. S. 464; *Snellman A.* Suomen aateli yhteiskunnan huipulta uusiin rooleihin 1809–1939. S. 77.

¹¹ *Savolainen R.* Suosikkisenaattorit. Venäjän keisarin suosio suomalaisten senaattorien menestyksen perustana 1809–1892 // J. Selovuori (ed.) Hallintohistoriallisia tutkimuksia Suomessa. Helsinki: Edita, 1996. S. 177.

¹² *Berend I. T., Rånki G.* The European Periphery and Industrialization, 1780–1914. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992; *Kuisma M.* Keskusvalta, virkavalta, rahavalta. Valtio, virkamiehet ja teollinen kehitys Suomessa 1740–1940 // Hallinto rahan, julkisuuden ja Venäjän paineessa. Hallintohistoriallisia tutkimuksia. 1993. N 9. Helsinki: Painatuskeskus. S. 10–11; *Haapala P.* Vallan rakenteet ja yhteiskunnan muutos: Mielikuvaharjoitus 1800–2000-lukujen Suomesta // P. Pietikäinen (ed.) Valta Suomessa. Helsinki: Gaudeamus, 2010. S. 30–31.

¹³ *Kuisma M.* Keskusvalta, virkavalta, rahavalta. S. 11.

¹⁴ *Ibid.* S. 95.

constituted the central *ideological* argument for economic modernization»¹⁵. What I mean is that this claim contained more truth than similar claims in developing countries more generally (and for not unselfish reasons: see the next section).

Those leading the Senate well understood that in order to successfully run public finances they had to develop the national economy as a whole, and therefore they strove to follow a policy promoting national interest that often surpassed group interests. Thanks to the predominant position of the state elite, canals and the railway network were not constructed with the needs of the metropolitan power in mind. The rather balanced design of these transportation and communication networks served «Finnish society as a whole and not only its narrow economic elite». Furthermore, the Finnish administrative elite, which was in need of foreign loans, was viewed differently from other representatives of dependent peripheries. For example the railway network was constructed nearly entirely through loans from Western European creditors, but those creditors did not demand economic concessions, as is often the case when developed countries provide capital for developing countries. Moreover, the creation of a domestic monetary system made it possible to integrate Finland smoothly into the international gold standard system, whence it could easily operate on international capital markets¹⁶.

Considerable tariff privileges for Finnish products in the Russian market were crucial for the country's economic development. From the 1870s Finland became not only an exporter of raw materials (notably lumber) to the West but also an exporter of processed products to Russia. Exports to Russia were of primary importance in stimulating the metals, textile, and paper industries. «In the competitive Western market Finland was a typical peripheral producer, which mainly exported relatively unprocessed products like lumber and dairy products. ...The industrial branches producing more processed products, instead, largely developed thanks to the protected Russian market». The state played an important role, because the development of key Finnish industries was largely determined by the customs tariffs imposed by the Finnish central administration. In sum, the reforms carried out under the direction of the Senate created «functioning juridical and physical structures for smoothly working capitalist economic activity»¹⁷. In the economic integration of the country, the role of the state was crucial, even though toward the end of the nineteenth century its contribution to the economy was indirect rather than direct.

¹⁵ *Haapala P.* Vallan rakenteet ja yhteiskunnan muutos. S. 30 (emphasis added). See also *Katajisto K.* Isänmaamme keisari. S. 233–241 on the sentiments of self-sacrifice for the interests of the country among the Finnish elite after the foundation of the Grand Duchy.

¹⁶ *Kuusterä A.* Valtio, talous ja valtiontalous // P. Haapala (ed.) *Talous, valta ja valtio. Tutkimuksia 1800-luvun Suomesta* (2. revised edition). Tampere: Vastapaino, 1992. S. 73–79 (the quote from p. 75).

¹⁷ *Ibid.* S. 84, 76 (the quotes in this order).

Why did the elite not attempt to maximize the extraction of surplus value?

In contrast to the usual pattern in developing countries, in the nineteenth century the Finnish economy was not harnessed to narrowly promote the interests of the elite. Instead, the economy developed in a relatively balanced way to benefit Finnish society as a whole and not only its narrow economic elite, as the construction of its transportation network clearly illustrates. However, why was a backward country able to improve economically by promoting national unity through the formation of «inclusive economic institutions?»¹⁸

The most convincing explanation is that balanced evolution was in the interests of the (administrative) elite, a point that is stressed by many economic and social historians. «The success of the state and therefore also of the Finnish administration depended on tax revenue, and tax revenue depended on the economy», observes M. Kuisma. «The consolidation of the state both internationally and in relation to domestic social forces was intertwined with the efforts of the leading elite group of society strengthen both their ‘own’ state and their own positions», he continues, adding that «[t]he state and the administration was the ‘principal industry’ of the civil servant elite and a strong state a necessary precondition for its own power position»¹⁹. In addition to this kind of structural unity of interests, there is evidence of concrete national development measures that at the same time strengthened the position of the bureaucratic elite: «The Senate strove to develop an economically strong society that was the best guarantee for securing its own position as well»²⁰. Finland’s liberal orientation in the mid-nineteenth century and thereafter was achieved «as a top-down reform pursued by a civil servant elite whose group interests were connected with the success of the state and state economy»²¹. Furthermore, the «[m]ost intensely interested [in advancing these reforms] were the civil servants themselves. The group that above all benefited from a sound and independent state economy was <...> the new noble civil servant elite»²². Moreover, the administrative elite viewed a strong state, the commercial exploitation of the country’s forest resources and industrialization as means of ensuring a brighter, more stable future both for Finland and itself²³.

¹⁸ To use a term coined by D. Acemoglu and J. A. Robinson, two other institutional development scholars (*Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail. S. 75–83*).

¹⁹ *Kuisma M. Keskusvalta, virkavalta, rahavalta. S. 10–11, 31* (the quotes in this order).

²⁰ *Kuusterä A. Valtio, talous ja valtionalous. S. 76*.

²¹ *Kuisma M. Keskusvalta, virkavalta, rahavalta. S. 47*.

²² *Peltonen M. Aatelisto ja eliitin muodonmuutos // P. Haapala (ed.) Talous, valta ja valtio. Tutkimuksia 1800-luvun Suomesta (2., revised edition). Tampere: Vastapaino, 1999. S. 122*.

²³ *Kuisma M. Yrittäjät sääty-yhteiskunnan luokkakuvassa // P. Haapala (ed.) Talous, valta ja valtio. S. 55*.

In short: «The civil servant aristocracy that hoped to consolidate its own position and its own ‘state’ – the central administration of the Grand Duchy – saw the strongest foundation of its survival strategy in the fortification of the Finnish national economy»²⁴.

How did the bureaucratic elite come to adopt a view that furthering the consolidation of the country at the same time strengthened its own position? The analyses of North et al. reveal that this course of action is far from self-evident. However, an explanation can be sought in the place of the Finnish elite in Finnish society. First of all, the position of the elite and notably the administrative elite rested on a fragile foundation. These key elite lacked a structural base similar to that of the landed gentry in the Baltic provinces and the nobility in the other multinational empires of the nineteenth century, who were also landowners in their respective empire’s minority regions. In Finland, the main landed class was independent peasants, who prospered in the latter half of the nineteenth century and became commercial farmers; thus, the cleavage between the land-owning gentry and the wealthiest stratum of peasant landowners was disappearing. Illustrative of this situation is the fact that after the Diet was convened in 1863 and onwards, the Peasant Estate became equal with the other Estates – the hereditary nobility, the clergy, and the burghers. The predominance of the civil service was based on its position in the administration of the Grand Duchy; their power was not guaranteed by the strength of their social class, which was the basis of the might of the ruling class in the Baltic provinces. When the historian O. Jussila writes that «in building a special status for the country in the 1810s and the 1820s, Finland’s leaders fostered and developed <...> administrative autonomy, unlike the Baltic nobility <...>, which focused on the protection of its estate privileges»²⁵ the point is that the Finnish nobility lacked the kind of privileges that allowed the German landed gentry in the Baltic provinces to ignore the interests of the «whole society». In Finland the strength of the central elite group rested on holding key positions in the state administration, which were conferred by the Russian Emperor. These positions constituted the main source of its power, but they also defined the limits of its power. Here, the significance of the structural heritage from the Swedish period – the comparative strength of the peasant landowner class – is clearly manifested, along with other institutional and cultural continuities.

Second, Kuisma’s claim, cited above, that «the success of the state and therefore also of the Finnish administration depended on tax revenue, and tax revenue depended on the economy», reveals a perhaps self-evident but important feature of the position of the civil servant elite. It could be a state elite because there *already existed a state-like framework*, of which the administrative machinery was an essential part. The existence of the state was the primary factor, the prerequisite, while the administrative elite was secondary, its executive machinery. Here, Finland dif-

²⁴ Kuisma M. Keskusvalta, virkavalta, rahavalta. S. 96–97.

²⁵ Jussila O. Suomen valtion synty // Pertti Haapala (ed.) Talous, valta ja valtio. S. 25.

ferred from many developing countries and minority regions of nineteenth-century Eastern and East-Central Europe. In these countries and regions, following North's argument, the emergence of the state (and notably the monopoly of violence) was part and parcel of various inter-elite arrangements and struggles. In these cases, the state emerged as a part of those arrangements; in Finland, the state was an entity that already existed and was in fact granted to the elite by their Russian rulers. From this perspective it is unsurprising that the elite saw itself as the representative of the interests of the whole country.

Moreover, one more aspect of its relations with Russia reinforced the predisposition of the administrative elite to promote the well-being of the «whole society.» As stated above, because the elite was grateful to the autocracy for its formation and position, it was necessarily sensitive to all expressions of political discontent in the Grand Duchy and was willing to pre-empt them. It was against its interests to let tensions heighten to the level of open dissent, not to speak of the kind of disturbances which could have caused the intervention of Russian troops in inter-Finnish conflicts. Thus, loyalty to the supreme power was coupled with efforts to reduce antagonism between Finns. This duality was a part of the administrative elite's mediatory role. This is one further difference in the Finnish case compared to those developing polities where elites, finding common economic interests, enter into alliances to monopolize the control of violence against other population groups.

The specific nature of the mediatory role of the Finnish elite is clearly illustrated by comparing Russian rule of Finland to its partition of Poland, which was plagued by revolts and repeated elite-based conflicts with the autocracy in the nineteenth century. This testifies to a fundamental difference in the nature of the elites in the two cases. Poland had a glorious past behind it as a European superpower, and its annexation by the Russian empire had demoted its elite to a position of dependence in a fragmented country. Finland, on the contrary, was a former borderland of the Kingdom of Sweden, and the Russian empire had promoted its civil servants to the elite of a political unit of imperial creation²⁶. The Finnish elite thus had good reason to take care of the generous gift conferred to them and remain loyal to the Russian autocracy. As the situation following the foundation of the Grand Duchy has been put: «The elite felt strong personal responsibility for Finland's existence. <...> Alexander I had given them fatherland, but it was in the hands of the elite to construct the Finnish 'state' and national spirit»²⁷.

Finally, the idea of integrating different population groups into the framework of the state seems natural in view of the elite's aspirations to reinforce the economic and political distinctiveness of the Grand Duchy throughout the nineteenth century. In order to strengthen the separate status of the country, it was important for the administrative elite to consolidate existing institutions and to encourage peasants

²⁶ Cf. *Upton A.* Epilogue. P. 287; *Snellman A.* Suomen aateli yhteiskunnan huipulta uusiin rooleihin 1809–1939. S. 41–44.

²⁷ *Katajisto K.* Isänmaamme keisari. S. 258.

and even other popular groups to identify with the developing state. Most clearly this effort manifested itself in the nationalist ideology and movements that appeared in the latter half of the nineteenth century.

In sum, the elite view of the reconciliation or even unity of its own interests with the interests of the whole country was not without foundation. It was based on the fragility its position — its nearly complete dependence on state structures — and on the need to look for support from outside the elite and upper classes to strengthen its own position and that of the entire country.

Links between the administrative elite and the economic elite

The recruitment of the bureaucratic elite, its character as a social group and its personal links with the economic elite complete the picture of the relationship between administrative and economic activity. For the civil service, its central recruitment base was, without doubt, the first estate or the hereditary nobility. Historically, it was a military estate, but in the Kingdom of Sweden it enjoyed privileges or even a monopoly over top posts in the civil administration. Its role in the administration was heightened by its weakness, comparatively speaking, as a landed class. In the new Grand Duchy, this dependence on the civil service was accentuated, moreover, by the fact that, simultaneous to the foundation of a central administration, the military posts of the Swedish period were abolished. This further increased the dependence of the nobility's male offspring on a career in the civil service. Nevertheless, at the same time the administration itself acquired new features, signs of the adoption of a modern conception of the bureaucracy. The requirement of an academic education was introduced as a precondition for entering the civil service, except for the highest posts. For the majority of civil servants, this meant a degree in jurisprudence, and soon jurists began to dominate the central administration, most notably in the Senate and its sections²⁸. These were more important seats of power than the central agencies, in which expertise in different fields was required at the expense of jurisprudence and in which therefore other disciplines dominated. Thus, the body of civil servants began, little by little, to become professionalized²⁹.

²⁸ *Stenvall J.* Herrasmiestaidosta asiantuntijatietoon. Virkamiehistön asiantuntemuksen kehitys valtion keskushallinnossa. Helsinki: Painatuskeskus, 1995. S. 54–57; *Ylikangas H.* Autonomisen Suomen virkamieseliitti. S. 430, 436, 482.

²⁹ In the central agencies not only did those with military training gradually stand down but also those with a degree in jurisprudence gave way to specialists in different fields. Certainly, at the highest level the most prominent noble civil servant families managed to hang on (*Snellman A.* Suomen aateli yhteiskunnan huipulta uusiin rooleihin 1809–1939. S. 79–90), and several central agencies were headed by representatives of (old) noble families (*Savolainen R.* Keskusvirastot, virastot ja laitokset // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki: Edita, 1996. S. 329). «For the recruitment to expert tasks [in central agencies] membership of university and clerical families continued to provide a good basis» (*Savolainen R.* Keskusvirastolinnakkeista virastoarmeijaksi. Senaatin ja valtioneuvoston alainen keskushallinto Suomessa

Reforms gradually contributed to changes in the nobility's way of life and the selection of civil servants. The nobility continued to have a strong grip on recruitment, but now young noblemen had to complete university studies, and the values of higher education and culture began to pervade their habits and social behavior: in essence, officers became gentlemen³⁰. However, there was another consequence — the requirement of a university degree gradually opened the civil service to non-noble gentry as well, for example to the sons of teachers or the clergy³¹. In other words, the process of change reshaped both the character of the civil hierarchy — it remained conservative but began to include modern elements of competence — and the habitus and the position of the nobility in the bureaucratic elite — it began to adopt elements of academic education and culture in its way of life and lost its monopoly as the sole recruitment base of the greatly expanding civil service. This process continued apace in the closing decades of the century³². Symptomatic of the erosion of the position of the nobility was that nobility was becoming more a reward for rather than a prerequisite of bureaucratic success: those who advanced to the top level of the administration were usually ennobled³³ which means that the primary criterion for receiving a title was a high administrative position rather than prior membership of the nobility³⁴.

As consequence, the creation of a central administration necessitated the (active) adjustment of the first estate to a new set of conditions. As M. Peltonen puts it,

1809–1995. Helsinki: Edita, 1996. S. 79). In county administration the majority of governors (two thirds) in the nineteenth century were officers, but by the mid-nineteenth century the majority of civil servants in leading positions had a university degree (*Westerlund L. Lääninhallinto 1808–1917*. S. 359). See also *Konttinen E. Perinteisesti moderniin. Profiisoiden yhteiskunnallinen synty Suomessa*. Tampere: Vastapaino, 1991.

³⁰ *Peltonen M. Aatelisto ja eliitin muodonmuutos*. S. 111.

³¹ *Ylikangas H. Autonomisen Suomen virkamieseliitti*. S. 451–452. Certainly, in the first decades of the century entry was only open to the lower echelons of the service, and at the top level self-recruitment continued, and family dynasties flourished (*Ibid.* S. 458, 497).

³² *Ibid.* S. 458, 466–467; *Konttinen E. Perinteisesti moderniin*. S. 144; *Snellman A. Suomen aateli yhteiskunnan huipulta uusiin rooleihin 1809–1939*. S. 91–95; *Jutikkala E. Ståndssamhällets upplösning i Finland // Turun Historiallinen Arkisto*. 1956. T. 12. S. 130–133.

³³ *Ylikangas H. Autonomisen Suomen virkamieseliitti*. S. 428; *Peltonen M. Aatelisto ja eliitin muodonmuutos*. S. 116; cf. *Ruuskanen O. P., Snellman A., Widgrén M. Yhteiskunnan huipulla*. S. 43–44.

³⁴ It is true that this practice was not new; it had been used in the Kingdom of Sweden in the seventeenth century at least (*Ylikangas H. Autonomisen Suomen virkamieseliitti*. S. 428; *Snellman A. Suomen aateli yhteiskunnan huipulta uusiin rooleihin 1809–1939*. S. 36–37). Nevertheless, ennoblement in nineteenth-century Finland was hugely more common than during the preceding Swedish period (*Ylikangas H. Autonomisen Suomen virkamieseliitti*. S. 462), and «the Emperors of Russia ennobled Finns at a entirely different rate from that of the Swedish kings» (*Savolainen R. Venäjän keisari laajentaa suomalaisen aatelin piiriä // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996*. Helsinki: Edita, 1996. S. 463). Matti Klinge (*Klinge M. Aatelointi palkitsemisen muotona // J. Strömberg, J. Nuorteva, Ch. Forssell (eds.) Valtio palkitsee — staten belönar*. Helsinki: SKS, 2007. S. 114) stresses the element of the «political expediency» that led to the ennoblement not only of high-level bureaucrats but also of leading economic and university figures.

«[i]n *adapting themselves* to their position as subjects of the Russian Emperor and inhabitants of the Grand Duchy of Finland, the leading families had to discover *new coping strategies*», or, as E. Konttinen observes, «the *adaptation* of the nobility to the bureaucracy was necessary for the interests of the estate»³⁵. Indeed, the consolidation of the new civil hierarchy really occurred as a flexible adaptation to the obligations and opportunities given from above. It was not a process of harnessing or even monopolizing the emerging state structures to advance the elite's own special (economic) interests (in the spirit of those cases analyzed by North et al.), not to speak of a seizure of the state for private purposes.

While professionalization gradually began to influence recruitment practices, at the highest level of the civil administration strong social closure was maintained. This demonstrates an essential dimension of the «golden era of the civil service and bureaucracy»:

«The elite of the Grand Duchy of Finland coalesced around the Senate: the privileges granted by the Emperor to the first senators were passed down to subsequent generations through family networks. The point was apparently that when the Emperor had ...succeeded, on the advice of the Governor General or Minister-Secretary of State in choosing the right person, the choice of a successor from among this person's family members or intimate circle was bound to increase the probability of once more finding a suitable candidate. Marriages became common within the circle of senator families <...>. [They] resulted in family ties between senators and in the formation of particular "senatorial families". <...> Senatorial families developed into the new political elite of the Grand Duchy of Finland. <...> The circle was extended to the families ennobled in the nineteenth century. As a result, clearly more than half the members of the Senate were noblemen, against the regulations. ...Non-noble members of the Senate had ties with the nobility through their wife, mother, or mother-in-law. ...Irrespective of their origin, the senators belonged, through marriage, to the same social circle»³⁶.

The administrative elite was closely related to the upper stratum of the business and industrial community that developed in the nineteenth century. This connection is unsurprising given the close relationship between industry and the administration in the construction of the state, and above all the pro-industrial economic policy evident in the latter half of the nineteenth century: «Significant parts of the ancient elite of the society of estates, the noble upper class ...[attached themselves to] the new industrial and business group that took shape in the middle of the nineteenth century». Parts of «the noble civil aristocracy merged with the new industrial aristocracy», which was thus bolstered by families whose male offspring had earlier chosen military or bureaucratic careers. Consequently, «increasingly dense family

³⁵ *Peltonen M.* Aatelisto ja eliitin muodonmuutos. S. 122 (emphasis added); *Konttinen E.* Perinteisesti moderniin. S. 116 (emphasis added).

³⁶ *Savolainen R.* Venäjän keisari laajentaa suomalaisen aatelin piiriä.. S. 179.

connections» and «networks of loyalty and mutual dependence» existed between the bureaucracy and the emerging economic elite³⁷.

This is how the increasingly dense family ties and networks of mutual dependence and loyalty between the bureaucratic elite and the emerging economic elite appeared in social life:

«A lawyer son or a professor son-in-law, a senator uncle of a sawmill capitalist, a governor godfather and a judge cousin, the civil servant brothers of a noble engaged in industry, a father passing laws in the Diet and an assistant junior secretary in the State Secretariat for Finnish Affairs in St. Petersburg constituted a network of loyalty and mutual dependence, bound together by <...> mutual understanding, and capable and willing to influence the decisions of the machinery of power»³⁸.

The Diet provided a concrete forum for nurturing the pro-business and pro-industry atmosphere that existed in administrative or political spheres. To big businessmen it offered an opportunity to influence state policy, notably through the estates of nobility and the burghers, to which many of them belonged, due to their origin (nobility) or wealth (burghers).

More than on inter-elite machinations or deliberate alliances, cooperation was founded on a common cultural-economic conception of how poor and underdeveloped Finland should be elevated to economic and cultural prosperity through international trade and largescale, modern industry. The elites were guided by a kind of shared ethos, based on a view of the interest of the country (the elites' own interests included, of course), rather than on a narrow calculation of their special interests alone. The economic elite's close links with other elites constituted, «as it were, a natural state of affairs, [a state of] internal solidarity and similar objectives, reinforced by family ties and cultural ties». An example is Leo Mechelin, professor, politician, and senator, who at the same time served as the director of Yhdyspankki, the first and for long the most important bank in Finland³⁹.

Central administration and the institutions of higher education

The division between administrative and ideological centers of power had its counterpart in the division between the two «leading» estates. The mainstay of the civil administration was traditionally the first and most powerful estate, the nobility, while clerics and academics were in the second most powerful estate, the occupational clergy. The university and the Church were closely related; the church elite

³⁷ *Kuisma M.* Keskusvalta, virkavalta, rahavalta. S. 46, 48, 49 (quotes in this order). See also *Kuisma M.* Metsäteollisuuden maa. Suomi, metsät ja kansainvälinen järjestelmä. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1993. S. 177; *Gluschkoff J.* Murtuva säätyvalta, kestävä eliitti. Senaattori Lennart Gripenbergin sukupiiri ja sääty-yhteiskunnan muodonmuutos. Helsinki: SKS, 2008 for a case study.

³⁸ *Kuisma M.* Yrittäjät sääty-yhteiskunnan luokkakuvassa. S. 49.

³⁹ *Kuisma M.* Keskusvalta, virkavalta, rahavalta. S. 38, 54, 55.

comprised both scholars and practicing clerics. When the estate-based Diet began to convene in 1863, university lecturers and professors gained the right to vote in the election to the Second Estate. The Church dominated communication from the center to the periphery through parish congregations, and it was responsible for local government in rural areas until 1865 as well as for public education — not only the basic instruction in literacy required of all Lutheran communicants, but also secondary education leading up to university.

Just as there were family dynasties within the bureaucracy, so too was there much self-recruitment and inter-group recruitment among clerics and academics. Nonetheless, another particularity was the continuing, albeit numerically modest, entry into clerical and academic groups from outside the gentry as a whole: that is, the ideological elite was somewhat less closed than the bureaucracy.

Relationships between higher-ranking civil servants and the learned estate were shaped both by domestic circumstances and by links with Russia, these factors being interconnected. The foundation of a central administration and the assignment of civil service training to the university had far-reaching implications for relations between these two elites⁴⁰. On the one hand, the university — now called the Imperial Alexander University — became an institution providing vocational training for public service, but on the other hand it was controlled by the bureaucratic elite, which was intent on fostering the country's autonomy. The latter point stresses the ascendancy of the administrative elite; however, the former point underlines the potential for tension between the two groups.

For the administrative elite, the key factors in consolidating the distinct position of the Grand Duchy were loyalty to the Emperor and internal stability. In these efforts, it necessarily required the help of two central institutions, the university and the church, which played the main role in the legitimation of the social order and the creation of social cohesion. «While it was generally sufficient to secure passive obedience from other social groups, clerics and teachers were required to play an active part in the execution of government policy by assisting in the control of public opinion»⁴¹. Limits were thus placed on the freedom of action of academic leaders or the academic community more generally. The tension between the administrative and intellectual elites was due to political circumstances, but frustrations arising out of Finno-Russian relations were directed, rather than toward Russia, at domestic targets, i.e., at the local governing elite of the Grand Duchy. However, while the situation was bound to create friction between the administrative and the ideological elites, tensions remained limited because there was much sympathy among the

⁴⁰ In fact, civil service training had already been assigned to the university in the previous century, but a decisive move toward the dominance of bureaucratic considerations occurred after 1810, when the new competence norms were introduced (*Selleck R. G. The Language Issue in Finnish Political Discussion: 1809–1863*: Ph.D. thesis. Radcliffe College, Cambridge, Mass., 1996. S. 74–77; cf. *Wirilander K. Herrasväkeä. Suomen säätyläistö 1721–1870*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1974).

⁴¹ *Selleck R. G. The Language Issue in Finnish Political Discussion: 1809–1863*. S. 67.

university and the church elite for the administration's line, whose observance was keenly followed in St. Petersburg. The university represented «loyal patriotism»⁴², which also played an important role in the appointment of bishops and archbishops⁴³. The university (and the press, which enjoyed close ties to the university in the nineteenth century) provided the main forum in which manifestations of allegiance to and criticism of the Russian regime met; as M. Klinge observes: «The ideals of the bureaucracy and civil society clashed above all within the sphere of the university»⁴⁴.

Presumably, the university's role in training the civil service reduced its autonomy, but on the other hand its central position in the education of the administrative elite may have provided it with a new kind of authority or influence. As Klinge states, «[t]hus, the university had gained a central position in relation to the state, and at the same time it was, as it were, restrained [*sidottu*] in relation to the state»⁴⁵. The latter view, stressing the dependence of the ideological elite on the administrative-political elite, had already been presented in the 1960s by an American scholar, R. G. Selleck⁴⁶. In her view, the subjection of the ideological elite to political control was completed by the bureaucracy's progressive hold over education itself. The university and clerical elite lost part of their influence over the substance of the education they offered. In becoming a civil servant training institution, the university was increasingly influenced by external interests, and therefore its status diminished vis-à-vis that of the bureaucracy.

The former view has been expounded most notably by Matti Klinge. He argues that the task of training the civil service placed the university on a par with the administrative elite. Thus, alongside the civil service, the university had a «particularly central position», because in inculcating loyal patriotism through the ideological and professional instruction it gave to future civil servants, it took part in the great national project. Klinge observes that «[t]he university... was given responsibility for the moral values of civil servants and citizens, which would be both the justification and, during the hard times ahead, the guarantee of the political and national essence [*olemus*] of Finland»⁴⁷.

These two views of the relationship between the bureaucratic and the ideological elite are not, however, mutually exclusive. They constitute two perspectives on the same, dual, process. The former view stresses the fact that cultural and political room for maneuver became increasingly limited; the latter perspective emphasizes that the university had an influential position in looking after the interests of the state, despite all the restrictions that this entailed.

⁴² *Klinge M.* Keisarillinen Aleksanterin Yliopisto 1808–1917. With R. Knapas, A. Leikola, J. Strömberg. Helsinki: Otava, 1989. S. 550.

⁴³ *Kalleinen K.* Suomen kenraalikuvernementti. Kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä. Helsinki: Painatuskeskus, 1994. S. 241.

⁴⁴ *Klinge M.* Keisarillinen Aleksanterin Yliopisto 1808–1917. S. 578.

⁴⁵ *Ibid.* S. 342.

⁴⁶ *Selleck R. G.* The Language Issue in Finnish Political Discussion: 1809–1863. S. 78–87.

⁴⁷ *Klinge M.* Keisarillinen Aleksanterin Yliopisto 1808–1917. S. 12, 46.

In its training role, the university became a platform for defending the social status of civil servants. Because academic education was a precondition for a career in the bureaucracy, the university acquired a more important role in the maintenance of social boundaries. As a consequence, access to university education became increasingly difficult: in the middle of the nineteenth century, university students had a more distinctly upper class background than in earlier decades. Thus, education became an ever more important tool for defending entrenched social positions⁴⁸.

The active role that the university took in training civil servants, maintaining social boundaries, and, above all, in the preservation of the delicate political balance in relation to Russia explain the rather common (Finnish) view that the university has been an unusually prominent institution in Finland⁴⁹. The university's prominence was enhanced by the absence of the Diet as a forum for political discussion until the 1860s. The university constituted a forum in which tensions and disagreements between the bureaucratic and ideological elite found expression, disagreements stemming both from Finland's relationship with Russia and from inter-elite relations within Finland; added to these, toward the end of the century, was also the debate surrounding nation building (see the next section).

The specific nature of these tensions becomes clear when the situation in Finland is compared to that of Norway. There too the administrative elite was university educated (at Christiania University), but no tension emerged between the two elites. The university and the civil service enjoyed long and close ties and formed a unified power base. Their connection was not undermined by the kind of internal or external factors at play in Finland. No nobility existed in Norway, and therefore there was no friction between the first and the second estate, and the Union with Sweden failed to create a perceived need to control intellectuals comparable to that created by Russian pressure in Finland⁵⁰.

Of course, these internal tensions did not develop very far in Finland either. Many of the most prominent university intellectuals made the transition across Senate Square from the university to the Senate, and they included not only L. Mechelin but also such national figures as professors J. V. Snellman and G. Z. Yrjö-Koskinen. The two elites were based on different estates, but at the same time the whole system of estates was disintegrating (the fact that an academic education served as the qualification for the civil service is an eloquent indication of this process). The four estates increasingly ceased to reflect social differentiation in an adequate way. The basic social dividing line came to be that separating the «gentry» from the masses. The bureaucracy, having an internal hierarchy and an official system of ranks and its traditional base in the first estate, the nobility, constituted the core of

⁴⁸ *Konttinen E.* Perinteisesti moderniin. S. 125–142.

⁴⁹ E. g., *Klinge M.* Keisarillinen Aleksanterin Yliopisto 1808–1917. S. 50, 558, 578; *Allardt E.* Titeen ja korkeakoululaitoksen kehitys keskeiseksi yhteiskunnalliseksi laitokseksi // O. Riihinen (ed.) Suomi 2017. Jyväskylä: Gummerus, 1990. S. 618.

⁵⁰ *Myhre J. E.* Academics as the Ruling Elite in 19th Century Norway // Historical Social Research. 2008. N 33. P. 2.

the gentry (in Swedish, *ståndspersoner*; in Finnish, *säätyläiset*). Initially, the concept of the gentry referred, in Swedish usage, to the nobility, the clergy, and their social equals. Later, the term *other gentry* was used to refer to commoners who had entered the military and bureaucratic ranks and to any teachers and professionals who did not fall into the traditional learned estate of the clergy. Ultimately, the concept came to refer to a social identity recognized more by custom than law. Its characteristics included a common lifestyle, restrictions in dealings with other social groups, and a common language, Swedish.

Finally, all the elites — which were to be found within the gentry shared a similar background: they were educated at the same university and often knew each other. The gentry was small in absolute terms: in 1870 it consisted of just 28,000 individuals, family members included, or 1.5 percent of the total population, and a good half of them belonged to the civil service⁵¹. Apart from civil servants in the central and local administration, members of courts of appeal, and officers, the gentry also included congregational clergy and university teachers — that is, people from both the bureaucratic and the ideological elite. In addition, it encompassed people active in economic life: estate owners, managers of steel works, sawmill owners, apothecaries, private tutors, and so on.

Elites and nation building

The role of elites in national building has been considered, schematically speaking, from two perspectives. In the first view, their role is linked to movements of national self-assertion and liberation in latecomer regions where language or other ethnic differences provide a strong incentive and means for the population to think of itself as a separate «nation» and seek independence — liberation from second-class citizenship. In this «autonomist» nationalism, the elites, or the movements' activists, consist of intellectuals from the minorities in question, who mainly belong to the middle classes. An example is provided by national liberation struggles in Africa and elsewhere. The leaders of these struggles have predominantly been teachers, other intellectuals, and university students (often educated in the universities of the metropolitan power).

This picture is reflected in M. Hroch's classic study of nineteenth-century nationalist groups among seven small, «repressed» European nationalities in the stage immediately preceding mass mobilization — Czechs, Lithuanians, Estonians, Finns, Norwegians, Flemings, and Slovaks⁵². He demonstrates the overwhelming importance of such intellectual groups as university graduates, teachers, priests, and petty officials, small-scale merchants, and artisans in these nationalities' independence movements. Activists were recruited not only from outside the nobility and the

⁵¹ *Wirilander K.* Herrasväkeä. S. 135, 142.

⁵² *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Prague: Acta Universitatis Carolinae Philosophica et Historica, 1968. N. 24.

highest echelons of the bureaucracy or from outside the ruling class of feudal society (which largely identified itself with the culture of the metropolitan power), but also from outside the newly emerging bourgeoisie, which was likewise culturally alien to nationalist groups.

The structure and role of elites has been very different in that form of nationalism described by E. J. Hobsbawm as a «civic religion» for the modern territorially centralized state⁵³. Nationalism generally developed only after a strong state had been formed, to consolidate it culturally. A territorial state must foster in its citizens a set of motivations that produces an overriding sense of obligation to the state. Especially in the era of mass political participation, this version of nationalism has functioned as the ideology by which the modern state becomes part of the population's sense of identity. In these cases, Western Europe being the prime example, the main champions of nationalism have been intellectual groups linked to the ruling classes — in politics, the church, universities, etc.

These two versions of nationalism are historically linked in the sense that nationalism has functioned as the «civic religion» of the new state after a successful national liberation struggle. This is what has occurred in several Third World countries, where nationalism has developed into a source of conflict between competing elites in their struggle over the division of surplus values and the monopoly of violence accompanying it. Neither scenario, however, provides an adequate picture of nineteenth-century Finnish nationalism. Rather than representing one or the other version, Finland appears to have been in an interstitial position between the two, displaying elements of both. Nineteenth-century Finland was *both* an ethnically distinct minority region and a political unit with separate administrative, economic, and cultural structures.

This interstitial position was manifested in the bureaucratic elite's aspirations. On the one hand, it was elite in a minority region, subject to the metropolitan power, longing, if not for liberation or independence, at least for more room to maneuver and for consolidation of the nation's autonomy. On the other hand, it was the ruling group of a distinct political unit, and thus it was important for it to reinforce its own position in that unit. There was no clear distinction between these two aspirations. As a result the (administrative) elite pursued the «bureaucratic-patriotic idea of Finland», which included cultural distinctiveness while remaining loyal to the autocracy, as scholars such as Keijo Korhonen and Matti Klinge have long argued⁵⁴. From such a bureaucratic-patriotic perspective, loyalty to the metropolitan power did indeed help in defending local Finnish distinctiveness. This attitude is

⁵³ *Hobsbawm E.J.* Some Reflections on Nationalism // T. J. Nossiter, A. H. Hanson, Stein Rokkan (eds.) *Imagination and Precision in the Social Sciences*. L., 1972.

⁵⁴ *Korhonen K.* Suomen asiain komitea. Suomen korkeimman hallinnon järjestelyt ja toteuttaminen vuosina 1811–1926. Helsinki, 1963; *Klinge M.* Suomen kansallisuusliikkeiden sosiaalisista suhteista // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1969. N 67. On an enlightening debate in the noble estate, see *Vuorinen M.* Finnish Nobility between Nation and Empire (The Swedish Legacy and the Diet of Porvoo 1809) // *Петербургский исторический журнал*. 2014. № 4. С. 102–104, 110.

evident, for example, in the early stages of the Finnish Literary Society, a significant manifestation of nationalism founded in 1831. In analyzing its membership, among other organized expressions of the national movement in Finland, Hroch found that upper-class representation among nationalist activists was larger than among corresponding activist groups elsewhere in Europe, and the proportion of nobles and high-ranking bureaucrats was particularly high⁵⁵.

The upper classes were also represented in the most central, and loyalist, manifestation of Finnish nationalism, so-called Fennomania. This movement originated in university circles, and part of its impetus arose from tensions between the learned estate and the bureaucracy. Its essential duality was clearly evident in its cultural and political objectives. On the one hand, the Fennomans defined themselves as *the* representatives of the people and the champions of their cause, and on the other hand they conducted a large-scale cultural campaign to «Finnicize» the country's elites. The former role was used to justify the latter. In the latter respect, they were willing to establish a Finland united in language and culture, but this was not to be achieved by dismantling the traditional power structures; instead, the country was to be under the guidance of a patriotic (that is, Fennoman) intelligentsia. For instance, J. Wuorinen remarks that

«The fact that the Finnicization movement was directed against the exclusively privileged Swedish-speaking upper class of that time did not imply the elimination of the upper class in order to found a democratically organized society, but the replacement of a Swedish-speaking upper class oriented to Swedish culture with a Finnish-speaking upper class oriented to Finnish culture»⁵⁶.

Moreover, H. Ylikangas observes that «the initial intention was not to elevate children from popular groups into the educated class, but to convert [a part of] the Swedish-speaking gentry so that it would orient itself to Finnish culture; this group was to become a new educated class in the country»⁵⁷. The main target was the bureaucracy. For the Fennomans its «Finnicization» served as the argument for their penetration of the administration. A landmark on this road was the nomination to the Senate of the Fennomans' leader, G. Z. Yrjö-Koskinen, in 1882.

In other words, the Fennoman movement, especially in its early stages, directed its criticism at the cultural identity of those who exercised power, without explicitly challenging the governmental structures which regulated that power. Thus, by 1863 it was «in effect attacking the bureaucrats while implicitly defending the administrative system of government»⁵⁸. In the last decades of the nineteenth century, it provided the emerging state with an agrarian and religious ideological alternative.

⁵⁵ Hroch's findings for Norway (*Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. P. 95–100*) are largely similar to those for Finland, but because Hroch focused on the entire membership of the *Storting* in the decades after 1814, his findings for Norway are not fully comparable to the other analyses in the study.

⁵⁶ *Wuorinen. M. Suomalaisuuden historia. Porvoo: WSOY, 1935. S. 273.*

⁵⁷ *Ylikangas H. Autonomisen Suomen virkamieseliitti. S. 513.*

⁵⁸ *Selleck R. G. The Language Issue in Finnish Political Discussion: 1809–1863. S. 203.*

However, their idealization of and cultural alliance with the (landowning) peasantry did not imply a weakening of the position of the elites but their linguistic conversion.

By the beginning of the twentieth century, when the imperial policy of integration drove many top bureaucrats and senators from the civil service, Fennomania had gained a dominant position in the administration. Among the business and industry elite, much of the attraction of a high-ranking civil service career had already vanished in previous decades, with the waning of the «golden era» of the bureaucracy⁵⁹. Both changes facilitated the Fennomans' penetration of the state machinery. Civil servants were not the only elite group in the Fennomans' sights. The movement, which had originated in an ecclesiastical and university milieu, extended itself to the economy as well. It was the Fennomans' ambition to gain a leading position in the national economy – to increase national capital, promote national industry, and create a national class of entrepreneurs, which could crush the dominance of old «Swedish money»⁶⁰. Moreover, they largely succeeded in their ambitions: by the end of the nineteenth century a Finnish-speaking industrial and business elite had arisen and was thriving.

On the other hand, Fennomania, through its efforts to dismantle Swedish-speaking cultural dominance in the central institutions of the country, also advanced the cause of popular groups. In this respect, the Fennomans' advocacy of both the adoption of Finnish as an administrative language and the establishment of public elementary schools in rural districts was essential, for it allowed the cultural emancipation of independent peasants. Upward social mobility from the peasantry to the educated class was not insignificant either, although it became important only in the recruitment of the clergy. In the 1880s, the Fennomans also created the first Finnish mass organization, the temperance movement. By effecting linguistic reform and by extending the range of social groups involved in education, they contributed to social mobility and emancipation.

The Fennomans' cultural offensive to Finnicize the elites and their search for support from among the lower classes to realize this objective clearly appear in the following description of the situation at the end of the nineteenth century:

The power structure that had granted an indisputably leading position to the bureaucratic and industrial aristocracy began <...> to crumble at the turn of the century. Forces that came, socially, from below, the middle classes [*keskisääty*] and the peasantry, began gradually to push out, with the support of Fennomania, the old civil servant elite from the state bureaucracy and state power⁶¹.

The Fennomans were loyal to the empire, but through their nationalist ideology they also acted to promote consolidation of the country vis-à-vis Russia. It was linguistic and cultural unity that the Fennomans considered necessary for national consolidation: the thin and culturally isolated upper strata of society were far too weak to perform this task alone. In fact, the Russians inadvertently supported the

⁵⁹ *Kuisma M.* Keskusvalta, virkavalta, rahavalta. S. 62.

⁶⁰ *Ibid.* S. 63.

⁶¹ *Ibid.* S. 97.

Fennomans' aspirations, because they saw the increased use of Finnish as a means of counterbalancing the influence of Swedish, and ultimately Sweden, in Finland. From the 1860s, The Fennomans' main rivals within Finnish nationalism were the Liberals, whose power base also lay, naturally enough, in the upper echelons of university and cultural life. Although they were mainly Swedish speakers, the Liberals did not focus their main opposition on the cultural aspirations of the Fennoman movement. They did oppose the creation of a unilingual Finnish national culture, but for them constitutional legality – that is, the preservation of existing political institutions – and the continuity of the cultural heritage from the Swedish period were more important than language. Consequently, they were prone to stress Finland's position as a separate political unit more sharply than were the Fennomans. On the linguistic front, the Liberals were on the defensive, but in terms of the economy they represented industrial and commercial society, which was rapidly evolving.

In terms of inter-elite competition, the role of the Liberals differed from that of the Fennomans. The Liberals had their stronghold in the two elites that were the main target of the Fennoman offensive, the highest echelons of the bureaucracy and the top stratum of the economy, as support for the Liberals was largely drawn from the estate of the nobility and the estate of the burghers. In the Diet, Liberals formed the majority in these two estates, whereas the Fennomans had a majority in the two other estates: the learned estate of the clergy and the peasant estate.

By the end of the nineteenth century, the cultural protest that found expression in Fennomania had lost much of its acuity. By then Finnish had achieved a strong or even predominant position in the central institutional spheres of society. The aim, crystallized in the Fennoman movement, of creating an upper class culturally united with the majority of the people, largely by linguistic conversion, was materializing rapidly. Despite the linguistic division between Finnish and Swedish speakers, no deep tensions divided the elites, however, and a national culture evolved which included both Fennoman and Liberal ideas and completed the ongoing political and the economic consolidation. Both Fennomans and Liberals hoped to promote popular identification with the dependent Finnish polity in order to consolidate its position. The basic tenets of national culture were shared by all the elites – administrative-political, economic, and ideological.

The unity and responsiveness of the elites

In the 19th-century period of state formation, the Finnish elites appear both unified and comparatively responsive, that is, ready to make concessions to other population groups. Even though it was a radical move at the time, the extension of franchise in the parliamentary reform of 1906 (at a stroke the number of qualified voters was increased tenfold) seems the logical conclusion of a long-term trend⁶². In the

⁶² See Alapuro R. *The Construction of the Voter in Finland, c. 1860–1907 // Redescriptions: Yearbook of Political Thought and Conceptual History*. 2006. Vol. 10. P. 10.

elite perspective proposed by North et al., this combination of unity and responsiveness may seem contradictory: the unity of elites tends to be conducive to the exclusion of other social groups from access to economic resources through the creation of a monopoly of violence in a state. In this scenario, the unity of elites is coupled with their non-responsiveness to the aspirations of popular groups.

In order to understand the quite different development in Finland, at least two important features in its political and economic consolidation should be recognized. First, a striking peculiarity of the Finnish situation is that state-making or the construction of an internally separate political and economic unit advanced exceptionally far under the tutelage of the metropolitan power. Finnish statemakers faced an entirely different situation from that in many anticolonial and nineteenth-century Eastern and East-Central European liberation processes, including the necessity of state construction in circumstances in which fundamental institutions and the elites attached to them are largely underdeveloped or are heavily shaped by metropolitan rule. This is the world of developing societies as described by North. Finland's distinct political position implied the kind of dependence that would affect its internal development in an indirect way, through (strong) local institutions. The place of elite institutions between the metropolitan power and the Finnish population was predominantly positive or beneficial for the development of the country.

Second, what was the nature of the unity that evolved in the Grand Duchy? This unity was in no way based on the coercive power of the Finnish elites themselves; the monopoly of violence in the country was not in their hands. On the contrary, they were subordinate to the empire's monopoly of violence, which presumably enhanced, rather than reduced, their unity. The relative unity of the Finnish elites evolved as an *active adjustment* to opportunities and incentives conditioned by the structure of Finland's political dependence and internal economic, social and political structures⁶³.

On the one hand, open inter-elite conflict would have been detrimental to the autonomy of the country. On the other hand, Finland's position offered opportunities for developing that autonomy further through cooperation between the elites, notably between the administrative and the economic elite. Undoubtedly, the small numerical strength of the elites was also of importance. Of those 28,000 individuals belonging to the gentry in 1870, certainly less than half were actually members of the elite. In the same decade, there were just 600–650 students at the Imperial Alexander University, and it was only at the turn of the century that their numbers would rise to 1,250⁶⁴. Finland was a country in which «everybody knew everybody else», and personal links between elites were common.

⁶³ The groundwork was of course done in the previous centuries. In the nineteenth century, inter-elite relations were shaped by institutions going back to the Swedish period, such as the judicial system, the system of political representation and the Church. Now they became operative in the adjustment to political dependence and to the regulation of relations between the elites.

⁶⁴ *Klinge M.* 1) *Ylioppilaskunnan historia 2. 1853–1871.* Helsinki: WSOY, 1967. S. 3; 2) *Ylioppilaskunnan historia 3. 1872–1917.* Helsinki: WSOY, 1968. S. 2, 168.

Moreover, it is difficult to see what incentive the comparatively unified elite would have had to actively exclude popular groups from political or economic participation. The strength of the peasantry in the reconvened Diet, its central role in local administration, and ultimately the fact that it was the dominant landowning class would have made such efforts unrealistic. In contrast, the elite's position rested primarily on the confidence or support of the «people»; this was the key factor in the Fennomans' interpretation of the coincidence between their own interests and that of the country as a whole. The phenomenon of the linguistic conversion of the Swedish-speaking upper class is a peculiar but typical example of the elite's responsiveness. A considerable proportion of them adopted Finnish as their native language without coercion, and they even promoted the process through Fennomania. This development, the nationalization of the gentry without coercion and their subsequent promotion of the process, was unique among similar small nations.

In short, the Finnish elites had no domestic source of coercive power as an ultimate guarantee of their position; instead, they had incentives to consolidate the institutional distinctiveness of their country and their own position within it by confirming the legitimacy of the prevailing system.

References

- Acemoglu D., Robinson J. A.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. London: Profile Books, 2012.
- Alapuro R.* State and Revolution in Finland. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Alapuro R.* The Construction of the Voter in Finland, c. 1860–1907 // Yearbook of Political Thought and Conceptual History. 2006. Vol. 10. P. 41–64.
- Allardt E.* Tieteen ja korkeakoululaitoksen kehitys keskeiseksi yhteiskunnalliseksi laitokseksi // O. Riihinen (ed.) Suomi 2017. Jyväskylä: Gummerus, 1990. S. 615–633.
- Berend I. T., Rånki G.* The European Periphery and Industrialization, 1780–1914. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Etzioni-Halevy E.* Introduction // E. Etzioni-Halevy (ed.) Classes and Elites in Democracy and Democratization. New York, L.: Garland Publishers, 1997. P. XXIII–XXXV.
- Field G. L., Higley J., Burton M. G.* A New Elite Framework for Political Sociology // Revue européenne des sciences sociales. 1990. N 28. P. 149–182.
- Gluschkoff J.* Murtuva säätyvalta, kestävä eliitti. Senaattori Lennart Gripenbergin sukupiiri ja sääty-yhteiskunnan muodonmuutos. Helsinki: SKS, 2008.
- Haapala P.* Vallan rakenteet ja yhteiskunnan muutos: Mielikuvaharjoitus 1800–2000-lukujen Suomesta // P. Pietikäinen (ed.) Valta Suomessa. Helsinki: Gaudeamus, 2010. S. 21–33.
- Hobsbawm E. J.* Some Reflections on Nationalism // T. J. Nossiter, A. H. Hanson, S. Rokkan (eds.) Imagination and Precision in the Social Sciences. London: Faber & Faber, 1972. P. 385–406.
- Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Prague: Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica, 1968. N. 24.
- Jussila O.* Suomen valtion synty // P. Haapala (ed.) Talous, valta ja valtio. Tutkimuksia 1800-luvun Suomesta (2., revised edition). Tampere: Vastapaino, 1992. S. 17–28.
- Jutikkala E.* Johtavat säädyt. Aateli // Suomen kulttuurihistoria 2. Porvoo: WSOY, 1934. S. 33–46.
- Jutikkala E.* Ståndssamhällets upplösning i Finland // Turun Historiallinen Arkisto 12. Turku: Turun Historiallinen Yhdistys, 1956. S. 113–143 (app.).
- Kalleinen K.* Suomen kenraalikuvernemetti. Kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä. Helsinki: Painatuskeskus, 1994.
- Katajisto K.* Isänmaamme keisari. Eliitin kansallisen identiteetin murros ja suomalaisen isänmaan rakentuminen autonomian ajan alussa. Helsinki: Yliopistopaino, 2008.
- Klinge M.* Ylioppilaskunnan historia 2. 1853–1871. Helsinki: WSOY, 1967.

Klinge M. Ylioppilaskunnan historia 3. 1872–1917. Helsinki: WSOY, 1968.

Klinge M. Suomen kansallisuusliikkeiden sosiaalisista suhteista // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. N 67. S. 185–207.

Klinge M. Keisarillinen Aleksanterin Yliopisto 1808–1917. With R. Knapas, A. Leikola, J. Strömberg. Helsinki: Otava, 1989.

Klinge M. Aatelointi palkitsemisen muotona // J. Strömberg, J. Nuorteva, Ch. Forssell (eds.) Valtio palkitsee – staten belönar. Helsinki: SKS, 2008. S. 96–116.

Konttinen E. Perinteisesti moderniin. Profiisoiden yhteiskunnallinen synty Suomessa. Tampere: Vastapaino, 1991.

Korhonen K. Suomen asiain komitea. Suomen korkeimman hallinnon järjestelyt ja toteuttaminen vuosina 1811–1926. Helsinki, 1963.

Kuisma M. Yrittäjät sääty-yhteiskunnan luokkakuvassa // P. Haapala (ed.) Talous, valta ja valtio. Tutkimuksia 1800-luvun Suomesta (2., revised edition). Tampere: Vastapaino, 1992(a). S. 29–57.

Kuisma M. Keskusvalta, virkavalta, rahavalta. Valtio, virkamiehet ja teollinen kehitys Suomessa 1740–1940 // Hallinto rahan, julkisuuden ja Venäjän paineessa. Hallintohistoriallisia tutkimuksia 9. Helsinki: Painatuskeskus, 1993. S. 7–98.

Kuisma M. Metsäteollisuuden maa. Suomi, metsät ja kansainvälinen järjestelmä. Helsinki, 1993.

Kuusterä A. Valtio, talous ja valtiontalous // P. Haapala (ed.) Talous, valta ja valtio. Tutkimuksia 1800-luvun Suomesta (2., revised edition). Tampere: Vastapaino, 1992. S. 59–87.

Myhre J. E. Academics as the Ruling Elite in 19th Century Norway // Historical Social Research. 2008. N33 (2). P. 21–41.

North D. C., Wallis J. J., Webb S. B., Weingast B. R. Limited Access Orders: An Introduction to the Conceptual Framework // In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 1–23.

Peltonen M. Aatelisto ja eliitin muodonmuutos // P. Haapala (ed.) Talous, valta ja valtio. Tutkimuksia 1800-luvun Suomesta (2., revised edition). Tampere: Vastapaino, 1992. S. 109–123.

Ruuskanen O.-P., Snellman A., Widgrén M. Yhteiskunnan huipulla: Eliittirakenne muutoksessa 1809–2009 // P. Pietikäinen (ed.) Valta Suomessa. Helsinki: Gaudeamus, 2010. S. 34–55.

Savolainen R. Keskusvirastolinnakkeista virastoarmeijaksi. Senaatin ja valtioneuvoston alainen keskushallinto Suomessa 1809–1995. Helsinki: Edita, 1996.

Savolainen R. Keskusvirastot, virastot ja laitokset // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki: Edita, 1996. S. 299–345.

Savolainen R. Suosikkisenaattorit. Venäjän keisarin suosio suomalaisten senaattorien menestyksen perustana 1809–1892 // J. Selovuori (ed.) Hallintohistoriallisia tutkimuksia Suomessa. Helsinki: Edita, 1996. S. 177–183.

Savolainen R. Venäjän keisari laajentaa suomalaisen aatelin piiriä // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki: Edita, 1996. S. 463.

Selleck R. G. The Language Issue in Finnish Political Discussion: 1809–1863. Ph.D. thesis. Radcliffe College, Cambridge, Mass., 1996.

Snellman A. Suomen aateli yhteiskunnan huipulta uusiin rooleihin 1809–1939. Helsinki: Historiallisia tutkimuksia Helsingin yliopistosta, 2014. T. XXXIV.

Stenvall J. Herrasmiestaidosta asiantuntijatietoon. Virkamiehistön asiantuntemuksen kehitys valtion keskushallinnossa. Helsinki: Painatuskeskus, 1995.

Upton A. Epilogue // M. Branch, J. Hartley, A. Maćzak (eds.) Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study. London: School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1995. P. 283–287.

Vuorinen M. Finnish Nobility between Nation and Empire (The Swedish Legacy and the Diet of Porvoo 1809) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 99–111.

Westerlund L. Lääninhallinto 1808–1917 // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki: Edita, 1996. S. 347–381.

Wirilander K. Herrasväkeä. Suomen säätyläistö 1721–1870. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1974.

Wuorinen J. Suomalaisuuden historia. Porvoo: WSOY, 1935.

Ylikangas H. Autonomisen Suomen virkamieseliitti // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki: Edita, 1996. S. 423–515.

Е. Н. Наземцева

Специфика политико-правового положения русской эмиграции в Китае в период обострения международной ситуации на Дальнем Востоке (1931–1937 гг.)

Обострение международных отношений в 1930-х гг. имело особую специфику на Дальнем Востоке. В течение всего десятилетия происходило ослабление стабильности в регионе: японо-китайский конфликт (1931 г.), начало японо-китайской войны (1937 г.), советско-японские конфликты у оз. Хасан (1938 г.), на р. Халхин-Гол (1939 г.). Положение усугублялось гражданской войной в Китае. Дипломатические игры держав региона, бесконечные перемены международной ситуации отражались на положении русской эмиграции в Китае. Правовой статус русских эмигрантов не был определен, нансеновские паспорта, признанные в Европе, здесь не имели значения. Китайское руководство не доверяло русским эмигрантам, Япония стремилась использовать их для достижения своих внешнеполитических задач, не ослабевало внимание к ним советских спецслужб. В результате русское эмигрантское сообщество оказалось в своеобразном «правовом вакууме». Мигранты пытались привлечь внимание международного сообщества на свои проблемы: генерал Д. Л. Хорват в качестве главы дальневосточной эмиграции обратился в Лигу Наций, Международную Лигу борьбы с III Интернационалом, к дипломатическому корпусу в Пекине и китайскому правительству, но получил отказ¹.

¹ *Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск, 2007. С. 89.

Другой попыткой отстоять свои права стал доклад «О правовом и экономическом положении русских эмигрантов в Маньчжурии», подготовленный эмигрантами для специально находившейся в это время в Маньчжурии комиссии Литтона². К нему прилагался перечень мероприятий, необходимых для обеспечения более приемлемых условий жизни русской диаспоры: наделение эмигрантов правами национальных меньшинств согласно статуту Лиги Наций; упорядочение налоговых обязательств наряду с другими гражданами Маньчжурии, право участия в правительстве и муниципалитете, учреждение в полосе отчуждения центрального русского представительства, свободное поселение на землю и т.д.³ В докладе отмечалась довольно высокая стоимость паспортов: для семьи из 3–4 человек плата за паспорта составляла 30–40 долларов в год. Обращалось внимание на фактически бесправное положение русских эмигрантов. Так, за каждую провинность русского эмигранта следовал штраф, размер которого зависел от настроения полицейского чиновника. В суде русские всегда проигрывали. Всё это отягощалось сложившейся в Китае системой поборов и притеснений⁴.

Однако японские власти утверждали, что в докладе речь шла о произволе *китайских* властей в Маньчжурии над *всеми* иностранцами. Соответственно, русские эмигранты в этом докладе предъявляли претензии к китайским властям, так как «русское население разоренное, угнетенное с восторгом приветствовало новую власть». Отмечалось, что к документу была приложена так называемая «черная книга», озаглавленная как «Книга русского отчаяния», в которой были изложены сотни фактов, свидетельствовавших о «произволе и преступлениях против иностранцев правительства дикарей (китайцев. — Е. Н.)»⁵. Однако в сложившейся политической обстановке и это обращение русской эмиграции к международному сообществу осталось без ответа⁶.

Японские оккупационные власти декларировали новые ценности, в рамках которых обещали благоденствие всем народам, представителям всех национальностей сулили равные права, а также защиту от произвола китайских властей. Япония рассчитывала активно использовать бывших русских подданных, проживающих на северо-востоке Китая, в своей агрессивной внешней политике. Маньчжурии уделялось особое внимание, так как русское влияние издавна

² 10 декабря 1931 г. по инициативе Японии была сформирована комиссия Лиги Наций из представителей пяти государств для изучения причин японо-китайской конфронтации. Комиссию возглавлял В. Бульвер-Литтон.

³ Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008. С. 43.

⁴ Капран И. К. Правовое положение служащих КВЖД в 1920–1930-е гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 106.

⁵ «От создания до признания Японией нового государства Маньчжу-Го» // Экономический вестник. 1932. № 62, 1 октября. С. 2.

⁶ Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995. С. 96.

было весьма сильно здесь. Это отражено в японских аналитических документах: «После постройки КВЖД и вложения 600 миллионов рублей, Россия, привив русскую культуру и улучшая промышленность, превратила таким образом пустующие земли в богатую хлебом страну. А трехмиллионное население увеличилось к настоящему времени до 30 миллионов, которое может быть увеличено еще на 100 миллионов. Хотя наступление России и является результатом завоевательского характера славянских племен, но всё же сегодняшнее экономическое и культурное развитие Северной Маньчжурии в своем большинстве обязано России. Причина столь крепкого влияния России в Северной Маньчжурии именно исходит из этого. Поэтому не так-то легко будет изгнать влияние России из Северной Маньчжурии за короткий срок»⁷.

Некоторые русские эмигранты осознавали, что Япония стремилась «превратить Маньчжурию в промышленную и военную базу для дальнейшего покорения Азии, но наличие КВЖД и большого количества русских с советскими паспортами препятствовало им на пути к этой цели». Японские власти «не были готовы к стычке с Советским Союзом, хотя их, конечно, раздражало то, что они не имели полного контроля над самым большим городом Маньчжурии», однако «с белоэмигрантами и теми русскими, которые предпочли принять китайское гражданство, они могли поступать как угодно»⁸. Они знали, что неверный выбор политики в отношении русского населения Маньчжурии может привести к их массовому отъезду, к дестабилизации всего региона⁹.

Всё же значительная часть представителей русской эмиграции после прихода японцев в Маньчжурию надеялась на улучшение своего положения. Как отмечает Г. В. Мелихов, «эмиграция связывала с приходом японцев, как тогда говорили, надежды на перемены к лучшему, но самих японцев старшее поколение эмигрантов не любило, помня о русско-японской войне 1904–1905 гг., Порт-Артуре и прочих событиях»¹⁰. В современной отечественной историографии Русского Зарубежья нет единого мнения относительно восприятия японских оккупационных властей русскими эмигрантами. Если Мелихов приходит к выводу о том, что у харбинцев отсутствовали какие-либо «политические моменты», скорее это были «ожидания улучшений и тревоги о том, что принесет будущее»¹¹, то Е. В. Яковкин, опираясь на воспоминания эмигрантки Н. Мокринской, считает, что большая часть эмигрантов «радостно приветствовала в Харбине японцев»¹². Е. Е. Аурилене отмечает, что «отношение эмигрантов

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 16. П. 169а. Д. 22. Л. 20.

⁸ *Нэш Г.* Потерявшие Родину: Семейная сага Тарасовых. СПб., 2011. С. 99.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. М., 2007. С. 271.

¹¹ Там же. С. 270.

¹² *Яковкин Е. В.* Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014. С. 97.

к новым хозяевам Маньчжурии было различным»¹³, а описываемое большинством историков скопление горожан при входе японцев в Харбин объясняет «обычным для таких случаев любопытством»¹⁴. Н. Е. Аблова убеждена, что большинство эмигрантов «сначала не смогло разобраться в происходящем»¹⁵. М. В. Кротова признает, что часть эмигрантов действительно видела в новых властях своих «спасителей»¹⁶. По нашему мнению, русское общество не было единым в восприятии прихода японцев в Маньчжурию. Рядовые эмигранты стремились к стабильности своего правового и социально-экономического статуса, не поддерживали, но и не боролись с новыми властями. Руководство эмиграции надеялось на поддержку в борьбе против СССР даже в ущерб своим правам и поэтому открыто их поддерживало.

Важным событием в жизни русской эмиграции стало учреждение 28 декабря 1934 г. Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). По данным японских исследователей, цель организации БРЭМ заключалась в регулировании деятельности русской эмиграции, представлении интересов эмигрантов перед властями (Маньчжоу-Го. — *Е. Н.*), а также использовании через нее русских эмигрантов в борьбе против СССР¹⁷. Некоторые исследователи считают, что, учреждая БРЭМ, японские власти хотели сохранить монопольное влияние на эмиграцию, не допуская в эту сферу англичан и французов¹⁸. Инициатором создания организации являлся майор Сюн Акикуса. Для русских вводились обязательная регистрация и прописка — своеобразные единые эмигрантские паспорта в виде регистрационных квитанций, а позже — личных книжек. Для персональной регистрации была выработана специальная форма анкеты, пункты которой заполнялись самими эмигрантами¹⁹. Процедура оформления статуса эмигранта длилась до трех месяцев.

В марте 1935 г. БРЭМ официально начало регистрацию всего эмигрантского населения сначала в Харбине, затем по всей территории страны²⁰. Стремясь исключить возможное негативное отношение к регистрации, БРЭМ сделало специальное заявление, разъясняя, что «1) персональная регистрация русских эмигрантов и лиц русской национальности, имеющих китайские или маньчжурские

¹³ *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). С. 39.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ *Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. С. 127.

¹⁶ *Кротова М. В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 305.

¹⁷ Подробнее см.: *Накасима Т.* Создание Бюро по делам русской эмиграции (БРЭМ) в Маньчжоу-Го, 1934–1935 // Россия и Япония: Сб. ст. Вып. 8. Токио, 2010. С. 123–139.

¹⁸ *Мальшенко Г. И.* Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006. С. 220.

¹⁹ Луч Азии. 1936. № 24/8. С. 21.

²⁰ *Аблажей Н. Н.* С Востока на Восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 141.

паспорта, является обязательной; 2) регистрироваться должны лица обоего пола в возрасте свыше 17 лет (во время Второй мировой войны возрастной порог был снижен до 14 лет²¹); 3) одновременно с представлением анкетного листа каждый обязан предъявить две своих фотографических карточки; 4) регистрация производится бесплатно; 5) в приеме анкетного листа выдается каждому от Бюро квитанция, которую каждому надлежит хранить у себя; 6) время окончания регистрации пока не установлено, однако Бюро рекомендует всем поторопиться с выполнением этого задания»²². Регистрироваться должны были все лица русской национальности, как старожилы, так и имевшие любые китайские паспорта²³. Регистрация эмигрантов проходила через 3-й отдел Бюро, выдававший личные книжки, оформлявший переход советских граждан в эмигрантское состояние. Как отмечалось в эмигрантской прессе, «тысячи советских граждан после тщательной проверки их благонадежности получили эмигрантские паспорта и были спасены от красного клейма, которое могло привести их в “советский рай” на голод или на смерть»²⁴. Каждый шаг Бюро прослеживался маньчжурской полицией и японской контрразведкой²⁵. Число зарегистрированных увеличивалось достаточно быстро. В ноябре 1935 г. в БРЭМ числилось более 3 тыс. эмигрантов, к концу 1936 г. — 24 тыс., а в 1944 г. — около 69 тыс. эмигрантов²⁶.

После завершения регистрации эмигранты должны были встать на особый учет. В особенности это касалось тех, кто был способен носить оружие²⁷. Уклонение от регистрации могло привести к депортации за пределы Маньчжоу-го²⁸. БРЭМ опубликовал специальное постановление, в котором подчеркивалось, что «уклоняющиеся от исполнения требований Бюро не имеют права рассчитывать впоследствии на его защиту и поддержку»²⁹. Создание БРЭМ не осталось без внимания советской стороны. В сентябре 1935 г. замнаркома Б. С. Стомяков выразил серьезную обеспокоенность японскому послу Ота тем, что японские власти не только допускают, но и поощряют деятельность белоэмигрантских организаций. По мнению советского руководства, японские власти

²¹ *Горохов В.* Главное Бюро по делам российских эмигрантов // *Луч Азии.* 1944. № 14/125. С. 22.

²² *Луч Азии.* 1935. № 7. С. 39.

²³ *Луч Азии.* 1936. № 24/8. С. 21.

²⁴ *Луч Азии.* 1939. № 53/1. С. 9.

²⁵ *Антропов О. К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008. С. 291.

²⁶ *Аблажей Н. Н.* С Востока на Восток. С. 141.

²⁷ *Усов В. Н.* Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М., 2003. С. 191.

²⁸ *Аурилене Е. Е.* Региональные особенности правового положения российских эмигрантов в Китае (Маньчжурия, Шанхай, Северный Китай, 1920–1940-е гг.) // *Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е гг. Сб. научн. трудов.* СПб., 2006. С. 192.

²⁹ Цит. по: *Мальшенко Г. И.* Общественно-политическая жизнь российского казачества... С. 224.

организовали БРЭМ и настаивали на подчинении всех эмигрантов этому бюро для того, чтобы оно стало своеобразным «боевым центром крайних антисоветских элементов в Маньчжурии»³⁰.

БРЭМ была уникальной организацией, поскольку ни одна страна не придавала такого значения русской эмиграции, как Япония. Его создание в определенной степени решило проблему консолидации русского населения: эмигранты получили своеобразное «эмигрантское правительство», которое могло представлять их интересы на официальном уровне³¹, но в то же время Японская военная миссия добилась реализации своей цели — облегчила себе задачу управления и контроля над эмигрантами. Большая часть заявленных мероприятий, касающихся обеспечения прав эмигрантов, была воплощена в жизнь лишь формально.

Эмигранты неоднозначно отнеслись к созданию БРЭМ. В эмигрантской про-японской периодической печати отмечалось, что «Бюро прочно вошло в жизнь и быт Российской эмиграции в Маньчжу Ди Го, которая теперь не мыслит своего существования без своего единственного, признанного всеми, представительского органа управления», его деятельность способствовала укреплению материального и правового положения российских эмигрантов³²; благодаря БРЭМ «эмиграция уже не представляет больше собой аморфную массу людей без защиты и права, как бы выброшенных за борт жизни — вся общественно-политическая и экономическая жизнь ее приведена в стройную систему и движется по отрегулированному руслу»³³. Однако начальник Дальневосточного отдела Общевоинского союза генерал М. В. Ханжин отмечал следующее: «...эмигранты до этого жили свободно, не зная почти никаких стеснений: свободно перемещались из города в город и из страны в страну, не имели паспортов или каких-нибудь удостоверений личности, не несли налогов, почти не знали контроля их общественной и тем более частной жизни, жили как хотели, воспитывали детей в своих и иностранных школах». БРЭМ же стал «источником стеснения» и поэтому «встретили его недружелюбно и недоверчиво»³⁴. Этому способствовало в немалой степени и то, что в Харбине учреждение БРЭМ сопровождалось арестами, заключением в тюрьму на сроки от нескольких дней до 3–4 месяцев и высылкой в Шанхай и Тяньцзинь видных эмигрантов, таких как генералы Е. Г. Сычев, В. Д. Косьмин, профессора М. П. Головачев и В. С. Покровский³⁵. Принуждением к регистрации в БРЭМ и получению маньчжурского подданства можно считать и изданный в 1936 г. «Закон о собственности», по которому право собственности на землю и постройки предо-

³⁰ *Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. С. 131.

³¹ *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг). С. 54.

³² Луч Азии. 1939. № 53/1. С. 8.

³³ Там же.

³⁴ *Ханжин М. В.* Русская эмиграция в Маньчжурии // Марковчин В. В. Три атамана. М., 2003. С. 215.

³⁵ Там же.

ставлялось исключительно маньчжурским подданным, не имеющие подданства имели право аренды на срок в три года³⁶.

Японцы отмечали ухудшение политико-правового положения русских эмигрантов в этот период. Из статьи Оямы «Русские организации в Маньчжурии», опубликованной в журнале Исследовательского отдела ЮМЖД «Сведения о СССР», следует, что в 1920-е гг., в особенности в первой их половине «юридическое и экономическое положение этих белых было в то время по сравнению с сегодняшним положением много лучше»³⁷. Автор считает, что это было связано со слабыми позициями советского правительства в Маньчжурии, кроме того, «положение русских было тогда весьма прочное, поскольку их конкуренты-китайцы еще не поняли своих интересов, а КВЖД находилась и на пути к развитию и не замечалось также большого количества безработных»³⁸. Поскольку «были неопытны китайские администраторы», «белым русским не приходилось платить больших налогов и иметь много расходов как сейчас»³⁹. В этот период, «несмотря на то что не было экстерриториальных прав, и полиция находилась в руках китайцев, всё же городское управление находилось в руках белых и посты начальников полицейских участков также занимали белые русские». Поэтому «белые русские в то время имели большое влияние на управление Харбина и др. городов Сев[ерной] Маньчжурии». «После появления влияния Советов важные посты на КВЖД были потеряны, также с усилением Китая было отобрано городское самоуправление и появились китайские конкуренты». Таким образом, делает вывод Ояма, «положение белых в Северной Маньчжурии стало с каждым годом ухудшаться, в особенности за последние годы». В результате советско-китайского конфликта «многие белые потеряли свое имущество, были изгнаны из КВЖД, а благодаря мировой депрессии эти белые потеряли свои места также в конторах и магазинах», поэтому «многие белые оставили надежды на Северную Маньчжурию и постепенно покидают ее, направляясь в Южный Китай или за границу».

Событием, также повлиявшим на правовой статус русских эмигрантов, стала продажа КВЖД. Вопрос о ее продаже Китаю был поднят в 1930 г. во время неофициальной встречи Л. М. Карахана и китайского представителя Мо Дэхоя⁴⁰. После образования Маньчжоу-Го позиции Японии существенно укрепились, и она не собиралась мириться с фактической зависимостью от другой страны созданного ею государства. В Токио не исключали возможности начала войны с СССР за обладание дорогой⁴¹, что было крайне нежелательно для СССР. Малонаселенный и неразвитый с точки зрения транспортных коммуникаций

³⁶ Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения. С. 286.

³⁷ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 16. П. 169а. Д. 22. Л. 28.

³⁸ Там же. Л. 27–28.

³⁹ Там же. Л. 28.

⁴⁰ Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. С. 89.

⁴¹ Там же. С. 104.

Дальний Восток был весьма уязвимой частью советской территории. Поэтому советское правительство приняло решение о продаже дороги. На это отреагировало эмигрантское сообщество: с 1933 г. — после начала переговоров СССР о продаже КВЖД — переход из советского гражданства в эмигрантское состояние стал частым явлением. К моменту подписания договора о продаже дороги этот процесс приобрел массовый характер. И маньчжурские, и японские власти поощряли процесс «десоветизации» эмигрантов. Подозрительных лишали эмигрантского статуса, рассматривая их как состоящих в советском гражданстве⁴². Эмигранты считали, что «с продажей дороги наносится сокрушительный удар русскому влиянию. Огромное большинство русских железнодорожников — советских подданных — депортируется в СССР. С семьями эта русская убыль выразится в цифрах, примерно, 20 тысяч человек»⁴³.

Но шел и обратный процесс — переход в советское гражданство. Паспорта СССР стремились получить те эмигранты, которые в связи с продажей КВЖД приняли решение выехать в Советский Союз. Причина такого шага заключалась в том, что одним из условий «переуступки» КВЖД было выделение японцами 30 млн иен пенсионных денег для выплаты советским железнодорожникам⁴⁴. Постановлением Транспортной комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10 марта 1935 г. было объявлено о приеме в советское гражданство бывших работников КВЖД по телеграфному представлению генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого и оформлять его в ускоренном порядке через ЦИК СССР. Получив таким образом гражданство СССР в 1935 г., около 25 тыс. советских граждан выехали в Советский Союз⁴⁵. По данным Л. И. Чугуевского, после официальной передачи дороги правительству Маньчжоу-Го на станции Харбин-Центральный не хватало места для отъезжающих⁴⁶.

Современные российские исследователи едины в оценке правового положения русских в Маньчжурии в период японской оккупации. Г. И. Малышенко убежден, что «оккупационная политика Японии не улучшила правового положения большинства казаков-эмигрантов, а наоборот, во многих провинциях Китая активно проводилась японизация всех сторон их общественно-политической жизни»⁴⁷. Н. Д. Старосельская отмечает, что «на русских японцы открыто не нападали —

⁴² Кротова М. В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 32 (32). С. 78.

⁴³ Лидин Н. Русская эмиграция на Д. В. // Русские записки. Общественно-политический и литературный журнал. 1937. № 1. С. 318–319.

⁴⁴ Писаревская Я. Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е — начало 30-х гг.) // Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-х — 1940-х гг. Вып. 4. М., 2002. С. 221.

⁴⁵ Кротова М. В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии. С. 78.

⁴⁶ Чугуевский Л. И. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 120.

⁴⁷ Малышенко Г. И. Дальневосточная эмиграция российского казачества в планах международной реакции (1920–1930-е гг.) // Инновационное образование и экономика. 2010. № 7. С. 55.

скорее, просто вытесняли, выдавливали отовсюду»⁴⁸. По мнению В. Н. Усова, «вся политическая и общественная жизнь российской колонии в Маньчжоу-Го была под жестким контролем японских военных властей, создавших идеологическую и политическую организацию, регламентирующую буквально все стороны эмигрантского существования»⁴⁹. Аналогично и мнение Н. Е. Абловой: «...японское командование проводило в отношении русских эмигрантов достаточно жесткую политику, усиливая нажим по мере государственного строительства Маньчжоу-Го, а затем в связи с введением режима военного времени»⁵⁰.

Эмигранты также свидетельствовали не в пользу оккупационных властей. Показательно мнение Н. Лидина, согласно которому эмигрантскую эпопею за время с 1920 по 1940 г. в Маньчжурии можно разделить на несколько периодов, где каждый последующий для эмигрантского бытия был хуже предыдущего. За указанный промежуток времени произошел ряд событий, менявших маньчжурский политический фон. С каждой переменной этого фона неуклонно ухудшалось материальное (и правовое) положение дальневосточной русской эмиграции. В первый период — до «пришествия большевиков на КВЖД», до «харбинского октября» (1924 г.) китайцы еще только присматривались, не проявляя особой поспешности в проведении политики китаизации края и дороги. На железной дороге и в учреждениях, связанных с местным городским самоуправлением, продолжал господствовать прежний русский дух, старые русские порядки⁵¹. Картина меняется с приходом большевиков на дорогу. По образному выражению автора, «новые хозяева положения на русской ж.д. магистрали Сев. Маньчжурии сразу же вооружились метлой для чистки дороги... от русских эмигрантов»⁵². В результате «для последних встала роковая неумолимая дилемма: или перекраситься в один из двух защитных цветов, или уходить с дороги без всяких надежд устроиться также (sic!) хорошо, как вообще были обеспечены железнодорожники на КВЖД» Большинство стало «перекрашиваться». Одни возбудили ходатайство о переходе в советское гражданство. Другие стали хлопотать о переходе в китайское подданство⁵³. Н. Лидин пришел к выводу, что по мере укрепления и утверждения новых хозяев у многих не оставалось сомнения, что «русским скоро в этом крае нечего будет делать», для русской эмиграции в Маньчжоу-Го создалось если не безысходное, то весьма тяжелое положение. И оставаться нельзя, и выбраться трудно⁵⁴.

Изменения правового положения русской диаспоры в связи с событиями в Маньчжурии и началом японской агрессии в Китае отразились и на положении русской диаспоры в других дальневосточных регионах страны. После

⁴⁸ Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006. С. 237.

⁴⁹ Усов В. Н. Последний император Китая. С. 195.

⁵⁰ Аблова Н. Е. Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. С. 127.

⁵¹ Лидин Н. Русская эмиграция на Д. В. С. 315.

⁵² Там же. С. 316.

⁵³ Там же. С. 317.

⁵⁴ Там же. С. 319.

продажи КВЖД многие ее бывшие служащие, получив значительные суммы при расчете, прибыли в Тяньцзинь. Благодаря им было организовано крупное банковское предприятие Tientsin Investment Corporation⁵⁵. После оккупации японской армией Тяньцзиня 10 октября 1937 г. был открыт Русский дом, который должен был осуществлять консульские функции для эмигрантов и представлять их интересы⁵⁶.

Органом административного управления эмигрантским населением являлся Русский антикоммунистический комитет, возглавляемый Е. Н. Пастухиным, которому оказывал поддержку начальник русского отдела ЯВМ в Тяньцзине майор Таки⁵⁷. Русские эмигранты были обязаны регистрироваться в Комитете. Свидетельство о регистрации являлось обязательным требованием при обмене удостоверений личности, получении вида на жительство, оформлении других документов. Уклонение от регистрации преследовалось японскими властями: русских снимали с эмигрантского учета, подвергали штрафам, лишали права проживания на территории Тяньцзиня, их виды на жительство объявлялись недействительными. Запрещалось общение с эмигрантами, снятыми с учета⁵⁸.

Деятельность ЦАК вызывала недовольство советских представителей. В июне 1937 г. в Тяньцзине начала выходить газета «Русский путь». Ее изданием руководило подразделение японской контрразведки в Тяньцзине. В № 3 от 5 июля 1937 г. было помещено сообщение об освобождении из тюрьмы белогвардейца Б. С. Каверды, убившего полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова. В статье восхвалялся его поступок, а также объявлялся сбор денежных пожертвований в пользу Каверды, для чего на французской концессии на 6 июля с 8:30 час. вечера было назначено собрание⁵⁹. В связи с этим вице-консул СССР в Тяньцзине В. Я. Смирнов посетил французское консульство и обратил внимание консула Буфана на недопустимость собрания белоэмигрантских фашистов, призывающих к террору в отношении советских представителей. Буфана со своей стороны обещал выяснить этот вопрос через французскую полицию. Вечером в тот же день Буфана по телефону сообщил, что по затронутому вопросу он сделал доклад возглавляющему французское консульство Леписье и последний распорядился запретить собрание белоэмигрантских фашистов⁶⁰.

Более свободным было правовое положение русских эмигрантов в Шанхае. Оно определялось спецификой международного статуса города, наличием Международного сэттлмента и сильными позициями европейских государств. Кроме того, Япония первоначально не смогла здесь добиться преимуществ в во-

⁵⁵ *Щети В. В.* 1935 год в Северном Китае // Ежемесячник Вестник Китая. № 2 (апрель). 1936. С. 29.

⁵⁶ *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). С. 115.

⁵⁷ Там же. С. 114.

⁵⁸ Там же. С. 116, 123.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 21. П. 188. Д. 25. Л. 2.

⁶⁰ Там же.

енном отношении. В то же время неоднозначным было советское присутствие в городе. После разрыва отношений СССР и Китая в ходе конфликта 1929 г. консул СССР покинул город, а помещение Генконсульства было передано под опеку Генконсульства Германии⁶¹. Только в 1933 г. в Шанхай прибыл посол СССР в Китае Д. В. Богомолов.

В 1930-х гг. эмигранты довольно часто обращались в советское генконсульство за помощью в оформлении документов, за финансовым содействием для возвращения на Родину. Например, в 1934 г. в советское генконсульство обратился русский эмигрант, следовавший из США в СССР — М. Арк с просьбой о выделении средств для проезда⁶². Сумму он обещал вернуть через своего брата, оставшегося в США⁶³. Консульство удовлетворило эту просьбу, предоставив необходимые средства, но с условием их возвращения. В октябре 1937 г. Д. В. Богомолов отбыл на родину. С 1939 г. сотрудники советского консульства отбыли из Шанхая в Японию. Всеми делами, связанными с Генконсульством СССР в Шанхае, занималось генконсульство Норвегии⁶⁴.

Подобные условия заставляли эмигрантов искать другие пути защиты своих прав. Большую роль в этом играли эмигрантские организации, существовавшие в городе. В 1932 г. в Шанхае был учрежден Совет объединенных русских организаций (СОРО). Одной из приоритетных задач организации, определенных Уставом, являлись представительство и защита русских прав и интересов⁶⁵. С 1935 г. интересы русской колонии стала представлять новая организация — Русский национальный комитет под председательством Н. Ю. Фомина.

В целом русское население в Шанхае не было бесправным. Те русские, которые находились на территории иностранных концессий, имели право участвовать в выборах в Муниципальный совет Международного сэттльмента и даже Административный совет Французской концессии. Поэтому большинство русских эмигрантов были довольны своим юридическим статусом⁶⁶. Это же отмечают и сами эмигранты: «Со временем русские заслужили хорошую репутацию среди иностранцев и стали занимать ответственные административные и деловые должности, пополняя ряды зажиточного среднего класса. Они пользовались всеми правами свободных граждан, хотя и были людьми без гражданства и назывались по-английски *stateless*»⁶⁷.

Начало японо-китайской войны не вызвало особых изменений в положении русской общины Шанхая, жизнь которой продолжала оставаться относительно

⁶¹ Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. С. 160.

⁶² АВП РФ. Ф. 312. Оп. 6. П. 16. Д. 6. Л. 76.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае. С. 162.

⁶⁵ Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг). С. 147.

⁶⁶ Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае. С. 170.

⁶⁷ Нэш Г. Потерявшие Родину. С. 139.

спокойной⁶⁸. Это объяснялось своеобразием международной ситуации: между Японией, Англией, США и другими странами еще не произошло открытого конфликта. Несмотря на оккупацию города японскими военными, Международный селтльмент и Французская концессия сохранили собственное управление в виде Муниципального совета и Бюро по общественным делам⁶⁹. По ходатайству Русского эмигрантского комитета шанхайский представитель Нансеновского бюро при Лиге Наций г. Лунис начал оформление временных нансеновских паспортов для русских эмигрантов.

Тем не менее в Шанхае Япония приняла меры для организации контроля над русскими эмигрантами. В марте 1938 г. здесь было создано Бюро управления русской эмиграцией под руководством японских оккупационных властей. Все члены русского эмигрантского комитета должны были пройти в нем регистрацию. В генконсульстве Японии в Шанхае был открыт Отдел по русским делам⁷⁰. Русским эмигрантам, кроме тех, у кого имелись свидетельства о регистрации и паспорта, предписывалось приобрести особые удостоверения личности. Все документы должны были быть переведены на японский язык⁷¹.

Несмотря на относительно спокойное существование, в среде русских эмигрантов, обосновавшихся в Шанхае, имели место реэмиграционные настроения. Осенью 1937 г. было образовано «Общество за возвращение на Родину». «Возвращенцы», как их называли, издавали газету — «Возвращение на Родину»⁷². Организация также проводила работу по ознакомлению своих членов с Советским Союзом и его достижениями⁷³. Ее деятельность привела к расколу местных эмигрантов на два лагеря: «оборонцев» и «пораженцев». Это вызывало недовольство японских властей. По данным советских представителей в Шанхае, «возвращенцы» подвергались «разным нападкам со стороны японской агентуры», вплоть до терактов: в помещении их клуба была брошена бомба⁷⁴. Через полгода после основания Союза около 400 эмигрантов направили коллективное письмо в адрес Верховного Совета СССР с просьбой о выдаче советских паспортов и разрешении вернуться на Родину. И письмо, и все материалы, касающиеся деятельности организации, были переданы М. Литвиновым Председателю Верховного Совета СССР М. И. Калинину⁷⁵. По мнению Управляющего Генконсульством в Шанхае Б. Симанского, заявление о предоставлении советского гражданства заслуживало внимания и требовало детального рассмотрения⁷⁶.

⁶⁸ *Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. С. 155.

⁶⁹ *Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае. С. 101.

⁷⁰ Там же. С. 254.

⁷¹ Там же. С. 266.

⁷² *Старосельская Н. Д.* Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006. С. 214.

⁷³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 22. П. 63. Д. 14. Л. 4.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. П. 190. Д. 19. Л. 1.

⁷⁶ Там же. П. 63. Д. 14. Л. 4.

Политико-правовое положение русской диаспоры в дальневосточных провинциях Китая в 1930-х гг. продолжало оставаться сложным. В условиях разгорающейся японо-китайской войны и углубления международных противоречий эмигранты оказались заложниками положения. Обращения к международному сообществу в большинстве случаев не имели успеха, так как западные державы придерживались политики неучастия в войне на Дальнем Востоке. Близкой оказалась и позиция Советского Союза: СССР длительное время соблюдал принцип последовательного нейтралитета в международных делах дальневосточного региона. Череда политических и экономических уступок СССР отрицательно сказывалась как на положении эмигрантского сообщества, так и на положении находившихся здесь советских граждан.

References

- Ablažej N. N.* S vostoka na vostok: Rossijskaâ èmigraciâ v Kitae. Novosibirsk, 2007.
- Ablova N. E.* Dal'nevostočnaâ vetv' Russkogo zarubež'â. Minsk, 2007.
- Ákovkin E. V.* Russkie soldaty Kvantunskoj armii. M., 2014.
- Antropov O. K.* Rossijskaâ èmigraciâ v poiskah političeskogo ob'edineniâ (1921–1939 gg.). Astrahan', 2008.
- Aurilene E. E.* Regional'nye osobennosti pravovogo položeniâ rossijskih èmigrantov v Kitae (Man'čžuriâ. Šanhaj. Severnyĭ Kitai. 1920–1940-e gg.) // Pravovoe položenie russkoĭ èmigratsii v 1920–1930-e gg.: Sb. nauchn. trudov. SPb., 2006.
- Aurilene E. E.* Rossijskaâ diaspora v Kitae. 1920–1950-e gg. Habarovsk, 2008.
- Čuguevskij L. I.* 100-letie Harbina // Problemy Dal'nego Vostoka. 1998. N 3. S. 116–122.
- Gorohov V.* Glavnoe Bûro po delam rossijskih èmigrantov // Luč Azii. 1944. N 14/125.
- Hanžin M. V.* Russkaâ èmigraciâ v Man'čžurii // Markovčĭn V. V. Tri atamana. M., 2003.
- Kapran I. K.* Pravovoe položenie služuših KVŽD v 1920–1930-e gg. // Pravovoe položenie rossijskoĭ èmigratsii v 1920–1930-e gody. SPb., 2006.
- Krotova M. V.* Russkie èmigranty v mežvoennoj Man'čžurii: manipulácii s graždanstvom kak strategijâ vyzhivaniâ // Novyj istoričeskij vestnik. 2012. N 32 (32). S. 66–83.
- Krotova M. V.* SSSR i rossijskaâ èmigraciâ v Man'čžurii (1920–1930-e gg.). SPb., 2014.
- Malyšenko G. I.* Dal'nevostočnaâ èmigraciâ rossijskogo kazačestva v planah meždunarodnoj reakcii (1920–1930-e gg.) // Innovacionnoe obrazovanie i èkonomika. 2010. N 7. S. 51–59.
- Malyšenko G. I.* Obšestvenno-političeskââ žizn' rossijskogo kazačestva v dal'nevostočnoj èmigratsii (1920–1945 gg.). Omsk, 2006.
- Melišov G. V.* Rossijskaâ èmigraciâ v meždunarodnyh otnošeniâh na Dal'nem Vostoke. 1925–1932. M., 2007.
- Něš G.* Poterâvšie Rodinu: Semejnaâ saga Tarasovyh. SPb., 2011.
- Pisarevskaâ Â. L.* Dve Rossii v Man'čžurii: social'naâ adaptaciâ i reèmigraciâ (20-e — načalo 30-h gg.) / Očerki antibol'shevistskoĭ èmigratsii 1920-h – 1940-h gg. Vyp. 4. M., 2002.
- Protivostoânie: Očerki voenno-političeskoi konfrontacii pervoi poloviny XX veka. M., 1995.
- Starosel'skaâ N. D.* Povsednevnaâ žizn' «russkogo» Kitaiâ. M., 2006.
- Usov V. N.* Poslednij imperator Kitaiâ. Pu I (1906–1967). M., 2003.
- Van Čžičen.* Istorijâ russkoĭ èmigratsii v Šanhae. M., 2008.

Список литературы

- Аблажей Н. Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.
- Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск, 2007.
- Антропов О. К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008.
- Аурилене Е. Е.* Региональные особенности правового положения российских эмигрантов в Китае (Маньчжурия. Шанхай. Северный Китай. 1920–1940-е гг.) // Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е гг.: Сб. научн. трудов. СПб., 2006.
- Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008.

- Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008.
- Горохов В.* Главное Бюро по делам российских эмигрантов // *Луч Азии.* 1944. № 14/125. С. 22.
- Капран И. К.* Правовое положение служащих КВЖД в 1920–1930-е гг. // *Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы.* СПб., 2006.
- Кротова М. В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // *Новый исторический вестник.* 2012. № 32 (32). С. 66–83.
- Кротова М. В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014.
- Мальшенко Г. И.* Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006.
- Мальшенко Г. И.* Дальневосточная эмиграция российского казачества в планах международной реакции (1920–1930-е гг.) // *Инновационное образование и экономика.* 2010. № 7. С. 51–59.
- Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М., 2007.
- Нэш Г.* Потерявшие Родину: Семейная сага Тарасовых. СПб., 2011.
- Писаревская Я. Л.* Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е — начало 30-х гг.) / *Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-х — 1940-х гг.* Вып. 4. М., 2002.
- Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995.
- Старосельская Н. Д.* Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006.
- Усов В. Н.* Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М., 2003.
- Ханжин М. В.* Русская эмиграция в Маньчжурии // *Марковчин В. В.* Три атамана. М., 2003.
- Чугуевский Л. И.* 100-летие Харбина // *Проблемы Дальнего Востока.* 1998. № 3. С. 116–122.
- Щепин В. В.* 1935 год в Северном Китае // *Ежемесячник Вестник Китая.* 1936. № 2 (апрель). С. 29.
- Яковкин Е. В.* Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014.

Sniedze Kale

Latvian Riflemen's Young Artists Circle *Daile* and its Members. Revision of the Current Interpretation

When reflecting upon the connection of early 20th century Latvians to Russia, the word «riflemen» is brought up most often. The riflemen frequently became mythologised characters, although, naturally, they were real persons, some of which – the so-called Red Riflemen with their discipline and fighting spirit – helped the Bolsheviks retain power in Russia. Their achievements have been much written about and variously interpreted depending on the author's political engagement. Regarding Latvian riflemen-artists, the information that can be found both in the publications of the 1920–30s and today is related mainly to those who served among the riflemen of independent Latvia. In Soviet Latvia meanwhile, starting from the mid-1950s, after the rehabilitation of the victims of totalitarian regime's repressions, an interest arose in those Latvian artists who served in the regiments of the Red Riflemen.

Art historian and artist Arturs Eglītis (1907–1996) organised *The Exhibition of Latvian Red Riflemen-Artists' Works* in 1959 in the State Museum of Latvian and Russian Art in Riga (Latvian National Museum of Art), establishing the perception of these artists as fighters. Evidently, this perception took hold, as it can be encountered in virtually every other publication, whose authors underline the combative aspect¹ of these artists-riflemen, which was also reflected in the titles of the articles (*Artist Fighter, With Palette and Rifle*).

¹ Sk.: *Sondoviča E.* Mākslinieks no Kremļa pulka [V. Andersons] // Rīgas Balss. 1986. 12. apr. N 86. 5. lpp.; *Spreslīs A.* Mākslinieks cīnītājs [K. Veidemanis] // Rīgas Balss. 1958. 10. apr. N 85. 5. lpp.; *Batura L.* Ar šauteni un paleti // Rīgas Balss. 1988. 7. sept. N 206. 5. lpp., u.c.

Part of these then-praised riflemen-artists were members of the Kremlin Studio or Latvian Riflemen's Artist Circle *Daile* [Beauty]. Through analysis and search for sources of information and critically reflecting on the existing interpretation of the subject, the author offers a look at the work of *Daile* and artists related to it, also, as far as possible, tracing their political beliefs.

Up to know, the broadest studies on the subject of Latvian Red Riflemen-Artists have been conducted by their contemporary Jānis Birzgalis (1898–1968). His memoirs — «Kad lielgabali runāja, mūzas tomēr neklusēja» [When Cannons Spoke, the Muses Did Not Remain Silent Either]² reveal many interesting details, but his personal involvement in the events and the lack of references make the article uncritical. Although, judging by the confirmation in the reminiscences of the daughter of rifleman, Krelmin's deputy commandant Miķelis or Mihails Baude (1885–1938), Zelma³, Birzgalis has written truthfully about V. Lenin's personal «blessing» to the creation of the studio of Latvian riflemen-artists. The newly-formed Soviet Russian state supported self-education. According to the contemporary, the studio was formed right after the riflemen regiment's stationing in the Kremlin⁴ — in May 1918⁵ or right after May Day, where for the first time all artistic efforts were brought together in creating the decorations, when, following Baude's initiative, the riflemen made «neat festival decoration and slogans»⁶. It was this collaboration that led to the idea about the creation of an official organisation — thus, on the 3rd of May 1918 young artists' circle *Daile* was established; it allowed the furthering of one's knowledge and promoted the creation of works of art⁷. Although the Kremlin was overpopulated (in 1918 it housed 1100 people, in 1920 — 2210)⁸, the newly-formed *Daile* was allotted premises in the Ascension Convent (*Вознесенский монастырь*). Under the conditions of general poverty and famine the artists-riflemen did not have to worry about materials, paints and canvases, as these were provided at the highest level — under the supervision of the manager of the Council of People's Commissariat Vladimir Dmitriyevich Bonch-Bruyevich (*Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873–1955))⁹. The protocol of the May 14th, 1919 meeting of the circle was signed by twelve participants, a similar number of visitors «from 10–15 people» — is also mentioned by Birzgalis¹⁰.

² Latviešu tēlotāja māksla. 1957 / Red. S. Cielava. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1958.

³ Baude Z. Strēlnieku darbu izstāde // Cīņa. 1978. 2. sep. N 202. 3. lpp.

⁴ Al. C. Māksla. Strēlnieku gleznu izstāde // Krievijas Cīņa. 1918. 31. aug. N 133.

⁵ Birzgalis J. Kad lielgabali runāja, mūzas tomēr neklusēja // Latviešu tēlotāja māksla. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1957. 254. lpp.

⁶ Baude Z. Strēlnieku darbu izstāde.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (henceforth — ГА РФ). Ф. 410-р. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

⁸ Муров Е. А., Богомолова В. А., Девятков С. В. Московский Кремль — цитадель России. М.: ВВП, 2009. Quoted from: <http://kremlin-9.rosvesty.ru/news/81/>

⁹ Birzgalis J. Kad lielgabali runāja, mūzas tomēr neklusēja. 256. lpp.

¹⁰ Ibid.

He also claims that Voldemārs Andersons (1891–1938) was elected the head of the studio¹¹, although the author of this article has not found any documentary evidence to this fact. It is clear that already in this meeting sculptor Evgeny Vladimirovich Oranovsky (*Евгений Владимирович Орановский* (1880–1951)) was «unanimously selected» as chairman of the circle¹².

It must be added that the formation of the studio was not an extraordinary occurrence. Latvian riflemen regiments were notable for cultural activity, virtually each of them had a music, theatre or art studio, which facilitated self-improvement in spare time. Thus, in the 9th Riflemen Regiment alone, in addition to painting, the following options of spending free time were available – participation in meetings-concerts¹³, watching films on the cinematograph, singing in a choir, playing in the orchestra, studies in general education courses, theatre acting in an actors' society¹⁴.

The formation of art studio *Daile* of the Kremlin's 9th Latvian Riflemen Regiment can be seen as special due to its proximity to the center of power. The Bolshevik authorities, which distinguished themselves with a pronounced rejection and destruction of all that existed previously, could use the intelligent, artistically inspired Latvian riflemen, who organized various concerts and took to pencils and brushes in their free time, to improve their self-image. It also corresponded to the culture policy of the new power – i.e., Proletkult: self-education and the organization of amateur art activities among broad masses of proletarians. In any case, among artillery positions and buildings populated by the armed forces, corridors teeming with civil servants and the official reception rooms of state representatives an idyllic scene opened to the view – a Red Army soldier uses his spare time to improve his observation and drawing skills in plein-air. And it takes place only a few months after the revolution, showing that the new opportunities are not merely a pleasant combination of words. In her reminiscences artist Kārlis Veidemanis' wife Jelena Petrovna describes the impression that was left by the exhibition of Latvian riflemen that she saw while visiting the Kremlin: «Just imagine – at the very citadel of the revolutionary government – the Kremlin, an exhibition of paintings! And, how?! The stern, serious Kremlin guard debates questions of art»¹⁵.

The summer period had been productive for the circle, and the number of works had grown to such an extent¹⁶ that the necessity to organize the said exhibition had arisen. The newspaper announcement underscored that in the Kremlin, in «Novo-voznensky»¹⁷ Convent starting from September 1st, 1918 for one month an

¹¹ Ibid.

¹² ГА РФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 73. Л. 2.

¹³ A type of event where political activists said speeches, which were followed by a concert.

¹⁴ *Bāle* J. 9. Latviešu Strēlnieka pulka īsa vēsture // Strēlnieks. 1920. N 3/4. 74.–75. lpp.

¹⁵ Latvijas Nacionālā mākslas muzeja Zinātnisko dokumentu centrs (Scientific Documentation Centre of The Latvian National Museum of Art; henceforth – LNMM ZDC). *Veidemane* J. Atmiņas par Veidemani. 1. lp.

¹⁶ *Al. C. Strēlnieku gleznu izstāde* // *Ciņa*. 1918. 31. aug. N 133. 4. lpp.

¹⁷ This is the title used in the quoted source. Ascension (Russian «Voznesensky») Monastery is implied.

exhibition of approximately 15 artists, riflemen-painters of the 9th Latvian riflemen regiment with 130 to 140 works will be shown, highlighting the surnames of Andersons, Aleksandrs Drēviņš (1889–1938), Gustavs Klucis (1895–1938), Jūlijs Krastiņš (1882–1950) and Indriķis Birze. According to critic and writer Alvilis Ceplis (1897–1937) the exhibition was important because it announced new, previously unknown names in the field of art, but also because it «*revived the recently dormant Latvian art of colours*»¹⁸. Most likely, that was the reason why it earned reviews of three different authors, from which one also gave the number of participants — 16: Kārlis Avots or Avotiņš (1893–1950), Andersons, Baude, Veidemanis (1897–1938), Vilis Dvielis (1897–1969), Roberts Dzelze, Augusts Dīriķis (1894–1941), Klucis, Jūlijs Krastiņš, Augusts Pūce, Birze, Drēviņš, Krūmkoks, Eduards Rācenājs (1881–1938), Kokotanova and Aleksandra Kirheršteina¹⁹. Judging by references in another artist's biography, painter Jānis Strauts (1893–1982) also took part in the exhibition, although the critics have not mentioned his name²⁰.

All three reviewers of the exhibition — Ceplis, Pēteris Laviņš or Baumanis (1897–?), Pauls Vīksne (1894–1938) — used various criteria of evaluation while looking for echoes of the new, revolutionary art in the riflemen's works. If Ceplis evaluated professionalism and whether «the sense of the new soul and life» is reflected in the works, then Laviņš approached it literally and analysed the thematic content of the works and its incongruity to the new ideology: «All the old motifs: Roses at Night, Moonlit Night, Lilac Blossoms — and similar trifles of nature. <...> The temples of the former god have been painted, but the new workers' state has not been depicted. There is not a single reflection of proletarian ideas»²¹. Meanwhile Vīksna took a position equidistant from both of the above opinions and pointed out that «*the new art is not dry and formable from objects*», it forms from several components: ideals that educate, as well as formal qualities — expression, content, object, line and richness of colours²². Nevertheless, he also remarked that one should create «*not art for art's sake, art for art's independence, but art for the proletariat*» and criticised the exhibition for poverty of content as well as lack of ideology. The critics' demands though were as yet incommensurable with the ability of the studio's participants to realise them. Firstly, the period for the creation of the works — 4 months — has to be seen as too short for the crystallisation of «*the principles of the new art*», furthermore, the level of previous education of the riflemen-artists was very uneven. Secondly, the aim of the studio was self-education, the furthering of knowledge, where the main attention was directed towards improving craftsmanship, studying objects of still

¹⁸ Al. C. Strēlnieku gleznu izstāde.

¹⁹ Vīksne P. Gleznu izstāde // Jaunatnes Cīņa. 1918. 3. okt. Quoted from the State Archives of Latvia (henceforth — LVA). F. 2086. A. 2-v. L. 907. 1918. gads.

²⁰ In Jānis Strauts archive and writings this fact has been mentioned several times. See S48 in the Information Centre of the Art Academy of Latvia (henceforth — LMA IC).

²¹ Laviņš P. Gleznu izstāde // Krievijas Cīņa. 1918. 26. sept. N 155. 4. lpp.

²² Vīksna P. Gleznu izstāde.

lives and landscapes, which, in terms of thematic, inevitably led to the depiction of objects from riflemen's everyday lives and the environs of the Kremlin. Today, these works can be seen as interesting witnesses of history. For example, in the drawings of Veidemanis we find one of the architectural treasures demolished in 1929 — Chudov (Чудов) Monastery — or the scene of a monk's expulsion from the Kremlin. The drawing documents the actual events that followed the June 20th, 1918 decree of the Soviet People's Commissariats — all who do not belong to the Soviet authorities have to leave the premises of the Kremlin. It turned out that court servants had been residing along with the revolutionaries until that date; they had to leave their homes, taking only their personal belongings with them²³.

Texts reporting on the exhibition provide information about the nature and titles of the exhibited works: more than 20 works with the Kremlin's towers were on display, Andersons exhibited *On the Boulevard*, *Smolensk Market*, Baude — realistic quill drawings, Drēviņš — *Non-objective Painting No. 18* (black quadrangle), *Portrait*, *Card Player*; Klucis — landscapes, studies, self-portrait, various views, lilacs; Krastiņš — *Roses at Night* and Latvian motifs — Vidzeme, Old Riga, *The International*; Rācenājs — cubistic works, Veidemanis — *King's Daughter*, *Wind*, *Snowgrinders*, *Widow's Son*, drawings about the time of the Riga Front²⁴. The exhibition's visitors were greeted by widely divergent works, beginning with symbolic compositions, amateurish studies of reality and concluding with formal experiments. The titles and the works cited by the critics prove that sense of the importance of the events of «revolutionary history» was not characteristic to the participants of the Latvian riflemen-artists' studio. If they turned, as an exception, to more or less «military subjects», it was only as part of everyday life, for example, Andersons' *Riflemen Guarding the Kremlin* or *Portrait of a Latvian Rifleman* (both paintings from 1918) or Andersons' portrait²⁵ drawing by another rifleman²⁶. The archive left by Andersons also contains a sketch with bodies of the fallen in an environment resembling the Kremlin, which again captures the civil war in a seemingly dispassionate and matter-of-fact manner, without pretense to any critical interpretation. In the aforementioned exhibition Veidemanis had put on display a drawing from the trenches of Nitaure (village in Amata municilipaty, Latvia) in 1917, the time when he was a soldier of the 5th Zemgale Latvian Riflemen Regiment. It suggests that at this point there was no principled separation between the old/new armies among artists and hence ideological differences were not articulated.

²³ Муров Е. А., Богомолова В. А., Девятков С. В. Московский Кремль — цитадель России. М.: ВВП, 2009. Quoted from: <http://kremlin-9.rosvesty.ru/news/81/>

²⁴ The army of the German Empire held its position in the WW1 in the territory of Latvia, area of Riga, where it stayed for two years till 3rd September 1917.

²⁵ The work is not signed. The author of this text has determined it, based on similarities to photographs from the time.

²⁶ In the Latvian War Museum (Latvijas Kara Muzejs; henceforth — LKM) the album of drawings was hold without author's attribution, but the style reveals similarities to the works of Mikelis Baude.

The exhibition resonated also beyond the walls of the Kremlin. Young Latvian sculptor Kārlis Johansons (1890–1929), who was in Moscow at the time, called it a «historic event». Despite the fact that the exhibition was already opened, in correspondence from the 5th of September 1918 Johansons encouraged another Latvian artist Niklāvs Strunke (1894–1966) to come from Riga to Moscow and bring along the works from his time with the riflemen, and then Johansons would show the album of sketches with projects for ceramics, and both could add to the exposition²⁷. It is not known, whether it actually happened, yet the fact itself seems significant — it was important for the young man to participate in the group exhibition of the Latvian riflemen-artists and to represent himself with works even if they were not related to war.

Loyalty to the Soviet government was strengthened by mutual benefit — in exchange for trust and protecting order, the Kremlin guards acquired special status, the above-mentioned material support and direct interaction with the very center of power. The often published photograph with four Latvian riflemen — Andersons, Johansons, Klucis and Veidemanis — in Lenin's car is the most telling proof of the privileges that the young challengers could enjoy. Even though the character of Lenin was surrounded by a democratic aura, not everyone had been given the opportunity to approach him personally in order to, for example, invite him to an exhibition, as it was done by Klucis²⁸. The collection of the Latvian War Museum contains two other photographs, which, judging from the appearance of the artists and the surroundings, have been taken in one photo session and suggest a special purpose for it. Andersons' diary has an entry on the 15th of August 1919, where he mentions that he has been photographed and filmed on cinematograph on the occasion of the graduation of the third Kremlin cadets²⁹. It is possible that the photograph was taken in the context of the Work Commune of Latvian Artists, which was officially established under the Bureau of Art Communes of the State People's Commissariat for Education on the 15th of January 1920³⁰ even though the actual co-works were carried out already in 1918. Although Johansons was not a member of studio *Daile*, he, nevertheless, as shown by the mentioned photo, could come near to the power elite of the Kremlin.

The newly found status provided also for more favourable work opportunities, as, in the words of Johansons, «a Latvian indeed has advantages with the Bolsheviks»³¹. Johansons had even been a candidate to a high position in the newly established structure of cultural life in Petrograd³². Meanwhile, Andersons, using the opportu-

²⁷ Johansons K. Niklāvam Strunkem. Quoted from Laikmets vēstulēs. Latviešu jauno mākslinieku sarakste. 174. lpp.

²⁸ Klucis G. Kāda eksperimenta anatomija. Izstādes katalogs / Sast. Derkusova I. Rīga: LNMM. 180. lpp.

²⁹ Andersons V. Dienagrāmata. 1919. gada 15. augusts. 53. lp. Privātais arhīvs.

³⁰ LKM, 9114 / 2305 VII.

³¹ Johansons K. Vēstule Taļļucim. 19. VI 1918. // LMA IC. J 59/3.

³² Johansons K. Vēstule Niklāvam Strunkem. 3.V.1918 // Quoted from Laikmets vēstulēs. Latviešu jauno mākslinieku sarakste. 170. lpp.

nity to access food reserves that was provided by his service, on the 25th of December 1918 got permission to transport a pood and a half of flour to his parents³³.

Still, the question is, who exactly were the participants of the exhibition? How appropriate were the expectations of critics to encounter works by authors, who «*have linked their work, as well as their future to the proletariat, to its struggle*»?³⁴ It is known that most of them had also served in riflemen's regiments before the revolution. For example, Klucis begun his military service on the 1st of August 1915³⁵, Andersons was mobilised³⁶ in the same year, too, while Veidemanis, having evacuated to Petrograd, was enlisted in the riflemen a year later than his comrades. The duties of the protection of the Bolsheviks were not particularly demanding, because even during the defense of Smolny (*Смольный*) Andersons, Klucis and Veidemanis managed to attend the Drawing School of the Imperial Society for the Encouragement of Arts (*Рисовальная школа императорского общества поощрения художеств*) lead by Nikolai Roerich (*Никола́й Константи́нович Рёрих*, 1874–1947).

The first part of Andersons' album of drawings³⁷ relates to the Smolny period — a time when the Bolshevik government and the riflemen were in Petrograd. The drawings record everyday life — the living room, cooking dinner, writing a letter — with short, concise captions, but several studies of models and riflemen can also be found, as well as engagement in sketching by some other rifleman — art enthusiast. That allows to conclude that the riflemen were organizing common art studies in their spare time even before Lenin's permission. In the album, where, judging from several dated sketches, a chronological order has been observed, the Kremlin period shows that studies of the environs are less frequent than the honing of skill in representing the human figure. Only once «military everyday life» has been captured — in a sketch of an artillerist's position in the Kremlin in May 1918.

Looking closer at each artist's individual participation in the war, it becomes evident that linking their biographies to the new government is not so straightforward. For example, the later prosecution case of Andersons describes in detail his service history, from which we learn that, following service in the Russian tsar's army, in 1917 he was transferred to the reserve riflemen regiment in Volmar (now Valmiera, city of the Latvian historical Vidzeme region). From there, only in the days of the October revolution he was sent to the defense of Smolny, in March 1918, in the function of riflemen-artillerist of the 9th Latvian Riflemen Regiment, together with the government he moved to Moscow³⁸. On the 4th of August 1918 with decree N 165/429

³³ LKM. 9112 / 2303 — VII.

³⁴ *Vīksne*. Gleznu izstāde.

³⁵ LKM. 8913 / 12707 — VII.

³⁶ Voldemārs Andersons. *Gleznu katalogs* / Atb. red. Н. Белова, А. Минтик. Maskava: Prometejs, 1936. 19. lpp.

³⁷ The original is held at the LNMM.

³⁸ ГА РФ. П-46617. Quoted from a copy of the Prosecution case held in a private archive — p. 12, second half.

he was transferred to the department of painting at the Free State Art Studios (*Государственные свободные художественные мастерские*)³⁹. A similar decree led Veidemanis to begin his studies⁴⁰. It has to be noted that several publications from the Soviet period stress the importance of the riflemen's exhibition, following which the most talented from the artists were sent to further studies⁴¹. The above-mentioned order reveals a much earlier enrolment at educational institutions, pointing towards the artists' initiative and priorities — studying, less fighting; furthermore, Veidemanis' State Free Art Studios card shows that he had been enrolled as a student⁴² already on the 1st of September 1918, right when the opening of the riflemen's exhibition was planned. On the 13th of October 1918, all three of them — Andersons, Veidemanis — together with Klucis, were relieved from the common dinner table due to a study trip⁴³; in the second half of October 1918 their service duties were officially suspended, therefore on the 15th of November they were transferred to Auxiliary troops⁴⁴. After Klucis had voluntarily transferred to the artillery brigade of the united company of Latvian riflemen defending Smolny⁴⁵ and Veidemanis had taken part in crushing the uprising of the Left⁴⁶ Socialist Revolutionary Party against the Bolsheviks, the artists' service status was maintained symbolically with the provision of food and housing, as in spring 1919 all of them were still counted among the soldiers of the 1st Latvian Riflemen Division, temporarily transferred to studies.

Another participant of the riflemen's exhibition — Dvielis, at the start of World War I moved to his parents who had evacuated to Petrograd. From there on the 19th of May 1916 he was enlisted in military service. After repeated training he was entered on a list of the 7th Bauska Riflemen Regiment, with which he took part in the heavy Christmas and January Battles on the Riga front at the turn of 1916–1917⁴⁷. Having experienced the unenviable situation of the Latvian riflemen, Dvielis took note of Bolshevik promises of peace and sided with them; He described it as follows: «The February 1917 Revolution surprises us at the front, after a while, the 7th Bauska Riflemen Regiment is replaced and we are stationed in Riga, in Citadele barracks, we carry the guard service and protect the commander-in-chief's residence. Following the celebration of 1 May, the 7th Bauska Riflemen Regiment is station on the front, on Ložmetējkalns, there are no battles: fraternisation, several times representatives

³⁹ LKM. 9106/2297 — VII.

⁴⁰ LNMM ZDC, N32. 7. lp.

⁴¹ See for example J. Birzgalis — 261. lpp.

⁴² LNMM ZDC. N32. 4. lp.

⁴³ Latvijas Valsts vēstures arhīvs (Latvian State Historical Archives; henceforth — LVVA). P-699. F. 1. a. 68. f. 155. lp.

⁴⁴ Ibid, 192. lp.

⁴⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 681. Оп. 1. Д. 1118. С. 1.

⁴⁶ *Spreslis A.* Mākslinieks cīnītājs.

⁴⁷ LVA. 230. f. 3. apr. 18. l. 22. lp.

from Izkolastrel come and hold meetings. In one such meeting, the representative of that organisation invites me to join the party, I agree, I am elected to the company's committee»⁴⁸. On the 5th of January 1918 Dvielis was selected and transferred to Smolny Institute in Petrograd, where he worked as a secretary in the executive committee of the joint Latvian Regiment unit. In spring, together with the government, he moved to Moscow, continuing service in the 9th Latvian Riflemen Regiment in the Kremlin.

Although it is not known, whether Johansons took part in the discussed exhibition, it is clear that he was linked to the *Daile* group and it is worthwhile to dwell on him at greater length, as his biography is exemplary of the re-orientation of a national patriot to the internationalism propagated by the Soviet government at the time. As late as in October 1917, together with other soldiers and artists⁴⁹, Johansons was in the executive committee of the Latvian Army's National Alliance, whose aim was an independent state, fighting against Bolshevik agitation. It is difficult to find explanation for the radically opposite opinion that the artist expressed on the 19th of June 1918, writing in a letter to his sister: «I want to say that Latvia has already won. — That is: Latvians have found their spirit — (internally Latvian) and [it has] shown him the might and fully capable of life. Thus at present the Bolshevism of all Russia is only supported, held in Latvian hands <...> perhaps it is more correct that the “best sons of Latvia” at present remain outside of Latvia and fight for socialism, because, for Latvia, it will, at least after one hundred years, do no harm. Socialism and after that pure anarchy, it seems, will once triumph»⁵⁰. Later, in Moscow at the end of the year he had to give a public explanation about his connections to the nationalist organization, by writing that he had neither ideologically nor in any other way been linked to the National Alliance of Latvian Soldiers⁵¹, refuting his former affiliation. Such shifts can be explained by a youthful change of opinions. Furthermore, his correspondence with home shows, that he was fascinated by the active arts scene in Moscow and the good opportunities to earn a living more than nationalism or Bolshevik ideology.

Meanwhile, in the case of Andersons, thanks to the preserved diary, it is possible to come close to the artists' motivation for choosing to remain in Soviet Russia in 1919 instead of returning to the newly established Latvia. Thus, after an evening spent in the company of Latvian artists, Andersons wrote that doubts about returning to Riga had arisen: «V[eidmāns (here and henceforth author's remarks in square brackets. — S. K.)] also has grown a little uncertain, because I told him that [Vilhelms] Purvītis is not starting anything [the establishment of artists' workshops is meant]. Dr[ēviņš] says, that is clear, what kind of matter is it»⁵². The temporary

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ LVA. P-42. f. 1. apr. 13. l. 281. lp.

⁵⁰ Kārlis Johansons' letter to Rozālija Johansone on 19 June 1918 // LMAIC. J 59/3. N 11.

⁵¹ *Johansons K. Vēstule redakcijai // Krievijas Cīņa*. 1918. 29. dec. N 233. 4. lpp.

⁵² *Andersons V. Dienasgrāmata*. 1919. gada 10. maijs. 18. lp.

situation where borders and governments were still relative and changeable, was visible in the entry on the 23rd May 1919, made already after the retreat of the Pēteris Stučka (1865–1932) government⁵³ from Riga to Rēzekne: «I got sad news about the Riga left, where the matters are pretty bad for me. I thought of visiting another time, if there was an opportunity <...>, but now I am entirely cut off from there»⁵⁴. Nevertheless, in 1920 Andersons continued the correspondence with his relatives by sending letters to his mother and still keeping in mind the possibility of returning. The draw of cultural life was important. Thus, following a visit to the Big (*Bolshoi*) Theatre, he realised that he will not be able to enjoy performances of such quality, hence «*I will stay in Moscow as much as it will be possible. Although the life is more difficult, there are more enjoyments*»⁵⁵. It seems that for Andersons and his colleagues the main argument for staying in Soviet Russia was the huge activity of the arts scene and less the political beliefs. Former anarchist⁵⁶ Drēviņš has been very direct about it in correspondence: «Art has nothing to do with what various politicians discuss, left or right. Do not think that I praise the life here, it is only about art. In the workshops there are many, who do not have a shirt to wear and [unreadable] and the foot has not been washed for weeks, but they work like fanatics with greatest conviction and not because they are Bolsheviks, but because art lives here»⁵⁷.

Countering the myth about the members of the *Daile* exhibition and their participation in real battles, it has to be underlined, that Drēviņš was not even a rifleman and lived in Moscow since his evacuation in 1916⁵⁸.

Furthermore, being a Red Rifleman did not guarantee loyalty to the Soviet government – several participants of the exhibition chose to return to their motherland illegally during the show. On the 1st of October 1918, Dīriķis was discharged from the 9th Latvian Riflemen Regiment⁵⁹, while on the 4th of November Krastiņš was dismissed in connection with fleeing⁶⁰, the very same artist, who, according to the critic Laviņš, was the only artist in the entire exhibition who attempted to represent proletarian ideas in his work *The International*⁶¹.

⁵³ Stučka's government – Latvian Soviet Socialist Republic government supported by the Soviet Russia, ruled by chairman Pēteris Stučka, existed from December of 1918 till January of 1920. On the 31st January 1919 it controlled the maximum of Latvia's territory, except area of the city of Liepāja.

⁵⁴ Ibid. 31. lp.

⁵⁵ Ibid. 64. lp.

⁵⁶ Aleksandrs Drēviņš was a member of Latvian anarchist group *Liesma* [Flame]. Александр Древин в музейных собраниях / Сост. Т. Зелюкина. М., 2003.

⁵⁷ Aleksandra Drēviņa vēstule Konrādam Ubānam. – 1921. gada 23. febr. // LVA. 2086. f. 2. apr. 158. l. 9. lp.

⁵⁸ Two other participants of the riflemen's exhibition – Aleksandra Kirhenšteina and sculptress Kokotanova – also could have been rather distant from military affairs.

⁵⁹ LVVA. P-699. f. 1. apr. 68. f. 155. lpp.

⁶⁰ Ibid. 181. lpp.

⁶¹ Laviņš P. Gleznu izstāde.

*The young riflemen-artists' circle Daile in the Kremlin in 1918
(LKM. s-9082/4511-F)*

Vilis Dvielis in the Kremlin in 1918 (LKM. s-549-H)

From right to left Kārlis Veidemanis, Gustavs Klucis, Voldemārs Andersons, Kārlis Johansons in Lenin's automobile (LKM. s-9083/4514-F)

Voldemārs Andersons. Portrait of a Rifleman. 1918. Reproduction of the painting (LNMM. ZDC-MP-194(1))

*Gustavs Klucis. In Kremlin Garden. 1918. Oil on canvas. 57,5×40.
(LNMM. AG-2149)*

Kārlis Veidemanis. King's Daughter. Reproduction of the painting (LNMM. ZDC-MP-32(60))

It has to be pointed out, that in case when the young contenders were thoroughly involved in military service, their engagement with art had to be postponed even for several years. For example, Dvielis was not sent to art studies, but instead to battles with the White Guard near Novokhopyorsk (*Новохопёрск*). Having healed the wound in his right foot, he was enlisted in the 6th Latvian Riflemen Regiment and during the 1919 battles near the river Melleupe (in The North Vidzeme) was captured by Estonians troops; there he narrowly escaped being shot. When the Latvian government mobilised forces for the fight against (October–November 1919) the army of Pavel Bermond-Avalov (*Павел Бермонт-Авалов*), he was enlisted in the 8th Daugavpils Infantry Regiment. Curiously, following the defeat of Bermond's army, Dvielis was sent to battle against the Bolsheviks, yet for some reason instead of the frontline he ended up in the Daugavgrīva Training Battalion. Following its liquidation, he was transferred to the Daudzevs Labour Company, which was dismantling the German-built narrow-gauge railway in Kurzeme. There he finally got

the opportunity to return to art — Dvielis acquired a set of watercolours, pencils and used his spare time for drawing as well as painting. Later, he enrolled as a record keeper in an aviation unit and worked there until 1922. While Dvielis lived through the changing circumstances of war, experienced imprisonment and real battles, his former regiment comrades had graduated VKhUTEMAS with diplomas. Having awaited a calmer moment, in 1921 the former soldier entered the Art Academy of Latvia. Later, towards the end of his life, when he had to fight for an increase of pension at the Artists' Union of the Latvian SSR, Dvielis expressed disappointment about his unsuccessful career: «If it had depended on me, I would not have been in Latvia. After the Civil War, I would have continued art education in the Soviet Union, so I hoped, but it turned out differently — I was wounded in battle»⁶². Nevertheless, he also understood the twist of fate, that, possibly, he had sacrificed a more successful career for living until old age, and Stalin's national purging, during which all Latvian graduates of VKhUTEMAS were executed, passed him by: «<...> *if I am still alive, that is only because I was captured*»⁶³.

It is not clear, how long the official existence of circle *Daile* continued, but most likely its activity dwindled naturally right after the end of the exhibition. The most active members — Andersons, Veidemanis and Klucis were sent to study and did not need the circle to enhance their skills. Meanwhile, the increased activity on the Southern Front required new forces and on the 6th of October 1918 the 9th Riflemen Regiment was sent to the Don thus depleting the already scarce numbers of the circle regulars. Another stage of activity can be seen only during the above-mentioned 18th of May 1919, when a chairman was elected, but the organization's further form of activity and its fate remains unclear, as a similar function was later performed by the art studio of Yakov Mikhailovich Sverdlov Club of the All-Russian Central Executive Committee (*ВЦИК клуб им. Я. М. Свердлова*), which was headed by Andersons from 1920 until the January 1922 when his duties were taken over by Klucis. A decoration workshop was active within the studio⁶⁴ and its duties resemble the activities performed by the above-mentioned organisation, Work Communes of Latvian Artists⁶⁵.

As can be seen from the analysis of the available materials, Latvian artists who were related to *Daile* were more interested in professional self-improvement than in heroism on the battlefield, and even when they later recalled their riflemen past, they did so with a distance of time. Thus, in 1928 in an overview of Latvian artists' achievements on the 11th anniversary of the Revolution, critic, artist and former director of the riflemen's orchestra unit in the 9th Regiment, Pauls Irbitis (1890–1938) recalled the exhibition of 1918. He admitted, that the exhibition lacked artists'

⁶² LVA. 230. f. 3. apr. 18. l. 42. lp.

⁶³ Ibid. 44. lp.

⁶⁴ Четыре года клуба им. Я. М. Свердлова. 1919–1923. М.: Издание клубного отдела ВЦИК, 1924. С. 51. The author expresses deepest gratitude to Aleksandr Chistikov (Чистиков) for the opportunity to study the necessary chapters.

⁶⁵ LMA IC. A 16/1. N33. Izraksti par Mākslas komūnām.

reflections on the Revolution, furthermore – as can be understood from the text, he consulted with other authors and concluded: «And some among us also regret: too few sketches from the vivid moments of the time, almost daily we saw Lenin, Sverdlov and other leaders of the revolution, with deepest interest we followed the everyday life of the riflemen, but it only survives in memories – not on paper, not on canvas»⁶⁶. Irbītis also attempted to explain why the moment of such importance had not been sufficiently appreciated. According to him, «art stood too close at the sides of the destructive giant of the revolution. We saw the energy of his hands, felt his inner propelling heat, but could not grasp him in totality»⁶⁷. Nevertheless, several artists did turn to the depiction of the subject of the riflemen in later years, thus appreciating their past in retrospect. Some of them were active in the specially established organisation – Section of Former Latvian Riflemen – which undertook the popularisation of the riflemen among the general public by publishing books, organising festivals as well as exhibitions. Thus, several artists participated in the competition organised in 1933 on the design of a riflemen's lapel pin, likewise, a show of riflemen's monuments was organised. Later, with the formation of the national organisation *Prometejs* [Prometheus] and its arts section, the official lists of subjects relevant to Latvian artists were published.

There was also the opportunity to take a different approach to the subject matter of riflemen subject. Andersons, for example, painted one of his most notable thematic works *The Crushing of the Left SR Uprising on 7 July 1918 in Moscow* (*Подавление мятежа левых эсеров в Москве*) as a commissioned work, signing a contract with the Revolutionary Military Council (*Революционный военный совет*) for 1450 roubles⁶⁸.

It is clear that, at least as eyewitnesses, Latvian Red Riflemen-artists had an advantage in depicting these topics. But their participation in actual battles, if we consider the most notable professionals, has up to now may be overestimated. During the Revolution and the Civil War, they invested more energy in education, and later, in accordance with the requirements of the government, returned to the subject matter that partially corresponded to their past. Belonging to the riflemen was a part of these artists' identity, allowing them up until the years of repression to feel as shapers of important historic events.

References

- Aleksandr Drevin v muzejnyh sobranijah / Sost. T. Zeljukina. M., 2003.
Bāle J. 9. Latviešu Strēlnieka pulka īsa vēsture // Strēlnieks. 1920. N 3/4. 74.–77. lpp.
Batura L. Ar šauteni un paleti // Rīgas Balss. 1988. 7. sept. N 206. 5. lpp.
Baude Z. Strēlnieku darbu izstāde // Cīņa. 1978. 2. sep. N 202. 3. lpp.
Birzgalis J. Kad lielgabali runāja, mūzas tomēr nekluseja. Latviešu tēlotāja māksla. 1957 / Red. S. Cielava. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1958.

⁶⁶ *Irbīte P.* Ko devuši latvju mākslinieki līdz 11 revolūcijas gadam? // Krievijas Cīņa. 1928. 23. nov. N 129. 4. lpp.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 2941. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

- C[epelis] A. Māksla. Strēlnieku gleznu izstāde // Krievijas Cīņa. 1918. 31. aug. N 133.
Chetyre goda kluba imeni Ja.M. Sverdlova. 1919–1923. M.: Izdanie klubnogo otdela VCIK, 1924.
Klucis G. Kāda eksperimenta anatomija. Izstādes katalogs / Sast. I. Derkusova. Rīga: LNMM. 180. lpp.
Johansons K. Vēstule redakcijai // Krievijas Cīņa. 1918. 29. dec. N 233. 4. lpp.
Laikmets vēstules. Latviešu jauno mākslinieku sarakste. 1914.–1920. / Sast. A. Nodieva. Rīga: Valters un rapa, 2004. 197. lpp.
Lavins P. Gleznu izstāde // Krievijas Cīņa. 1918. 26. sept. N 155. 4. lpp.
Murov E. A., Bogomolova V. A., Devjatov S. V. Moskovskij Kreml' – citadel' Rossii. M.: VVP, 2009.
Irbīte P. Ko devuši latvju mākslinieki līdz 11 revolūcijas gadam? // Krievijas Cīņa. 1928. 23. nov. N 129. 4. lpp.
Sondoviča E. Mākslinieks no Kremļa pulka [V. Andersons] // Rīgas Balss. 1986. 12. apr. N 86. 5. lpp.
Spreslis A. Mākslinieks cīnītājs [K. Veidemanis] // Rīgas Balss. 1958. 10. apr. N 85. 5. lpp.
Voldemārs Andersons. Gleznu katalogs / Atb. red. N. Belova, A. Mintik. M.: Prometejs, 1936.

К. А. Тарасов

Распад Российской империи в ракурсе концепций Б. Андерсона и М. Хроха¹

Традиционно распад империй, в том числе и Российской, объяснялся возрастанием национальных движений. В этом смысле и советская, и «западная» историографии изучали Россию в русле истории колониализма. Исследователи одинаково изображали сопротивление местного населения колониальному правлению империи, чтобы подтвердить его незаконность и продемонстрировать неотъемлемо присущее угнетенным народам стремление к освобождению. Принципиально новый взгляд на национальные движения стал складываться в 80-х гг. XX в. благодаря работам Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, а также Б. Андерсона и М. Хроха, рассматривавших национализм в качестве политического проекта, состоящего из определенной доктрины и основанных на ней практиках в их связи с процессами модернизации.

Эта статья посвящена анализу концепций М. Хроха и Б. Андерсона, теоретические модели которых часто используются исследователями. Применение их на конкретно-историческом материале является важной проблемой для изучения Российской империи позднего периода. Особое внимание будет уделено распаду полиэтничного государства, когда происходит актуализация националистических идей. Статья носит обзорный характер и является лишь первым шагом к подробному исследованию.

Мирослав Хрох — чешский историк, ставший известным после публикации своей книги «Социальные предпосылки национального возрождения

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119), реализуемого на базе Санкт-Петербургского института истории РАН.

в Европе»². С помощью компартивистского анализа он изучает «пробуждение» малых народов. Ученый исходил из определенной исторической укорененности наций. Согласно предложенной Хрохом модели, все национальные движения проходят три стадии: в фазе А возникает интерес небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору своего этноса; в фазе В научные достижения трансформируются в идеологические конструкции и распространяются среди образованных слоев, начинается «патриотическая агитация»; наконец, в фазе массового движения (фаза С) большая часть народа под влиянием этих идей мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем и за независимость³.

Достижение политической независимости не всегда подразумевало окончание формирования нации. Оно могло продолжаться и после создания национальных государств, как в случае с чехами, хорватами и поляками⁴.

Собственное исследование М. Хроха в основном посвящено фазе В. Он анализирует социальный состав первых групп активистов и приходит к выводу о доминировании буржуазии на этом этапе национального движения⁵.

Для Хроха важен также тот момент, когда нация переходит из одной фазы к другой по отношению к буржуазной революции и установлению капиталистических отношений. Исходя из этого, он выделяет несколько типов наций. Первый тип ученый назвал «интегрированным» (чехи, норвежцы, финны, в определенной мере эстонцы). Борьба против старого режима совпадает с периодом начала агитации национальных активистов. Оба этих движения развивались параллельно, дополняя друг друга.

Второй тип, который выделил М. Хрох, он назвал «запаздывающим» (словаки, литовцы). В этом случае патриотическая пропаганда начинается до буржуазной революции, но переход к массовому национальному движению затягивается.

При «повстанческом типе» переход к фазе С происходит до буржуазной революции. В этом случае он сопровождался вооруженной борьбой против доминирующей нации, и нация формируется еще до наступления капитализма.

При «дезинтегрированном» типе национального движения (фламандское) патриотическая пропаганда начинается уже после перехода от феодализма к капитализму. Такой поздний переход приводил либо к позднему формированию нации, либо вообще не вел к нему.

Таким образом, по мнению М. Хроха, для формирования нации необходимо сочетание национальной пропаганды и объективных социально-экономических

² *Hroch M. Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge; London; NY, 1985.*

³ *Ibid.* P. 23–24.

⁴ *Ibid.* P. 28.

⁵ *Hroch M. Social Precondition of National Revival in Europe. P. 177.*

условий⁶. Уровень национализма начинает расти в период индустриализации. Принятие модернизационного курса приводит к вовлечению в политическую сферу более широких социальных групп, каждая из которых мобилизуется своими интеллектуалами. Для финнов, эстонцев и литовцев таким слоем стали прежде всего учителя, что увеличило значение сельской школы в их национальном движении⁷.

Концепция Хроха не претендовала на универсальность, и он сам призывал к ее дополнению. Его в первую очередь интересовали «объективные факторы» в формировании национального движения. Тем не менее представляется, что субъективным также следует уделить внимание.

В случае Российской империи нужно признать, что политика имперских властей оказывала значительное влияние на радикализм национальных движений. В частности, пресловутая политика «русификации» позволяла найти активистам «малых народов» большую поддержку среди населения.

Это хорошо видно на примере Великого княжества Финляндского. В 1899 г. вышел манифест, который предоставил российскому правительству право издавать без одобрения местного сейма законы, имевшие общегосударственное значение. В ответ на манифест студенты, которые играли центральную роль в национальном движении, разъехались по всей стране и начали собирать подписи под Большим адресом, в котором была выражена озабоченность финского народа решением императора. Всего удалось собрать 523 тыс. подписей. Такой результат можно признать значительным при численности населения Великого княжества Финляндского чуть более 2,5 млн человек⁸. Таким образом, событие, которое можно интерпретировать как важнейшее для перехода из фазы В в фазу С (массовой мобилизации) было реакцией на изменение внутренней политики имперских властей.

Как показала Д. А. Аманжолова, ошибки в переселенческой политике привели в начале XX в. к серьезному обострению межнациональных отношений в степных областях, населенных киргизами (так называли в Российской империи казахов), что стало важной составляющей этнополитических процессов в прежде казавшейся одной из самых «умиротворенных окраин»⁹. В этом же смысле поводом для неоднозначно трактуемого восстания в Средней Азии в 1916 г. послужило распоряжение о мобилизации на окопные работы местного населения¹⁰.

⁶ Hroch M. Social Precondition of National Revival in Europe. P. 178.

⁷ Ibid. P. 66–67, 82, 90.

⁸ Клингс М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 406; Turpeinen O. Venäjänkielisten määärä Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1986. S. 21–28.

⁹ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш (1905–1920). М., 1994.

¹⁰ Различные интерпретации этого события см.: Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 301–308; Булдаков В. П. Хаос и этнос.

По мнению А. И. Миллера, после объединения Германии власти Российской империи, признавая опасность немецких претензий на балтийское побережье, были вынуждены изменить свою политику в отношении населения этих территорий и использовали рост национализма среди латышей и эстонцев ради ослабления роли прибалтийских немцев¹¹.

С другой стороны, А. Каппелер отметил, что «российская репрессивная политика» значительно затормозила переход украинцев и белорусов от «культурной фазы» А к «политической фазе» В. Он наступил с запаздыванием по сравнению, например, с финнами¹².

В связи с этим представляется невозможным изучение процессов складывания нации вне контекста имперской национальной политики по отношению к тому или иному региону или народу. Власти пытались оказывать влияние на национальные движения в целях сохранения империи. В каких-то случаях это было успешным, в других они потерпели неудачу.

Не менее важной является роль соседних империй, границы которых пересекали родственные или близкие этнические группы. Поскольку условия для проживания разделенных народов были разными, имели место важные культурные контакты между ними. Когда было запрещено обучение в университетах на национальных языках, часть поляков из России и Германии предпочли получить образование на родном языке в более благоприятных условиях Австро-Венгрии. Культурный центр поляков в конце XIX — начале XX в. перемещается из Варшавы во Львов и Краков¹³.

После Эмского указа 1876 г., направленного против распространения украинского языка в Российской империи, вся культурная жизнь украинской интеллигенции переместилась в австро-венгерскую Галицию. По мнению А. И. Миллера, «именно в Галиции переход украинской политической мысли к идее независимости произошел на рубеже веков, то есть на два десятилетия раньше, чем в российской части Украины»¹⁴.

В Малой Литве, исторической области, находившейся в составе Германии, после запрета в Российской империи на латинский шрифт в литовской печати началось «движение книгонош», тайно перевозящих через границу печатные

Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 128–134; Morrison A. Metropole, Colony, and Imperial Citizenship // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. N 2. P. 358–359.

¹¹ Berger S., Miller A. Introduction: Building nations in and with empires — a reassessment // *Nationalizing empires*. Budapest, 2015. P. 15.

¹² Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 166.

¹³ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи. С. 15–21.

¹⁴ Миллер А. И. Россия и русификация Украины в XIX в. // *Россия–Украина: история взаимоотношений*. М., 1997. С. 149.

издания в соседние литовские регионы, и там распространяющих их¹⁵. Тем самым удалось сохранить традиционную письменность, а также консолидировать разделенный народ.

Таким образом «внешние» факторы становления наций, когда «культурный центр» того или иного народа мог быть перенесен за границу, являлись важнейшей силой, дестабилизирующей многонациональное государство.

Важным вопросом для М. Хроха являлось формирование элиты у «малых народов», которые изначально были ее лишены. Фаза С подразумевает в том числе создание полноценной социальной структуры¹⁶. Исследователь сосредоточивает внимание на трансформациях, происходивших в среде элит и ведущих к созданию и восприятию националистических идей. Безусловно, при анализе национальных движений необходимо пристальное внимание уделять элитам как ведущей силе массовой мобилизации. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что некоторая их часть не была заинтересована в национальном самоопределении. Это можно видеть на ряде примеров.

В. Ф. Верстюк отмечал, что те круги, которые инициировали гетманский переворот в Украине и стали социальной базой нового режима (крупные помещики, предприниматели и финансисты) «ставили экономические интересы выше национальных»¹⁷. В конечном итоге, когда немецкий оккупационный режим ослаб, П. П. Скоропадский открыто высказался за федерацию с будущей демократической Россией¹⁸. В Финляндии в 1917 г. буржуазные партии последовательно выступали за сотрудничество с Временным правительством. Они высказывались за упрочение положения Сената и выдвигали вопрос о полной независимости, в отличие от финских социал-демократов¹⁹.

Такое поведение части элиты можно связывать с определенной экономической выгодой единого имперского пространства. Историк В. Сиполс подчеркивал, что буржуазия Латвии «до ноября 1917 года единодушно высказывалась за сохранение Латвии в составе России». В своей работе он привел слова одного из лидеров местной крупной буржуазии А. Берга: «Наши экономические и культурные интересы требуют, чтобы мы были подданными Российского государства, чтобы наша промышленность не была лишена возможности исполь-

¹⁵ *Kaluškevičius B., Misius K.* Lietuvos knygnešiai ir daraktorai 1864–1904. Vilnius, 2004. P. 7–11. Подробнее о реформе языка см. *Сталюнас Д.* Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 225–254.

¹⁶ *Hroch M.* Social Precondition of National Revival in Europe... P. 26.

¹⁷ *Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П.* Українські проекти в Російській імперії. К., 2004. С. 453.

¹⁸ *Солдатенко В. Ф.* Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 145.

¹⁹ *Кетола Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: Два взгляда на проблему // *Отечественная история*. 1993. № 6. С. 29; *Булдаков В. П.* Хаос и этнос... С. 405.

зывать природные богатства России и не была оторвана от ее рынков»²⁰. Конечно, эту цитату А. Берга не стоит абсолютизировать. Но она наводит на мысль, что на национальных окраинах буржуазия и помещики могли быть тем слоем населения, который выступал за единство с Россией.

А. Каппелер, наиболее последовательно применявший подход М. Хроха на материалах Российской империи, в более поздней работе вынужден был признать, что только небольшая часть национальных движений в период до 1914 г. стала массовой. Кроме того, цель создания отдельного государства ставили перед собой только поляки и отчасти финны²¹. Крах империи он объяснял обострившимися в результате Первой мировой войны социальными и политическими противоречиями в центре²².

В этом смысле он следовал за концептуальными выводами Р. Г. Суни, который спорил с советской историографией, объяснявшей этнические конфликты социально-экономическими предпосылками. По мнению американского историка, только изучение классовой и этнической идентичностей во взаимосвязи могут пролить свет на события 1917–1920 гг.²³ В другой своей работе Р. Г. Суни отметил, что на коллапс империи воздействовали два фактора: делегитимационный эффект национализма и демократии²⁴.

Можно отметить, что всплеск национальных движений приходился на периоды революций 1905–1907 и 1917–1920 гг. М. Хрох отмечал, что фаза С была достигнута у латышей и литовцев только во время революции 1905 г.²⁵, а А. Каппелер называл первую российскую революцию «весной народов»²⁶. В этот период появились и начали активно действовать национальные политические партии²⁷.

²⁰ *Сиполс В. Я.* Кем и как была создана буржуазная Латвия // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 26.

²¹ Сюда стоит добавить некоторые литовские политические круги (Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 442–443; *Постников Н. Д.* Политические партии Прибалтики // История национальных политических партий России: Материалы международной конференции. М., 1997. С. 181; *Митрулявичюс Г.* Социал-демократия Литвы и России: некоторые аспекты взаимоотношений в конце XIX в. — первой четверти XX в. // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы. М., 2009. С. 168).

²² *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 395.

²³ *Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993. P. 1–19.

²⁴ *Суни Р. Г.* Империя как таковая: имперская Россия, «национальная» идентичность и теория империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 48.

²⁵ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 126.

²⁶ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 242.

²⁷ См. История национальных политических партий России: Материалы международной конференции. М., 1997.

Аналогичную картину можно наблюдать в 1917 г. В конечном счете именно социалистическим партиям удавалось возглавить национальное движение за провозглашение автономии, а позже и за независимость²⁸. Этот вывод можно сделать по отношению к ряду случаев.

Особую роль в национальном движении финнов играла партия активного сопротивления («активисты»). Часть ее членов разрабатывались планы освободительного восстания в Финляндии²⁹. Однако в период 1917 г. финская социал-демократия оказалась главной политической силой, выступавшей за национальную самостоятельность, расширение автономии Финляндии, ее самоопределения³⁰. Аналогично некоторые круги грузинской элиты сотрудничали с Германией в период Первой мировой войны. Ими был даже создан грузинский легион на территории Османской империи. Однако он был немногочислен и вскоре оказался распущен³¹. Ведущую же роль в политической жизни в Грузии периода революции играли грузинские меньшевики³². То же значение имела армянская партия Дашнакцутюн, сочетавшая принципы социализма и национализма³³. Р. Г. Суни отметил противостояние национализма и социализма в борьбе за лояльность рабочих и крестьян в прибалтийских и украинских губерниях³⁴.

Социализм является идеологией массовой мобилизации в той же степени, что и национализм. На примере Российской империи видно, что он составлял определенную конкуренцию национализму в этом вопросе.

В более поздней статье М. Хрох писал, что в период революции «ослаблялись традиционные связи, поэтому возрастала тяга к новой коллективной идентичности»³⁵. Национализм, по его мнению, «служит в распадающемся

²⁸ *Волбуев О. В.* К вопросу о классификации национальных партий // Там же. С. 288.

²⁹ *Холодковский В. М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 203–204; *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб., 2013. С. 183–185. См. также: *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

³⁰ *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 131–142; *Кеттола Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. С. 29; *Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX века): Международный коллоквиум. Научные доклады. Санкт-Петербург, 25–28 июня 2007 г. СПб., 2007. С. 62.

³¹ *Fischer F.* Germany's Aims in the First World War. NY, 1967. P. 135; *Булдаков В. П.* Хаос и этнос... С. 59.

³² *Suny R. G.* The Making of the Georgian Nation. Stanford, 1988. P. 192.

³³ *Hovannisian R. G.* The Republic of Armenia: The first year, 1918–1919. Berkley; Los Angeles, 1971. P. 18–19, 40.

³⁴ *Suny R. G.* The Russian empire // After Empire. Multiethnic Societies and Nation-building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires. Boulder, 1997. P. 150.

³⁵ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации... С. 138.

обществе субститутом интеграционных факторов. Когда терпит крах общество, последней опорой начинает казаться нация»³⁶. Это замечание очень важно именно для периода революционных потрясений XX в.

В связи с этим неудивительно, что в периоды ослабления центральной власти, нарастания экономического кризиса периода революций национальная идентичность становится более актуальной, чем в предшествующие годы. В некоторых случаях это способ самозащиты в неспокойное революционное время. С. М. Исхаков сделал вывод, что территориальные объединения мусульман России не имели своей целью выделение из состава большого государства. По его мнению, «увидев расползание хаоса в государстве, они пытались организовать собственными силами, чтобы не погибнуть в хаосе гражданской войны»³⁷. Эта мысль довольно четко прослеживается в III Универсале Украинской Центральной рады, по которому в ноябре 1917 г. провозглашалась украинская автономия: «На севере, в столицах идет междоусобная и кровавая борьба. Центрального правительства нет, и по государству распространяется безвластие, беспорядок и разруха. Наш край также в опасности. Без власти, сильной, единой, народной, Украина тоже может упасть в бездну междоусобицы, резни, упадка»³⁸. В связи с этим можно поставить вопрос о том, что формирование независимых от ослабленного центра институтов самоуправления могло быть попытками поддержания порядка.

Следует обратить внимание, что ряд заявлений о независимости последовали сразу после прихода к власти большевиков. В связи с этим можно в определенной мере согласиться с мнением В. П. Булдакова, что «послеоктябрьский сецессионизм носил характер бегства от большевистской смуты»³⁹.

Активизация национальных движений в революционный период может свидетельствовать о том, что они развивались в скрытой форме и их генезис не всегда поддается анализу с использованием подхода, предложенного М. Хрохом. В этом смысле более продуктивным может быть обращение к идеям Б. Андерсона, концентрирующимся на культурных основах становления наций.

Б. Андерсон в своей работе «Воображаемые сообщества» рассматривал нацию через призму конструктивистского подхода⁴⁰. Для него, в отличие от М. Хроха, не существует исторических корней нации. Исследование

³⁶ Цит. по: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 274.

³⁷ *Исхаков С. М.* Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 в судьбах России и мира. Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 230.

³⁸ Цит. по: *Солдатенко В. Ф.* Гражданская война в Украине. С. 61.

³⁹ *Булдаков В. П.* Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 417. Аналогичную точку зрения высказывает А. И. Миллер (*Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 191).

⁴⁰ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.

Б. Андерсона посвящено не тому, какие социальные и политические изменения способствовали «пробуждению» наций. Его интересовало то, какие культурные изменения, произошедшие в модерный период, привели к возможности помыслить нацию.

Как конструктивист Б. Андерсон считал, что не нация порождает национализм, а наоборот. При этом для него национализм не столько является идеологией, как либерализм и социализм, сколько «большой культурной системой». Ученый ставил его в один ряд с таким явлением, как религиозная общность⁴¹. Особое внимание он уделил комплексу представлений, тех символов и мифов, которые создают нацию. Нация, по Андерсону, является «воображаемым сообществом», поскольку все ее члены никогда не смогут узнать большинство своей нации, в то время как они могут ощущать общность с ними⁴². В головах людей возникает преемственность прошлого и будущего через образ нации⁴³.

«Вообразить» единую нацию становится возможным благодаря развитию «книгопечатного капитализма», т.е. когда производство книг и газет переходит на уровень массового производства. Б. Андерсон писал, что «печатные языки заказывали основу национального самосознания»⁴⁴.

Важным аспектом подхода Б. Андерсона является внимание к языку. Через общий язык становится возможным национальное единение. Благодаря развитию печатной культуры происходит стандартизация и фиксация, в ходе которой диалекты уступают место тому из них, который представляет центр. Те диалекты, которые не получили в определенный период возможности стать языком печати, постепенно утрачивают свой статус.

Б. Андерсон в своей работе концентрировался на инклюзивном национализме, т.е. на том, как незнакомые между собой люди осмысляются как некое сообщество. Однако для анализа ситуации в таком полиэтничном государстве, как Российская империя, где компактно проживало разнообразное население, необходимо учитывать и эксклюзивный национализм — формирование идентичности через оппозицию «мы—они», «свой—чужой» — через установление внешних границ группы. Без этого фактора становятся неясными сложности с созданием национального государства на определенной территории⁴⁵. Образ

⁴¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 19–20.

⁴² Там же. С. 31.

⁴³ Там же. С. 35.

⁴⁴ Там же. С. 47.

⁴⁵ В своем исследовании Б. Андерсон рассуждал об осознании «параллельного» существования Старого и Нового света, что способствовало зарождению национализмов в последнем. Важнейшим фактором он называл именно значительную пространственную оторванность заморских колоний от метрополий (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 204–208). В случае Российской империи как раз компактное проживание народов являлось важным дестабилизирующим фактором.

«другого» как элемент формирования идентичности имеет обширную историографию⁴⁶.

В качестве «другого» на национальных окраинах выступала российская бюрократия, армия и другие агенты имперского влияния. Начавшееся после восстания 1863 г. активное привлечение чиновников из русских губерний в Польшу являлось попыткой интегрировать эти земли в имперский организм. Это не могло не вызывать негативные чувства у поляков. Однако Л. Е. Горизонтов отметил не столько озлобление по отношению к русской администрации польских губерний, сколько пренебрежение к ним. В них видели «ремесленников», взяточников и пьяниц, в отличие от польских чиновников⁴⁷.

Русская армия также являлась своеобразным символом имперской власти⁴⁸. Хотя изначально в быту между русскими военнослужащими и местным населением не было серьезных конфликтов, отношение к чиновникам стало переноситься и на армию тоже. Накануне войны в финских газетах русские солдаты выставлялись в неприглядном свете⁴⁹. Вскоре начали отмечаться случаи нападения на военнослужащих с камнями и даже их обстрел⁵⁰. Не случайно одним из гарантов своей независимости финляндские политики считали скорейший вывод русских войск со своей территории⁵¹.

Кроме имперских институтов образ «другого» возникает в результате межэтнического взаимодействия. Хорошим примером исследования в рамках этого подхода является работа К. Бучовского «Литвоманы и полонизаторы». Ученый пришел к выводу о существовании двух литовских национальных движений. Представители первого («старолитовцы», или «полонизаторы») культурно ориентировались на Польшу и предпочитали пользоваться польским языком. «Младолитовцы», или «литвоманы» находились под воздействием образа польского народа, изменившегося с течением времени на негативный. В связи с этим они противились «полонизации» и говорили только на литовском⁵².

⁴⁶ Классическим трудом по этому вопросу стала книга под редакцией норвежского антрополога Ф. Барта «Этнические группы и социальные границы» (Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006). См. также: Сауд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

⁴⁷ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 183.

⁴⁸ Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 406.

⁴⁹ Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 2008. С. 38–41.

⁵⁰ Там же. С. 45.

⁵¹ Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе... С. 195.

⁵² Buczowski K. Litwomani i polonizatorzy: Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku. Białystok, 2006. S. 81–82.

Исследователями отмечалось взаимное недоверие и взаимное отчуждение остзейских немцев и эстонцев и латышей⁵³. По мнению Н. С. Андреевой, эстонское и латышское «национальное движение было направлено против определяющего влияния немецкого меньшинства в жизни края, большое внимание при этом уделялось развитию национальной культуры»⁵⁴. Его активисты пытались добиться уравнивания политических прав эстонцев и латышей с немцами. Усугубляли положение половинчатые меры в отношении остзейцев в годы перед войной. С одной стороны, правительство желало уменьшить их влияние за счет усиления позиций прибалтийских народов. С другой, опасалось, что это может привести к росту сепаратизма в этом регионе⁵⁵. Неудивительно, что в период революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войны наблюдались массовые межнациональные конфликты⁵⁶. Во втором случае среди патриотично настроенных эстонцев и латышей распространилось убеждение, что русские чиновники способствуют «немецкому засилью», после того как те пытались оградить остзейцев от беспочвенных в своем подавляющем большинстве обвинений в шпионаже и измене⁵⁷.

При этом отмечается мирное сосуществование крестьян-переселенцев и местного населения на востоке Российской империи. Даже в восстании 1916 г. В. П. Булдаков виноватыми считал местную администрацию и крестьян-переселенцев новой волны. По его мнению, против старожилов-европейцев местное население не выступало⁵⁸. О. И. Брусина отметила даже определенное культурное взаимовлияние между колонистами и автохтонами⁵⁹. Однако более важным выводом исследователя является то, что «потомки двух восточнославянских народов консолидировались в единую группу, и это произошло в значительной мере вследствие контактов с далекими по своим культурным нормам и традициям коренным азиатским населением: по сравнению с ним различия между русскими и украинцами казались несущественными»⁶⁰.

Аналогичная ситуация имела место в Сибири. Несмотря на то что костяк крестьян-переселенцев составляли выходцы из украинских губерний, они «де-

⁵³ *Энгель-Браунмидт А.* Прибалтийские немцы о себе и о других // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова.* Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 325–326.

⁵⁴ *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008. С. 78.

⁵⁵ Там же. С. 263.

⁵⁶ *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи. С. 90–93.

⁵⁷ *Булдаков В. П.* Хаос и этнос... С. 70–71.

⁵⁸ Там же. С. 130.

⁵⁹ *Брусина О. И.* Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX в. М., 2001. С. 143–147.

⁶⁰ Там же. С. 193–194.

монстрировали бóльшую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности»⁶¹.

Образ «другого» в становлении национальной идентичности может выступать как в качестве инклюзивного фактора в отношении родственных народов, так и как эксклюзивный по отношению к тем народам, с которыми в силу тех или иных причин «малый народ» находится в конфронтации.

Важным дополнением к концепции Б. Андерсона могут являться исследования в области воображаемой географии или ментальной картографии⁶². Ученые, работающие в этом русле, понимают «ментальные карты» как субъективное внутреннее представление человека о части окружающего пространства⁶³. Это направление получило особую популярность после публикации уже упоминавшейся книги Э. Саида, где использовался термин «воображаемая география» (в русском переводе «имагнативная»). Саид изучал восприятие пространства, порожденного определенными дискурсами, текстами и изображениями⁶⁴.

Однако в той же степени, в какой воображаемая география используется для восприятия «другого», она важна для формирования национальной идентичности.

Уже плодотворно изучается «присвоение пространства» применительно к русской национальной территории⁶⁵. Вывод о том, что она, с одной стороны, не соответствует всему пространству империи, а с другой не совпадает с границами современной России, является принципиально важным. Эти исследования позволили поставить под сомнение утверждение Б. Андерсона о том, что власти стремились сделать из Российской империи русское национальное государство («натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»)⁶⁶. Важной задачей является проблематизация национальной территории других народов Российской империи, претендовавших на независимость в 1917–1920 гг.

⁶¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 69–70.

⁶² В работе Б. Андерсона основное внимание посвящено карте как своеобразному институту власти, той роли, которую они играют для объединения государства (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 188–196).

⁶³ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм... С. 16–17.

⁶⁴ Работы, которые явно были вдохновлены этой книгой: *Todorova M. Imagining the Balkans*. NY, 1997; *Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003.

⁶⁵ См.: *Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge; NY, 1999; *Ремнев А. В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX — начало XX века // Российская империя в сравнительной перспективе*. М., 2004. С. 286–319; *Миллер А. И. Империя Романовых и национализм... С. 147–170; Gorizontov L. The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington, 2007. P. 67–93.

⁶⁶ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества*. С. 24.

На карте Российской империи мы не найдем ни Литвы, ни Казахстана, ни других современных политических образований. Поэтому сами по себе претензии «малых народов» на национальную территорию могли говорить об определенной зрелости национального движения. Эстонское и латышское население было разделено между тремя губерниями: в Эстляндской доминировали эстонцы, в Курляндской — латыши, Лифляндия имела смешанное эстонско-латышское население. Долгое время о «своей земле» эти народы могли говорить с большой натяжкой. Сам по себе термин «Latvija» относится только к концу XIX в.⁶⁷ Объединения «исторических земель» эстонские политики смогли добиться только от Временного правительства в 1917 г.⁶⁸

Территоризация Украины стала одним из дискуссионных вопросов во взаимоотношениях Центральной рады и Временного правительства в 1917 г. Первые говорили об Украине в составе девяти губерний⁶⁹. Вторые были согласны выделить для украинской автономии только пять⁷⁰. По мнению киевлянина В. В. Шульгина, выступавшего с позиций русского национализма, и подобное решение было большой жертвой⁷¹. В этом противостоянии можно увидеть конкуренцию проекта «большой русской нации» с украинским.

Еще более сложная ситуация обнаруживается на литовско-польском пограничье. Литовцы сохранили свою этническую самобытность в Ковенской и Сувалкской губерниях, в то время как в Виленской, за исключением ее западной части, происходила их ассимиляция поляками⁷². Однако независимая Литва рассматривала Вильно (Вильнюс) как важный культурный и исторический центр, отсылавший ко времени существования Великого княжества Литовского⁷³.

⁶⁷ Грабис Р. Я. Я. Эндзелин и развитие латышского языкознания // Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Рига, 1973. С. 3–12.

⁶⁸ Паюр А. Рождение манифеста о независимости Эстонии // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Специальный выпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Тарту; Таллинн, 2006. С. 107.

⁶⁹ Киевская, Подольская, Волынская, Полтавская, Черниговская, Харьковская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая. Петроградские украинские деятели в своем меморандуме в апреле 1917 г. добавляли также к этим территориям части Воронежской, Курской, Бессарабской губерний. Высказывались также претензии на Кубанскую область (Памятная записка комитета Украинской Национальной Рады в Петрограде Временному правительству. Апрель 1917 г. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 37–42).

⁷⁰ Бондаренко Д. Я. Взаимоотношения Временного правительства и Украинской центральной рады. Одесса, 2004. С. 132.

⁷¹ Там же. С. 134.

⁷² Подробнее см.: Гаучас Я., Видугирис А. Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII — по начало XX в. // География. Т. XIX. Вильнюс, 1968. С. 26–71.

⁷³ Лауринавичюс Ч. Политика литовского буржуазного правительства по вопросу о восточной государственной границе // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 203.

Проект Литвы вступал в противоречие с проектом, появившимся в соседней стране. После того как германские войска были выведены с территории Королевства Польского⁷⁴, власти нового независимого государства заявили свои права на территорию Речи Посполитой в границах до 1772 г.⁷⁵ Ее лидер Ю. Пилсудский в 1919 г. вел переговоры с правительством Литвы о воссоздании Великого княжества Литовского в форме союзного с Польшей государства⁷⁶. В итоге в апреле 1919 г. польские войска заняли Виленский край, который оставался частью Польши до 1939 г.

Таким образом, именно воображаемая география национальной территории была причиной ряда конфликтов периода распада Российской империи. А тот факт, что отстаивать ее готовы были с оружием в руках, возвращает нас к мысли Б. Андерсона о том, что национализм «выступает как своего рода религия современного общества, сулящая человеку бессмертие в вечном существовании нации, к которой он себя причисляет в своем воображении»⁷⁷.

Одним из важнейших оснований национальной идентичности можно считать историческую память. Б. Андерсон писал о том, что унифицированное образование берет на себя функцию конструирования национальной памяти и забвения, а также создания биографии наций как бесконечной цепочки, уходящей в прошлое⁷⁸.

Тема исторической памяти (*memory studies*) очень популярна среди исследователей. Первые работы в этом проблемном поле были напрямую связаны с вопросом национальной идентичности. Идея классического сборника статей «Изобретение традиций» под редакцией Э. Хобсбаума во многом переплетается с концепцией Б. Андерсона⁷⁹. В некоторых случаях осознание общего прошлого гораздо важнее для национальной идентичности, чем лингвистический и религиозный фактор.

Это хорошо видно на примере Украины. Родственность языка и православное вероисповедование не позволяло провести четкую грань между русскими и украинцами. Историк М. С. Грушевский, автор известной «Истории

⁷⁴ Марионеточное государство, созданное Германией из оккупированных в ходе войны польских губерний Российской империи.

⁷⁵ *Roshwald A.* Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, the Middle East and Russia, 1914–23. London; NY, 2002. P. 161; *Troebst S.* 'Intermarium' and 'Wedding to the Sea': Politics of History and Mental Mapping in East Central Europe // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 2003. Vol. 10, N 2. P. 301. Однако надо сказать, что этот проект не был единственным. Р. Дмовский отстаивал идею более компактного национального государства (*Wandycz P. S.* Poland's Place in Europe in the Concepts of Piłsudski and Dmowski // *East European Politics & Societies*. 1990. Vol. 4, N 3. P. 451–468).

⁷⁶ *Гуцин А. В.* Установление восточных границ независимого Польского государства в 1918–1923 гг. // *Вестник РГГУ*. 2012. № 7. С. 57.

⁷⁷ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества... С. 18.

⁷⁸ Там же. С. 221–223.

⁷⁹ *The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983.

Украины-Руси», в своих работах доказывал принципиальные исторические и этнические различия украинского и русского народов⁸⁰. Не случайно именно он был избран первым председателем Украинской рады. Анализ различных интерпретаций украинского прошлого, по мнению З. Когута, может помочь выявить основные этапы развития украинской национальной идентичности⁸¹.

Важный упор на особую историческую идентичность наблюдался и в литовской историографии, стремившейся отделить свою историю от польской. С точки зрения литовских историков конца XIX — первой половины XX в., Великое княжество Литовское представляло собой едва ли не национальное государство, его элита отличалась от польской, а Вильнюс всегда являлся только литовским городом⁸².

Эту же роль для развития финского национального самосознания играло создание лингвистом Э. Лённротом на основе народной мифологии эпоса «Калевала» во второй половине XIX в.⁸³ В тот же период эстонский фольклорист и писатель Ф. Р. Крейцвальд создал национальный эпос «Калевипоэг», повлиявший на развитие эстонского литературного языка⁸⁴.

Важным моментом является также память о былой независимости. Этот компонент выделял М. Хрох в качестве одной из трех предпосылок формирования нации⁸⁵. Однако подобные части национального нарратива также могут быть сконструированы. Начиная с работ первого литовского историка С. Даукантаса, романтизировался образ Великого княжества Литовского⁸⁶. Окон-

⁸⁰ О роли М. С. Грушевского и связанного с ним «Научного общества им. Т. Шевченко» в конструировании исторической памяти см.: *Педич В.* Культурницько-просвітницька діяльність Наукового товариства імені Шевченка початку XX ст. як чинник конструювання історичної пам'яті // *Історія—ментальність—ідентичність*. Вип. IV: Історична пам'ять українців і поляків у період формування національної свідомості в XIX — першій половині XX століття: Колективна монографія. Львів, 2011. С. 181–190. Работы М. С. Грушевского использовал в своих политических целях в период Первой мировой войны Союз освобождения Украины (*Тельвак В.* Історія на службі пропаганди: праці Михайла Грушевського в інформаційній діяльності Союзу Визволення України // Там же. С. 87–95).

⁸¹ *Kohut Z.* The Development of Ukrainian National Historiography in Imperial Russia // *Historiography of Imperial Russia: the Profession and Writing of History in a Multinational State*. NY, 1999. P. 453–473. См. также: *Velychenko S.* National History as Cultural Process. A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writings from the Earliest Times to 1914. Edmonton, 1992.

⁸² *Staliunas D.* From Ethnocentric to Civic History: Changes in Contemporary Lithuanian Historical Studies // *Emerging Meso-areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised?* Sapporo, 2005. P. 312–313.

⁸³ *Мишин А.* «Калевала» Элиаса Лённрота: от фольклорной поэзии к литературной поэме // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 11–26.

⁸⁴ *Raun T. U.* Nineteenth- and Early Twentieth-century Estonian Nationalism Revisited // *Nations and Nationalism*. 2003. Vol. 9, N 1. P. 129–147.

⁸⁵ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации... С. 122.

⁸⁶ *Чепайтене Р.* Воспоминания о величии: образ Великого княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы // *Український історичний збірник*. 2013. № 16. С. 370.

чательно закрепился исторический нарратив в первые годы независимости Литвы как попытка сохранить независимое государство в период, когда на эти земли претендовала Польша⁸⁷.

Несмотря на то что М. Хрох и Б. Андерсон используют различающиеся между собой подходы к рассмотрению нации, их концепции в определенном смысле являются взаимоопыляемыми. Они помогают рассматривать проблему национальных движений на социальном и культурном, символическом уровнях. Подход М. Хроха удачен при использовании большого количества данных о социальном происхождении, биографиях элиты. Для тех материалов, где мы не обладаем подробными сведениями о массовых движениях, важнейшим автором которых является «великий немой» — крестьянство, можно использовать подход Б. Андерсона. Обе этих концепции позволяют выявить то множество факторов, которые имели место на окраинах Российской империи и способствовали распаду ее полиэтнического пространства. В этом смысле К. Бейли справедливо отметил, что эти концепции стоит рассматривать скорее как приемы интерпретации, нежели теории, дающие всеохватывающее объяснение феномена⁸⁸.

Стоит, однако, критически отнестись к телеологическому компоненту понимания развития империй, присутствующему в концепциях обоих авторов. Появление современных наций на территории Российской империи не всегда было детерминировано предшествующими обстоятельствами. В период, предшествующий распаду, основными действующими лицами оставались национальные элиты. Благодаря сложившимся обстоятельствам (ослабление центра, оккупация, недостаток общегосударственной бюрократии и пр.), они получили возможность реализации собственного национального проекта.

References

- Amanzholova D. A.* Kazakhstkiy avtnomizm i Rossiya. Istoriya dvizheniya Alash (1905–1920). M., 1994.
- Anderson B.* Voobrazhaemye soobshchestva. M., 2001.
- Andreeva N. S.* Pribaltiyskie nemtsy i rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v nachale XX v. SPb., 2008.
- Bakhturina A. Yu.* Ukrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.). M., 2004.
- Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, NY, 1999.
- Bondarenko D. Ya.* Vzaimootnosheniya Vremennogo pravitel'stva i Ukrainской tsentral'noy rady. Odessa, 2004.
- Brusina O. I.* Slavyane v Sredney Azii. Etnicheskie i sotsial'nye protsessy. Konets XIX — konets XX v. M., 2001.
- Buchowski K.* Litwomani i polonizatorzy: Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polskolitevskich w pierwszej polowie XX wieku. Białystok, 2006.
- Buldakov V. P.* Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg.: usloviya vzniknoveniya, khronika, kommentariy, analiz. M., 2010.
- Buldakov V. P.* Voyna imperiy i krizis imperstva: k sotsiokul'turnomu pereosmysleniyu // Rossiya i Pervaya mirovaya voyna. SPb., 1999. S. 406–418.

⁸⁷ *Вилимас Д.* Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти Литвы // *Ab imperio*. 2004. № 4. С. 507–522.

⁸⁸ *Кром М. М.* Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб., 2015. С. 200.

- Chepaytene R.* Vospominaniya o velichii: obraz Velikogo knyazhestva Litovskogo v istoricheskoy pamyati sovremennoy Litvy // *Ukraïns'kiy istorichniy zbirnik*. 2013. N 16. S. 366–392.
- Dubrovskaya E. Yu.* Rossiyskie voennosluzhashchie i naselenie Finlyandii v gody Pervoi Mirivoi voyny. Petrozavodsk, 2008.
- Engel'-Braunmidt A.* Pribaltiyskie nemtsy o sebe i o drugikh // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Mifologiya kul'turnogo prostranstva: K 80-letiyu Sergeya Gennadievicha Isakova*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. S. 318–336.
- Fischer F.* Germany's aims in the First World War. NY, 1967.
- Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. SPb., 1910.
- Gauchas Ya., Vidugiris A.* Etnolingvisticheskaya situatsiya litovsko-belorusskogo pogranich'ya s kontsa XVIII po nachalo XX v. // *Geografiya*. T. XIX. Vil'nyus, 1968. S. 26–71.
- Gorizontov L. E.* Paradoksy imperskoy politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she. M., 1999.
- Gorizontov L.* The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington, 2007. P. 67–93.
- Grabis R. Ya.* Ya. Endzelin i razvitie latyshskogo yazykoznaniya // *Baltiyskie yazyki i ikh vzaimosvyazi so slavyanskimi, finno-ugorskimi i germanskimi yazykami*. Riga, 1973. S. 3–12.
- Gushchin A. V.* Ustanovlenie vostochnykh granits nezavisimogo Pol'skogo gosudarstva v 1918–1923 gg. // *Vestnik RGGU*. 2012. N 7. S. 50–63.
- Hovannisian R. G.* The Republic of Armenia: The first year, 1918–1919. Berkeley; Los Angeles, 1971.
- Hroch M.* Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge; London; NY, 1985.
- Hroch M.* Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'yu sformirovavsheysya natsii: protsess stroitel'stva natsiy v Evrope // *Natsii i natsionalizm*. M., 2002. S. 121–145.
- Iskhakov S. M.* Pervye shagi Sovnarkoma i rossiyskie musul'mane // 1917 v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya. Ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. M., 1997. S. 207–237.
- Istoriya natsional'nykh politicheskikh partiy Rossii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. M., 1997.
- Kaluškevičius B., Misius K.* Lietuvos knygnešiai ir daraktorai 1864–1904. Vilnius, 2004. P. 7–11.
- Kappeler A.* Obrazovanie natsiy i natsional'nye dvizheniya v Rossiyskoy imperii // *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let*. M., 2005. S. 395–435.
- Kappeler A.* Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad. M., 2000.
- Ketola E.* Revolyutsiya 1917 goda i obretnenie Finlyandiy nezavisimosti: Dva vzglyada na problemu // *Otechestvennaya istoriya*. 1993. N 6. S. 27–45.
- Khobsbaum E.* Natsii i natsionalizm posle 1780 goda. SPb., 1998.
- Kholodkovskiy V. M.* Revolyutsiya 1918 goda v Finlyandii i germanskaya intervensiya. M., 1967.
- Klinge M.* Imperskaya Finlyandiya. SPb., 2005.
- Kohut Z.* The development of Ukrainian national historiography in imperial Russia // *Historiography of imperial Russia: the profession and writing of history in a multinational state*. NY, 1999. P. 453–473.
- Krom M. M.* Vvedenie v istoricheskuyu kompartivistiku. SPb., 2015.
- Laurinavichyus Ch.* Politika litovskogo burzhuaznogo pravitel'stva po voprosu o vostochnoy gosudarstvennoy granitse // *Rossiya i Baltiya: epokha peremen (1914–1924)*. M., 2002. S. 200–224.
- Luntinen P.* The Imperial Russian army and navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.
- Miller A. I.* Imperiya Romanovykh i natsionalizm. M., 2006.
- Miller A. I.* Rossiya i rusifikatsiya Ukrainy v XIX v. // *Rossiya–Ukraina: istoriya vzaimootnosheniy*. M., 1997.
- Mishin A.* «Kalevala» Eliasa Lennrota: ot fol'klornoy poezii k literaturnoy poeme // «Kalevala» v kontekste regional'noy i mirovoy kul'tury. Petrozavodsk, 2010. S. 11–26.
- Mitruilyavichyus G.* Sotsial-demokratiya Litvy i Rossii: nekotorye aspekty vzaimootnosheniy v kontse XIX v. — pervoy chetverti XX v. // *Sotsial-demokratiya v rossiyskoy i mirovoy istorii. Obobshchenie opyta i novye podkhody*. M., 2009. S. 159–172.
- Morrison A.* Metropole, Colony, and Imperial Citizenship // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, N 2. P. 327–364.
- Nationalizing empires. Budapest, 2015.
- Novikova I. N.* «Finskaya karta» v nemetskom pas'yanse: Germaniya i problema nezavisimosti Finlyandii v gody Pervoy mirovoy voyny. SPb., 2002.
- Payur A.* Rozhdenie manifesta o nezavisimosti Estonii // *Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Spetsial'nyy vypusk po istorii Estonii s 17 po 20 vek*. Tartu; Tallinn, 2006. S. 107–123.

Pedich V. Kul'turnits'ko-prosvitnits'ka diyatel'nist' Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka pochatku XX st. yak chinnik konstruyuvannya istorichnoi pam'yati // Istoriya–mental'nist'–identichnist'. Vip. IV: Istorichna pam'yat' ukrainsiiv i polyakiv u period formuvannya natsional'noi svidomosti v XIX – pershiy polovini XX stolittya: kolektivna monografiya. L'viv, 2011. S. 181–190.

Raun T. U. Nineteenth- and early twentieth-century Estonian nationalism revisited // Nations and Nationalism. 2003. Vol. 9, N 1. P. 129–147.

Remnev A. V. Rossiya i Sibir' v menyayushchemsya prostranstve imperii, XIX – nachalo XX veka // Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspective. M., 2004. S. 286–319.

Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, the Middle East and Russia, 1914–23. London; NY, 2002.

Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. SPb., 2006.

Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii. M., 2007.

Sipols V. Ya. Kem i kak byla sozdana burzhuaznaya Latvija // Novaya i noveyshaya istoriya. 1988. N 5. S. 20–45.

Soldatenko V. F. Grazhdanskaya voyna v Ukraine. 1917–1920 gg. M., 2012.

Staliunas D. From ethnocentric to civic history: changes in contemporary Lithuanian historical studies // Emerging meso-areas in the former socialist countries: histories revived or improvised? Sapporo, 2005. P. 311–331.

Stalyunas D. Identifikatsiya, yazyk i alfavit litovtsev v rossiyskoy natsional'noy politike 1860-kh godov // Ab Imperio. 2005. N 2. S. 225–254.

Suni R. G. Imperiya kak takovaya: imperskaya Rossiya, «natsional'naya» identichnost' i teorii imperii // Gosudarstvo natsiy: imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina. M., 2011. S. 31–87.

Suny R. G. The Making of the Georgian Nation. Stanford, 1988.

Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

Suny R. G. The Russian empire // After empire. Multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires. Boulder, 1997. P. 142–153.

Syukiyaynen I. I. Revolyutsionnye sobytiya 1917–1918 v Finlyandii. Petrozavodsk, 1962.

Tel'vak V. Istoriya na sluzhbi propagandi: pratsi Mikhayla Grushevs'kogo v iformatsiyniy diyal'nosti Soyuzu Vizvolennya Ukraini // Istoriya–mental'nist'–identichnist'. Vip. IV: Istorichna pam'yat' ukrainsiiv i polyakiv u period formuvannya natsional'noi svidomosti v XIX – pershiy polovini XX stolittya: Kolektivna monografiya. L'viv, 2011. S. 87–95.

The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

Todorova M. Imagining the Balkans. NY, 1997.

Troebst S. 'Intermarium' and 'Wedding to the Sea': Politics of History and Mental Mapping in East Central Europe // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2003. Vol. 10, N 2. P. 293–321.

Turpeinen O. Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1986. S. 21–28.

Velychenko S. National history as cultural process. A survey of the interpretations of Ukraine's past in Polish, Russian and Ukrainian historical writings from the earliest times to 1914. Edmonton, 1992.

Verstyuk V. F., Gorobets V. M., Tolochko O. P. Ukrain's'ki proekti v Rosiys'kiy imperii. K., 2004.

Vikhayaynen T. Natsional'noe osvobodzhenie ili sotsial'noe vosstanie? Grazhdanskaya voyna 1918 g. v Finlyandii i natsional'noe samosoznanie // Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo v Rossiyskoy imperii i Sovetskom Soyuze (konets XIX – nachalo XX veka): Mezhdunarodnyy kollokvium. Nauchnye doklady. Sankt-Peterburg, 25–28 iyunya 2007 g. SPb., 2007. S. 59–68.

Vilimas D. Velikoe Knyazhestvo Litovskoe: stereotipy istoricheskoy pamyati Litvy // Ab imperio. 2004. N 4. S. 507–522.

Vul'f L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya. M., 2003.

Wandycz P. S. Poland's Place in Europe in the Concepts of Pilsudski and Dmowski // East European Politics & Societies. 1990. Vol. 4, N 3. P. 451–468.

Yussila O. Velikie mify finlyandskoy istorii. Khel'sinki; SPb., 2013.

Список литературы

- Аманжолова Д. А.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш (1905–1920). М., 1994.
Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008.

- Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.
- Бондаренко Д. Я.* Взаимоотношения Временного правительства и Украинской центральной рады. Одесса, 2004.
- Брусина О. И.* Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX в. М., 2001.
- Булдаков В. П.* Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 406–418.
- Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.
- Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П.* Українські проекти в Російській імперії. К., 2004.
- Вилимас Д.* Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти Литвы // Ab imperio. 2004. № 4. С. 507–522.
- Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX века): Международный коллоквиум. Научные доклады. Санкт-Петербург, 25–28 июня 2007 г. СПб., 2007. С. 59–68.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- Гаучас Я., Видугирис А.* Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII по начало XX в. // География. Т. XIX. Вильнюс, 1968. С. 26–71.
- Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
- Грабис Р. Я.* Эндзелин и развитие латышского языкознания // Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Рига, 1973. С. 3–12.
- Гущин А. В.* Установление восточных границ независимого Польского государства в 1918–1923 гг. // Вестник РГГУ. 2012. № 7. С. 50–63.
- Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 2008.
- История национальных политических партий России: Материалы международной конференции. М., 1997.
- Исхаков С. М.* Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 в судьбах России и мира. Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 207–237.
- Канпелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 395–435.
- Канпелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000.
- Кетола Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.
- Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005.
- Кром М. М.* Введение в историческую компаративистику: Учебное пособие. СПб., 2015.
- Лауринавичюс Ч.* Политика литовского буржуазного правительства по вопросу о восточной государственной границе // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 200–224.
- Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006.
- Миллер А. И.* Россия и русификация Украины в XIX в. // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
- Митрулявичюс Г.* Социал-демократия Литвы и России: некоторые аспекты взаимоотношений в конце XIX в. — первой четверти XX в. // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы. М., 2009. С. 159–172.
- Мишин А.* «Калевала» Элиаса Лённрота: от фольклорной поэзии к литературной поэме // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 11–26.
- Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.
- Паар А.* Рождение манифеста о независимости Эстонии // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Специальный выпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Тарту; Таллинн, 2006. С. 107–123.
- Пецич В.* Культурницько-просвітницька діяльність Наукового товариства імені Шевченка початку XX ст. як чинник конструювання історичної пам'яті // Історія–ментальність–ідентичність. Вип. IV: Історична пам'ять українців і поляків у період формування національної свідомості в XIX — першій половині XX століття: Колективна монографія. Львів, 2011. С. 181–190.

- Ремнев А. В.* Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX — начало XX века // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 286–319.
- Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
- Ситолс В. Я.* Кем и как была создана буржуазная Латвия // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 20–45.
- Солдатенко В. Ф.* Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012.
- Сталюнас Д.* Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 225–254.
- Суни Р. Г.* Империя как таковая: имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 31–87.
- Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 в Финляндии. Петрозаводск, 1962.
- Тельвак В.* Історія на служби пропаганди: праці Михайла Грушевського в інформаційній діяльності Союзу Визволення України // Історія–ментальність–ідентичність. Вип. IV: Історична пам'ять українців і поляків у період формування національної свідомості в XIX — першій половині XX століття: Колективна монографія. Львів, 2011. С. 87–95.
- Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
- Холодковский В. М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.
- Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 121–145.
- Чепайтене Р.* Воспоминания о величии: образ Великого княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы // Український історичний збірник. 2013. № 16. С. 366–392.
- Энгель-Браунмидт А.* Прибалтийские немцы о себе и о других // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 318–336.
- Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб., 2013.
- Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, NY, 1999.
- Buchowski K.* Litwomani i polonizatorzy: Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polskolitevskich w pierwszej połowie XX wieku. Białystok, 2006.
- Fischer F.* Germany's aims in the First World War. NY, 1967.
- Horizontov L.* The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington, 2007. P. 67–93.
- Hovannisian R. G.* The Republic of Armenia: The first year, 1918–1919. Berkley; Los Angeles, 1971.
- Hroch M.* Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge; London; NY, 1985.
- Kaluškevičius B., Misius K.* Lietuvos knygnešiai ir daraktoriai 1864–1904. Vilnius, 2004. P. 7–11.
- Kohut Z.* The development of Ukrainian national historiography in imperial Russia // *Historiography of imperial Russia: the profession and writing of history in a multinational state*. NY, 1999. P. 453–473.
- Luntinen P.* The Imperial Russian army and navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.
- Morrison A.* Metropole, Colony, and Imperial Citizenship // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, N 2. P. 327–364.
- Nationalizing empires. Budapest, 2015.
- Raun T. U.* Nineteenth- and early twentieth-century Estonian nationalism revisited // *Nations and Nationalism*. 2003. Vol. 9, N 1. P. 129–147.
- Roshwald A.* Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, the Middle East and Russia, 1914–23. London; NY, 2002.
- Staliunas D.* From ethnocentric to civic history: changes in contemporary Lithuanian historical studies // *Emerging meso-areas in the former socialist countries: histories revived or improvised?* Sapporo, 2005. P. 311–331.
- Suny R. G.* The Making of the Georgian Nation. Stanford, 1988.
- Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.
- Suny R. G.* The Russian empire // *After empire. Multiethnic societies and nation-building*. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires. Boulder, 1997. P. 142–153.

The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

Todorova M. Imagining the Balkans. NY, 1997.

Troebst S. 'Intermarium' and 'Wedding to the Sea': Politics of History and Mental Mapping in East Central Europe // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2003. Vol. 10, N 2. P. 293–321.

Turpeinen O. Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1986. S. 21–28.

Velychenko S. National history as cultural process. A survey of the interpretations of Ukraine's past in Polish, Russian and Ukrainian historical writings from the earliest times to 1914. Edmonton, 1992.

Wandycz P. S. Poland's Place in Europe in the Concepts of Piłsudski and Dmowski // East European Politics & Societies. 1990. Vol. 4, N 3. P. 451–468.

Т. О. Рюмина, С. А. Исаев, М. Хайзе

1905 год в России: взгляд лютеранского пастора из Санкт-Петербурга

В Санкт-Петербурге немало инославных церквей и иноверческих культовых зданий, где богослужения проводились и проводятся на иностранных языках. О чем говорит там священнослужитель своей пастве? Если у проходящих мимо жителей города и возникает к этому мимолетный интерес, он быстро разбивается о языковой барьер.

Тем не менее 111 лет спустя мы можем познакомиться с проповедью, с которой на исходе революционного 1905 г. — в воскресенье 31 декабря по новому стилю, 18-го по-старому— обратился к своим прихожанам пастор лютеранской церкви Св. Михаила, что на Среднем проспекте Васильевского острова. Татьяна Олеговна Рюмина, член прихода Св. Михаила, обнаружила рукопись этой проповеди на немецком языке в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга¹.

Рукопись выполнена готическими буквами на 8 двойных тетрадных листах в линейку, сшитых ниткой в тетрадь без обложки. Каждый разворот образует две страницы; размер страницы — 18×22 см. Пронумерованы они как архивистами, так и писцом. Архивисты пронумеровали только правые стороны разворотов, начав нумерацию с 2, писец же нумеровал не страницы, а развороты, присваивая один номер двум страницам, так что страницы разворота, где архивист проставил справа цифру 2, писец пронумеровал «1–1», где архивист написал

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.) Ф. 1005. Оп. 2. Д. 48.

на правой странице цифру 3, там писец «2–2», и т.д. Первую по архивной нумерации страницу писарь оставил чистой, работники же архива написали там дату и данное ими название: «31 декабря 1905 г. Проповедь на тему о тяжелом положении России в 1905 г.». Текст проповеди занимает 15 страниц: это левые страницы каждого разворота, не пронумерованные архивистами, тогда как правые, архивистами пронумерованные, текста не содержат. Почерк сравнительно мелкий, не каллиграфический, но довольно четкий и аккуратный. Чернила были, по-видимому, черными, но выцвели до темно-коричневого цвета. В самой рукописи автор ее не указан, но то обстоятельство, что он обращается к слушателям как к своим прихожанам, позволяет уверенно предположить, что автором проповеди был Гвидо Пэнгу — настоятель прихода с 1878 г. до кончины, т.е. в течение 36 лет. Рукопись — не авторский автограф, а перебеленный рукой неизвестного переписчика текст: почерк Пэнгу известен по другим документам и несколько не похож на почерк данной рукописи.

Гвидо Оттомар Пэнгу (Pingoud, Guido Ottomar, 1851–1914) родился в немецкой колонии Тарутино, в Аккерманском уезде Бессарабской губернии (ныне это районный центр Одесской области, Украина), в семье пастора Франца Вильгельма Пэнгу. После обучения в Дерптском университете² он всю жизнь был пастором прихода церкви Св. Михаила в Санкт-Петербурге, написал его историю³. Гвидо Пэнгу был также председателем, позже — вице-президентом Петербургской евангелическо-лютеранской консистории, генерал-суперинтендантом Петербургского консисториального округа, был возведен в потомственное дворянство.

Проповедь свидетельствует о глубоко консервативной позиции петербургского немецкого пастора, его российском имперском патриотизме. Примечательно, что в перечне событий, вызывавших его тревогу, фигурируют почти исключительно те, что имели место на Юге России, хотя серьезные потрясения имели место и в соседней Прибалтике. Тема проповеди предполагала исчерпывающее перечисление важнейших событий уходящего года. То, что Манифест 17 октября и созыв первой Государственной Думы среди таковых не упоминаются, можно объяснить нежеланием лютеранского пастора затрагивать политические вопросы. Однако Пэнгу ни словом не упоминает и Манифест «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля, который, как известно, отменил уголовное наказание за «отпадение от православия», в том числе и в лютеранство. Очевидно, он не считал, что этот акт серьезно улучшает положение Лютеранской церкви в России, которое и до 1905 г. представлялось ему приемлемым. Угрозы, связанные с развитием революции, волновали его значительно сильнее.

После кончины Гвидо Пэнгу, а особенно после революции 1917 г. для церкви Св. Михаила наступили тяжелые времена. Богослужения прекратились в 1935 г., после чего в церковном здании располагалась спортивная база завода

² Tamul S. Eraalgatuslikest stipendiumidest Tartu Ülikoolis 1802–1918. Tartu, 2007. L. 224.

³ Pingoud G. Die Geschichte der St. Michaelis Kirche: Zur vierhundertjährigen Jubelfeier des Geburtstages Dr. Martin Luthers. SPb., 1883.

им. Калинина, затем — склад табачной фабрики им. Урицкого, а после войны — цех экспериментального завода «Спорт». Интерьер был полностью перестроен и искажен, главный богослужебный зал разделен перекрытиями на три этажа. В конце 1992 г. в церкви Св. Михаила возобновились богослужения. Ныне приход входит в состав Евангелическо-Лютеранской церкви Ингрии на территории России.

[Проповедь на тему библейского текста]:

Кн. пророка Аввакума 2:20:

«А Господь — во святом храме Своем:

да молчит вся земля пред лицом Его!» Аминь

Всякий раз, когда день подходит к концу и сумрак ночи опускается на землю, наступает тишина. Колесо останавливается⁴. И закрываются все ставни. И душа обращается к самой себе. Ей необходимо собрать самые разные впечатления и события дня и приблизиться к Господу, чтобы в Нем переосмыслить пережитое и в Нем отдохнуть. Когда же клонится к закату последний вечер года, и все впечатления и события года сжимаются в последнем часе, тогда душе вдвойне необходимо прийти к Господу в Его храм и принести пред Его Лице итоги года, дабы в Нем обрести покой и отдохнуть в Его милости, истине и любви, пока не наступит покой вечный. Когда в последний вечер года душа приходит в святилище Господне, где вся атмосфера — от Духа этого святилища, — ей становится еще спокойнее, и не хочется ничего говорить, лишь наслаждаться дуновением Духа вечной жизни.

Однако, дорогой приход, удастся ли нам и в этом году, в новогодний вечер, успокоиться пред Господом? И каким будет этот покой?

Мы прошли большой путь. Вместе мы путешествовали 365 дней. Мы все очень утомлены дорогой, потому что это было страшное путешествие. Хотя у каждого за много дней были свои особые дорожные приключения — кто-то, возможно, имеет благоприятный итог, за что благодарит Господа Бога, другому, может быть, очень тяжело, из-за чего он с трудом успокоится сегодня

⁴ Скорее всего, это отсылка к известному месту в трактате А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (т. I, кн. 3, § 38). Шопенгауэр считал, что жизнь обычного человека представляет собой бесконечную последовательность желаний — такую, что удовлетворение одного порождает множество новых, поэтому человек никогда не знает покоя: «Так субъект желания вечно прикован к вертящемуся колесу Иксиона, постоянно черпает решетом Данаид, — вечно жаждущий Тантал» (*Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2011. Т. 1. С. 174*). Царь Иксион — герой древнегреческих мифов — был привязан к огненному колесу; некоторые исследователи считают, что это солнечный диск, перемещающийся по небосводу (*Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 504*). В данном случае уместны обе трактовки: конец дня сопровождается прекращением работы и заходом солнца.

вечером, — но все эти личные переживания отходят на задний план перед всеобщими переживаниями, через которые мы вместе прошли и которые выстрадали на этом пути, так как 1905 год был самым страшным годом в истории России. Он поднимался над горизонтом, распространяя кроваво-огненное сияние, и, уходя за горизонт теперь, он вновь погружается в огненное зарево. В его начале — кровавый мятеж в нашем городе⁵, который мы вспоминаем едва ли не с ужасом; страшная битва при Мукдене⁶, о которой мы не можем забыть. В его [года] зените нас настигает злосчастный день Цусимы⁷. Лишь немногих успокоил [заключенный] мир⁸. Затем последовали тяжелые дни Харькова⁹, Киева¹⁰ и Одессы¹¹. Подходя к концу, этот год отражается в братской крови московского восстания¹². Это самый кровавый год, которому наше государство было свидетелем. Мы все словно искупались в крови. И молодые Орел и Собака¹³ упились человеческой кровью. Мы прошли далекий, тяжелый путь. Мы

⁵ Так Пэнгу характеризует события 9 января 1905 г. Именно на Васильевском острове насильственные действия полиции и армии встретили вооруженное сопротивление со стороны рабочих, состоявших в гапоновском Собрании. Первая баррикада была построена вскоре после полудня на 4-й линии, т.е. в непосредственной близости от церкви Св. Михаила. Она была уничтожена Финляндским полком. Не так далеко была воздвигнута и вторая баррикада: на Малом проспекте между 4-й и 8-й линиями. Всего же на Васильевском острове в тот день было построено 12 баррикад (*Павлов С. Б. Опыт первой революции: Россия 1900–1907. М., 2008. С. 227–229*).

⁶ Кровопролитное сражение под Мукденом в Маньчжурии 6–25 февраля.

⁷ 14–15 мая.

⁸ Портсмутский мир был заключен 23 августа (5 сентября н. ст.).

⁹ Харьков был центром всеобщей забастовки железнодорожников, начавшейся 10 октября.

¹⁰ Еврейский погром в Киеве 18–20 октября.

¹¹ Пэнгу имеет в виду, скорее всего, еврейский погром 18–21 октября, а не июньскую эпопею с восстанием на броненосце «Потёмкин», которая произошла еще до подписания Портсмутского мира.

¹² Восстание в Москве началось 11 декабря. 17 декабря — за день до того, как прозвучала эта проповедь — Семеновский полк по приказу московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова начал наступление на Пресню.

¹³ Аллегорические образы двух стран — участниц войны. На русских лубочных плакатах японские солдаты довольно часто изображались в виде собак или обезьян, что имело уничижительный смысл: в начале русско-японской войны российская пресса единодушно недооценивала японцев, внушая мысль, будто они — недостойный противник, которого ждет неизбежное поражение. Лондонский сатирический журнал «Панч» в карикатурах, посвященных событиям войны, часто представлял Японию в виде собаки, райской птицы или борца сумо, а Россию изображал медведем или двуглавым орлом. Интересно, что эти же два символа России используются и в номерах, посвященных Первой Мировой войне и революции 1917 г. (см.: *Глазунова Г. Б. Русско-японские отношения в начале XX века на страницах журнала «Панч»: сатира и реальность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (37): В 2 ч. Ч. II. Тамбов, 2013. С. 50–52; Степочкина Е. В. Эволюция образа врага в провинции во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1 (60). С. 64–70*).

пережили год, который был самым кровопролитным годом для нашей страны. Миллиарды «вверенных талантов» лишь упали в землю¹⁴. Никогда наше государство не видело повсюду так много дымящихся руин, как в этом году, так много разрушенных производств и [уничтоженных] ценностей.

Израиль, после того как Навуходоносор прошел по стране, не мог не быть разорен, как и наша страна. Перечисляя покалеченные судьбы, невозможно найти не покалеченные. Плач не желает умолкнуть среди тех, кого это коснулось. И совсем необычное, новое проявление мирских напастей дало себя знать в нашей стране под названием «развал школы»!

Если бы нужно было отчеканить медаль в память о 1905 годе, то можно было бы изобразить на ней школьника, ставящего на свою школу факел. И если бы для обода этой медали захотели найти надпись, то можно порекомендовать Слово Христово: «Сыновья ваши будут вам судьями!»¹⁵

Мы прошли далекий, тяжелый путь. Мы пережили год, который был полон бездны дурных страстей: гнева, ненависти, ярости, злобы. Не только отдельно взятые, особенно впечатлительные, люди предались этим вещам, нет, что намного страшнее, это породило целые группы человеконенавистников, прошедшие по стране. Состоялись целые собрания ненавистников [посвященные тому], как лучше всего ненавидеть и убивать!¹⁶ Стало так плохо, что в некоторых местах сбылось то библейское явление, о котором она [Библия] говорит: «Они убивают с наслаждением»!

Мы прошли тяжелый, далекий путь. Мы пережили год, который показателен как год наибольшего страха за всю историю нашей жизни. Все виды страха и во всех степенях дали себя знать. Это породило массу дрожащих людей, просыпавшихся утром со страхом после ночи, в страхе же проведенной. Если нужно будет охарактеризовать наш год, то невозможно сказать: «Это 1905 год счастья», но надо сказать: «Это 1905 год страха!»

Мы прошли далекий, тяжелый путь. Мы пережили самый клятвопреступный год, год наивысшего забвения о долге из тех, что мы вообще переживали. Люди нарушали свою клятву так легко и так быстро, как человек преломляет утром насущный хлеб, который ест. И долг у нас стал попираем и пренебрегаем, так, будто долг был не более чем идеей. У совести в 1905 году был самый тяжелый год из тех, что я знаю. Человеческая совесть в нашей стране совершенно ничего не стоила. Если обычно это — драгоценнейшее из благ на земле, то на сей раз ее на ярмарке жизни можно было продать за пару грошей!

Мы прошли тяжелый, далекий путь. Мы пережили год наивысшей власти разврата из тех, что мне известны. Множество образованных молодых людей

¹⁴ Вероятно, под «талантами, упавшими в землю» пастор подразумевает многочисленных погибших в ходе упомянутых событий, подчеркивая бессмысленность этих жертв и имея в виду притчи о сеятеле (Мф. 13: 3–8) и о талантах (Мф. 25: 14–30).

¹⁵ Мф. 12: 27; Лк. 11: 19.

¹⁶ Вероятно, Пэнгу имеет в виду съезды революционных партий.

отправились по стране и стремились старых и молодых, бедных и богатых, нет, самый простой народ, у которого еще от рождения [есть] определенные представления о власти и о страхе, — они стремились соблазнить их ложью и обманом. Сущие лживые оргии устраивала пресса и немало [злых] языков. Если пророк Наум говорил о Ниневии: «Весь город полон лжи и обмана»¹⁷, то я не знаю, что бы он сказал о нашей стране, если бы пережил то же самое вместе с нами.

Мы прошли далекий, тяжелый путь. Мы все очень утомлены этим путешествием, так как это было страшное путешествие. Божьи заповеди, библейские писания были у нас настолько обесценены в этом году, что никто не удивился бы, если бы их стали использовать как оберточную бумагу на рынке! Когда [еще] человек переживал подобное нарушение седьмой¹⁸ заповеди: «Ты должен свято хранить чужое имущество», как в этом году? Какая бездна вины нагромождается вокруг четвертой¹⁹ заповеди, которая повелевает почитать земную власть! Как можно относиться к душам, которые нарушали девятую и десятую заповеди: «Не желай имущества ближнего своего!» И кто нам вычислит сумму вины, которая в это беспорядочное время связана с восьмой и шестой²⁰ заповедями? Если бы это можно было представить в виде пирамиды, я полагаю, она достала бы до самого неба, или, скорее, до самой преисподней! Страшный год, который мы пережили, и который теперь подошел к концу. К концу ли? Ведь сейчас, через несколько часов, к концу следует форма, а дух — мы еще долго будем описывать 1905-й, потому что духовные силы зла — последствия их очень обширны и очень продолжительны. Никогда [еще] пахарь не собирал со своего поля так много чертополоха и ядовитых цветов, как Господь Бог — с поля нашего народа в этом году. Никогда [еще] раскаленная лава не вытекала из кратера на страну [так], как зло в нашей стране по всем тем же провинциям, по всем городам и всем деревням. Когда человек идет по пустыне, он все-таки находит где-нибудь еще зеленеющий оазис. Кто в нашей стране знает, в каком году такой оазис, который весь был бы свободен от дыхания зла, протянется по земле? Это разнузданность и дикость, и нравственная глухота и рассеянность, проникающие в человеческое общество в нашей стране так, что это пугает. Ищешь людей, которые подобно пророкам в Израиле воззвали бы к народу, чтобы те могли опомниться, осознать [то] зло, которое они творят. Но у нас не найдешь никаких пророков. Политиков — в изобилии, а пророков — страна бедна пророками!

Мы прошли далекий, тяжелый путь. Мы все очень утомлены дорогой. Мы пережили самый унижительный год из тех, что переживала наша страна. Народно мира показывают на нас пальцем.

¹⁷ Наум 3: 1.

¹⁸ Нумерация заповедей Моисеевых в лютеранском обиходе отличается от принятой в православии. Запрет воровства в православии считается 8-й заповедью.

¹⁹ 4-я заповедь: «Почитай отца твоего и мать твою, да будет тебе благо и долготелен будешь на земле».

²⁰ «Не прелюбодействуй», «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего».

Дорогие собратья во Христе (Mitchristen), это 1905 год! Это страна, чьими жителями мы являемся. Никто на самом деле не может сказать: это была страна, которая текла молоком и медом в 1905-м. Никто на самом деле не может сказать: это была страна, в которой жила честь, где добро и верность встречают друг друга, а справедливость и мир друг друга лобызают. Никто не может сказать, что это была страна, которая была полна познания Господа, словно омываемая морскими волнами. Никто не может сказать, что Россия была страной живых в 1905-м, скорее страной мертвецов!

Как следует, как нам следует теперь, дорогой приход, в такой вечер, когда завершается такой год, успокоиться перед Господом, с миром, попросившись, перейти в новый год? Я этого совсем не могу [сделать]. Я также совсем не знаю, какой покой я должен порекомендовать себе и приходу сегодня вечером. Я могу порекомендовать только тот покой, который предлагает всему миру пророк Аввакум в прочитанном Слове. Это особенный покой. Когда халдейский народ в духе от пророка получил видение, как он потерпит крах, тогда он [Аввакум] говорит: «Господь — во святом храме Своем. Да молчит вся земля пред лицом Его!»

Халдейский народ был народом гордым и великим, и всё время хвастался своей мощью, своей властью. Как утверждает Писание, он захватывал целые народы и грабил их. Он разбогател на чужом добре. И поскольку внешне у него всё шло так хорошо, то внутри его злоба возрастала из года в год и готовилась поглотить все народы кругом, также и для народа Божьего [это были] тяжелые дни. Выглядит так, будто Бог уехал или удалился вглубь Своих покоев и позволил всему идти своим чередом. Выглядит так, будто Бога не было. Но вот на пророка Аввакума снизошел Дух Господень, и он узрел день, когда народ халдейский потерпит крах. И он предвещает это, говоря: «Смотрите, Господь уже во святом храме Своем. Да молчит вся земля пред лицом Его!»

Дорогие собратья во Христе! Я не знаю, доводилось ли вам когда-нибудь бывать в зале мирового судьи, прежде чем выйдет мировой судья, когда голоса присутствующих и спорящих сторон смешиваются в громкий гул. И вот открывается дверь, и входит судья, с цепью на шее²¹, он усаживается за стол, кладет перед собой документы и решает одно дело за другим. Тогда во всем обществе наступает тишина, и они слышат справедливые решения суда.

Так, думает пророк Аввакум, весь мир должен затихнуть, потому что Бог вступает в Свой святой дворец правосудия и принимается за дела мира.

Дорогой приход, на земле бывает разная тишина. Бывает затишье, когда человек охвачен страхом, под влиянием момента, когда объявляют решение суда.

Бывает молчание, когда человек свой приговор, который ему объявляет судья, считает справедливым и ничего не может сказать в свое оправдание.

Бывает безмолвие, когда человек затихает от боли, от щемящей душу тоски по разрушенному великолепию.

²¹ Имеется в виду нагрудный знак мирового судьи, учрежденный в 1864 г.

Бывает молчание смирившегося, когда он осознаёт то, что должен был осознать, но долго не желал осознать.

Бывает безмолвие, когда кто-нибудь видит, что закон, который долго нарушался и отвергался, одерживает победу, а зло осуждено.

И бывает покой, который приходит от мысли, что под пеплом все-таки еще тлеет искра.

Бывает покой от надежды, что там, где сейчас стоит чертополох, когда-нибудь будет расти инжир, и там, где сейчас цветет шиповник, когда-нибудь, много дней спустя, будут благоухать розы. Бывает умиротворенная тишина, когда око небесное обращает свой взор, и от него исходит Слово: «Ты не всегда будешь гневаться! Щедр и милостив Бог, долготерпелив и многомилостив!»²²

Бывает тишина, когда человек молится Богу: «Господь, не удаляйся от нас на суде; пред Тобой нет среди живущих праведного ни одного!»²³

Выбирайте, дорогие братья, какому из этих видов покоя вам хотелось бы предаться сегодня вечером, взирая на страшные события, прошедшие по нашей стране в минувшем году. Бог судит не по словам, а по делам, когда Он явно допускает такое страшное зло, как это. Выбирайте, какому из этих душевных покоев нам хотелось бы предаться сегодня вечером.

Когда-то на развалинах Иерусалима сидел пророк Иеремия. Ни одной живой души не было рядом с ним. Он был в одиночестве. С искаженным от боли лицом и со слезами на глазах он тихо сидел и оплакивал свой народ. Что происходило в его душе, мы не знаем. Но та чередка разновидностей покоя, которые я только что описывал, пожалуй, тоже прошла сквозь него.

Итак, дорогой приход, на этом я могу завершить этот страшный год. И я верю, что во всех душах и этот покой найдет отклик.

Если кому-нибудь из нас необходимо в этом году обрести успокоение от своих собственных происшествий и переживаний, то [сии мысли] будут полезны и им.

Аминь.

*Перевод с немецкого Т. О. Рюминой, пастора Мэтью Хайзе (Heise)
Предисловие и комментарии Т. О. Рюминой, С. А. Исаева*

References

- The Holy Bible. М., 1995.
 Glazunova G. B. The Russian-Japan Relations in the Beginning of 20th Century as Satirically Depicted by «Punch» // Istoricheskije, filosofskije, politicheskije i juridicheskije nauki, kul'turologija i iskusstvovedenije. Voprosy teorii i praktiki. N 11 (37). Ch. II. Tambov, 2013. S. 50–52.
 The Myths of the Peoples of the World. The Encyclopedia. Vol. I. М., 1980.

²² Неточная цитата из Псалма 102: 8–9: «Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив: не до конца гневается».

²³ Неточная цитата из Псалма 142: 2: «Господи, не входи в суд с нами, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих».

- Pavlov S. B.* The First Russian Revolution, 1900–1907: An Experience. M., 2008.
- Pingoud G.* The History of the Lutheran Parish of St. Michael, St. Petersburg. In Commemoration of the 400th Anniversary of the Birth of Dr. Martin Luther. SPb., 1883.
- Schopenhauer A.* The World as Will and Representation // Collected Works (in Russian, 6 vols). M., 2011. Vol. 1.
- Степochкина Ye. V.* How the Image of Enemy Was Changed During the Russian-Japan War, 1904–1905, on the Pages of Provincial Russian Newspapers // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. N 1 (60). S. 64–70.
- Tamul S.* The Private Foundations for Researchers of the Tartu University, 1802–1918. Tartu, 2007.

Список литературы

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское Библейское Общество, 1995.
- Глазунова Г. Б.* Русско-японские отношения в начале XX века на страницах журнала «Панч»: сатира и реальность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (37): В 2 ч. Ч. II. Тамбов, 2013. С. 50–52.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
- Павлов С. Б.* Опыт первой революции: Россия 1900–1907. М., 2008.
- Степochкина E. B.* Эволюция образа врага в провинции во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1 (60). С. 64–70.
- Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление // Собрание сочинений: В 6 т. М., 2011. Т. 1.
- Pingoud G.* Die Geschichte der St. Michaeliskirche: Zur vierhundertjährigen Jubelfeier des Geburtstages Dr. Martin Luthers. SPb., 1883.
- Tamul S.* Eraalgatuslikest stipendiumidest Tartu Ülikoolis 1802–1918. Tartu, 2007.

О. П. Илюха, Н. А. Пеллинен

**От карельских озер до киргизских степей:
путевой дневник-воспоминания
политического ссыльного
Василия Еремеева-Ряйхя (1907–1908 гг.)¹**

В начале сентября 1907 г. в городе Кемь Архангельской губернии по подозрению в «финской пропаганде» был арестован житель карельского села Ухта 23-летний торгующий крестьянин Василий Еремеев (Ряйхя). Вместе со своим старшим товарищем и «другом по несчастью» Федотом Ремшуевым он был приговорен к ссылке и отправлен этапом в г. Уральск, а затем перемещен в г. Темир. Свои впечатления о подконвойном путешествии Василий Еремеев изложил в дневнике, написанном по-фински, который был опубликован в Финляндии на страницах журнала «Karjalan Kävijä» («Путешественник Карелии»)². Публикация увидела свет в конце 1908 г. под названием

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта HAR2015-68348-R.

² Решение об издании журнала было принято на учредительном собрании Союза беломорских карел в апреле 1906 г. в г. Вааса. Ответственным редактором был избран писатель Ииво Хяркёнен. Журнал печатался в Ювяскуля. До 1909 г. по причине отсутствия официального разрешения на публикацию журнал «маскировали» под видом пробных экземпляров и образцовых номеров «новых» газет, например «Toionpano eli Karjalaisten kevätlehti» («Яровой сев или Весенняя газета карелов») (1907. № 3–4); «Karjalaisten kesälehti» («Летняя газета карелов») (1907. № 5–6); «Elonaika» («Жатва» / «Время жизни») (1907. № 7–8). Главными темами были «продвижение идей свободы и просвещения, пробуждение национального самосознания, народное просвещение и актуальная модернизация». Издание, меняя названия и перестраиваясь согласно культурно-политическому контексту времени, сохранилось до настоящего времени, с 1944 г. оно выходит под названием «Karjalan Neimo». Тираж составлял около 3 тыс. экз., которые в Карелии

«Воспоминания политзаключенного беломорского карела»³. Однако в комментариях к публикации редакция журнала отмечала, что это путевой дневник. По всей видимости, находясь в дороге, В. Еремеев делал дневниковые наброски, а затем, уже добравшись до места ссылки, дополнял их по памяти, редактировал по еще не остывшим следам событий. Это обстоятельство обусловило смешанную жанровую форму произведения, что отнюдь не снижает его ценности.

В дневнике описаны не только обстоятельства ареста и детали предшествовавшего ему путешествия из Ухты в Кемь, но и показаны условия содержания заключенных на разных этапах пути, их взаимоотношения между собой и со службой охраны. Автор делится своими впечатлениями о том, что вызывало его интерес, заставляло страдать и искать ответы на новые и новые вопросы. Он описывает и увиденное по пути следования, в том числе из окна поезда. Русскую действительность карел Еремеев воспринимает сквозь призму собственного опыта жизни в родной Карелии и в Финляндии, где он многократно бывал по торговым делам.

Карельская культура, не имевшая сколь-либо развитой письменной традиции, небогата историческими источниками личного происхождения. Тем большую ценность представляет дневник Василия Еремеева — молодого человека, наделенного литературным даром, «врожденным чувством пера», хорошо владевшего и русским, и финским языками.

Василий Иванович Еремеев родился 25 апреля 1884 г. в с. Ухта Кемского уезда Архангельской губернии в семье крестьянина-карела Ивана Сергеевича Еремеева. Ухта — один из волостных центров, расположенных в Северной (Беломорской) Карелии, вблизи от границы с Великим княжеством Финляндским. Во второй половине XIX — начале XX в. село считалось «столицей» коробейного промысла, получившего широкое развитие по причине малопродуктивности земледелия и отсутствия других надежных источников для существования жителей края. Коробейники вывозили из Финляндии бумагу, спички, ткани, одежду, сельскохозяйственный и домашний инвентарь, продукты питания, которые сбывали по другую сторону границы. Они также вели разносную торговлю в соседнем княжестве, а наиболее предприимчивые открывали собственные торговые заведения. В начале XX в. до 2,5 тыс. карельских коробейников уходило ежегодно в Финляндию⁴. Отсутствие языкового барьера способствовало

распространялись бесплатно. По данным официального сайта издания: <http://www.karjalansivistysseura.fi/karjalan-heimo/karjalan-heimo-lehden-historiaa/>.

³ *Jeremejeff-Räihä W.* Vienankarjalaisen poliittisen vangin muistelmia // *Karjalan Kävijä*. 1908. N 9. S. 5–10; 1908. N 10. S. 9–13; 1908. N 11. S. 4–9.

⁴ *Базегский Д. В.* Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. С. 11.

успеху дела. В то же время длительное пребывание в Финляндии сказывалось на взглядах и настроениях карел, имело серьезное значение для формирования их культурных идеалов. Многие из торговцев меняли свои русифицированные имена и фамилии на финские или карельские.

Иван Еремеев, как и многие ухтинские карелы, тоже занимался торговлей. Это занятие стало делом семейным. Его жена Агафья также вела торговлю в мелочной лавке, которая была открыта при доме и оформлена в 1889 г. на имя Агафьи⁵. Сын Василий пошел по стопам родителей. После окончания Ухтинской церковно-приходской школы, а затем образцового Мининского министерского училища в д. Кимасозеро⁶, где подросток хорошо овладел русским языком и другими знаниями, он стал помогать отцу в торговом деле. При помощи земляков, проживавших в Финляндии, Василий получил место служащего в магазине муниципалитета Ахлайнен⁷. Его наставником и покровителем в делах стал проживавший в финском селении Куусамо земляк, состоятельный купец из Ухты Павел Афанасьев (Пааво Ахава), с которым у Василия постепенно произошло также идейное сближение. Около 1902 г. Еремеев вернулся в родную деревню, чтобы вести дела уже в собственном сельском магазине.

В 1905 г. Василий Еремеев женился на 16-летней карельской девушке Анне Титовой из д. Вокनावолок того же уезда. Анна, в сущности, выросла в Финляндии, где много лет жила их семья; закончила там народную школу. Девушка слыла красивой, обеспеченной и очень умной невестой⁸. О ее литературном таланте свидетельствуют письма мужу, сохранившиеся в Национальном архиве Финляндии, отдельные из которых недавно опубликованы⁹.

В годы первой русской революции Василий Еремеев оказался в эпицентре карельского национального движения. Он вступил в ряды Конституционно-демократической партии России, а затем стал членом Союза беломорских карел, одним из лидеров которого был уже упоминавшийся Пааво Ахава. Эту организацию основали в 1906 г. в г. Тампере переселившиеся в Финляндию беломорские карелы, прежде всего купцы. Ее целью было всемерное сближение карельских волостей с Финляндией, оказание поддержки национальным, духовным и материальным устремлениям соплеменников, проведение просветительской работы в духе «насаждения племенного чувства единства карел

⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/39. Л. 117–118.

⁶ Образцовое училище в с. Кимасозеро существовало на проценты с капитала, пожертвованного петербургским купцом М. Т. Мининым, уроженцем с. Кимасозеро, бывшим коробейником и носило его имя.

⁷ Располагался в области Сатакунта в составе губернии Западная Финляндия, в настоящее время Алхайнен — часть г. Пори.

⁸ *Linna E.-K.* «Woi nyt oikein riskisti» // *Karjalan heimo*. 2016. N 1–2. S. 14–17.

⁹ Карельская крестьянка в зеркале историко-этнографических источников (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов и материалов / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2012. С. 67–72.

и финнов». Союз ставил своей задачей открытие в Карелии школ, библиотек, намеревался содействовать развитию экономической жизни¹⁰.

Василий Еремеев был увлечен идеей служения своему народу. Он участвовал в подготовке множества петиций Союза беломорских карел, касающихся улучшения условий жизни на родине и адресованных в различные ведомства и органы власти. В периодическом издании Союза, выходившем под названием «Karjalaisten Pakinoita» (Карельские разговоры), Василий опубликовал статью «О путях сообщения и о борьбе народа за существование в Беломорской Карелии»¹¹. Его молодая супруга также участвовала в собраниях и митингах, проходивших в Ухте в 1905–1906 гг., пробовала себя в журналистике¹².

Российские власти считали Союз беломорских карел опасной организацией, за ним установили наблюдение. Наибольшие опасения вызывала угроза проникновения через активистов союза лютеранского влияния и идей панфиннизма в российскую Карелию¹³. В сентябре 1907 г. по распоряжению Архангельского губернатора неофициальные финские школы в Беломорской Карелии были закрыты, началось преследование активистов национального движения.

20 августа 1907 г. архангельским губернатором было выдано предписание об аресте девяти наиболее активных членов Союза беломорских карел. Большинство из них смогли избежать ареста, поскольку находились в Финляндии. В начале сентября были арестованы и препровождены в Кемь крестьянин Федот Родионович Ремшуев и учитель Василий Павлович Дорофеев. Василий Еремеев, как следует из его дневника, был арестован в Кеми, где остановился по пути своего следования в Архангельск по торговым делам¹⁴.

Расследование длилось более пяти месяцев. В результате 17-летний Дорофеев был освобожден по причине молодого возраста и затем выслан в Финляндию. Еремеев и Ремшуев были обвинены в противоправительственной и антирелигиозной пропаганде и приговорены к ссылке. Материалы дела говорят о необъективности следствия и явной тенденциозности свидетелей. Приговор вызвал возмущение в законопослушной в целом карельской среде. Письма-протесты односельчан не возымели действия¹⁵.

¹⁰ См. подробнее: *Ranta R. Vianan Karjalaisten Liitto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 111–145.*

¹¹ *Jeremejeff V. I. Kulkuneuvot ja kansan taistelu olemassa olonsa puolesta V. Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1907. N 1. S. 7–8.*

¹² Предположительно Анной Еремеевой за подписью *A. J.* была опубликована статья «*Joulun vietto Vianan Karjalassa*» (Как отмечают Рождество в Беломорской Карелии) в журнале *Karjalaisten Pakinoita*.

¹³ Панфиннизм — идеология, выражавшая стремление к сближению и объединению финно-угорских народов, вплоть до создания «великой Финляндии».

¹⁴ То же самое следует из переписки Анны с Пааво Ахава. *Kansallisarkisto (Helsinki) (далее — КА). Paavo Ahavan kokoelma. Kansio 4. Nippu 2.*

¹⁵ О ходе следствия см.: *Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки–СПб., 2006. С. 287–295.*

Долгие 7 месяцев и 7 дней пути длиной в три тысячи верст выборочно описаны в публикуемом дневнике-воспоминаниях Василия Еремеева. Находясь в пути, Василий отправлял также открытки и письма друзьям и близким. Он не был склонен жаловаться на судьбу до тех пор, пока выдерживал его организм и не было окончательно подорвано здоровье. В частности, еще в ожидании ссылки он писал друзьям из Кемской тюрьмы: «Все-таки эту тюремную жизнь можно считать какой-то школой, получают же в некотором смысле образование и здесь — такое, без которого там, на свободе, можно было бы обойтись»¹⁶. Сохранилось также одно из писем жене. Василий скрывал от Анны тяжелые обстоятельства своего существования, успокаивал супругу и вселял в нее надежду на лучшее будущее. В письме, отправленном 14 марта 1908 г. из Ярославля, он писал: «Обо мне не печальтесь, я здоров, и везде мне хорошо»¹⁷. Василий также высказывал намерение хлопотать по прибытии в Уральск о своей ссылке за границу. В пути разрешалось писать письма только по-русски, чтобы не осложнять процедуру перлюстрации. Прочитанное письмо написано безупречным русским языком, хотя и не в столь свободной художественной манере, которая присуща текстам Еремеева, написанным по-фински.

Дневник заканчивается описанием прибытия автора в Уральск (до 1775 г. — Яицкий городок) в апреле 1908 г. Как известно из писем Василия родным и знакомым, вскоре он был переведен в г. Темир (ныне — Актюбинская обл. Казахстана). Срок ссылки истекал 24 декабря 1909 г., но Василию не суждено было вернуться на родину: он заболел туберкулезом и умер в Темире 20 (по другим сведениям 21) октября 1908 г. Сказались суровые условия содержания в Кемской тюрьме и в пути, холод, недоедание, нервное напряжение. Последнее письмо было написано 15 октября рукой Ф. Ремшуева под диктовку. От него веет полной безысходностью: «Сообщаю, что я так слаб от туберкулеза, что не могу [самостоятельно] дать знать о себе, и делаю это с помощью моего брата¹⁸ Ф. Ремшуева. Он ухаживает за мной; я уже слег и не встаю примерно 1,5 месяца... До этого проболел не так тяжело три месяца. Товарищи, старайтесь не забывать ваших братьев, находящихся так далеко. Помогите материально, так как все средства израсходованы... Будущее кажется мрачным <...>»¹⁹.

Василий Еремеев был похоронен в Темире. Заботы о погребении взял на себя Ф. Ремшуев. Анна запретила ему ставить на могиле мужа чугунный крест, поскольку это противоречило карельскому обычаю. На месте захоронения был установлен простой деревянный крест. Некролог, опубликованный в журна-

¹⁶ Karjalan Kävijä. 1908. N 12. S. 7–8.

¹⁷ KA. Paavo Ahavan kokoelma. Kansio 11. Nippu 3.

¹⁸ В карельской традиции принято называть братьями и сестрами людей, связанных чем-то общим (делом, дорогой, родиной), такие обращения чаще используются в отношении людей своей возрастной группы, хотя могут быть адресованы и младшим, и более старшим лицам.

¹⁹ Karjalan Kävijä. 1908. N 12. S. 7–8.

ле «Karjalan Kävijä», заканчивался словами: «Покойный по своему характеру был тактичный, спокойный и честный. Человек идеала, убеждений и верящий в будущее! <...> Покойся с миром, увезенный от любимых родных берегов, выхваченный посреди своих мечтаний в молодом возрасте, павший жертвой собственной любимой идеи карельский муж!»²⁰

Воспоминания политзаключенного беломорского карела²¹

с. Ухта — г. Уральск,
28 августа 1907 — 5 апреля 1908 г.²²

Был прекрасный день 28 августа 1907 года, когда мы сели в лодку на любимом лодочном причале и устремились по перекатывающемуся волнами Среднему Куйтто²³ в направлении деревни Луусалми, куда прибыли при сильном попутном ветре за четыре часа (это путь в 30 верст). Пробыли в деревне оставшуюся часть дня и ночь в дружеской компании местных жителей. Рано утром следующего дня продолжили путь к деревне Юшкозеро. Этот путь в 50 верст прошли за 10 часов; таким образом, 29 августа мы достигли деревни Юшкозеро. Оттуда нам нужно было найти попутную лодку до Кеми, чтобы подвозившие нас из дома могли вернуться назад. Моими попутчиками оставались три молодых человека из Ухты, которые собирались поступать в Архангельскую учительскую семинарию. Осмотрев достопримечательности деревни, мы поняли, что прежде она была намного зажиточнее; на это указывали огромные деревянные груды, которые чуть было не падали на проходящих мимо. — Прежде это были подобные дворцам в карельском стиле построенные дома. Новые строения, в основном, были маленькими избушками. От жителей деревни мы узнали, что деревенский поп и псаломщик в плохих отношениях между собой, и что поп — страшный обдирала. За свои услуги, такие как крещение, отпевание и т.д., берет не стеснясь. Примеров приводили сотни. Напротив, хвалили псаломщика как порядочного человека, и при этом свободомыслящего. Именно по этой причине он был арестован и посажен за решетку в тюрьму Кеми. (О нем, быть может, в следующей статье²⁴ напишу больше.) Проведя в деревне оставшийся день и часть следующего, мы продолжили путь вниз по реке Кемь, прибыв в деревню Суопассалми. Проплыв 50 верст, прибыли в старейшую и, наверное, самую историческую деревню Карелии, село Паанаярви²⁵,

²⁰ Karjalan Kävijä. 1908. N 11. S. 1–2.

²¹ Перевод выполнен Н. А. Пеллинен при поддержке Программы президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

²² Датировано по содержанию (примеч. О.И., Н.П. — здесь и далее).

²³ Крупное озеро в Северной Карелии.

²⁴ В. Еремеев посылал свои тексты в журнал частями.

²⁵ Kirkonkylä — село, где находится церковь прихода.

вечером 30 августа. Называю деревню исторической потому, что в ней было первое волостное самоуправление, в которое поступали налоги со всей средней части российской Карелии, вплоть до границы с Финляндией. В этой деревне к тому же было первое, охватывающее всю среднюю Карелию, управление священнослужителей. Следовало бы предположить, что в тех старых волостных и церковных архивах найдется много сведений о древней Карелии; возможно, эти архивы когда-нибудь еще станут важными источниками для воссоздания картины жизни Карелии в старину. Прибыв в деревню, пошли на постоя в ямской дом. — Говорили, что в том же доме остановился полицейский начальник (становой пристав) с двумя стражниками. Проведя ночь в доме и проснувшись рано поутру, мы услышали от людей в доме, что становой пристав детально расспросил о направлении нашего пути и тут же отправил адресованное в полицейскую контору в Кемь срочное письмо. Позже я слышал, что в письме было сообщение о моем прибытии в Кемь и рекомендация о моем задержании. Сам становой пристав со стражниками²⁶ ночью поехал по реке Кемь в сторону Юшкозера. 31 августа мы продолжили путь — спускаясь по попутным порогам реки Кемь — сквозь незаселенные края. К вечеру того дня прошли 70 верст. Мы были вынуждены остаться на ночь в лесной избушке, так как до ближайшей деревни Ужманы было еще 20 верст, которые из-за темноты мы не могли преодолеть. Утром первого сентября мы прибыли в Ужману, последнюю карельскую деревню. Отдохнув там некоторое время, мы прошли [на лодке] путь в 18 верст и попали примерно в час дня в маленький и сонный город Кемь.

Этот маленький, наполовину русский, наполовину карельский городишко находится еще совсем в первозданном состоянии. Шоссейной дороги нет ни в каком направлении. Линию электропровода местные чиновники сюда провели, но, конечно, больше для своего удобства, нежели для нужд народа. Есть и в этом сонливом городе местами всё же жизнь и движение. Посреди города находится государственная винная лавка, которая щедро раздает желающим спиртное²⁷. И вокруг нее царит жизнь, угнетающая настроение... Такая же самая жизнь процветала и в так называемом Национальном клубе, в который я во время моего первого дня пребывания в городе заскочил. Государственный 40-процентный эликсир жизни и здесь сильно давал о себе знать. Ничего более значительного в этот день в городе не происходило. — На другой день (2 сентября) я проснулся рано утром, поскольку дел было много и нужно было торопиться на отправляющийся на следующий день пароход в Архангельск. Самими важными делами были визиты в государственные учреждения. Со всем разобрался и стал спокойно ждать отправления в Архангельск. В районе 5 часов вечера заскочил все-таки в ресторанного вида читальный зал, проведя в котором около часа, пошел в сторону моей квартиры. Когда я подошел к своему постоялому двору, останавливает меня некий полицейский, спрашивая, Е-в ли

²⁶ Так в тексте, приводится русское заимствование «strasnikka».

²⁷ Букв. «гибельную воду».

моя фамилия. Я отвечаю утвердительно. Тогда полицейский сообщает, что меня просили зайти в полицейскую контору — по какому-то важному делу. Когда мы достигли с ним быстрым маршем полицейской конторы, я оказался окруженным десятью людьми со штыками. Не обращая на это внимания, я шагаю бодро поближе к стойке и кладу свою шапку на нее, но затем меня кто-то хватает сзади, замечая, что нельзя приближаться к стойке, в то же время смахивают мою шапку на пол. Остаюсь в ожидающей позе. Не пришлось долго ждать, как один пожилой одетый в униформу чиновник, поворачивается с криком в мою сторону. Он сообщает, что является помощником исправника Кемского округа, и выкрикивает, Е-в ли я. Получив утвердительный ответ, визгливо кричит стоящим вокруг людям со штыками, чтобы обыскали меня. В мое тело вцепляются десятки рук, которые самым назойливым образом выворачивают наизнанку мои карманы и опустошают их. Мое терпение заканчивается, отпускаю замечание, что это недопустимое поведение, нельзя ли это всё делать по уставу, и требую составить опись всего изъятого, особенно денег, которых у меня было с собой много. В ответ уже упомянутый чиновник орет, что я якобы арестован за интриги с финнами, и что мне сейчас преподадут урок и что о расписках не может быть и речи. Спросив потом, где моя квартира, они силой начинают тащить меня туда. Когда мы прибываем в мою квартиру, этой вооруженной группы особенно пугаются проживающие в доме женщины и дети. Заметив, что я арестован, осмеливается всё же кто-то спросить у руководителя этой героической группы, помощника исправника, почему меня арестовали, добавив, что арестант приличнейший человек, насколько это вообще возможно. В ответ чиновник кричит, «что порядочных людей никогда не арестовывают, только бандитов». На это я счел заметить, что лишь самые озверевшие разбойники обращаются со своими жертвами таким образом, да и те не всегда. Мое замечание подействовало немного умиротворительно на кичливого мужчину, который скоро более вежливо начал требовать мои дорожные вещи для досмотра. Мои вещи вытащили, — их осмотрели, и после этого заставили поклясться хозяев дома, что они не укрывают ничего из моих вещей. Получив удовлетворительное сообщение, они оставили народ дома в покое. Потом повели меня обратно к полицейской конторе. Штыками принуждали меня нести все мои вещи в руках. В этот период в темноте ночи я испытал по отношению к себе самое жестокое обращение. Когда мы добрались до полицейской конторы, меня втолкнули в находящуюся около упомянутого учреждения холодную одиночную арестантскую будку.

Тюремная камера предназначалась для пьяниц. Оконные стекла были разбиты вдребезги. В комнату струился из окна сквозь железную решетку холодный осенний воздух. На мне была только тонкая летняя одежда, ничего из одежды в комнате не нашлось, чтобы прикрыться, лишь стены, крыша и пол были моей защитой. Освободившись от людей со штыками и пробыв в этом моем новом пристанище во власти мрачных мыслей около часа, я стал жутко замерзать, так

что мои страдания умножились многократно. Как бороться с холодным ветром? Или впасть в безразличие и позволить холодному ветру заморозить до смерти мое существо? Ведь мое будущее кажется таким мрачным, таким ужасным! Такие мысли овладели мной на минуту. В то же время пробивался в моей душе какой-то луч надежды: может быть, это только минутные страдания, может быть, впереди у меня более светлый жизненный путь, — я же невиновен, я же страдаю несправедливо, — возможно, еще найдется в мире искра справедливости! Таким образом, я твердо решаю жить так долго, насколько хватит сил, мужественно борясь с [человеческой] природой и несправедливостью людей. Дрожа от холода, я начал выполнять физкультурные упражнения, временами прыгая на стены как полоумный. В момент выполнения моих трюков слышу звук открывающихся затворов моего приюта, и в комнате появляется человек со штыком, который грубо вскрикивает, что здесь надо вести себя тихо, в противном случае... Он угрожающе показывает на рукоятку ружья. Пытаюсь объяснить, что делаю зарядку из-за этого сильного холода, иначе здесь можно замерзнуть насмерть, — прошу, нельзя ли дать каких-нибудь тряпок, которыми можно было бы заткнуть окна, чтобы ветер не дул внутрь. На это человек с ружьем, бранясь и крича, отвечает, что «всех вас надо бы перевешать», и угрожающе удаляется из комнаты. Остаюсь наедине с мрачными мыслями. Что бы придумать? Втыкаю в одно отверстие свою шляпу, а в другую — пальто и начинаю маршировать по полу — в одной рубашке, с непокрытой головой. Этого марширования хватило до конца ночи. Тогда заметил, что в комнате начало теплеть. Увидел в комнате также стенку печки, от которой, очевидно, тоже добавилось тепла.

Ранним утром снова слышу грохот в мою дверь, и в комнате появляется довольно молодой человек с ружьем, и у него добродушное лицо. Он дружелюбно начинает беседу, расспрашивая, из каких я мест, причину ареста и т.д., а также объясняет, что он лишь сменный стражник, и из любопытства пришел на меня посмотреть, поскольку слышал о моем вечернем задержании, а также о том, что некоторые горожане очень печалились о моей тяжелой судьбе, беспокоясь обо мне. Я упомянул ему о том, что пережил ночью. Он ответил на это, что здесь, особенно в нынешнее смутное время, не стоит ждать милости, и предложил, что, если я хочу, могу посидеть с ними в передней, там уже не было недавнего злого охранника. Я должен был все-таки пообещать, что услышав грохот, тут же брошусь в свою комнату; ходят, видишь ли, чиновники повыше с проверками бдительности охранников. Его предложение я с удовольствием принимаю, и так мы проводим в передней остаток ночи, разговаривая о моем положении и делая какие-то предположения о том, какая участь выпадет на мою долю после этой ночи. В 6 часов утра сменяются охранники, я устремляюсь в свой приют, и так проходит первая в моей жизни мрачная ночь.

Таким образом, наступило 3 сентября. Погруженный в безрадостные мысли, я ожидал в своем убогом пристанище, принесет ли этот день перемены в мою жизнь, или я буду вынужден и дальше влачить жалкое существование, которое

наверняка иссушит мои силы, и я буду стерт с лица земли в полном неведении моих друзей, знакомых, близких и всего мира: единственными свидетелями и защитниками останутся стены моей убогой будки...

В 8 утра дверь моей ночлежки распахивается настежь, в комнату входит одетый в какой-то степени в униформу мужчина, представляется надзирателем этого жалкого учреждения, а также спрашивает, в чем я нуждаюсь. Сообщаю, что мне нужна еда и питье. Он говорит, что самовар предоставляется от учреждения, в нем можно кипятить воду, а всё остальное мне нужно покупать в городе на свои деньги. Отвечаю ему, что все деньги у меня изъяли, и не на что покупать. — В этом случае не буду есть и пить, пока во второй половине дня не доставят мне причитающиеся казенные деньги, 10 копеек в сутки. Прошу всё же этого своего собеседника сходить в одну знакомую торговую лавку, из которой он и приносит по моей просьбе еды. Так, самовар ставится кипятиться — и традиционно по русскому укладу пить чай... Вот я и накормлен.

Снова жду, что последует. В 12 часов дня ко мне приходит пара полицейских, сообщая, что мне нужно следовать с ними в полицейскую контору. После того, как мы прибываем на место, зачитывают мне протокол об изъятых вещах. Разрешенные товары, как деньги и другое, якобы вернут. По-прежнему арест наложен на паспорт, финский нож и финские бумаги. Возвращенные вещи мне разрешается отправить куда считаю нужным, также мне дается право написать домой, на том условии, что письмо проверят. После этого ко мне обратился начальник полиции Кемского округа, сообщая, что я арестован за антиправительственную деятельность, а также что определяют меня в городскую тюрьму. Пытался задавать вопросы, требуя более детального объяснения причин моего ареста и прося освобождения на особых условиях. Получаю ответ, что будущее покажет причины моего задержания, и что освобождение невозможно ни на каких условиях, так как я слишком опасная личность, чтобы оставаться на свободе. Пришлось довольствоваться такими объяснениями. Во время разбирательства в комнату прокрались упомянутые ранее в начале моей статьи три молодых человека, собирающихся поступать в Архангельскую семинарию, и вдобавок к ним кемский разъездной священник. У моих товарищей слезы на глазах, а упомянутый священник от радости прямо скалится и позволяет себе сказать, что такая судьба ждет всех остальных карелов. Обещал всё же прийти ко мне в тюрьму, якобы жалея меня за мое заблудшее положение.

Деньги моих спутников были у меня на хранении; получил разрешение там с ними рассчитаться, после чего мы с ними на прощание обменялись несколькими обрывочными словами, находясь во власти тоски и страдания. После этого меня посчитали ненужным и отправили обратно в дрянную тюремную будку. Я пробыл своей камере некоторое время, представляя мысленно мою новую квартиру, когда приходит ко мне одетый в какую-то форму мужчина, вооруженный револьвером и саблей, и объявляет, что сейчас нужно проследовать с ним в городскую тюрьму. Мы отправились маршем

в сторону тюрьмы, куда прибыли, пройдя по оживленнейшей улице города, в самом спешном темпе.

Помещение тюрьмы окружал возведенный из сосны забор высотой примерно в три сажени и выполняющий функции укрепления. В ограждение встроены широкие тяжелые деревянные тюремные ворота, которые открываются, если дотронуться до висящей с края от ворот палки. (К палке прикреплена проволока, на ее обратном конце висит колокол, который, зазвонив, дает знак открывающему двери). В воротах появился молодой, невинного вида мужчина, который без всякого промедления впустил нас во двор, заметив сопровождавшего меня чиновника. (Лиц в гражданском внутрь впускают лишь при предъявлении выписанного в полицейской конторе пропуска.) Заходим, значит, внутрь через находящееся поблизости от ворот крыльцо и попадаем в довольно длинный центральный тюремный проход, по обе стороны которого расположены двери, по одну сторону — шесть, и по другую — семь. Семь дверей ведут в тюремные камеры, 1 — в холодную и темную комнату наказаний, 1 — в комнату часовых, 1 — в служебную комнату. Когда мы заходим в коридор, из дверей толпой выходят примерно 25 призраков людей — ужасных на вид, иссохших скелетов в рваной и грязной одежде. Мое знакомство с ними состоялось без долгих представлений. Нимало не стесняясь, они бросаются почти одновременно на мои часы и на другие мои вещи, справляясь об их цене, достоинстве и месте покупки. Смело объясняю им, что об этом они получают информацию позже, так как я зайду к ним погостить на более длительное время, а сейчас нужно поселиться на постой в какую-нибудь камеру. Моя просьба сопровождается многочисленными предложениями; каждый хвалит свою комнату как самую лучшую и чистую. Наконец, принимаю предложение одного карельского дедушки — заселяюсь в его камеру. Комната, в которую мы заходим, выглядит отвратительно — ужасаюсь ее неряшливости; никогда не представлял себе, что существуют подобные учреждения пыток для людей. Когда-то покрытые белой известью стены и потолок пребывают в самом убогом виде, побелка местами осыпалась на пол и лишь кое-где держится на поверхности, напоминая о былых, более опрятных, временах. Покрытые грязью стены кишат бесчисленной мелкой живностью, такой как клопы, блохи, тараканы и мухи, которые обитают в этих отвратительных пещерах круглый год. Пол покрыт толстым слоем грязи. Места для сна сооружены из прикрепленных к стене кусков дерева и покрыты сделанной из мешков для муки тканью. Да и та до безобразия грязная. Стол — захламненный товарный ящик, в качестве стульев — несколько досок. Это вся мебель в комнате.

Без всяких уверток придется подчиниться здешней жизни. Мои личные вещи, которые оставляю на столе или вешаю на гвоздь, сразу становятся объектом исследования мелких домашних животных.

После того, как мы минуту посидели в моем новом пристанище, нашу камеру заполняет толпа соседей, вопросы следуют десятками одновременно, все хотят знать, почему я арестован, откуда родом, каким делом занимался и т.д.

Отвечаю всем, кому успеваю, и из этого мои соседи какие только выводы ни делают. Все [выводы] кажутся совершенно дурацкими, поэтому пропускаю их мимо ушей. За нашими разговорами день переходит в вечер. Во второй половине дня меня вызывает к себе начальник тюрьмы, старый, дряхлый старичок, служивший в Вокнаволоке волостным писарем, — спрашивает мое имя, возраст, измеряет мой рост, крепость и пр. и пишет всё в книгу. Говорит, что делает это потому, что, если совершу побег, будут искать потом по этим приметам. После этого он выдает несколько набитых сеном мешочных отрепьев в качестве постельного, а также спрашивает, хочу ли я есть казенную еду, или буду получать суточные на питание по 10 копеек? Отвечаю ему, что, когда познакомлюсь с едой, тогда и дам завтра окончательный ответ. Устремляюсь в свое пристанище; находящиеся там мои товарищи по комнате приготовили чай и пригласили меня в компанию. Выпил теплого чая с удовольствием. Через некоторое время мои товарищи принесли казенной еды: хлеба и рыбного бульона. Я схватился за еду, но она не хотела идти даже в голодный желудок. Хлеб был плохо испечен, а бульон был отвратительным на вкус. Поел все-таки немного хлеба с солью, — вот первый прием пищи в моем новом доме.

В восемь часов вечера закрыли на замок до утра двери всех камер. Я сделал постель, быстро лег и тут же погрузился в глубокий сон, несмотря на внутреннюю тоску и отвратительную обстановку вокруг, так как страшно устал от напряжения предыдущих суток.

Проснувшись утром и оглянувшись вокруг, я поначалу не могу поверить своим глазам; но тут же вспоминаются события предыдущих дней. Нужно признать, что передо мной реальность. В то же время слышится грохот открывающихся замков на наших дверях. Двери открывают в 6 часов утра и заключенных выпускают на весь день гулять в передней, во дворе или в других камерах. Я тоже встаю и принимаюсь за дневные дела. Готовлю чай, пробую казенную еду. После этого заявляю начальнику тюрьмы, что в дальнейшем буду брать деньги 10 коп. в сутки и готовить себе еду сам (то есть еда казалась совершенно непригодной для человеческого питания). За созерцанием господствующей вокруг убогости приходит вечер. — На следующий день около полудня собираются находящиеся в тюрьме заключенные-преступники в нашей комнате и требуют у меня денег; то же требование они выдвигают также одному волюгодскому политическому заключенному. Удивляясь, спрашиваем, по какой причине нам нужно отдавать деньги. В ответ пара десятков мужчин вцепляются в моего товарища, одни сжимают горло, другие избивают, бьют кулаками и деревяшками куда придется, отбирают деньги и напоследок выпускают его полумертвого из рук. Во время этого избиения отнимают и у меня еду и личные вещи, несмотря на мои возражения. Кто-то угрожающе произносит, что

скоро придет очередь и моей трепки. Полностью обчистив, они оставляют [нас] в конце концов в покое. Наше будущее начинает тревожить, к кому обратиться, откуда получить защиту против этого насилия? Некоторые женщины-заключенные тайно доводят до нашего сведения, что лучше иметь при себе как можно меньше денег и вещей, так как этот случай может сразу повториться, и от обращения к начальнику тюрьмы не будет никаких хороших последствий. Значит, ничего другого, как только выносить всё, что ниспошлет будущее! — Остаток дня мы всё же провели в покое. На следующий день (5 сентября) около полудня опять собирается в моей камере пара десятков соседей, один из которых снова требует от меня денег, в этот раз на том основании, что они узнали, что я зажиточный. Отвечаю на это, что у меня нет денег на руках, — с чего я дам? Не успел договорить, как стаскивают у меня сапоги с ног, пальто и шапку с головы и уносят из виду. На прощание обещают дать мне еще бóльшую взбучку, чем моему политическому товарищу, если не соглашусь назавтра достать назначенную сумму. Ничего не поможет, нужно согласиться, потому что хочу еще жить. На следующий день выполняю свое обещание, после чего мне возвращают отобранную одежду и сапоги, а также клянутся словом чести заключенного о мире и дружбе на всё время моего пребывания в тюрьме.

Так и живу до вечера восьмого сентября. Мы по заведенному обычаю укладываемся спать на наши места, когда слышу из передней карельскую речь. Высовываю голову наружу через люк в двери, к своему удивлению вижу стоящих в прихожей двух моих ухтинских знакомых: учителя Василия Дорофеева-Ваара и печника Федота Ремшуева, окруженных людьми со штыками. Они также изумляются, когда узнают, что и я гощу в тюрьме, ведь мне нужно быть в Архангельске, и тут же просят пустить ко мне как можно скорее. Их вталкивают ко мне в комнату и закрывают следом замок. Так нам удается свободно поговорить о домашних делах. Ваара и Ремшуева становой арестовал в Ухте в тот же день, когда меня арестовали в Кеми.

Шли дни, проходили недели, о нашем будущем — несмотря на все наши усилия и обращения во всевозможные учреждения — не было никаких сведений.

В начале ноября вызывают нас по одному в полицейскую контору, в которой известный своим служебным рвением глава города Кемь коротко рассматривает наше дело, после чего составляет протокол о результатах своего расследования. Протокол состряпан, на мой взгляд, в такой форме, которая не должна бы наше дело испортить, и так подписываемся под ним. При рассмотрении я заметил, что нашими тайными доносчиками были чиновники Ухтинской общины: староста общины и писарь. Эти два братца чего только ни наговорили на нас, также не относящегося к делу — из чего можно заключить, что их главной задачей могло быть выдворение нас из родных мест. Это, вероятно, было для них важно потому, что примерно в Новый год их ждала неприятная недостача по счетам в делах общины. (Конечно, нужно было отстранить ревизора от защиты прав народа любым способом.) После этой процедуры проводили нас обратно в тюрьму.

Шли недели, проходили месяцы, наше будущее казалось таким же темным.

Однажды в первых числах декабря вызывают моего товарища Ваара в тюремную контору, где ему читают пришедшую от губернатора бумагу, что его освобождают «с условием прекратить финско-протестантскую пропаганду среди карелов». Мне и Ремшуеву, напротив, объявляют, что нас будут держать в тюрьме до тех пор, пока не придет особое распоряжение от губернатора. — Нашего товарища Ваара скоро освободят. Мы, подавленные, остаемся ждать «особого распоряжения» губернатора. Живем мучительной жизнью в тюрьме в общей сложности 4 месяца и 21 день. Наконец, во второй половине дня 24 января 1908 года в тюрьму прибывает писарь полицейской конторы Кеми (по совместительству любитель выпить) и зовет к себе меня и моего товарища Ремшуева. Входим в тюремную контору с надеждой в душе, что, возможно, наконец, нашлось доказательство нашей невиновности, и мы освободимся. Минута волнительная. Вопреки нашим ожиданиям нам зачитывают бумагу следующего содержания: Еремеев и Ремшуев по представлению архангельского губернатора, по назначению министра внутренних дел высылаются за распространение антиправительственной пропаганды на два года под надзор полиции в Уральскую область; пребывание начинается 24-го декабря 1907 года. — Значит, это наша награда за незаслуженное страдание!

Мы ждали другого; хорошо хотя бы то, что мы выберемся из этой душливой тюрьмы! — Хотя и горько оставлять дорогую родину (к родному краю относятся и Кемский берег), но ничего не поможет. Нет времени долго раскачиваться, — сообщают, что завтра в 10 часов утра надо уже отправляться в путь. Он будет пройден пешком в сторону Архангельска в сопровождении трех солдат. Но здесь мы оказываем такое сопротивление: сообщаем, что мы категорически отказываемся идти пешком. С этим законным требованием, наконец, соглашаются, нам обещают лошадь в качестве транспорта, только солдатам нужно сопровождать нас пешком.

Собираемся в дорогу, заворачиваем наши вещи для перевозки, пишем несколько строк близким, знакомым — вечер проходит, ночь пролетает... Утром приходят наши местные друзья пожать руки перед долгой разлукой. У наших спутников на глазах едва не появляются слезы — что естественно, когда домашние жильцы остаются без первого и самого важного средства — куса хлеба — но несколькими ободряющими словами относительная бодрость достигнута. Раздается и песня карелов, так что стены гудят. В 10 часов утра прибывают для сопровождения нас солдаты, из которых двое — карельские парни-весельчаки (по крайней мере, в естественных условиях), а именно Филипп Бобров из Ребол и Логин Савин из Падан. Поднимаем наши дорожные вещи на воз, и после этого следует прощание с товарищами-арестантами. Это происходит так трогательно, что горячая слеза скатывается из глаз. Кажущиеся дикими животными заключенные-преступники стали истинными друзьями. Итак, последнее рукопожатие, и мы трогаемся в путь. Солдаты идут пешком, один впереди лошади,

двое других, со штыками, — позади. Такой порядок следования всё же заканчивается так скоро, как скрывается с глаз чиновников. Тогда штыки втыкаются в повозку, и устраивается перекур, а еще — с разрешения извозчика — [солдаты] садятся в сани. Русский солдат также чувствует свое нынешнее угнетенное положение. Каждый солдат обращается с политическим заключенным с уважением. Уже и солдату понятно, что политический заключенный защищает народную свободу. Между городами Кемь и Онега находимся в пути 14 дней, пройдя 297 верст. Проезжаем мимо следующих деревень: Шуя (наполовину карельская), большая деревня Сорока (по большей части карельская), Сухое, Вильма, поселок Сума²⁸, Колижма, Нюхча, Унежма, Кушерека, Малошуйка, Ворзогора. В каждой деревне на окраине дороги какие-то карельские семьи. Нужно упомянуть, что в каждой деревеньке, какой бы жалкой она ни была, величественно стоит посредине деревни казенная винная лавка. Ужас охватывает при мысли о той убогости, которую эти учреждения несут в народную среду. Описать это бедственное положение сможет только человек с крепкими нервами. Сравнивая жизнь крестьян Финляндии с жизнью местных крестьян, нужно, несомненно, заметить, что еще много каши будет съедено и много сражений пройдено прежде, чем жизнь в России, хотя бы по нескольким показателям, достигнет уровня жизни крестьянства Финляндии. Внимание привлекает также то обстоятельство, что каждый день навстречу прибывают большие вереницы лошадей, в которых движутся сотни людей. Это сосланные с юга России революционеры, по большей части, молодые образованные люди, молодые парни и девушки. Иногда в группах встречаются также люди постарше. В маленьких городах Кемь и Онега размещены сейчас в общей сложности примерно 600 революционных семей, а также в этих районах в каждой деревне — примерно по двадцать семей. Безусловно, вспоминаются в этой связи скитания еврейского народа времен Ветхого Завета, с тем лишь отличием, что израильтяне отправились в странствие из-за своего угнетенного положения сами, а сыновей и дочерей России вынуждают покидать родные края с помощью пик, кнутов и штыков. Их перемещают как животных: стадами, через тесные тюрьмы, на убогих средствах передвижения и по утомительным дорогам. С южных земель их отправляют на холодные необжитые берега Северного Ледовитого океана...

В город Онега мы прибыли 7-го февраля. Отдохнули в городской тюрьме два дня, за время которых через тюрьму прошло больше сотни революционеров, направленных в Кемский уезд. 9-го февраля мы продолжили свой путь. Здесь сменились солдаты. Нам в сопровождающие дали четырех веселых солдат, которые обращались с нами всё время очень дружелюбно, с пониманием.

²⁸ В настоящее время Сумский Посад.

Путь из Онеги в Архангельск мы прошли за 14 дней, преодолев 230 верст. Прошли мимо следующих деревень: Покровская, Тамица, Кянда, Нижмозеро (в котором среди прочих мы встретили карельского пьяницу родом из Мииноа, что в Контокском приходе), поселок Уна, Красная Гора, Сюзьма, поселок Нёнокса, Солза, Таборы, Рикасиха. 23-го февраля мы прибыли в Архангельск, где расстались с солдатами и остались в полицейской конторе.

Из полицейской управы Архангельска нас отправили в контору городской тюрьмы, где взяли на хранение все наши дорожные вещи, заметив, что в тюрьме, в которую нас поместят, много воров, которые последнюю рубаху снимут. Одолеваемые страхом, мы пошли через двор в пересыльное отделение, которое соединяется с тюрьмой. В этом отделении было мест на 50 человек, но несмотря на это комната была набита битком: больше сотни человеческих существ лежало на полу, среди них студенты, крестьяне, профессиональные воры и т.д. Проведя в этой отвратительной мешанине двое суток и лишившись всех наших продуктовых запасов, 25 февраля в 12 часов мы получили вызов в тюремную контору, где сообщили, что нужно готовиться продолжать путь. Все наши вещи вернули. Дополнительно выдали два мешка, в которые предписали затолкать наши вещи, так как иметь вещмешок или что-то еще заключенному не разрешается. Из наших денег вернули только один рубль. Если бы не было [припрятано] в нашем тайнике еще, то нам пришлось бы в дороге не очень сладко, потому что казенных суточных на питание полагалось лишь 10 копеек.

В компании примерно 30 заключенных нам нужно было идти строем в направлении железнодорожной станции. Заключенных поставили в строй по двое, и так, окруженные одиннадцатью солдатами, мы прошли через город. С тоской миновав знакомые места и перейдя через могучую Двину, мы прибыли на вокзал в 2 часа дня. (Дорога из тюрьмы составляла 5 верст.) Со станции в 3 часа дня продолжили путь в сопровождении тех же солдат. В вагон на 27 человек втиснули нас вместе с солдатами 41 «штуку». Проследовав 600 верст в тесноте и спертом воздухе, мы прибыли 26-го февраля в 9 часов утра на станцию Вологда, откуда нас отправили в ближайшую пересыльную тюрьму.

В тюрьме располагалось примерно 500 пересыльных арестантов, по бóльшей части оборванных призраков людей (политические заключенные были размещены в других камерах); мы были вынуждены провести в этом ужасающем обществе день и ночь. На следующий день в 10 часов утра мы продолжили путь. Число заключенных увеличилось до восьмидесяти, всех поместили в два вагона, рассчитанных на 46 человек. Температура от спертого воздуха поднялась в вагонах до 30 градусов, но несмотря на это на протяжении дня нам не дали даже капли воды промочить горло. Изможденными, полуживыми мы прибыли в 10 часов вечера (просидев в вагоне на протяжении 200 верст) на станцию Ярославль, где на всех заключенных надели кандалы на руки, соединив всех по двое. Суровые чувства завладели мной на минуту, когда я почувствовал, как наручники сжали запястья, но в то же время тайный голос в душе шепнул, что

«всё преходяще». Снова нужно было вернуть свойственную мне бодрость, так необходимую потому, что мой спутник был еще слабее меня, ему нужно было несколько ободряющих слов...

От вокзала, звеня кандалами, мы пошли к тюрьме. Звон кандалов резал уши, так как в строю было 40 заключенных (за убийства они были приговорены к принудительным работам). Пройдя 4 версты — перейдя знаменитую Волгу — мы прибыли в 10 часов вечера в большую четырехэтажную пересыльную тюрьму, где у нас с рук сразу сняли кандалы. Дорожные вещи мы передали в попечение начальства. По моей просьбе доброжелательный на вид начальник тюрьмы распорядился разместить нас с товарищем в чистой тихой комнате. Эта тишина была очень кстати, так как в предыдущих тюрьмах испытанное нами напряжение привело нас к почти полному измождению.

На следующий день после того, как мы спокойно отдохнули, забывшись в ободряющем сне, жить снова показалось легче. В 12 часов дня в нашу комнату привели 4-х товарищей: 3-х студентов Ярославского лицея, направленных в ссылку в Архангельскую губернию, и одного местного купца, пересылаемого для расследования в жандармские учреждения Москвы. Вся команда из шести человек — «враги правительства». Проведя в товарищеской компании 5 дней, 4-го марта мы получили распоряжение подготовиться в путь: три человека в направлении Москвы и остальные три — в направлении Вологды. В 9 часов утра мы уже были готовы отправиться в путь. Наши вещи вернули, но сопровождающие солдаты, заметив среди наших вещей финские книги, Библию среди прочих, и посчитав их запрещенными, изъяли их. В 10 часов утра нам на руки снова надели кандалы, и мы пошли строем сквозь сильную метель. Проходя через город, мы миновали много огромных зданий и достопримечательностей; выстрадав 8 верст понукания жестокими солдатами, в 12 часов дня мы прибыли на станцию. Там нас поместили в просторный вагон и освободили от кандалов. В час дня мы поехали дальше...

Когда я смотрел в окно, мое внимание привлекали обширные открытые равнины, леса виднелись только местами, словно на море острова, напротив, белых украшенных церквей с крестами было видно множество. Вокруг церквей располагалось по несколько небольших домов, построенных из кирпича или дерева; вблизи от домов — сотни сделанных из дерна лачуг, без печных труб, без окон. Местами из-под снега выглядывала только верхушка лачуги. Я удивленно спросил у ближайшего спутника о значении этих лачуг, так как их многочисленность привлекла мое внимание, но, похоже, он посчитал мой вопрос шуткой; так что лишь повторив вопрос и пояснив, что я издалека, узнал, что это человеческое жильё, дома российских крестьян. Я задумался... Много слышал о нищенской жизни российских крестьян, об их избушках из дерна, но никогда не мог даже подумать о таком...

А суетящиеся вокруг существа, напоминающие людей! Одежда висела лохмотьями, для защиты ног от мороза [использовались] либо намотанные тряпки,

либо берестяные лапти. Лица покрыты грязью и часто состарившиеся от непомерных забот... Таков, в главных чертах, образ стомиллионного крестьянского населения России. Нищета видна невооруженным взглядом...

Иногда поблизости от этого разбивающего сердце убожества видно и великолепие. Красивые, роскошные дома, окруженные изящными дворовыми зданиями, рядом с ними — довольные лица. Это — дома помещиков, а люди — члены их семей. Между этими упомянутыми мной двумя сословиями (крестьянами и помещиками) как раз в это время идет сотрясающая быт всей России кровавая борьба за землю. Помещики в прежние темные года угнетения захватили лучшие и безгранично большие площади пахотных и др. земель, и, напротив, работающее крестьянское население, которому должна принадлежать земля, страдает от нищеты и лишений из-за недостатка земли...

В 9 часов вечера мы прибыли на станцию в Москве, где руки нам забили в кандалы. В тюрьму мы попали в 10 часов вечера, пройдя пешком 4 версты. Тюрьма выглядела ужасно большим старинным военным укреплением: на вершине укрепления были построены башни, в которых, по рассказам, содержали заключенных за особо тяжкие преступления. Внешняя стена была видна, насколько хватало взгляда. Сбоку у ворот, через которые мы прошли внутрь, мелом на черной доске было отмечено, что в тюрьме в это самое время пребывает более 10 000 заключенных. Когда мы вошли в какую-то безгранично большую комнату, нам приказали остановиться. Наши вещи проверили, более ценные из них взяли на хранение, и с оставшимися вещами нас собирались отправить в одну большую комнату, в которой лежали [растянувшись], похоже, сотни наиболее ничтожных в мире человеческих существ. Но, заметив, что мы попадем прямо в зубы волкам, я выхватил из своего тонкого кошелька серебряную монету, всунул ее в руку сопровождающего нас чиновника и попросил пустить куда-нибудь в другое место. Кроме того, мы же были «политическими заключенными»... Серебряная монета повлияла должным образом. Наш чиновник захлопнул дверь комнаты и открыл дверь соседней. Мы попали в «политическую» среду. Это была довольно большая комната, внутри порядка ста мужчин, большинство — поляки, по пути в ссылку так же, как мы, большая часть — в Оренбургскую губернию, а оставшиеся — в сибирские губернии...

Для политических переселенцев, по рассказам товарищей, было еще четыре комнаты такого же размера, все они были заполнены. И на следующий день мне представилась возможность заглянуть в ближние камеры. Они были действительно полные! Там были люди десятков национальностей. Той национальности, которую я искал, всё же не было: финнов. «Счастливые финны!», — нужно и мне вскрикнуть вместе со всеми живущими в России народами (эти слова я часто слышал во время своего пути). Прожив за засовами три дня, постоянно по-настоящему страдая от голода (так как здесь вынуждали есть убогую казенную еду) и увидев тысячи уходящих и проходящих людей, 7-го марта наступила, наконец, и наша очередь. В 8 часов вечера мы были готовы отправиться

в путь. Насчитывающая двести человек группа заключенных в кандалах, сопровождаемая солдатами и конными казаками, выдвинулась при свете фонарей строем в направлении так называемого Рязанского вокзала. Пройдя 8 верст в знаменитом «сердце России», мы прибыли около 10 часов на станцию, с которой в полночь отправились дальше в путь. 8-го марта в 10 часов утра мы оказались на станции города Козлова, миновав многие большие города, сотни крестьянских деревень и обширные необозримые равнины. На станции нам снова забили руки в кандалы, и тут же начался наш поход к тюрьме, к которой мы пришли через 15 минут — дорога была всего в версту длиной. В тюрьме нас отправили с вещами в отвратительную комнату, где лежало около ста жестоких заключенных. Погостив в этом обществе полчаса, мы остались почти голыми, поскольку большую часть наших вещей у нас насильно отобрали, несмотря на наше сопротивление. Заметив, что дверь нашей комнаты осталась незапертой, я выскользнул через нее наружу, совсем рядом заметил довольно маленькую комнату, там оказалась пара десятков людей, одетых чище и, судя по лицам, более приличных, — и вошел в комнату. Когда я сообщил им о своих неприятностях, они настояли сразу же перебраться к ним, хотя было видно, что в комнате господствовала еще большая теснота. Требование мы исполнили, перенеся с собой оставшиеся вещи, которые негодились разбойникам. В этом новом жилище мы провели 13 дней и 13 ночей. Здесь нам также пришлось страдать из-за бедственного положения, из-за этой тесноты, но особенно потому, что наши мелкие деньги кончились, а крупные были тщательно спрятаны в одежду, и их было решено не трогать. (Позже я услышал, что воры собирались обчистить нас догола, тогда бы деньги из нашего тайника стали их добычей, но, к счастью, я успел ускользнуть в новую квартиру.) — Мы довольствовались тюремной едой: плохим на вкус хлебом и замешанной на воде крупой; ели и их, чтобы не умереть с голода. Качающимися от голода, в мрачном настроении, мы ждали, когда сможем продолжить наше жалкое странствие. — 21-го марта мы получили приказ подготовиться в путь. Пройдя к станции, по установленному порядку в кандалах, в полдень мы отправились к городу Саратову.

На станцию Саратова мы прибыли 22-го марта в 2 часа дня. Оттуда нас сопровождали в большую пересыльную тюрьму. Но туда нас не приняли, так как она уже была полна заключенными, таким образом, мы были вынуждены искать места в другой тюрьме. Здесь также не нашлось места для нас, и мы пошли в третью, куда мы попали только после сильной перепалки между сопровождающими солдатами и начальством тюрьмы, там нас разместили в одной комнате для хранения вещей. Эта тюрьма была также уже заполнена; но было помимо этих — по словам солдат — еще три других тюрьмы в городе, и, не исключено, они тоже могли быть набитыми до отказа! Говорят, что в каждой тюрьме содержат 1000–2000 заключенных.

В затхлой, тесной, построенной для неодоушевленных вещей комнате мы, 20 живых существ, провели 11 дней и ночей. Можно упомянуть, что в этой тюрьме-

ме заставляли читать вечернюю молитву, чего нигде в другом месте не встречалось. И вообще, начальник этой тюрьмы казался очень суровым: если только заключенные не могли построиться в ряды так, как требовал господин, он бил их кулаками.

Один старый башкир забыл снять шапку с головы, когда упомянутый господин пришел на вечернюю молитву в нашу комнату, и бедный старик получил жестокий удар в лицо книгой в твердом переплете, следствием чего было сильное кровотечение...

4-го апреля в 12 часов дня мы снова были на станции Саратова, откуда в 2 часа дня наш путь продолжился. Примерно через полчаса пути мы были вынуждены сойти с поезда и перейти на ледокол, который осуществляет перевозки через Волгу круглый год, так как в этом месте на реке нет моста. Переправившись через русло реки шириной более чем в 7 верст, мы сошли на противоположном берегу, откуда продолжили поездку. Примерно в полночь нужно было снова сделать пересадку на другой поезд на одной станции, так как на ней заканчивалась узкоколейная железная дорога и начиналась ширококолейная. 5-го апреля в 9 часов утра мы прибыли на станцию города Уральска, оттуда нас сопроводили около 3 верст пешком в полицейскую контору, из которой нас снова направили в местную тюрьму. По моей просьбе, меня с товарищем разместили в одиночной спокойной комнате, в которой мы почувствовали себя словно в роскошном дворце, так как находящиеся в соседних комнатах «политические» товарищи делали всё что могли, чтобы окружить нас удобствами. В этой тюрьме ожидали приговора всего около двух десятков политических заключенных обоих полов. — 10-го апреля в 12 часов пришел с проверкой тюрьмы военный губернатор района и — удивительно — разговаривал с каждым арестантом по отдельности, да еще так, что заключенные почувствовали себя людьми. Когда он вошел в нашу камеру, сопровождаемый двумя секретарями (то, что он был без стражи, было еще удивительнее, поскольку даже для ничтожного жандарма было обычаем иметь телохранителей), я представил себя и своего товарища, а также попросил, обосновав свою просьбу многими причинами, оставить нас под полицейском надзором в этом городе. На это я тут же получил положительный ответ, хотя нас определили для отправки в город под названием Гурьев, что на берегу Каспийского моря, отсюда еще за 500 верст. Губернатор соблаговолил побеседовать со мной еще об Архангельской губернии и жизни там, рассказал, что в свое время служил в Архангельске, где узнал и Карелию. Казалось, о положении дел в Финляндии он также осведомлен...

В 3 часа дня мы получили распоряжение прийти в полицейскую контору, где нам торжественно объявили об освобождении от заключения. Было великолепно сидеть в удобной квартире около дымящегося кухонного стола в обществе дружелюбных людей, свободными от пик и штыков, которые сопровождали нас 7 месяцев и 7 дней.

Участь наша такова: нам нужно быть здесь, в 3000 верст от родных берегов, под наблюдением у полиции до 24 декабря 1909 года — получая 2 рубля 40 копеек в месяц на питание... Не очень утешительная свобода, но свобода все-таки! — Упомяну напоследок, что этот город и район населяют главным образом полудикие киргизы, известные верностью правительству казаки, татары, а также — в национальном меньшинстве — русские, башкиры, калмыки, родственные финнам мордовцы, марийцы и т.д.

Мои воспоминания о нашем аресте и дороге в ссылку на этом заканчиваются.

От редакции. Опубликовав этот скромный детальный путевой дневник, написанный с врожденным чувством пера, освежим воспоминания читателей о следующих событиях прошлой осени в Беломорской Карелии: в начале сентября в Ухту прибыл русский ленсман²⁹ в сопровождении пяти полицейских и жандарма. Вскоре после этого закрыли действовавшие в Ухтинской и Вокнаволоцкой волостях финноязычные школы, поддерживавшиеся «Союзом беломорских карел». 17–18-го сентября³⁰ в Ухте арестовали учителя В. Дорофеева-Ваара и печника Ф. Ремшуева. — Причина поездки купца В. Еремеева-Ряйхя в беломорскую Кемь, где его арестовали 3 (16) сентября, была вызвана, главным образом, собранием ухтинской общины, на котором упомянутые ранее решили обратиться к чиновникам с покорным прошением не закрывать, по крайней мере, навсегда, их школы.

References

- Bazegskij D. V.* Ëkonomičeskie svâzi Belomorskoj Karelii i Severnoj Finlândii (Kajnuu) vo vtoroj polovine XIX — načale XX v.: Dis. ... kand. ist. nauk. Petrozavodsk, 1998. S. 11.
- Jeremejeff V. I.* Kulkuneuvot ja kansan taistelu olemassa olonsa puolesta V. Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1907. N 1. S. 7–8.
- Jeremejeff-Räihä W.* Vienankarjalaisen poliittisen vangin muistelmia // Karjalan Kävijä. 1908. N9. S. 5–10; 1908. N 10. S. 9–13; 1908. N 11. S. 4–9.
- Joulu A. J.* Vietto Vienan Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1996. N 3–4. S. 15–17.
- Kansallisarkisto (Helsinki). Paavo Ahavan kokoelma. Kansio 11. Nippu 3.
- Kansallisarkisto (Helsinki). Paavo Ahavan kokoelma. Kansio 4. Nippu 2.
- Karel'skaâ krest'ânka v zerkale istoriko-ëtnografičeskikh istočnikov (vтораâ polovina XIX — načalo XX v.): Sbornik dokumentov i materialov / Nauč. red. O. P. Il'ûha. Petrozavodsk, 2012. S. 67–72.
- Linna E.-K.* «Woi nyt oikein riskisti» // Karjalan heimo. 2016. N 1–2. S. 14–17.
- Otteita W.* Jeremejeff-Räihän kierjeistä vankila-maanpako-ajalta // Karjalan Kävijä. 1908. N 12. S. 7–8.
- Ranta R.* Vienan Karjalaisten Liitto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 111–145.
- Wasili Jeremejeff-Räihä. Karjalan Kävijä. 1908. N 11. S. 1–2.
- Vituhmovskaâ M. A.* Rossijskaâ Kareliâ i karely v imperskoj politike Rossii, 1905–1917. Hel'sinki–SPb., 2006. S. 287–295.

Список литературы

- Базегский Д. В.* Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. С. 11.

²⁹ Имеется в виду становой пристав.

³⁰ По григорианскому календарю.

Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки–СПб., 2006. С. 287–295.

Карельская крестьянка в зеркале историко-этнографических источников (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов и материалов / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2012. С. 67–72.

Jeremejeff V. I. Kulkuneuvot ja kansan taistelu olemassa olonsa puolesta V. Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1907. N1. S. 7–8.

Jeremejeff-Räihä W. Vienankarjalaisen poliittisen vangin muistelmia // Karjalan Kävijä. 1908. N 9. S. 5–10; 1908. N 10. S. 9–13; 1908. N 11. S. 4–9.

Joulu A. J. Vietto Vienan Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1996. N 3–4. S. 15–17.

Linna E.-K. «Woi nyt oikein riskisti» // Karjalan heimo. 2016. N 1–2. S. 14–17.

Otteita W. Jeremejeff-Räihän kierjeistä vankila-maanpako-ajalta // Karjalan Kävijä. 1908. N 12. S. 7–8.

Ranta R. Vienan Karjalaisten Liitto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 111–145.

Wasili Jeremejeff-Räihä. Karjalan Kävijä. 1908. N 11. S. 1–2. [Электронный ресурс] URL: www.karjalansivistysseura.fi/karjalan-heimo/karjalan-heimo-lehden-historiaa/ (дата обращения: 01.10.2016).

Е. А. Андреева

Появление голландской расписной фаянсовой плитки в России во второй половине XVII — начале XVIII в.: историография вопроса¹

С конца XVI в. в Нидерландах производилась плитка, пришедшая из Северной Африки вначале в Италию и Португалию, потом через Фландрию в северо-западные провинции Нидерландов. Изначально плитка была напольной. Именно в Нидерландах она впервые с пола «перешла» на стену: вначале только одним рядом на стыке стены и пола. Подобную отделку можно увидеть на полотнах знаменитого художника XVII в. Яна Вермеера Делфтского. Постепенно количество рядов увеличилось, и к концу XVII в. они «дошли» до потолка. Плитками облицовывались также каминные. Для XVII в. характерен поиск оптимального состава керамической массы, который привел к созданию более прочной, менее ломкой и при этом более тонкой плитки. Если ее толщина в конце XVI в. находилась в пределах 15–18 мм, то в 70-х гг. XVII в. стала 7–8 мм².

В XVII в. появились два термина, обозначающие голландские фаянсовые изделия: «голландский фарфор», а также, по названию самого известного центра по производству лучших фаянсовых изделий — Делфта: «*delfts aardewerk*» (нидерл.), на сегодняшний день более известный в английском варианте:

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ. Проект № 14–04–00148.

² *Lemmen H. van. Delftware. Oxford, 2010. P. 6–15.*

«delftware», т.е. делфтская керамика. Возникновению термина, безусловно, способствовало основание в Делфте в 1653 г. знаменитой и существующей до сих пор «Королевской фарфоровой мануфактуры» («De Koninklijke Porceleynse Fles»). Название города перешло на название изделий, так стали называть всю голландскую продукцию, включая и облицовочную плитку, вне зависимости от конкретного места производства. Со времени появления бело-синей гаммы укоренился еще один термин: «delft blue», т.е. «делфтский голубой»³.

На протяжении XVI–XVII вв. менялась форма плитки: квадратная, прямоугольная, ромбовидная. К концу XVII в. основной стала квадратная плитка со стороной 5 (13×13 см) или 6 дюймов (15×15 см). В Англии, где в XVII в. голландцами были основаны мануфактуры по производству плиток, самый популярный размер плитки был 6 дюймов, а в Нидерландах — 5. Цветовая гамма большинства плиток была бело-голубой. С конца XVII в. приобрел популярность еще один цвет росписи плитки — пурпурный (оксид марганца). Иногда все плитки расписывались марганцем, иногда в росписи одной плитки использовался и марганец, и кобальт, и плитка становилась трехцветной. В редких случаях в роспись синей краской вносился цветной элемент (например парус корабля), в основном желтым или оранжевым цветом⁴. Попавшая в Россию из Нидерландов плитка была квадратной со стороной 5 дюймов (128–130 мм) и 7 мм толщиной, с синей (кобальтом) и (или) пурпурной (марганцем) росписью (рис. 1).

В статье анализируется литература, посвященная появлению этого керамического материала в России.

Проблемы терминологии в изучении керамических отделочных материалов начала XVIII в.: историография вопроса

Архитектор А. Э. Гессен утверждал, что интерьеры дворца А. Д. Меншикова «облицованы **дельфтскими изразцами**» (здесь и далее выделено нами. — Е. А.). В «Справке о работах по научной реставрации памятника архитектуры

³ *Dam van J. D., Tichelaar P. J.* Dutch tiles in the Philadelphia museum of art. Philadelphia Museum of Art, 1984. P. 16–29; *Erkelens A. M.* ‘Delfts Porcelijn’ van koningin Mary II = Queen Mary’s ‘Delft porcelain’: Ceramiek op Het Loo uit de tijd van Willem III en Mary II = Ceramics at Het Loo from the time of William and Mary. Apeldoorn, 1996. P. 11–35, 104–112; *Traditional dutch tile designs.* Amsterdam, 2001. P. 11; *History of a national product.* Vol. III: De Porceleynse Fles. Delft, 2003. P. 6–23; *Дам ван Я. Д.* Голландские изразцы // Пинакотекка: Журнал для знатоков и любителей искусства. № 24–25. М., 2007. С. 79–80; *Dam van J. D.* Rotterdamse faience 1650–1850 // *Tegels uit Rotterdam / Red. I. de Jager, N. Schadee.* Rotterdam, 2009. P. 144–147; *Lemmen H. van.* Delftware. P. 10–15; *Pluis J.* De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930 = The Dutch Tile. Designs and Names. 1570–1930. Third, revised and enlarged edition. Leiden, 2013. P. 21–25, 47–49, 56–57, 89–97, 100–102, 114–116.

⁴ *Lemmen H. van.* Delftware. P. 6–8; *Pluis J.* De Nederlandse tegel... P. 81, 362, 371–373, 385.

Рис. 1. Плитка с морским пейзажем; синий цвет на белом фоне; одномачтовое прогулочное судно (яхта (?)) с боковыми швертами; стилизованное изображение волн; угловое заполнение — «паук». Нидерланды, Роттердам, 1710–1720-е гг. Государственный Эрмитаж. Инв. номер: ДМК-16. Публикуется впервые

Меншиковский дворец...», подписанной главным архитектором М. Г. Колотовым и руководителем исследования и автором проекта реставрации А. Э. Гессеном, читаем: «В ходе архитектурно-археологических исследований были обнаружены... Осколки декоративных **изразцов** голландского типа». Безусловно, речь идет о голландской плитке⁵.

Художник-керамист Б. А. Мицкевич, воссоздававший керамическое убранство во дворцах тогда Ленинграда и пригородов называл плитку «голландским

⁵ Гессен А. Э. Реставрация дворца Меншикова // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1976. М., 1977. С. 238; Колотов М. Г., Гессен А. Э. Справка о работах по научной реставрации памятника архитектуры Меншиковский дворец в Ленинграде (Университетская наб., 15). Л., 1976. С. 17.

(дельфтским) изразцом», поясняя, что печной изразец — «это та же глиняная обожженная плитка с румпой (коробкой) для крепления в стене или печи»⁶.

Е. М. Баженова не различает плитки и изразцы, называя их плитками, изразцами и кафлями. Поэтому, во втором параграфе статьи говорится: «**изразцы** первоначально закупаались» в Голландии. Однако из дальнейшего текста становится ясно, что исследователь имела в виду голландскую фаянсовую расписную плитку. Описывая печные изразцы, автор также не делает различий между плитками и изразцами и называет печные изразцы плитками⁷.

Неточность закралась в название статьи О. Э. Михайловой «Материалы к вопросу о развитии русского изразцового производства первой половины XVIII века и его связей с **голландскими изразцами**». Автор утверждала: «На первых порах сине-белые плитки и **изразцы** производились непосредственно в Голландии, где их закупали в большом количестве», «широкое использование **голландских изразцов** и облицовочных плиток», «**нидерландские изразцовые фабрики**»⁸. Однако в Нидерландах никогда не производили изразцы. Там неизвестны с подобного рода керамическими изделиями.

В своих первых статьях о голландской плитке во дворце Меншикова Л. П. Дорофеева также называет плитки изразцами, например в статье 1983 г. «Изразцы в архитектурно-декоративном решении интерьеров дворца А. Д. Меншикова» она писала: «Появление голландских **изразцов** в России целиком связано с именем Петра I» и т.д.⁹ В другой работе, описывая технологический процесс создания изделия, автор называет его в тексте то плиткой, то изразцом; а рассказывая о плитках в разных интерьерах Меншиковского дворца, неоднократно именует их изразцами¹⁰.

С чем же связана путаница? Возможно, не разработана терминологическая база? Обратимся к работам, посвященным керамике. А. В. Филиппов еще в 1938 г. выделил три категории облицовочных керамических материалов: изразец, облицовочную плитку и облицовочный или лицевой кирпич.

⁶ *Мицкевич Б. А.* Воссоздание художественной архитектурной керамики для реставрации памятников архитектуры начала XVIII века в Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. Вып. 1. С. 321.

⁷ *Баженова Е. М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов: Коллекция Государственного Эрмитажа // Музей-4: Художественные собрания СССР. М., 1983. С. 66–68.

⁸ *Михайлова О. Э.* Материалы к вопросу о развитии русского изразцового производства первой половины XVIII века и его связей с голландскими изразцами // Прикладное искусство Западной Европы и России: Материалы и исследования: Сборник научных трудов. Л., 1983. С. 77–79.

⁹ *Дорофеева Л. П.* Изразцы в архитектурно-декоративном решении интерьеров дворца А. Д. Меншикова // Труды ГЭ. Т. XXIII: Из истории русской культуры. Л., 1983. С. 144.

¹⁰ *Дорофеева Л. П.* 1) Плитковые интерьеры. Вид на восток из «Кабинета из прихожей» // Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В. Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986. № 113. С. 114; 2) Плафон. 1717–1720-е гг. // Там же. № 119, 120. С. 122; 3). Фрагмент плиткового декора // Там же. № 123. С. 125; 4). Плитки «малого круга» // Там же. № 135, 136. С. 136.

Важны сформулированные А. В. Филипповым отличия первых двух видов. 1) Изразец или кафель (от нем. Kachel): «Глиняная обожженная плитка, имеющая на задней стороне румпу (от нем. Rumpf), т.е. глиняную коробку, помогающую прикреплению изразца к кладке» (рис. 2). 2) Облицовочная плитка: «Лицевая пластина, как и изразец, но не имеющая румпы»¹¹. В Большой Советской энциклопедии в статье об «Изразцах» фактически нашла отражение точка зрения Филиппова. Еще в начале XX в. использовалось понятие «фаянсовая плитка». Так, А. К. Крупский писал: «Фаянсовая плитка — это глиняное изделие из бело-серой или желтоватой массы с пористым (т.е. проницаемым жидкостями, в отличие от фарфора) черепком, который в изломе представляет шероховатый землистый вид»¹².

Можно сделать вывод, что исследователи, изучавшие историю появления и бытования керамических материалов в России, зачастую оставляли за рамками своих интересов созданную специалистами по керамике терминологическую базу, что приводило и приводит к путанице и досадным ошибкам (об этом ниже).

Появление голландской фаянсовой плитки в России во второй половине XVII в.

Документы о первом в России помещении, отделанном голландской плиткой, были выявлены и опубликованы Н. А. Баклановой в 1928 г. Автор отмечала, что во второй половине XVII в. в домах русской знати «иногда стены выкладывались голландскими плитками», и, подтверждая свои слова, приводит опубликованные в «Розыскных делах о Ф. Шакловитом» сведения о том, что спальня в доме кн. В. В. Голицына была оклеена «плитками немецкими писаными» стоимостью 30 руб. Баклановой удалось также обнаружить сведения о том, что Кельдерман продал В. В. Голицыну в Архангельске товары, среди которых значатся «плитки каменные». Из этого автор заключает, что речь идет как раз о тех самых голландских плитках. Бакланова не называет дату, когда Кельдерман продал товары Голицыну, но отмечает, что этот торговец ездил за товарами в Голландию в начале 1670-х и в 1690 гг. В статье было опубликовано изображение голландской плитки, которую автор называет «дельфтской»¹³. Скорее всего, здесь речь идет не о конкретном месте производства, а о сложившейся терминологической традиции.

¹¹ Филиппов А. В. Древнерусские изразцы. М., 1938. Вып. I: XV–XVII века. С. 11.

¹² Крупский А. К. Фаянс // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1902. Т. XXXV: Усинский пограничный округ — Фенел. С. 387–388.

¹³ Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века // Труды ГИМ. Вып. 4: Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. М., 1928. С. 21–23, 46–47.

Рис. 2. Изразец печной стеновой угловой; архитектурный пейзаж, вписанный в восьмиугольную рамку; синий цвет на белом фоне. Двойная рамка с декоративно-геометрическим изображением.

Угловое заполнение — четверть цветка.

Россия, Санкт-Петербург, 1710–1720-е гг. Государственный Эрмитаж.

Инв. номер: ДМК-63. Публикуется впервые

Л. П. Дорофеева приводит эти сведения, опубликованные Н. А. Баклановой, но уже указывает дату поставки Кельдерманом плиток — 1670-е гг., высказывая предположение, что Петр I мог видеть отделку плитками в доме В. В. Голицына¹⁴. В другой статье Дорофеева подмечает различия в характере отделки

¹⁴ Дорофеева Л. П. 1) Изразцы и голландские плитки // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Оснадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 1: А–М. С. 394; 2) «Музей голландских плиток» во дворце А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества / Под ред. Г. В. Вилинбахова, Н. П. Копаневой. СПб., 2003. Вып. 1. С. 118. Об этом же, со ссылкой на Л. П. Дорофееву см.: Реброва Р. В. Интерьеры с голландской плиткой в Зимнем дворце Петра I (по материалам археологических исследований) // Меншиковские чтения — 2015: Научный альманах. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 207.

помещений плитками в европейских странах и Московском государстве, начало которому положил В. В. Голицын: «Если в Европе отделанные плитками помещения никогда не были жилыми, то в России плитку использовали даже в отделке спальни»¹⁵.

После Н. А. Баклановой для изучения вопроса о появлении голландской плитки в России к материалам «Розыскных дел Ф. Шакловитого» обратилась С. И. Баранова. Она отметила, что опись имущества дома В. В. Голицына составлена в 1690 г., что отделка комнаты плиткой была самой высокой и что «дворец Голицына имел редкое для того времени, а, возможно, уникальное керамическое интерьерное убранство»¹⁶.

Речь идет о дворце фаворита царевны Софьи кн. В. В. Голицына, построенном в Охотном ряду в Москве. Его дед, А. А. Голицын получил этот участок в 1638 г. и выстроил здесь дворец. В. В. Голицын в 1684–1685 гг. перестроил дедовский дворец в стиле московского барокко. До наших дней здание не сохранилось: в 1928 г. оно было реставрировано, а в 1934 г. снесено¹⁷.

История появления интересующих нас документов связана с тем, что Петр I отправил ближайшего сподвижника своей сестры В. В. Голицына в ссылку, а его имущество конфисковал. Было проведено составление описей его имущества, в том числе и во дворце. Через два года были составлены описи уже для передачи дворца, в 1691 г. пожалованного сыновьям грузинского царя Арчила Вахтангеевича царевичам Александру и Матвею. Среди перечисленного имущества значится: «В спальной его ж полате... оклеено плитками немецкими, писаными. Цена 30 рублей»¹⁸. В этих документах, как видим, плитки названы немецкими, кроме того, нет упоминания о том, у кого были приобретены эти плитки.

В результате допросов В. В. Голицына и его сына оказалось, что на момент ареста они не расплатились, среди прочих, с «Томосом фон Келдермоном»,

¹⁵ Дорощева Л. П. Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Пинакотекa. № 24–25. М., 2007. С. 72.

¹⁶ Баранова С. И. Русский изразец: Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 300.

¹⁷ <http://www.archnadzor.ru/2012/02/26/ohotnoryadskie-dikoviny>; https://ru.wikipedia.org/wiki/Палаты_Голицына_в_Охотном_Ряду (дата обращения 04.06.2016).

¹⁸ Ценовая роспись внутренней отделке в доме князя Василия Голицына, что в Москве, меж Тверской и Дмитровки. Марта 18. [1691 г.] // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, издание Археографической комиссии. СПб., 1888. Т. 3. Столп XI. № 4: Дело об описи, оценке и раздаче московских и загородных дворов князей Василия и Алексея Голицыных. № 38. Стб 724; Доклад и состоявшийся по нем именной указ, об отдаче двора князя Василия Голицына, находящегося в Москве, между Тверской и Дмитровской, детям имеретинского царя Арчила Вахтангеевича, царевичам Александру и Матвею. Марта 19. [1691 г.] // Там же. № 39. Стб 729–730; Данная царевичам имеретинским Алексею и Матвею Арчиловичам на владение двором князя Василия Голицына, состоящим между Тверской и Дмитровской, марта в [...] день [1691 г.] // Там же. № 40. С. 731–732.

в том числе за «плитки каменные»¹⁹. Томас Кельдерман был сыном выходца из Германии Андрея Кельдермана. Известно, что «торговый иноземец» Т. Кельдерман ездил в Голландию в 1670–1671, а также в 1690 гг.²⁰ Возможно и в 1680-х гг. он вел торговые дела в Нидерландах и возможно, именно он поставил плитку в дом В. В. Голицына. Однако нет уверенности в том, что под «плитками каменными» в источнике речь идет именно о голландских облицовочных фаянсовых плитках, возможно, это напольные плиты. Плитки в описи названы немецкими, вероятно, в силу того, что так называлось всё, имеющее иностранное происхождение. Кроме того, в то время в германских землях выходцами из Нидерландов только налаживалось производство плиток²¹, поэтому вряд ли плитки были заказаны там. Скорее всего, плитки были куплены в Голландии. Мнение же о появлении голландской плитки в Московском государстве в 1670-е гг. необосновано, поскольку дворец начал строиться только в 1684–1685 гг. По всей видимости, спальня в «верхних покоях» дворца В. В. Голицына отделялась голландской расписной плиткой в промежутке между 1685 и 1689 гг.

Следующую историю появления голландской плитки в России связывают с первым европейским путешествием Петра I. Так, Н. В. Воронов пишет: «Во время известного путешествия Петра I за границу в 1697–1698 гг. на него произвели большое впечатление дельфтские белые майоликовые плитки с синей росписью... Плитки эти вскоре попали в Россию, А. Д. Меншиков облицовал ими одно из помещений своего дворца»²². Автор не уточняет, о каком именно дворце А. Д. Меншикова идет речь. Вместе с тем в московских дворцах светлейшего князя интерьеров, облицованных плиткой, не было, как не было подобных отделочных решений в его ранних петербургских домах: на Троицкой площади и деревянного на Васильевском острове²³. Отделка интерьеров плиткой производилась в каменном дворце петербургского губернатора на Васильевском острове в Петербурге, а также в его дворце

¹⁹ Память околичному Ивану Чаадаеву о допросе князей Василия и Алексея Голицыных о взятых ими в долг деньгах и товарах, а также и о розданных ими в долг деньгах. В начале 1691 года // Там же. № 2: Дело об отписке на царей поместий, вотчин и пожитков князей Василия и сына его Алексея Голицыных. № 180. Стб 478, 483.

²⁰ Соловьева Т. «Для пополнения его великого государя казны» // Источник. Документы русской истории. 1999. № 4 (40). URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Niederlande/XVII/1660-1680/Russ_Handelsreise_1670/text.phtml?id=4765 (дата обращения 04.06.2016).

²¹ Stahl S. Deutsche Fliesen: Fayence-Fliesen des 18. Jahrhunderts. Braunschweig, 1977. P. 17, 22–23, 26–30, 34–35.

²² Воронов Н. В. Русские изразцы XVIII века // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М., 1960. С. 194.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 314. Ед. хр. 3. Л. 1 – 132 об.; Из бумаг кн. Александра Даниловича Меншикова // Щукинский сборник. М., 1905. Вып. 4. С. 366–545; Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описание палат, хором и сада: Исследования и документы. СПб., 2013. С. 16–19.

в Ораниенбауме, кроме того, был один подобный интерьер в кронштадтском дворце А. Д. Меншикова²⁴.

В подтверждение Н. В. Вороновым приведена иллюстрация плиткового убранства и подпись: «Фрагмент стенной облицовки из дворца Меншикова (так в тексте. — Е. А.) в Петербурге»²⁵. При сравнении фотографии с сохранившимися во дворце Меншикова на Васильевском острове «плитковыми» интерьерами установлено, что на фотографии представлен западный десюдепорт «Варварина покоя» этого дворца. Итак, в статье Н. В. Воронова речь идет о дворце светлейшего князя на Васильевском острове в Петербурге. Представляется странным, что автор говорит только об одном «плитковом» интерьере, поскольку при А. Д. Меншикове их было 13, из которых до нас дошло четыре.

«Ценинное дело...» архимандрита Леонида, или Производилась ли в Швеции плитка

Практически все работы, посвященные керамическим отделочным материалам начала XVIII в., начинают свое повествование с событий, изложенных в труде архимандрита Леонида (Кавелина)²⁶. Архимандрит цитирует документы, согласно которым по царскому указу от 30 ноября 1709 г. в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь были присланы два шведских пленных гончарных мастера: Ян Флегнер и Кристиан. Эти мастера сделали образцы, которые царю не понравились. В августе 1710 г. последовал царский указ: «Велено шведам, которые отданы в Воскресенской монастырь, ныне сделать немедленно швецким манером печных изразцов гладких белых, а по них травы синею краскою, как у князь Матфея Петровича Гагарина из добрые земли, а не с такие, что образец казали, чтоб были в деле чисты, 10 печей». Из текста следует, что хотя образцы Петру I не понравились, он всё же распорядился, чтобы эти пленные шведы сделали большое количество изразцов — на 10 печей. Вероятно, они сделали изразцы не тем «манером»²⁷. И в указе царь подробно объясня-

²⁴ *Гунич А. Е.* Забытый дворец. История строительства Кронштадтского дома А. Д. Меншикова // Петровское время в лицах — 2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 82–83; *Павлова М. А.* Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII — середины XIX века // Ораниенбаумские чтения. Вып. VI. СПб., 2006. С. 29, 136; *Андреева Е. А.* Петербургская резиденция А. Д. Меншикова... С. 85–99, 174–176, 268–269, 306.

²⁵ *Воронов Н. В.* Русские изразцы... С. 195. Рис. 3.

²⁶ См., напр.: *Султанов Н. В.* Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые А. Прохоровым. СПб., 1885. Ч. IV. С. 22–23; *Воронов Н. В.* Русские изразцы... С. 193–195; *Сергеенко И. И.* Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // Памятники русской народной культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 31; *Баранова С. И.* Русский изразец... С. 300.

²⁷ *Архим. Леонид (Кавелин).* Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре. 1656–1759 г. // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее / Под ред. Г. Д. Филимонова. № 1–12. IV. Смесь. М., 1876. С. 84–86.

ет, какие изразцы ему нужны: такие как в доме князя М. П. Гагарина — гладкие (т.е. не рельефные), где на белом фоне роспись синей краской с изображением растений и цветов. Речь идет о московском доме князя М. П. Гагарина на Тверской ул. (не сохранился), который был построен архитектором Ф. Фонтана в 1707–1708 гг.

В «Полном собрании законов Российской империи» и в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» за соответствующие годы эти царские указы отсутствуют²⁸. В точности передачи их текстов приходится доверять архимандриту Леониду. Хотелось бы отметить, что, активно пересказывая из работы в работы эту историю, многие авторы черпают информацию не из работы священнослужителя, а из пересказа этой истории последующими авторами, главным образом из монографии и статьи Н. В. Султанова²⁹ и статьи Н. В. Воронова³⁰.

Однако, поскольку Н. В. Воронов не различает понятий «изразец» и «плитка», в его труде заказанные царем изразцы становятся плиткой: «Петр решил наладить производство подобных же плиток в России, для чего 30 ноября 1709 г. <...> в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь были присланы для гончарной работы “два человека швецкого полону Ян Флегнер и Кристиан”»³¹. Эта история о налаживании в 1709 г. производства плитки кочует из одной работы в другую.

Суждение о том, что шведы в 1709 г. в Новоиерусалимском монастыре изготавливали плитку, распространено в научной литературе до сих пор. Так, С. И. Баранова, ссылаясь на статью архимандрита Леонида, приходит к выводу, что пленным шведам в 1709 г. «приказано делать живописные **плитки** и изразцы “на манер галанских”»³².

Никто из исследователей не заостряет внимание на том, что делать голландские плитки Петр I нанимает не голландцев, а шведов.

Производилась ли в Швеции плитка? Нам удалось изучить этот вопрос во время стажировки в Швеции, работая в архивах и библиотеках Стокгольма

²⁸ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. IV (1700–1712 гг.). СПб., 1830; ПиБПВ. Т. 9 (январь–декабрь 1709 года). Вып. 1. М.; Л., 1950; Т. 10. (январь–декабрь 1710 года). М., 1956.

²⁹ *Султанов Н. В.* 1) Изразцы в древнерусском искусстве. С. 23; 2) Древнерусские красные изразцы // Археологические известия и заметки. 1894. № 2. С. 369–397; См., напр.: *Маслих С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М., 1983. С. 23; *Михайлова О. Э.* Материалы к вопросу... С. 76–79.

³⁰ См., напр.: *Дутов А. А.* Декоративное оформление печей в Петровскую эпоху // Труды ГЭ: [Т.] 78: Петровское время в лицах — 2015: Материалы научной конференции / Научн. ред. И. В. Саверкина. СПб., 2015. С. 173; *Реброва Р. В.* Петербургский печной изразец XVIII века. Стиль росписей (К вопросу об атрибуции) // Меншиковские чтения — 2015: Материалы Российской научной конференции. СПб., 2015. Вып. 10. С. 105–106.

³¹ *Воронов Н. В.* Русские изразцы... С. 194.

³² *Баранова С. И.* Русский изразец... С. 300.

и Упсалы, и в Музее керамики и фарфора в Густавсберге³³. В Швеции не производили плитку, а производство изразцов там было налажено довольно давно. В форме и конструкции изразцовых печей Швеции соединялись традиции Дании и Северной Германии. Обычно печи состояли из нескольких ярусов и ниш и устанавливались на чугунном основании. Изразцы, как и в Германии, изначально были рельефными, чаще всего покрыты коричневой или зеленой поливой. Позднее стали делать плоские прямоугольные изразцы, где на белый фон наносилась роспись. К концу XVII — началу XVIII в. под влиянием белогоголубого нидерландского фаянса изразцы стали расписывать синей кобальтовой краской³⁴.

Версия о привозе в Петербург плиток из немецких земель

О. Э. Михайлова выдвигает версию о присылке в Петербург «голландских» плиток из Северной Германии, в частности из Гамбурга, Любека «и других городов — старых центров ганзейской торговли на побережье Балтийского моря». Подтверждает свои слова автор документами, в которых речь идет о «гамбургских» изразцах, поскольку тоже не различает терминов «плитка» и «изразец»³⁵. Эта версия до сих пор присутствует в литературе. Так, С. И. Баранова, основываясь на статье О. Э. Михайловой, пишет, что плитку и изразцы ввозили и из Северной Германии, где во многих прибалтийских городах производили изделия, весьма схожие с голландскими³⁶.

Насколько состоятельно это суждение? Плитка производилась в Германии со второй половины XVII в. (основные центры: Кассель, Доротеенштадт (Арнштадт, Тюрингия), Дрезден, Ансбах, Нюрнберг). Но это изначально было не самостоятельное чисто немецкое производство, его основали голландские мастера. Технология производства плиток была такая же, как и в Нидерландах, а роспись имела свой специфический характер, достаточно сильно отличающийся от голландских плиток³⁷. На сегодняшний день в отделке петербургских дворцов не выявлено ни одной плитки, сделанной в Германии. Таким образом, мнение о том, что в Россию в начале XVIII в. была завезена немецкая плитка, не подтверждается на фактическом материале и не находит подтверждения в источниках.

³³ Автор выражает глубокую благодарность Шведскому институту, благодаря которому удалось осуществить эту исследовательскую работу в 2003 и 2004 гг. (Visby program).

³⁴ *Tunander B., Tunander I., Tunander P. Svenska kakelugnar. Stockholm, 1999. P. 12, 14, 21, 25, 31, 118, 119, 133–135, 137–138.*

³⁵ *Михайлова О. Э. Материалы к вопросу... С. 79.*

³⁶ *Баранова С. И. Русский изразец... С. 300–301.*

³⁷ *Stahl S. Deutsche Fliesen... P. 17, 22, 23, 26–30, 34, 35.*

Первые голландские плитки в Петербурге: когда и где?

Дальнейшая история появления голландской плитки связана с городом на Неве. В начале перечислим те здания, в которых сохранились исторические интерьеры, облицованные голландской плиткой, в которых плитка была выявлена в результате археологических исследований или об этом стало известно из документов (новоделы не упоминаются).

В Летнем дворце Петра I на сегодняшний день существуют четыре «плитковых» помещения: Кабинет Петра I, Приемная, Нижняя и Верхняя поварни; во дворце Меншикова на Васильевском острове также четыре: Варварин покой, Кабинет из прихожей, Спальня А. Д. Меншикова и Предспальня. В Петергофе во дворце Монплеизир в Кухне, Морском кабинете и Секретарской сохранилось около двадцати плиток, в павильоне-дворце Марли в кухне — пять плиток. В результате археологических исследований и сведений, обнаруженных в документах, на сегодняшний день установлено, что в Зимнем дворце Петра I было шесть помещений, отделанных плиткой. В Большом Ораниенбаумском дворце А. Д. Меншикова подобным образом были декорированы восемь интерьеров: восточная передняя, четыре палаты, кухня «малая» и два помещения, предназначенных для царя — спальня и «передняя палата» перед спальней. Одно помещение — в кронштадтском дворце светлейшего князя³⁸.

По мнению Г. В. Михайлова, первые голландские плитки появились в 1711 г., когда ими были облицованы откосы окон в «большой палате» Зимнего дворца. Свое суждение автор основывает на изображении подоконников на гравюре А. Ф. Зубова «Свадьба Петра I и Екатерины I», выполненной к предстоящей свадьбе, состоявшейся в Петербурге 19 февраля 1712 г. На гравюре изображены три большие подоконные ниши, на которых расчерчены правильные прямоугольники (квадраты?), на каждый из которых нанесено изображение, похожее на цветок (рис. 3, 4). Однако возникает ряд вопросов. В историографии до сих пор нет однозначного мнения по поводу того, интерьер какого дворца изображен на этой гравюре. По мнению М. А. Алексеевой, А. Ф. Зубов, исполнявший заказ А. Д. Меншикова, изобразил зал в деревянном дворце светлейшего князя на Васильевском острове. Следует учитывать также, что в Зимнем дворце Петра I не было большого зала, который А. Ф. Зубов изобразил на гравюре, и свадьба, как подробно описано в «Походном журнале», разместилась в семи комнатах³⁹.

³⁸ Мицкевич Б. А. Воссоздание художественной архитектурной керамики... С. 323; Баженова Е. М. Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов... С. 66–67, 70; Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I: Исследования и научные реконструкции // Музей: Сб. статей и публикаций. М., 1988. Вып. 9. С. 237, 240; Опись Большого Ораниенбаумского дворца 1728 года // Павлова М. А. Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца... Приложение № 2. С. 190, 194; Тарасова Н. И. Зимний дворец Петра I. СПб., 2006. С. 21–22.

³⁹ Походный журнал 1712 года. СПб., 1854. С. 1–7; Алексеева М. А. «В Санкт-Питерс Бурхе грыдыровал...» // Первые художники Петербурга. Л., 1984. С. 105. См. об этом подробнее: Михайлов Г. В. Гравюра А. Зубова «Свадьба Петра I»: Реальность и вымысел // Панорама искусств: Сб. статей и публикаций. М., 1988. Вып. 11. С. 20–22.

Рис. 3. Зубов А. Ф. Свадьба Петра I и Екатерины 19 февраля 1712 г. Россия, 1712 г. Государственный Эрмитаж. Инв. номер: ЭРГ-7840. Фрагмент: средняя подоконная ниша

Рис. 4. Зубов А. Ф. Свадьба Петра I и Екатерины 19 февраля 1712 г. Россия, 1712 г. Государственный Эрмитаж. Инв. номер: ЭРГ-7840. Фрагмент: левая подоконная ниша

Насколько реальны детали интерьера, изображенного на гравюре, или это плод воображения художника? И еще один вопрос: эти изображенные на подоконниках квадратики (прямоугольники (?)) — именно голландские плитки, или это могли быть русские изразцы?

Г. В. Михайлов в качестве доказательства версии, что это голландская плитка, приводит сведения о том, что при натуральных исследованиях во дворце Меншикова в выходящих во внутрь окнах Парадной лестницы были обнаружены керамические расписные валики, завершающие обрамление подоконников⁴⁰. Следует отметить, что это были керамические валики русской работы, имеющие отношение к печным изразцам, а не фаянсовые голландские плитки. Г. В. Михайлов, продолжая описывать отделку на гравюре, отмечает, что «облицовка подоконников завершена небольшим выпуклым профилем, расписанным орнаментом»⁴¹. Заметим, что голландские плитки были плоскими. Если речь идет о выпуклом профиле, то это, безусловно, изразцы. Версию Михайлова об отделке плитками подоконников в Зимнем дворце, без отсылок на его работы, повторяет Л. П. Дорофеева: «...на гравюре А. Ф. Зубова... изображен центральный зал первого Зимнего дворца, где с документальной достоверностью передано убранство зала... и подоконники, отделанные плитками»⁴².

Этот же вопрос поднимает Р. В. Реброва. Пытаясь подкрепить высказанную Г. В. Михайловым версию о том, что это голландская плитка, она пишет: «Подобная традиция — украшать так подоконники — была характерна для русских дворцовых и храмовых интерьеров в XVII в.». Однако автор не называет конкретных примеров. Далее Реброва отмечает: «Применялись как изразцы, так и, в редких случаях, плитка». И приводит сведения об отделке плиткой помещения в доме В. В. Голицына. Вместе с тем, в цитированном выше документе об отделке плитками спальни в доме Голицына подоконные ниши не упоминаются. Кроме того, из текста Ребровой следует, что могли использоваться русские изразцы. В таком случае неясно, почему автор настаивает именно на голландской плитке.

В качестве еще одного доказательства Р. В. Реброва приводит цитату из статьи А. Е. Ухналева о реставрационных работах в Летнем дворце, согласно которой в оконных откосах подоконных ниш были найдены остатки облицовки из голландских плиток. По мнению автора, это «также говорит в пользу версии об их появлении в Зимнем дворце Петра I еще в 1711 г.»⁴³.

Действительно, в указанной статье речь идет о том, что в Первой приемной первоначально в подоконных нишах имелась панель из плиток. В ходе

⁴⁰ Михайлов Г. В. Гравюра А. Зубова «Свадьба Петра I»... С. 29, 55.

⁴¹ Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I: Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002. С. 46.

⁴² Дорофеева Л. П. 1) «Музей голландских плиток»... С. 118; 2) Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова... С. 72.

⁴³ Реброва Р. В. Интерьеры с голландской плиткой в Зимнем дворце Петра I... С. 207.

реставрационных работ она была восстановлена Б. А. Мицкевичем⁴⁴. На наш взгляд, выявленные в Летнем дворце плитки не могут говорить о появлении в Зимнем дворце плитки именно в 1711 г., поскольку неизвестно, в какой год голландская плитка появилась в Летнем дворце и, в частности, в отделке Первой приемной.

Следующим годом появления голландской плитки в Петербурге называется 1712 г. Так, А. Н. Петров полагает, что в этот год «изразцовые» плитки появились во дворце А. Д. Меншикова⁴⁵. Однако автор не подкрепляет свои слова источниками. 1713 как год появления плитки фигурирует в статье О. Э. Михайловой⁴⁶. Не раскрывая подробностей, автор отсылает к архивным документам. Она ссылается на лист 40 из дела № 12 фонда «Гоф-Интендантской конторы МИДв» по описи 76/188. В этом архивном деле «Протоколы Канцелярии от строений домов и садов» за 1724 г. документов о плитках нет. Отсутствует и фамилия О. Э. Михайловой в листе использования документа⁴⁷. Во второй ссылке на Кабинет Петра Великого (РГАДА. Ф. 9. Отд. I) отсутствует указание на номер дела.

Вместе с тем именно 1713 г. датируется переписка царя с Б. И. Куракиным о заказе в Нидерландах плитки и последующей ее отправке в Петербург. Отдельные документы этой переписки приводятся в работах разных авторов. Ниже мы постарались собрать все документы, в том числе оставшиеся до этого времени вне поля зрения исследователей.

Л. П. Дорофеева цитирует фрагмент царского распоряжения от 1 ноября 1713 г. из Петербурга⁴⁸. Это же письмо позднее приводит в своей монографии Г. В. Михайлов и делает вывод о том, что указанные плитки могли быть приобретены царем как для Летнего, так и для Зимнего дворцов в Петербурге⁴⁹.

Приведем несколько более полный, чем опубликованный у Л. П. Дорофеевой, фрагмент этого письма: «Мастеровыя люди... которые сюда не высланы, а имянно мастер с подмастерьем, которые плитку делают (которыми в палатах убирают стены и окна), також и печи ценинныя, и таких высылайте, не мешкав. И буде еще не наняты, то наймите такого мастера с подмастерьем в Делфте, ибо там таких мастеров довольно есть, которыя плитки и печи ценинныя делают... Також прислать и плиток таких же, о которых выше помянуто, от десяти

⁴⁴ Ухналев А. Е. Реставрация Летнего дворца Петра I архитектором А. Э. Гессеном в конце 1950-х – начале 1960-х гг. (К вопросу о принципах научной реставрации) // Реликвия. 2009. № 20. С. 3–4.

⁴⁵ Петров А. Н. Материалы к научному обоснованию реставрационных работ по Меншиковскому дворцу. Л., 1962. [Рукоп.] (Архив Дворца Меншикова). С. 11.

⁴⁶ Михайлова О. Э. Материалы к вопросу... С. 76.

⁴⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 470. Оп. 5. Д. 12. Л. 40.

⁴⁸ Дорофеева Л. П. Изразцы в архитектурно-декоративном решении... С. 150. Сн. 3.

⁴⁹ Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I... С. 98.

до двенадцати тысяч (ибо о том давно к вам писано, однако не получили), положи вместо баласту вместе с кирпичем голанским (которой делаетца из белой глины)...»⁵⁰ Ценинными с XVII в. называли в России заглушенные окисью олова эмали и изделия, покрытые такими эмалями. Производство этих изделий — «ценинное дело» (от нем. Zinn — олово)⁵¹.

И. И. Сергеев пересказывает письмо Петра I Б. И. Куракину от 13 ноября 1713 г. и пишет о том, что в декабре того же года плитки по цене от 5 до 10 голландских гульденов за 100 штук были отправлены на корабле «Батавия»⁵². В свою очередь О. Э. Михайлова цитирует письмо «от 4 декабря 1713 г. посла князя Д. Куракина»⁵³ Петру I: «10–12 тысяч израсцов и мастера с подмастерьем, которые в палатах убирают стены и окна, а также печи ценинные»⁵⁴.

Нами выявлено еще одно письмо царя Б. И. Куракину от 3 декабря: «На первых кораблях вместе с ценинными плитками вышлите сюда такой же работы самых лутчих ценинных израсцов печей на 7 или на 8...»⁵⁵

О. Э. Михайлова, без указания даты, цитирует другое письмо Петра I Б. И. Куракину из документов фонда «Кабинета Петра Великого и его продолжения» в РГАДА: «...плитки, ежели еще не отпущены, то велите приказать отпустить самые лучшие, которыми окна выкладывают и чтоб по оным синею краской было написано, а не красною, так же как печи были б самой доброй работы гладкие обрасцы синей краской выписаны»⁵⁶. Под плитками, расписанными красной краской, по всей видимости, царь подразумевал расписанные марганцем плитки. «Образцами» в документах того времени назывались израсцы.

Существует ответ Б. И. Куракина из Гааги от 8 декабря 1713 г., который до сих пор оставался вне поля зрения исследователей, занимающихся голландской плиткой: «Мастер, которые делает ценинные плитки и печи, прошлой весны не выслан, что просит великой цены, а ныне как возможно старатца буду.

⁵⁰ ПиБПВ. Т. XIII. Вып. 2. М., 2003. № 6290. С. 152. (Черновик начала письма, собственноручно написанный Петром I см.: Там же. № 6288. С. 150). В другой статье Л. П. Дорофеева приводит еще одно царское письмо Б. И. Куракину практически с идентичным текстом от 10 ноября 1713 г., отложившееся в фонде «Комиссии по изданию писем и бумаг императора Петра Великого» (ф. 270) Научно-исторического архива СПбИИ РАН (Дорофеева Л. П. «Музей голландских плиток»... С. 117).

⁵¹ Филиппова С. В. Архитектурная майолика / Под ред. С. Г. Туманова. М., 1956. С. 38.

⁵² Сергеев И. И. Голландские мастера-керамисты и их русские ученики // Россия и Нидерланды в XVII–XX вв.: Новые исследования и актуальные проблемы: Материалы международной научной конференции (Институт всеобщей истории РАН, 15–16 мая 2013 г.). М., 2014. С. 111. Автор не дает отсылки к документам, из которых почерпнуты эти сведения.

⁵³ Имеется в виду русский посланник в Амстердаме и агент царя князь Борис Иванович Куракин.

⁵⁴ Михайлова О. Э. Материалы к вопросу... С. 78–79.

⁵⁵ ПиБПВ. Т. XIII. Вып. 2. № 6372. С. 215.

⁵⁶ Цит. по: Михайлова О. Э. Материалы к вопросу... С. 79.

А плитки и прочее все куплено и выслано будет на корабле, которой отсель пойдет при помощи Божией, надеюся, десятого февраля по новому, вооружен совсем с 56 пушками...»⁵⁷

И. И. Сергеенко нашла еще одно донесение Б. И. Куракина монарху от 23 марта 1714 г.: «А печи подражены делать в Гамбурге самого лутчего мастерства, все на порцелиновую статью, которой мастер делает про короля прусского и поспеет в три месяца и тогда отправлены будут, а станут по 30 ефимков, а средние по 35, а большие по 40 ефимков... а здесь в Голландии ни одного мастера не нашли, кто б умел делать и для того в Гамбурхе подражены»⁵⁸.

Эта переписка позволяет нам воссоздать полную картину. Плитки (в количестве от 10 до 12 тысяч) были куплены Б. И. Куракиным в конце ноября — начале декабря 1713 г. В феврале 1714 г. плитку должны были отправить на корабле из Нидерландов в Петербург. Кроме того, царскому агенту не удалось нанять делфтского мастера, запросившего слишком большое жалованье. Б. И. Куракин «старался» исполнить все порученные царем распоряжения и за это время выяснил, что печи и печные изразцы в Нидерландах не делают, и заказал их в Гамбурге. Можно говорить о том, что плитки для царских петербургских дворцов заказывались в 1713 г., а прибыли в Петербург в 1714 г. Поскольку в Зимнем дворце помещения, облицованные плитками, начали строить в 1716 г., то можно заключить, что эти плитки предназначались для Летнего дворца.

По сведениям И. И. Сергеенко, в 1715 г. последовал новый заказ Петра I Б. И. Куракину на покупку 10 тыс. плиток. Автор цитирует царя: «...вели приказать отпустить самые лучшие, которыми окна выкладывают и чтоб по оным синюю краскою было написано». И. И. Сергеенко не дает отсылки к документу⁵⁹. Предполагаем, что продолжалась отделка плиткой интерьеров Летнего дворца.

Помимо дворцов Петра I, голландская плитка проникала во дворцы петербургской знати. По всей видимости, первым свой дворец, находившийся на Адмиралтейском острове, начал облицовывать плиткой генерал-адмирал и брат царицы Марфы Ф. М. Апраксин. И. В. Саверкиной в Военно-морском архиве удалось выявить документ о заказе в 1714 г. из Нидерландов через купца Х. Брандта «1000 плиток ценинных, по белой земле синий кулер»⁶⁰, т.е. с синей

⁵⁷ ПиБПВ. Т. XIII. Вып. 2. М., 2003. Примеч. к № 6290. С. 491.

⁵⁸ Цит. по: *Сергеенко И. И.* Керамика первой четверти XVIII столетия в Петербурге (из истории зарубежных связей) // Забелинские чтения — 1997. М., 1998. С. 243.

⁵⁹ *Сергеенко И. И.* Голландские мастера-керамисты... С. 111.

⁶⁰ *Саверкина И. В.* Быт петербургского общества 1-й четверти XVIII века (по материалам фонда Ф. М. Апраксина в ЦГА ВМФ) // Петербургские чтения (к юбилею города): Тезисы докладов конференции. СПб., 1992. С. 85. Этот документ позднее в своих работах цитировала Л. П. Дорофеева. (Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова... С. 72; «Музей голландских плиток»... С. 117).

росписью на белом фоне. Итак, можно сделать вывод, что вторым, у кого появились в Петербурге плитковые интерьеры, был Ф. М. Апраксин. Плитка для их отделки была доставлена в 1714 или 1715 г.

По мнению Л. П. Дорофеевой, в 1716–1720-х гг. в России «расписную плитку стали применять как основной материал, который формирует архитектурный декор интерьера»⁶¹. Она считает, что в 1715–1720 гг. в Петербурге «появилось множество комнат с плитковой отделкой стен, потолков, каминов, полов под печами и шкафами». Дорофеева отмечает, что такая отделка присутствовала в Зимнем и Летнем дворцах Петра I, что в 1719 г. плитками были отделаны в петергофском Монплезире очаг, стены кухни и панели морского Кабинета. В августе 1722 г. были получены плитки для облицовки поварни в Марли. Вместе с тем автор не указывает источников, откуда почерпнуты эти сведения⁶².

Л. П. Дорофеева упоминает также об отделке плитками петербургских домов Ф. М. Апраксина, П. И. Шафирова и Я. В. Брюса. При этом автор ссылается на любопытный документ: черновик прошения Я. В. Брюса от апреля 1728 г. (т.е. уже после смерти Петра Великого) в Верховный тайный совет «о невзыскании с него денег за невзятые им голландские поливные плитки, присланные Петром I без его согласия»⁶³.

О. Э. Михайлова полагает, что плитки в Петербург привозились из Роттердама и Делфта⁶⁴. Плитки из Роттердама действительно присутствуют в интерьерах двора Меншикова и Летнего дворца, а также выявлены при раскопках в Зимнем дворце. Вместе с тем ни одной плитки, сделанной в Делфте, в Петербурге пока не обнаружено⁶⁵.

Голландская плитка в Зимнем дворце Петра I

История появления голландской плитки в Зимнем дворце Петра I рассмотрена в работе Е. М. Баженовой. Автор опирается, с одной стороны, на результаты архитектурно-археологических исследований 1976 и 1978 гг., в результате которых были обнаружены голландские плитки и их фрагменты, а также на архивные документы фондов «Канцелярии от строений»

⁶¹ *Дорофеева Л. П.* 1) Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова... С. 72; 2) «Музей голландских плиток»... С. 118–119.

⁶² *Дорофеева Л. П.* Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова... С. 72, 75 (сн. 9).

⁶³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1250 (Графы Брюсы). Оп. 1. Д. 9 (опись). У Л. П. Дорофеевой ошибочно № ф. 250 (*Дорофеева Л. П.* Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова... С. 72, 75 (сн. 11)).

⁶⁴ *Михайлова О. Э.* Материалы к вопросу... С. 79.

⁶⁵ Автор выражает глубокую благодарность за неоценимую помощь коллегам из Нидерландов: Яну Плайсу (Jan Pluis), Йохану Камермансу (Johan Kamermans), Ингрид де Ягер (Ingrid de Jager) и коллеге из Польши — Барбаре Поспежной (Barbara Pospieszna).

(ф. 467) и «Гоф-интендантской конторы» (ф. 470) РГИА, большинство из которых впервые введены в научный оборот. Основываясь на монографии главного в то время специалиста по плитке в Нидерландах Д. Корфа, а также на книге А. Лейна, исследователь впервые в русскоязычной литературе применяет названия угловых мотивов «бычья голова», «паучья голова», «гвоздики», «острие копья»⁶⁶. Согласно Баженовой, Зимний дворец облицовывался плиткой в 1718 г., для этих работ из Нидерландов был приглашен мастер, имя которого история не сохранила. Под его руководством над отделкой помещений трудились русские штукатурные мастера Яков Обресков и Никита Смирнов. В октябре 1724 г. плитками отделывались плафоны в помещениях⁶⁷.

Е. М. Баженова полагает, что голландскими плитками было облицовано 11 помещений Зимнего дворца. Однако Г. В. Михайлов указал на ошибочное прочтение документа (в нем два раза перечислялись одни и те же помещения) и установил, что всего было отделано плиткой 6 помещений⁶⁸. Архитектор Государственного Эрмитажа В. К. Галочкин совместно с Г. В. Михайловым реконструировал топографию «плитковых» комнат Зимнего дворца⁶⁹.

Г. В. Михайлов цитирует уникальный документ о присылке плиток из Амстердама и в Петербург в 1716 г., единственный документ, в котором дано описание изображений на плитках. Так, часть партии была с «гвоздичными цветами», а часть — с кораблями. Причем в части партии корабли были помещены в круг, а часть были без круга. Г. В. Михайлов подчеркивает, что в документе не указано, в какой именно дворец направлялись эти плитки. Вместе с тем автор на основании того, что выявленные при раскопках в Зимнем дворце плитки совпадают с описанием в документе, выдвинул предположение, что эти плитки были куплены царем для отделки Зимнего дворца⁷⁰. Здесь хотелось бы заметить, что описание плиток этого документа совпадает также с плитками, сохранившимися в Летнем дворце и во дворце А. Д. Меншикова. Исходя из того, что заказ был сделан царем, можно заключить, что плитки предназначались для одного из его дворцов. В 1716 г. только начались работы по постройке помещений третьего Зимнего дворца, возводившихся по проекту архитектора Г.-И. Маттарнови. Поэтому весьма вероятно, что плитки предназначались для Летнего дворца.

⁶⁶ Баженова Е. М. Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов... С. 66.

⁶⁷ Там же. С. 66.

⁶⁸ Там же; Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I... С. 170 (сн. 276).

⁶⁹ Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I... С. 99, 169 (сн. 270).

⁷⁰ Там же. С. 98, 169 (сн. 267). Как отмечает Г. В. Михайлов, документ был обнаружен А. Г. Каменской. Р. В. Реброва цитирует приведенный Г. В. Михайловым документ и соглашается с автором, что эти плитки предназначались для Зимнего дворца (Реброва Р. В. Интерьеры с голландской плиткой в Зимнем дворце Петра I... С. 209).

Голландская плитка в интерьерах дворца Меншикова в Петербурге

На сегодняшний день дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове в Петербурге располагает четырьмя уникальными интерьерами, все стены и потолки которых отделаны голландской плиткой. В первой четверти XVIII в. «плитковых» комнат во дворце было 13. Когда же «плитковые» интерьеры появились в сохранившемся до наших дней дворце А. Д. Меншикова?

Л. П. Дорофеева полагает (без указания источников), что плитки для дворца А. Д. Меншикова на Васильевском острове были поставлены из Нидерландов в 1715–1727 гг. Центры, в которых производилась плитка, помог определить голландский специалист Ян Плайс: Амстердам, Утрехт, Харлинген и Маккумы⁷¹. Ю. В. Трубинов публикует самое раннее упоминание об отделке плитками интерьеров дворца Меншикова, датирующееся 1717 г.⁷² Эти сведения содержатся в письме управляющего Меншикова подьячего Ивана Борисова царскому гоф-интенданту П. И. Мошкову: «...понеже его высококняжая светлость (А. Д. Меншиков. — Е. А.) при отъезде своем в Питергоф соизволили мне указать дабы в небытность его светлости палату как возможно с поспешением убрать плитками»⁷³. Трубинов выдвигает предположение, что речь идет об отделке Парадной приемной, находившейся между Ореховой и Большим залом⁷⁴.

Л. П. Дорофеева цитирует письмо А. Д. Меншикова голландскому купцу Х. Брандту, из которого следует, что плитка для Меншиковского дворца заказывалась в Нидерландах в 1719 г.: «Тако же вышлите нам сюда тысяч пятьдесят хороших синих плиток на убирание палат»⁷⁵. Вместе с тем при обращении к указанному архивному делу (РГАДА. Ф. 198. № 219. Л. 281) выяснилось, что под этим номером находится «Дело по челобитью князя Меншикова о пожаловании ему в вечное и потомственное владение города Батурина...» 1725 г., не содержащее сведений о плитках⁷⁶.

А. Н. Петров выявил письмо И. Борисова от 1720 г., из которого следует, что в это время отделялись плитками четыре интерьера дворца⁷⁷. Говоря о серии «Пастухов» и «Пастушек», которым облицованы стены «Предспальни», Л. П. Дорофеева отмечает, что подобные плитки «изготавливались в мастерских

⁷¹ Дорофеева Л. П. «Музей голландских плиток»... С. 125.

⁷² Трубинов Ю. В. Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 96–97.

⁷³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 84 (Меншиковы). Оп. 1. Д. 30. Л. 57 об.

⁷⁴ Трубинов Ю. В. Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 97.

⁷⁵ Дорофеева Л. П. 1) «Музей голландских плиток»... С. 118; 2) Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова... С. 72, 73 (сн. 5).

⁷⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.

⁷⁷ Петров А. Н. Меншиковский дворец. Историческая справка. Ч. II: Архивные материалы. Л., 1956. С. 3. Документ цитировался также в: Трубинов Ю. В. Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 97; Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова... С. 89.

Фрисландии»⁷⁸. Действительно, в этой провинции на мануфактурах Харлингена и Маккум делали плитку с этой серией. Вместе с тем, как удалось установить голландскому специалисту Питеру Спрангерсу, именно эти плитки были сделаны в Утрехте⁷⁹ (рис. 5). Рассказывая о плитках «Варварина покоя», Л. П. Дорофеева заключает, что плитки в филенках были сделаны в «дельфтских мастерских»⁸⁰. Изучение этих плиток показало, что основная часть была сделана в Роттердаме, несколько пейзажей с угловым мотивом «гвоздика» — в Амстердаме (рис. 6). Во дворце Меншикова нет плиток, сделанных в Делфте⁸¹.

Рис. 5. Плитка с пасторальной сценой: пастушка; синий цвет на белом фоне; угловое заполнение — «паук». Нидерланды, Утрехт, 1710–1720-е гг. Государственный Эрмитаж. Инв. номер: ДМК-77. Публикуется впервые

Рис. 6. Плитка с архитектурным пейзажем италянизирующего направления в большом круге; синий цвет на белом фоне; угловое заполнение — «гвоздика». Нидерланды, Амстердам, 1710–1720-е гг. Государственный Эрмитаж. Инв. номер: ДМК-99. Публикуется впервые

⁷⁸ Дорофеева Л. П. Фрагмент плиткового декора // Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В. Дворец Меншикова... № 123. С. 125.

⁷⁹ Sprangers P. Utrechtse tegels. 1600–1900. Utrecht, 2013. P. 41, 43–44. Выражаю глубокую благодарность Петеру Спрангерсу (Peter Sprangers) за консультации.

⁸⁰ Дорофеева Л. П. Плитковая панель южной стены // Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В. Дворец Меншикова... № 151. С. 147.

⁸¹ Plus J. De Nederlandse tegel... P. 567.

References

- Arkhim. Leonid (Kavelin)*. Ceninnoe delo v Voskresenskom, Novyj Ierusalim imenuemom monastyre. 1656–1759 gg. // Vestnik Obshchestva Drevne-russkago iskusstva pri Moskovskom publicnom muzee. N 1–12. IV. Smes' M., 1876.
- Alekseeva M. A.* «V Sankt-Piters Burhe grydyroval...» // Pervye hudozhniki Peterburga. L., 1984.
- Andreeva E. A.* Gollandskaya raspisnaya fayansovaya plitka v inter'erah dvorca Menshikova v Sankt-Peterburge // Petrovskie relikvii v sobraniyah Rossii i Evropy: Materialy III Mezhdunarodnogo kongressa petrovskih gorodov. SPb.: Evropejskij dom, 2012.
- Andreeva E. A.* Peterburgskaya rezidenciya A. D. Menshikova v pervoj treti XVIII v.: Opisanie palat, horom i sada: Issledovaniya i dokumenty. SPb., 2013.
- Andreeva E. A.* Peterburgskie doma A. D. Menshikova // Menshikovskie chteniya — 2003: Materialy chtenij k 330-letiyu A. D. Menshikova, prohodivshih 6 noyabrya 2003 g. v shkole iskusstv pos. Berezovo Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga (Yugra): Sb. nauch. st. / Otv. red. I. V. Saverkina. SPb., 2004.
- Baklanova N. A.* Privoznye tovary v Moskovskom gosudarstve vo vtoroj polovine XVII veka // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 4: Ocherki po istorii torgovli i promyshlennosti v Rossii v 17 i v nachale 18 stoletiya. M., 1928.
- Baranova S. I.* Russkij izrazec: Zapiski muzejnogo hranitelya. M., 2011.
- Bazhenova E. M.* Izrazcy v inter'erah pervyh Zimnih dvorcov // Muzej-2. Hudozhestvennye sobraniya SSSR. M., 1981.
- Bazhenova E. M.* Izrazcy v inter'erah pervyh Zimnih dvorcov: Kollekcija Gosudarstvennogo Ehrmitazha // Muzej-4: Hudozhestvennye sobraniya SSSR. M., 1983. S. 66–68.
- Dam van J. D.* Rotterdamse faience 1650–1850 // Tegels uit Rotterdam / Red. I. de Jager, N. Schadee. Rotterdam, 2009.
- Dam van J. D., Tichelaar P. J.* Dutch tiles in the Philadelphia museum of art. Philadelphia: Philadelphia Museum of Art, 1984.
- Dam van J. D.* Gollandskie izrazcy // Pinakoteka: Zhurnal dlya znatokov i lyubitelej iskusstva. N 24–25. M., 2007.
- Dorofeeva L. P.* «Muzej gollandskih plitok» vo dvorce A. D. Menshikova v Sankt-Peterburge // Soobshcheniya Rossijsko-Niderlandskogo nauchnogo obshchestva. SPb., 2003. Vyp. 1.
- Dorofeeva L. P.* Fragment plitkovogo dekora // Kalyazina N. V., Dorofeeva L. P., Mihajlov G. V. Dvorec Menshikova: Hudozhestvennaya kul'tura ehpoi. Istoriya i lyudi. Arhitekturnaya hronika pamyatnika. M., 1986. N 123. S. 125.
- Dorofeeva L. P.* Gollandskie plitki v inter'erah dvorca A. D. Menshikova v Sankt-Peterburge // Pinakoteka. N 24–25. M., 2007.
- Dorofeeva L. P.* Izrazcy i gollandskie plitki // Tri veka Sankt-Peterburga: Enciklopediya: V 3 t. T. 1: Osmnadcatoe stoletie. SPb., 2001. Kn. 1: A–M. S. 394.
- Dorofeeva L. P.* Izrazcy v arhitekturno-dekorativnom reshenii inter'erov dvorca A. D. Menshikova // Trudy Gosudarstvennogo Ehrmitazha. T. XXIII: Iz istorii russkoj kul'tury. L., 1983. S. 144–150.
- Dutov A. A.* Dekorativnoe oformlenie pechej v Petrovskuyu ehposu // Trudy Gosudarstvennogo Ehrmitazha: [T.] 78: Petrovskoe vremya v lichah — 2015: Materialy nauchnoj konferencii. SPb., 2015.
- Erkeleens A. M.* 'Delfs Porcelijn' van koningin Mary II = Queen Mary's 'Delft porcelain': Ceramiek op Het Loo uit de tijd van Willem III en Mary II = Ceramics at Het Loo from the time of William and Mary. Apeldoorn, 1996.
- Filippov A. V.* Drevnerusskie izrazcy. M., 1938. Vyp. I: XV–XVII veka.
- Filipova S. V.* Arhitekturnaya majolika / Pod red. S. G. Tumanova. M., 1956.
- Gessen A., Tihomirova M.* Raboty po restavracii dvorca Monplezir v Petrodvorce // Teoriya i praktika restavracionnyh rabot. M., 1972. Sb. 3.
- Gessen A. Eh.* Restavraciya dvorca Menshikova // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologiya. 1976. M., 1977.
- Gulich A. E.* Zabytyj dvorec. Istoriya stroitel'stva Kronshtadtskogo doma A. D. Menshikova // Petrovskoe vremya v lichah — 2005: Materialy nauchnoj konferencii. SPb., 2005.
- History of a national product. Vol. III: De Porceleyne Fles. Delft, 2003.
- Imperatorskij farforovyj zavod. 1744–1904. [SPb., 1906].
- Kolotov M. G., Gessen A. Eh.* Spravka o rabotah po nauchnoj restavracii pamyatnika arhitektury Menshikovskij dvorec v Leningrade (Universitetskaya nab., 15). Perechen' dokumentacii i osnovnyh processov proizvodstva rabot. L., 1976.

Korencvit V. A., Sergenکو I. I. O majolikovyh vazah-cvetnikah iz raskopok Letnego sada i o keramiste petrovskogo vremeni I. P. Alabine // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologiya. 1982. L., 1984. S. 516–528.

Krupskij A. K. Fayans // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. SPb., 1902. T. XXXV: Usinskij pogranichnyj okrug – Fenol. S. 387–388.

Lemmen H. van. Delftware. Oxford, 2010.

Leont'ev A. G. Dvorec Marli v Nizhnem parke Petergofa — ot Malyh palat Petra I k muzeyu kul'tury petrovskogo vremeni (k istorii stroitel'stva i vossozdanij) // Pamyatnik arhitektury — ot dvorca k muzeyu. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskoj konferencii GMZ «Petergof». SPb., 2013.

Maslih S. A. Russkoe izrazcovoe iskusstvo XV–XIX vekov. M., 1983.

Mickevich B. A. Vossozdanie hudozhestvennoj arhitekturnoj keramiki dlya restavracii pamyatnikov arhitektury nachala XVIII veka v Peterburge // Soobshcheniya Rossijsko-Niderlandskogo nauchnogo obshchestva. SPb., 2003. Vyp. 1.

Mihajlov G. V., Gravyura A. Zubova «Svad'ba Petra I»: Real'nost' i vymysel // Panorama iskusstv: Sb. statej i publikacij. M., 1988. Vyp. 11.

Mihajlov G. V. Zimnie dvorcy Petra I: Arhitektura i hudozhestvennoe ubranstvo. Sobytiya i lyudi. SPb., 2002.

Mihajlov G. V. Zimnie dvorcy Petra I: Issledovaniya i nauchnye rekonstrukcii // Muzej: Sb. statej i publikacij. M., 1988. Vyp. 9.

Mihajlova O. Materialy k voprosu o razvitii russkogo izrazcovogo proizvodstva pervoj poloviny XVIII veka i ego svyazej s gollandskimi izrazcami // Prikladnoe iskusstvo Zapadnoj Evropy i Rossii: Materialy i issledovaniya: Sbornik nauchnyh trudov. L., 1983.

Ovsyannikov Yu. M. Vstupitel'naya stat'ya // Russkie izrazcy / Sost. i avtor vstupit. stat'i Yu. M. Ovsyannikov. [Al'bom]. L., 1968.

Pavlova M. A. Inter'ery Bol'shogo Oranienbaumskogo dvorca XVIII — serediny XIX veka // Oranienbaumskie chteniya. Vyp. VI. SPb., 2006.

Petrov A. N. Materialy k nauchnomu obosnovaniyu restavracionnyh rabot po Menshikovskomu dvorcu. L., 1962.

Petrov A. N. Menshikovskij dvorec. Istoricheskaya spravka. Ch. II: Arhivnye materialy. L., 1956.

Plus J. De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930 = The Dutch Tile. Designs and Names. 1570–1930. Third, revised and enlarged edition. Leiden, 2013.

Pohodnyj zhurnal 1712 goda. SPb., 1854.

Rebrova R. V. Inter'ery s gollandskoj plitkoj v Zimnem dvorce Petra I (po materialam arheologicheskikh issledovanij) // Menshikovskie chteniya — 2015: Nauchnyj al'manah. SPb., 2015. Vyp. 6 (15).

Rebrova R. V. Peterburgskij pechnoj izrazec XVIII veka. Stil' rospisej (K voprosu ob atribucii) // Menshikovskie chteniya — 2015: Materialy Rossijskoj nauchnoj konferencii. SPb., 2015. Vyp. 10.

Rozysknye dela o Fedore Shaklovitom i ego soobshchnikah, izdanie Arheograficheskoi komissii. SPb., 1888. T. 3.

Saltykov A. B. Pervyj russkij keramicheskij zavod // Pamyatniki kul'tury: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. VI. M., 1952.

Saverkina I. V. Byt peterburgskogo obshchestva 1-j chetverti XVIII veka (po materialam fonda F. M. Apraksina v CGA VMF) // Peterburgskie chteniya (k jubileju goroda): Tezisy dokladov konferencii. SPb., 1992.

Sergeenko I. I. Gollandskie мастера-keramisty i ih russkie ucheniki // Rossiya i Niderlandy v XVII–XX vv.: Novye issledovaniya i aktual'nye problemy: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Institut vseobshchej istorii RAN, 15–16 maya 2013 g.). M., 2014.

Sergeenko I. I. Keramika pervoj chetverti XVIII stoletiya v Peterburge (iz istorii zarubezhnyh svyazej) // Zabelinskie chteniya — 1997. M., 1998.

Sergeenko I. I. Syuzhety i ornamenti russkikh izrazcov XVIII veka // Pamyatniki russkoj narodnoj kul'tury XVII–XVIII vv. M., 1990.

Shchukinskij sbornik. M., 1905. Vyp. 4.

Solov'eva T. «Dlya popolneniya ego velikogo gosudarya kazny» // Istochnik. Dokumenty russkoj istorii. 1999. № 4 (40).

Sprangers P. Utrechtse tegels. 1600–1900. Utrecht, 2013.

Stahl S. Deutsche Fliesen: Fayence-Fliesen des 18. Jahrhunderts. Braunschweig, 1977.

Sultanov N. V. Drevnerusskie krasnye izrazcy // Arheologicheskie izvestiya i zametki. 1894. N 2. S. 369–397.

- Sultanov N. V.* Izrazcy v drevnerusskom iskusstve // Materialy po istorii russkih odezhd i obstanovki zhizni narodnoj, izdavaemye A. Prohorovym. SPb., 1885. Ch. IV.
- Tarasova N. I.* Zimnij dvorec Petra I. SPb., 2006.
- The Grove Encyclopedia of Decorative Arts / Ed. G. Campbell. Oxford, 2006. Vol. 1.
- Tihomirova M. A.* Vozrozhdenie Monplezira // Dekorativnoe iskusstvo SSSR. M., 1956. Vyp. 11 (Noyabr'). Traditional dutch tile designs. Amsterdam, 2001.
- Trubinov Yu. V.* Palaty svetlejshego knyazya Menshikova. SPb., 2003.
- Tunander B., Tunander I., Tunander P.* Svenska kakelugnar. Stockholm, 1999.
- Uhnalev A. E.* Restavraciya Letnego dvorca Petra I arhitektorom A. E. Gessenom v konce 1950-h — nachale 1960-h gg. (K voprosu o principah nauchnoj restavracii) // Relikviya. 2009. N 20.
- Voronov N. V.* Russkie izrazcy XVIII veka // Pamyatniki kul'tury. Issledovanie i restavraciya. Vyp. 2. M., 1960.

П. В. Ильин

Международная научная конференция «Историческая память России и декабристы. 1825–2015»¹

14–16 декабря 2015 г. в Санкт-Петербурге состоялась международная научная конференция по проблемам истории декабризма, приуроченная к 190-летию событий на Сенатской площади. Была продолжена давняя традиция, сложившаяся в области декабристоведения — проведение крупных научных форумов в связи с юбилейными датами, берущая свое начало со 100-летия выступления декабристов, широко отмечавшегося в 1925 г. В Санкт-Петербурге юбилейные конференции проводятся каждое пятилетие начиная с 1990 г.

Настоящая конференция продолжила ряд научных форумов, организованных благодаря многолетнему сотрудничеству Санкт-Петербургского института истории РАН и Государственного музея истории Санкт-Петербурга. В 2015 г. к числу организаторов присоединились: Государственный архив Российской Федерации, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева. Особая роль принадлежала Санкт-Петербургскому общественному фонду А. А. Собчака (президент — Л. Б. Нарусова), без организационного и финансового содействия которого конференция не приобрела бы статус международного научного форума.

¹ Автор выражает признательность Т. В. Андреевой, М. С. Белоусову, Д. Н. Шилову (Санкт-Петербург), Е. В. Каменеву (Петрозаводск), Е. Н. Туманику (Новосибирск) за помощь в подготовке публикуемой хроники.

Главная особенность форума состояла в том, что внимание исследователей сосредоточивалось, с одной стороны, на истории декабристского движения и методологии его исследования, с другой — охватывало значительно более широкий фон исторической эпохи, затрагивая проблемы исторической памяти, современного исторического сознания, специальные вопросы источниковедения, историографии и биографики. Организаторы стремились привлечь к участию в конференции ведущих специалистов по декабризму и общественно-политической истории России XIX в., исследователей в области изучения исторической памяти, персоналистики, источниковедения, археографии данного периода отечественной истории. В конференции приняли участие более 80 ученых, представляющих различные регионы России, ближнее и дальнее зарубежье. Среди участников конференции — исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска, Твери, Рязани, Брянска, Саратова, Екатеринбурга, Челябинска, Уфы, Новосибирска, Иркутска, а также Киева, Рустави (Грузия), Гиссена (Германия), Токио.

Работа конференции продлилась три дня: 14 декабря заседания проходили в Комендантском доме Петропавловской крепости, 15 декабря — в ИИ СПбГУ, 16 декабря — в СПбИИ РАН. Всего было заслушано 66 докладов и сообщений. Во время конференции в конференц-зале и читальном зале архива СПбИИ РАН открылись выставки книжных новинок последнего десятилетия и архивных документов, освещающих историю общественного движения в царствование Александра I, подготовленные на основе фондов библиотеки и Научно-исторического архива СПбИИ РАН.

Первый день начался с традиционного возложения цветов к местам памяти декабристов в Петербурге: на Сенатской площади, у кронверка Петропавловской крепости, в мемориальных помещениях Комендантского дома. На торжественном открытии с приветственным словом выступили председатель Оргсовета конференции, директор ГА РФ, профессор МГУ С. В. Мироненко, директор СПбИИ РАН, профессор СПбГУ Н. Н. Смирнов, директор ГМИ СПб А. Н. Колякин, президент Санкт-Петербургского общественного фонда А. А. Собчака Л. Б. Нарусова, сопредседатель Санкт-Петербургского отделения ВООПиК А. Д. Марголис.

Пленарное заседание, состоявшееся в атриуме Комендантского дома, открыл доклад *С. В. Мироненко* «Александр I и Союз благоденствия», посвященный анализу причин терпимого отношения императора к декабристским тайным обществам. В данном контексте рассматривался вопрос о «московском заговоре» 1817 г., напрямую связанный с позицией Александра I в отношении декабристской конспирации. «Московский заговор» был обусловлен тем, что до декабристов дошли слухи о планах Александра I восстановить Польшу в прежних границах: сведения о задуманном им присоединении к Царству Польскому западных губерний, приобретенных в царствование Екатерины II, задели патриотические чувства членов Союза спасения. В докладе были развиты положения,

высказанные Мироненко в его предыдущих работах. По его мнению, император, с 1818 г. осведомленный о существовании в России тайного общества оппозиционных дворян и вызове И. Д. Якушкина на царевубийство, в 1820 г. получивший обстоятельный донос М. К. Грибовского, не принял существенных репрессивных мер, потому что считал нелегальный союз либерально-просветительским обществом. Поставив вопрос о том, был ли Союз революционной организацией, автор доклада отметил, что сама по себе цель преобразования самодержавия и отмены крепостного права не является достаточным основанием для вывода о революционности: необходимо заключение о насильственном характере путей достижения этой цели. Сами участники Союза, как и официальное следствие, не считали эту организацию революционной: многие ее члены были освобождены, другие — вообще не привлекались к ответственности.

Выступление председателя Оргкомитета конференции *А. Н. Цамутали* (СПБНИИ РАН) касалось актуальных вопросов историографии движения декабристов. По его мнению, оценивая предшествующую научную традицию, важно сохранить всё действительно стоящее и дополнить накопленные результаты новыми исследованиями. Сделать это представляется возможным, только досконально проверяя установленные факты. Докладчик обратил внимание на то, что в рамках советской историографии существовало многообразие точек зрения: М. В. Нечкина не была монополистом, существовали оппонировавшие ей исследователи; критикуя ее концепцию, нельзя упускать из виду и немалые ее заслуги. Цамутали отметил, что не следует недооценивать роль традиций дворянской фронды в генезисе первых декабристских обществ, указал на наличие различных политических позиций внутри неоднородной декабристской среды. Цамутали сфокусировал внимание на возникновении ленинской периодизации революционного движения в России: было высказано мнение, что лидер большевиков, говоря о декабристах как зачинателях революционного движения, лишь подхватил идеи, которые витали в воздухе, значительно сузив их и применив к потребностям политической борьбы начала XX в.

Президент Санкт-Петербургского общественного фонда *А. А. Собчака Л. Б. Нарусова* в докладе «Отношение власти к движению декабристов на разных этапах отечественной истории» показала, как на протяжении почти двух столетий власть воспринимала декабристов и использовала их идеи в пропагандистских и прагматических целях. В советское время определяющую роль играла ленинская периодизация «освободительного движения», ограничивающая и искажающая исторический опыт декабризма. В новейшее время идеи декабристов были востребованы на высшем политическом уровне: так, в 1992–1993 гг. при работе над действующей конституцией использовались идеи проектов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева. В последние годы возобладали негативные оценки декабристского движения и особенно событий 1825 г., в которых видят прямые параллели с 1917 г., хотя разница в предпосылках, цели и тактике этих восстаний очевидна. В докладе был затронут вопрос о мес-

те декабристов в исторической памяти современного молодого поколения: как показали интернет-опросы, декабристы сегодня воспринимаются значительной частью молодежи в негативном ключе, что обусловлено в том числе низким уровнем знаний о предмете. Однако, несмотря на метаморфозы идеологической конъюнктуры, попытки негативной переоценки места декабристов в российской истории, для исторической науки остается в силе задача продолжения углубленных исследований их наследия, открытие новых направлений и методик изучения.

М. М. Сафонов (СПБНИИ РАН) в докладе «Основные проблемы изучения истории движения декабристов» призвал к преодолению устоявшихся в историографии стереотипов и парадигм изучения, превратившихся, по его мнению, в своеобразную мифологию, которая подпитывалась «ленинско-сталинской концепцией движения декабристов». Он предложил провести реконструкцию всего хода следственного процесса день за днем в хронологическом порядке (что позволит иначе подойти к анализу следственных материалов), пересмотреть мотивы деятельности лидеров тайных обществ, учитывая национально-патриотический (в том числе антипольский) комплекс их взглядов, изучить связи декабристов с правительственными верхами, в особенности в период междоусобицы 1825 г.

Доклады *В. В. Латина* (СПБНИИ РАН, ЕУ СПб) «Историческая память как исследовательская проблема» и *И. В. Грибан* (Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург) «Историческая память как категория исторической науки: анализ современных подходов» ставили своей задачей дать всестороннюю характеристику понятию «историческая память», осветить важнейшие тенденции в изучении исторической памяти. Были рассмотрены основные механизмы и инструменты функционирования исторической памяти (библиотеки, музеи и иные культурно-общественные центры, популярная литература, юбилейные публикации, современные медиа-формы, праздники, памятники и другие «места памяти» и т. д.), затрагивались проблемы взаимоотношений исторической науки и исторической памяти, коллективной и индивидуальной коммеморации, вопросы формирования и трансформации исторической памяти.

С. Е. Эрлих (Санкт-Петербург) в докладе «Война мифов: декабристы в исторической памяти современной России», осветил проблему мифологизации исторической памяти о декабристах в российском общественном сознании, в частности уделив внимание функционированию нескольких вариантов «декабристского мифа» в актуальном общественно-политическом контексте, а также причинам современного «переформатирования» исторической памяти о декабристах в идеологической политике.

Выступление *Л. В. Выскоцкова* (ИИ СПбГУ), опиравшееся на недавно опубликованное фундаментальное издание дневников Николая I, затронуло некоторые важные аспекты взаимоотношений будущего императора, великого князя Николая Павловича и Александра I в 1825 г., накануне кризиса междоусобицы.

Заключительный доклад пленарного заседания, подготовленный известным специалистом по биографике, методологии и практике работы над биографическими справочными изданиями *Д. Н. Шиловым* (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург), был посвящен источниковедческим и методическим проблемам подготовки современных биографических словарей исторических деятелей дореволюционной России — как универсального, так и регионального и специально-тематического характера. В основу доклада положены результаты критического анализа изданий данного типа, вышедших за последние десятилетия, а также опыт собственной многолетней научной работы. Исследователь уделил внимание проблемам выбора источников и верификации извлекаемых данных при подготовке биографических справочников, структуры формуляра биографических статей, а также корректного оформления научно-справочного аппарата и пристатейной библиографии.

Таким образом, в ходе пленарного заседания прозвучали выступления общего и проблемного характера, содержащие современный взгляд на актуальные и дискуссионные вопросы в изучении декабристов и их времени, а также теоретические доклады, анализирующие представления об исторической памяти как категории исторической науки, вопросы источниковедения и методики подготовки биографических справочников — основы биографических исследований.

На следующий день, 15 декабря, начались секционные заседания. Участники первой секции «*Власть, общество, декабристы и историческая память*» обсуждали проблемы взаимоотношений власти и общества в историческом контексте, главным образом применительно к исторической памяти о декабристах, затрагивая при этом конкретные сюжеты о связанных с ней «местах памяти».

В. М. Бокова (ГИМ, Москва) в докладе «*“Русская Правда” П. И. Пестеля и реформа П. Д. Киселева*» проанализировала характер взаимоотношений двух указанных исторических деятелей, сравнила решение крестьянского вопроса, намеченное в «Русской Правде», и основные принципы реформы государственной деревни. Исследовательница подчеркнула, что Пестель и Киселев были не только сослуживцами: последний был знаком с текстом «Русской Правды» (по свидетельству *И. Д. Якушкина*, Пестель читал ему отрывки из своего сочинения). При этом была отмечена близость ряда положений реформы *П. Д. Киселева* к идеям «Русской Правды». Оба реформатора в своих проектах обращали внимание на одни и те же аспекты, связанные в основном с казенными интересами: разделение земель на общественный (у *Киселева* — запасной) и частный фонды, ограничение роли самоуправления, взимание налогов с имущества, развитие инфраструктуры волости для улучшения благосостояния крестьян. Вместе с тем *В. М. Бокова* указала на различия, обусловленные разными подходами к решению вопросов о выборной системе в сельском обществе, административном устройстве волости.

Выступление *А. Г. Готовцевой* (РГГУ, Москва) было посвящено амнистии декабристов 1856 г. и ее отражению в общественном сознании. На основе мате-

риалов центральной прессы был сделан вывод о том, что амнистия сопровождалась стремлением Александра II к выяснению того, насколько официальная версия событий 30-летней давности находит отклик в общественном сознании 1850-х гг., а также намерением утвердить в обществе правительственную трактовку выступления 1825 г. В дальнейшем предполагается исследовать этот круг вопросов на материале местной печати.

Доклад *Т. Н. Жуковской* (ИИ СПбГУ) затрагивал тему особенностей исторической памяти выпускников и преподавателей Санкт-Петербургского университета. Анализируя механизм функционирования коллективной памяти университетского сообщества на протяжении XIX в., исследовательница осветила и общие вопросы формирования исторической памяти русского общества о событиях царствования Александра I. Была рассмотрена также проблема коллективной памяти осужденных декабристов, сложившейся на каторге и отраженной в несохранившемся коллективном мемуарно-публицистическом труде, который повлиял на ряд созданных на его основе мемуаров. Выводы докладчика, касающиеся особенностей формирования и воспроизводства коллективной, корпоративной и индивидуальной исторической памяти, происходящей с течением времени коррекции составляющих ее элементов, представляются научно значимыми.

Директор Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов *Е. А. Добрынина*, рассказывая о его деятельности, отметила, что в последние годы происходит сужение пространства исторической памяти о декабристах. В настоящее время особое место в работе музея занимают издательская (выходят документальная серия «Полярная звезда», сборник «Сибирь и декабристы», научно-популярная серия «Польско-сибирская библиотека») и экскурсионно-выставочная деятельность (цикл «Декабристское кольцо Восточной Сибири», передвижные выставки), опирающиеся на сохранившиеся в Сибири места памяти о декабристах.

Тему мест исторической памяти продолжила *М. В. Вершевская* (ГМИ СПб). В докладе «Декабристы в Петропавловской крепости: память места и музейный контекст» она отметила, что проведенная ею научная реконструкция мест заключения декабристов в целом завершена, однако в экспозиционном отношении отражение достигнутых результатов еще далеко от желаемого уровня. Петропавловская крепость как музей и место памяти о декабристах развивалась на протяжении многих десятилетий: еще в 1955 г. была открыта первая экспозиция, посвященная декабристам, в Трубецком бастионе, в 1975 г. — мемориальная экспозиция в Комендантском доме, затем открылись места заключения в Зотовом бастионе, в 1980-х гг. начали отмечаться дни памяти на Сенатской площади и кронверке, проводятся научные чтения и тематические экскурсии.

Участники конференции высоко оценили выступление председателя Декабристской комиссии при Союзе краеведов России *Э. Б. Штеца* (Москва). Исследователь подготовил доклад справочного характера о памятных местах

декабристов в Восточной Сибири, рассказал о собранных им во время экспедиций материалах о местах пребывания декабристов на каторге и в ссылке, о фотофиксации современного состояния исторических памятных мест. Планируется издать серию из восьми книг иллюстрированной справочной публикации — фундаментального каталога памятных мест декабристов: выпущен том по Москве и Московской области, на очереди издания, охватывающие Восточную и Западную Сибирь, Санкт-Петербург, северо-западные и западные российские губернии, Украину и Бессарабию.

В ходе работы второй секции *«Движение декабристов и нравственные вызовы эпохи: история, легенды, нарративы»* основное внимание уделялось проблемам морально-нравственного сознания декабристского поколения, «этической программе» декабристов в неразрывной связи с их идеями и общественно-политической деятельностью, а также культурному и нравственному влиянию декабристов на современников.

Доклад *Е. А. Овчинниковой* (Институт философии СПбГУ) «Моральное сознание декабристского поколения: нормы, ценности, нарративы» обозначил важнейшие аспекты феномена декабризма в морально-этическом контексте. Были охарактеризованы мировоззренческие установки, на основе которых сложился новый тип личности и общественного деятеля в русской истории, представленный декабристским поколением: принципы деятельного патриотизма, ответственности перед обществом, просветительский концепт общественного блага, постулаты политической этики, общественно-полезной деятельности. При обсуждении доклада затрагивался вопрос о месте религии в декабристском сознании в 1810-х — 1820-х гг. Е. А. Овчинникова отметила, что в этот исторический период в мировоззрении образованного дворянского слоя происходил переход от идентичности религиозной к идентичности гражданской; обсуждение вопроса вылилось в продолжительную дискуссию.

Т. А. Перцева (Иркутский государственный университет) в докладе «Декабристы и иркутское общество: причины, последствия и значение культурного влияния ссыльных дворян» выделила основные элементы механизма воздействия декабристов на сибирское общество, отметив в особенности их опосредованное влияние через купечество и чиновничество. Сила культурного влияния декабристов была прямо пропорциональна их количеству в определенном месте поселения и возрастала там, где оформились колонии ссыльных. В этом контексте следует говорить об укреплении либерально-просветительских традиций в Сибири, формирование которых происходило благодаря приезжавшим из Европейской России образованным чиновникам и ссыльным. Декабристы стали предметом подражания для иркутян, особенно в плане просветительства и благотворительности. В этой связи Т. А. Перцева предложила применить понятие «культурных доноров» — представителей сибирского общества, которые, проникшись декабристским нравственным обликом и просветительскими идеями, стали проводниками прогрессивных ценностей.

Е. Н. Туманик (Институт истории СО РАН, Новосибирск) в докладе «К вопросу об эволюции идей декабризма после восстания: А. Н. Муравьев и его проекты общественных и политических объединений 1848 и 1856 гг.», анализируя недавно открытые докладчицей источники, показала процесс эволюции декабристского политического сознания после 1825 г. на примере основателя первого тайного общества декабристов А. Н. Муравьева. Исследовательница обратилась к изучению его политического проекта 1848 г. и пришла к выводу, что главная цель задуманных бывшим декабристом мер — предотвращение экспансии радикальных революционных идей из Европы. Для этого было предположено создать дворянское ополчение — «Царскую дружину» (некий прообраз «Святой дружины» 1881–1882 гг.). В 1856 г. Муравьев написал устав «Общества народной совести», целью которого являлось содействие либеральным мерам правительства, в чем усматривается возвращение на новом витке истории к идеям Союза благоденствия. Общество не было создано, но Муравьев занимался распространением своих идей, от которых, как отмечали современники, веяло «духом 14 декабря».

Д. В. Четвертной (Петрозаводский государственный университет) предложил вниманию участников конференции доклад «К особенностям политического языка декабристов в период ссылки на Кавказе». Анализируя дневники и письма бывших деятелей тайных обществ кавказского периода, автор согласился с мнением Я. А. Гордина, что в мировоззрении декабристов сосуществовали либеральные и имперские идеи. В период ссылки и службы на Кавказе они поддерживали имперскую экспансию, правительственную политику завоеваний, поскольку считали необходимым усиление цивилизующей миссии Российского государства, направленной в том числе против восточных тираний.

В рамках третьей секции «Европейские революции, события 1825–1826 гг. и историческая память» обсуждались различные аспекты проблемы влияния западных политических идей и событий 2-й половины XVIII — 1-й четверти XIX в. на российское государство и общество, на движение декабристов, а также отражение этого процесса в представлениях современников.

А. Ю. Андреев (МГУ) в своем содержательном докладе «Взгляд из Швейцарии: события междуцарствия и 14 декабря 1825 г. в переписке Ф.-Ц. Лагарпа», основанном на новом документальном материале, обратился к анализу писем знаменитого швейцарца к членам российской императорской фамилии и поддерживающих в них оценок событий 1825 г. Интерес к личности Лагарпа в отечественной и зарубежной историографии обусловлен его близостью к императорскому двору: он находился в переписке с Александром I и его братьями. Исследователь отметил, что конституционалист Лагарп в восстании 14 декабря увидел продолжение дворцовых переворотов XVIII в., мятеж «вечно недовольного» российского дворянства, стремящегося узаконить свои права и привилегии, а в декабристах — дворянскую фронду, которую воспринимал негативно — как препятствие в реализации правительственных реформ. Сказался

дефицит источников информации: из числа заговорщиков Лагарп знал только Н. М. Муравьева, сына воспитателя Александра I, характеризуя его как «несчастливого сына прекрасного отца». Письма Лагарпа Константину Павловичу говорят о том, что швейцарец воспринимал великого князя как главного положительного героя междоусарствия, так как он добровольно отказался от престола, соблюдая свои обещания покойному брату и матери, — таким образом, в некоторой степени идеализируя действующих лиц междоусарствия 1825 г.

Ф. Л. Севастьянов (Санкт-Петербург) представил доклад «Власть блюстительная «Русской Правды» П. И. Пестеля в свете теории разделения властей». По мнению докладчика, принцип разделения властей у декабристов переживал свое детство, но «Русская Правда» предвосхитила современное понимание указанного принципа. В этом документе впервые появляется мысль о необходимости контроля над государственными институтами — «власти блюстительной», которой Пестель уделил немало внимания. Исследователь полагает, что среди идеологов декабризма Пестель был наиболее независимым от имевшихся образцов западных конституций. В ходе прений, состоявшихся после доклада, обсуждался вопрос о типологии труда Пестеля: являлась ли «Русская Правда» конституцией в настоящем смысле слова или только программой преобразований, оформленной в виде «наказа» новой власти? В последнем случае в ней нельзя искать все обязательные элементы конституции. Мнения участников дискуссии на этот счет разошлись.

И. А. Иванов (Университет им. Ю. Либиха, Гиссен, Германия) в докладе «“Несчастное и постыдное приключение” как предвестник восстания декабристов: “Семеновская история” 1820 г. в зеркале истории государственной безопасности» сосредоточил внимание на особенностях восприятия властными структурами «бунта» гвардейского полка, ставшего важным рубежом царствования Александра I. Особый интерес исследователя привлекла к себе реакция полицейских служб на «Семеновский бунт», показывающая, в чем власть видела главную угрозу для общественной безопасности. Докладчик отметил вызванный политическими событиями эпохи страх правительства перед европейскими влияниями, ожидание политического кризиса, неуверенность в повиновении гвардии, убежденность в ослаблении дисциплины, вредном влиянии солдатского образования, показал ответные действия, предпринятые полицейскими службами после «Семеновского бунта» (система репрессий и поощрений), безрезультатный поиск политической подоплеки солдатского выступления (заговора офицеров или «посторонних лиц»).

Профессор *Т. Мацумура* (Токио, Япония) в докладе «Скрытый план военного переворота декабристов: отношения между офицерами и нижними чинами во 2-й армии в первой половине 1820-х гг.» на основе архивных материалов РГВИА показал, что в рассматриваемую эпоху офицеры несли полную ответственность за солдат. Это касалось не только военной службы, квартирования, смотров, но и ежедневного быта, здоровья, заработка нижних чинов, содержа-

ния и приращения солдатских артельных денег; офицеры выступали посредниками при найме солдат на хозяйственные работы. Анализируя отношения между офицерами и нижними чинами во 2-й армии, Мацумура пришел к выводу, что они носили патерналистский характер и опирались на определенную экономическую базу. Поэтому, когда М. Ф. Орлов предлагал в 1821 г. начать восстание возглавляемой им 16-й дивизии, он был уверен в отклике подчиненных; в основе этой уверенности лежала тесная связь офицеров и солдат, охватывавшая практически все стороны их жизни. При обсуждении доклада прозвучало предложение обратиться к анализу отношений нижних чинов и офицеров гвардии при изучении петербургского восстания.

М. С. Белоусов (ИИ СПбГУ) в докладе «Сценарий мятежа 14 декабря» предложил свой взгляд на события заговора декабристов, предшествовавшие выступлению на Сенатской площади. По его мнению, следует четко разделять реальные политические планы и действия декабристов и форму их репрезентации в среде заговорщиков и отражения в материалах следствия. Автор представил результаты анализа следственных показаний 111 декабристов, находившихся в Петербурге в дни междоусобия, на предмет содержащихся в них интерпретаций важнейших решений лидеров заговора. Такой подход позволил прийти к ряду важных выводов. Докладчик предложил отказаться от формулы «избрания» С. П. Трубецкого «диктатором», заменив ее на другую: «К. Ф. Рылеев, по согласованию с А. А. Бестужевым и Е. П. Оболенским, провозгласил Трубецкого диктатором». В докладе сравнивался ход испанских «пронунсиаменто» 1810-х гг. и план петербургского восстания. По мнению исследователя, Трубецкой, разрабатывая план мятежа, пытался заручиться поддержкой влиятельных государственных деятелей и заменил оглашение конституции публикацией манифеста от Сената, что воспроизводило ход событий испанских военных выступлений, действия их лидеров.

Доклад А. В. Паршиной (ИИ СПбГУ) «Восстание декабристов с испанским акцентом» освещал историографический контекст проблемы влияния на декабристов испанского либерально-революционного движения. В докладе было показано, что отечественные и западные историки проводили сравнение испанской военной революции и выступления 14 декабря, анализировали влияние переворота под руководством Р. Риго на декабристов, российское общественное мнение об испанских событиях 1820 г. В то же время остались невыявленными и неизученными каналы поступления информации и конкретные примеры заимствований, осуществленных декабристами из испанского опыта (в частности определенные элементы «модели» военной революции). Кроме того, не уделялось внимания целому ряду «пронунсиаменто» 1814–1820 гг., не проводилось сравнение Кадисской конституции и проектов декабристов.

В ходе работы четвертой секции «Биографика в России (конец XVIII — начало XX в.): традиции и современные подходы» в центре внимания были главным образом проблемы биографических исследований, относящиеся к рубежу XVIII и XIX вв.

В обстоятельном докладе *И. В. Ружицкой* (ИРИ РАН, Москва) «Портрет на фоне эпохи: Модест Корф» видный государственный деятель был охарактеризован как яркий и характерный представитель высшей бюрократии нового типа, отличительной чертой которого стали глубокая образованность и высокий профессионализм. В основе преобразовательных устремлений правящей элиты 1-й половины — середины XIX в. лежали идеи Просвещения, стремление к рационализации системы управления, действующей в рамках фундаментального законодательства. В данном контексте преобразовательные идеи этого слоя российской просвещенной бюрократии имели сходство с планами декабристов. Выявляя вклад М. А. Корфа в создание «Свода законов Российской империи», И. В. Ружицкая развила наблюдения, высказанные в ее монографии «Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.)» (М., 2009).

Доклад *О. А. Любезникова* (Санкт-Петербург) освещал спорные и неизученные стороны биографии Н. Н. Новосильцова, который долгое время оценивался в историографии как администратор «второго эшелона». Докладчик, возвращая его в первый ряд управленческой элиты первой трети XIX в., обратил внимание на некоторые важные аспекты его биографии. Он охарактеризовал большую роль Новосильцова в разработке реформ центрального и местного управления, формировании внешнеполитической доктрины России накануне Отечественной войны 1812 г., показал степень его участия в послевоенных конституционных планах Александра I.

Н. Н. Аурова (ИРИ РАН, Москва) исследовала биографию Н. Д. Дурново, блестящая карьера которого оборвалась в 1828 г., в одном из сражений русско-турецкой войны. Особое внимание было уделено неопубликованному дневнику Дурново, являющемуся уникальным источником по политической и военной истории первой четверти XIX в., и необходимости подготовки первой научной публикации его полного текста.

Б. Ф. Егоров (СПБНИИ РАН) представил доклад «Ястребцовы — современники декабристов», в котором речь шла о двух однофамильцах Ястребцовых (И. И. и И. М.), которые имели сходные судьбы, жили в одно время и были причастны к литературной деятельности. На протяжении многих лет исследователи смешивали этих двух лиц, и лишь недавно автору доклада удалось окончательно их идентифицировать. В сообщениях *К. В. Доник* (ЕУ СПб), *Е. В. Ситниковой* (Новосибирск), *А. С. Майоровой* (Саратовский государственный университет) внимание участников конференции было привлечено к фигурам А. С. Меншикова, представителей рода Бестужевых и родственных им семейств, к деятелям отечественной культуры и науки 1-й половины XIX в., связанным с Саратовской губернией.

16 декабря работа конференции сосредоточилась на специальных вопросах исследования декабризма. В рамках пятой секции «*Феномен декабризма: новые подходы к описанию и изучению*» в ряде проблемных докладов презентовались актуальные направления в научных разработках, обосновывались новые под-

ходы к пониманию декабризма как исторического явления, его идейно-политической программы, его культурно-исторического значения, новые методики в исследовании состава участников движения, были представлены некоторые результаты работы, уже проделанной по этим направлениям.

Значительный интерес вызвал доклад *Д. В. Тимофеева* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) «Проблема реконструкции общественно-политических настроений в России первой четверти XIX в. в контексте истории основных социально-политических понятий». В продолжение цикла трудов автора в докладе была предложена исследовательская модель применения в трудах по истории общественно-политической мысли методологии «истории понятий». На основе анализа политических текстов российских авторов первой четверти XIX в. были представлены различные контексты употребления понятий «закон», «конституция», «свобода», «рабство», «революция», «просвещение». Такой подход, по мнению автора, открывает перед исследователем перспективу научной реконструкции процесса адаптации европейских либеральных идей и понятий в России в конце XVIII — начале XIX в.

В докладе *Т. В. Андреевой* (СПБII РАН) «“Сотворение декабристов”: культурологический аспект феномена декабризма» были обозначены основные элементы культурологического аспекта формирования декабристского поколения (социальный, сословно-дворянский, национально-вероисповедный, культурно-исторический, семейно-воспитательный). По мнению докладчика, появление на исторической арене «людей 14 декабря» было обусловлено глубокими социальными процессами: в начале XIX в. завершается складывание дворянского общества как социальной корпорации, отделявшей себя от государства и свои интересы от государственных. В 1810-х гг. из него выделяется собственно «общество», социально активная и политически образованная группа дворянства, представители которой стали основателями тайного общества. Поколение декабристов возникло в условиях общеевропейского социокультурного процесса формирования нового человеческого типа — гуманистически мыслящего, нацеленного на достижение «общественного блага». Пути «сотворения декабристов» зависели от многих факторов: социального статуса, национально-вероисповедной принадлежности, культурно-исторических и семейных реалий, поэтому в самом движении не было единства взглядов. Т. В. Андреева сделала вывод, что в целом движение декабристов было либерально-просветительским, революционные устремления были характерны для сравнительно узкого круга участников.

П. В. Ильин (СПБII РАН) в докладе «Другие декабристы: участники тайных обществ, избежавшие судебного приговора, как исследовательская проблема», продолжая его научные изыскания, затронул вопрос терминологии: кого принято считать декабристом. Он обратил внимание на логическое противоречие, присущее научной традиции: не всех участников движения декабристов считают декабристами. В историографии утвердился ограниченный

подход: к декабристам относят в основном членов тайных обществ, существовавших после 1821 г., главным образом пострадавших по итогам судебного-следственного процесса (осужденных, часть административно наказанных). Другие участники движения нередко отсекаются от понятия «декабрист», хотя многие из них играли в конспиративных союзах более значительную роль, чем некоторые из осужденных. Это — результат давления на историографию идеологически ангажированных концепций, которые уделяли преимущественное внимание наиболее радикальным декабристам. Такая практика искажает восприятие исторического явления, ограничивает возможности изучения идейного облика декабристов во всей его полноте, их письменного наследия. Противоречивая картина использования понятия «декабрист» свойственна историографии на всем ее протяжении, и только на современном этапе появляется возможность для пересмотра такого подхода, применения вместо произвольных критериев политического радикализма и понесенного наказания — объективного критерия доказанного участия в тайных союзах, заговоре и выступлениях 1825–1826 гг. Чтобы преодолеть проблему доказанного участия, автор доклада предложил провести процедуру критики документальных свидетельств, отражающих факт вступления в тайный союз. По итогам сложившейся историографической ситуации декабристы, избежавшие наказания, и их письменное наследие до сих пор остаются, как правило, неизученными. В этой связи возникает практически неразработанная проблема эволюции политических взглядов участников движения, которые продолжали службу в царствование Николая I, достигнув высоких государственных постов — проблема, открывающая новые перспективы для научных исследований.

С. В. Куликов (СПБНИИ РАН) посвятил свой доклад, озаглавленный «Декабрист после декабря» в эпоху «великих реформ»: С. П. Шипов и его публицистическое наследие», анализу письменного наследия одного из таких декабристов, впоследствии крупного чиновника и практически забытого политического мыслителя умеренно-либерального направления Сергея Павловича Шипова (1789–1876), продемонстрировав тем самым первые результаты сформулированного П. В. Ильиным нового подхода. Подчеркивая либеральную сущность декабризма как исторического феномена, докладчик показал это на примере идейной эволюции Шипова, ставшего фактически одним из идеологов либеральной бюрократии середины XIX в. Сенатор при Александре II, он развивал в своих сочинениях преобразовательные идеи декабристов, предложив программу реформ государственного строя, которая сочетала в себе введение гражданских свобод, новых политических учреждений (в том числе выборных представительных органов) и сохранение традиционных монархических институтов.

Совместный доклад *К. Г. Боленко* и *Б. Н. Щедринского* (Москва) затрагивал другой важный аспект проблемы декабристов, избежавших наказания и оставшихся на государственной службе после 1825 г. — создание их научных биографий, исследование формулярных списков (на примере того же С. П. Шипова).

Анализ и сопоставление послужных списков, сохранившихся в фондах РГВИА, обнаружили немаловажные данные биографического характера, которые содержат эти источники, а также факт сокрытия ряда служебных обстоятельств в поздних послужных списках.

А. Ю. Скрыдлов (СПбФ ИИЕТ РАН, Санкт-Петербург) представил доклад «Академик К. Ф. Герман и истоки декабризма: взгляды ученого на устройство государства и общества», в котором осветил политические взгляды крупного обществоведа и экономиста академика К. Ф. Германа (1767–1838), оценил его роль в формировании идейных основ декабризма в связи с тем, что ученый преподавал политэкономические предметы целому ряду видных деятелей декабристских обществ.

Д. С. Артамонов (Саратовский государственный университет) в докладе «Легенда о призвании варягов в исторической памяти декабристов» отметил, что в начале XIX в. господствовала точка зрения Н. М. Карамзина о добровольном призвании варягов, но, несмотря на огромный авторитет историка, у декабристов сложились собственные взгляды на этот вопрос. «История Государства Российского» подверглась критике не только за политическую ангажированность, но и за отсутствие в ней серьезной критики источников. Декабристы полагали, что добровольного призвания варягов не было, разделяя теорию завоевания славян. По мнению докладчика, это обуславливалось их политическими устремлениями, направленными на свержение самодержавия как государственной системы, делегитимизированной в силу факта захвата власти, имевшего место в прошлом.

Особое внимание в работе конференции было уделено проблемам историографии и источниковедения, которым отводились специальные секционные заседания.

Работа шестой секции «*Декабристская историография: традиции и новации*» открылась совместным докладом А. Ю. Дворниченко и М. С. Белоусова (ИИ СПбГУ), в котором были освещены научная карьера известного историка-эмигранта Г. В. Вернадского и его взгляды на движение декабристов. Анализируя как изданные труды, так и неопубликованные лекции и доклады, сохранившиеся в архиве историка, авторы пришли к выводу о том, что в основе взглядов Г. В. Вернадского лежала дореволюционная историографическая традиция, развитие которой ученым, в свою очередь, оказало большое влияние на американскую русистику. Принадлежность историка к дореволюционной традиции наложила свой отпечаток на его декабристоведческие работы: по мнению исследователей, Г. В. Вернадский смотрел на движение декабристов в основном как на явление, сформированное российскими политическими реалиями и корнями уходящее в масонство.

Е. А. Калинина (Петрозаводский государственный университет) подняла вопрос о том, как освещалась тема «Декабристы» в школьных учебниках XIX — начала XX в. В 1830-х — 1850-х гг. эта тема отсутствовала в учебниках, и только

после «великих реформ» участники восстания 1825 г. стали упоминаться как «заблудшие мятежники». Тогда же впервые была показана связь их идей с политическими воззрениями деятелей Просвещения и Французской революции, а событий 1825 г. — с «военными революциями» в Европе 1820-х гг. В целом учебники формировали представление о декабристах как заговорщиках, они не вписывались в концепцию официального патриотизма, господствовавшую в учебной литературе. В начале XX в. происходит переход к развернутому описанию событий в официально-охранительном духе. После 1917 г. формируется советская официальная традиция.

Выступление *Е. В. Каменева* (Петрозаводский государственный университет) «“Поставим вопрос иначе”: характеристика Союза благоденствия в монографии М. В. Нечкиной “Движение декабристов”» содержало анализ риторических приемов, которые использовала М. В. Нечкина для формирования и обоснования концепции «революционности» Союза благоденствия. Исследователь показал, что актуализация концепта «революционность» осуществлялась историком с помощью явных и скрытых отсылок к другим произведениям (цитаций и реминисценций): в частности через цитирование комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова и реминисценции на собственную монографию «Грибоедов и декабристы».

В. С. Парсамов (НИУ ВШЭ, Москва) сообщил о результатах проведенной им реконструкции непрочитанного спецкурса Ю. М. Лотмана, посвященного декабристам и датируемого началом 1980-х гг. Докладчик на основе анализа записей лекций и сохранившейся программы реконструировал содержание подготовленного Ю. М. Лотманом спецкурса о декабристах. Парсамов отметил, что для выдающегося историка, культуролога и литературоведа декабристы оставались «дворянскими революционерами», впитавшими идеи Французской революции; он рассматривал их в основном в контексте истории литературы. Ученый видел парадокс их политического мировоззрения в противоречивом соединении двух разных идеологических систем: просветительства и дворянского либерализма. Идеи Ю. М. Лотмана и его труды не могли не вызвать живого интереса участников конференции: в ходе обсуждения был затронут вопрос о применении семиотического подхода к истории декабризма. По мнению докладчика, он заключался в анализе посредством применения знаковых систем литературных и публицистических сочинений декабристов, а также их общественно значимых поступков, бытового и публичного поведения.

В докладе *Р. А. Хазиева* (Башкирский государственный университет, Уфа), посвященном англоязычной историографии декабризма второй половины XX — начала XXI в., был выделен ряд особенностей англосаксонской русистики: ее определенная независимость от методов изучения русскоязычной литературы, специфика в использовании источников, особенно — в их интерпретации, которая отличается от отечественной традиции в силу разницы менталитетов, применение различных методик и междисциплинарных подходов. Докладчик

отметил, что для англоязычной историографии характерно использование апробированной западной модели, наложение ее на историю России. Вследствие этого в историографическом образе декабристов — «аристократов-революционеров», так же как и в советской историографии, доминировала идея революционности. При обсуждении доклада проявился интерес к особенностям методов и подходов зарубежных историков, возник спор об отношении к постулатам постмодернистского направления в зарубежной историографии — в частности к тезису об отсутствии объективной истины в исторических работах.

Завершил заседание секции Ю. В. Латыш с докладом «Современное украинское декабристоведение», подготовленном совместно с ведущим представителем украинской историографии декабризма Г. Д. Казьмирчуком (Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина). В докладе отмечалось, что к концу 1980-х гг. в Украине сформировался собственный исторический нарратив применительно к событиям российской истории. В отношении декабристов украинские исследователи расходятся во мнениях: одни считают, что тайные общества первой четверти XIX в. не относятся к истории Украины, поскольку они не решали украинский национальный вопрос. Другие полагают, что появление декабристов в Украине не случайно, так как обусловлено предыдущим развитием украинской истории, историей казачества; сторонники последнего мнения считают, что декабристы повлияли на развитие украинского национального движения. Авторами доклада был дан обзор развивающихся сегодня в Украине направлений в изучении декабристской темы.

Седьмая секция «*Декабристы: историческое сознание и документ*», посвященная проблемам источниковедения, открылась докладом Н. П. Матхановой (Институт истории СО РАН, Новосибирск) «Комментирование мемуарного наследия декабристов: исторический контекст». Исследовательница обратила внимание на тот факт, что осмыслением проблем комментирования мемуаров занимаются в настоящее время в основном филологи. Между тем комментарии нужны прежде всего для разъяснения или уточнения исторического содержания мемуарного свидетельства. Принципы комментирования со временем стали строже, при этом стандартизация правил и приемов комментирования постепенно привела фактически к «ликвидации личности» комментатора. Н. П. Матханова подчеркнула, что на процесс комментирования большое влияние оказывают общественно-политические условия, в которых работает комментатор.

О. В. Эдельман (ГА РФ, Москва) в содержательном докладе «Немецкие учителя Павла Пестеля (по материалам семейной переписки)», сообщила о новых данных из биографии П. И. Пестеля. В основном они касаются периода обучения юного Павла и его брата Владимира Пестелей в Германии с 1805 по 1809 г. Не случайным был выбор города Дрездена: выяснено, что в нем проживали родственники Пестелей. Благодаря тщательному изучению семейной хроники удалось заполнить некоторые важные пробелы в биографии декабриста.

В докладах, сделанных *Н. А. Соколовой* (Центральный государственный архив г. Москвы), *Е. Ю. Лебедевой* (ИНИОН РАН, Москва), *Ю. С. Сулаберидзе* (Рустави, Грузия), *Г. А. Лумпановой* (Тверь), анализировались как опубликованные, так и вновь выявленные источники, освещающие малоизвестные страницы биографии или представляющие неизученное письменное наследие (записки, мемуары, письма) декабристов П. И. Пестеля, А. П. Барятинского, Е. Е. Лачинова, М. И. Муравьева-Апостола.

Восьмая секция «*Проблемы современной декабристovedческой биографики*» была посвящена специальным вопросам биографических исследований в данной тематической области. Открыл работу секции доклад *П. В. Акульшина* (Рязанский государственный университет) «*П. А. Вяземский и декабристы: “декабрист без декабря”?*», в котором рассматривался вопрос о том, как известный литератор и общественный деятель относился к тайным обществам. Взгляды Вяземского сформировались в первое десятилетие XIX в., его представления и либерально-реформаторские идеи декабристов в целом совпадали. При этом, как подчеркнул автор доклада, Вяземский был лишь наблюдателем деятельности конспиративных союзов. После попытки переворота 1825 г., подготовленной радикальным крылом декабристов, тайное общество уже не рассматривалось им как реформаторский инструмент, а оценивалось как политический заговор. Восстание на Сенатской площади воспринималось Вяземским как «мятеж», начатый под действием «шампанского, выпитого в 1814 г.», инициаторы которого, тем не менее, не заслуживали серьезного наказания. Обсуждение доклада привело к выводу о необходимости детального изучения окружения декабристов, в частности — их единомышленников, скептически относившихся к тайным обществам.

Доклад *В. А. Шкерина* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) «*Два образа В. А. Глинки: декабрист и “главный командир” горнозаводского Урала*» вновь поднял проблему трансформации мировоззрения декабристов, избежавших наказания в 1826 г., на примере эволюции взглядов участника Союза благоденствия Глинки, ставшего начальником уральских горных заводов.

Выступление *В. П. Тотфалушина* (Саратовский государственный университет), посвященное связям декабристов с Саратовским краем, носило фактографический характер. Отмечалось, что в истории края остались имена многих декабристов (В. С. Норова, С. И. Кривцова, А. П. и П. П. Беляевых, Г. Д. Колокольцева и др.), близких к ним П. А. Вяземского и П. А. Габбе, хотя мест и объектов, связанных с исторической памятью о них, почти не сохранилось.

В докладах *В. В. Ефимовой* (Петрозаводский государственный университет), *О. В. Бондаренко* (Архангельск), *Д. В. Бухарова* (Брянск), сделанных на секции, освещались малоизвестные или вновь установленные обстоятельства биографий декабристов Ф. Н. Глинки, А. И. Одоевского, В. А. Перовского.

На заключительном заседании основное внимание было привлечено к *перспективам источниковедческой и археографической работы*; эта работа в значи-

тельной степени определяет дальнейшее плодотворное развитие всего декабристоведения. Речь шла о продолжении серийных публикаций фундаментального характера, являющихся основополагающими документальными изданиями в данной области исторических исследований, а также о планах подготовки обобщающих справочных изданий.

О. В. Эдельман рассказала о перспективах серии «Восстание декабристов», с 1925 г. публикующей документы фонда следствия и суда по делу декабристов. Серия насчитывает 22 тома, в настоящее время готовится том материалов, касающихся имущественного положения привлеченных к следствию лиц, далее будут подготовлены еще не менее двух документальных изданий, а также заключительный справочный том.

Е. А. Добрынина сообщила о положении дел и публикации новых томов серии «Полярная звезда», с 1979 г. вводящей в научный оборот сохранившееся письменное наследие осужденных декабристов. За прошедшее время увидели свет 28 томов серии (в 2015 г. издан очередной том, содержащий письма и записки Г. С. Батенькова), готовятся еще несколько книг, однако программа документального издания не исчерпана, требуется привлечение новых авторов-составителей для подготовки следующих томов.

П. В. Ильин поставил важный для современного декабристоведения вопрос о подготовке обобщающих справочных изданий в области биографии. Он обосновал необходимость публикации нового биографического справочника декабристов: накопился большой объем поправок и дополнений к известному справочнику 1988 г.; ощущается потребность в пересмотре его принципов и структуры, так как существующий справочник охватывает не участников декабристских обществ и выступлений в их полном составе, как должно быть согласно его названию, а круг лиц, оказавшихся в поле зрения следствия; биографический справочник современного типа должен включать в себя библиографические данные. В связи с началом работы по составлению нового библиографического словаря декабристов исследователь предложил организовать сбор биографической информации, обратился ко всем занимающимся историей декабризма с просьбой присылать дополнения и исправления к существующему биографическому справочнику (с указанием источника данных).

А. Н. Цамутали подвел итоги конференции, с удовлетворением отметив разнообразие и научное значение затронутых в ходе ее работы проблем изучения декабризма, важность и плодотворность состоявшегося предметного разговора по целому комплексу сложных и дискуссионных вопросов, открывающиеся перспективы целого ряда конкретных направлений исследовательской работы, обозначенных в ходе обсуждения, состоявшегося в течение трех дней работы большого научного форума.

В целом конференция привлекла внимание к проблеме взаимоотношений общества и власти в отечественной истории, к изучению того исторического опыта, который был приобретен российским государством и общественной

мыслью в эпоху декабристов, к осмыслению исторической памяти о событиях того времени. Форум прошел на высоком научном уровне и продемонстрировал наметившиеся в историографии новые направления исследований.

Прозвучавшие выступления, чрезвычайно полезный обмен мнениями, состоявшиеся дискуссии актуализировали некоторые из основополагающих проблем современной историографии декабризма: генезис движения, влияние на него западных идей и политических событий эпохи, идейные связи с правительственным реформаторством и прогрессистскими общественными течениями, эволюция декабристского политического сознания после 1825 г., мифологизация исторической памяти о декабристах и т.д. Ряд докладов выявил необходимость коррекции имеющихся научных представлений о составе участников движения, характере его политической и экономической программы.

Работа конференции показала необходимость новых подходов к анализу и интерпретации многих сторон движения декабристов как исторического явления, существенного обновления методики исследований, преодоления во многом устаревших схем, шаблонов и представлений, берущих свое начало в основных своих чертах в идеологизированной советской историографии, тщательного и углубленного анализа спорных вопросов в изучении эпохи декабристов, обнаружили острую потребность в дальнейшем обогащении источниковой базы исследований, в подготовке обобщающих научных трудов и фундаментальных справочных изданий.

Прошедшую в Санкт-Петербурге международную научную конференцию нельзя не признать успешной и плодотворной для дальнейшего развития научных исследований в указанной области отечественной историографии. Юбилейный форум, приуроченный к 190-летию выступления декабристов, несомненно, способствовал оживлению научных связей между специалистами, занимающимися историей декабризма и современной ему эпохи, проблемами исторической памяти российского общества, персоналистикой, источниковедением и историографией соответствующего периода отечественной истории.

Т. В. Андреева, Л. В. Выскочков

Утомление жизнью или уход: Александр I. 1825 год. Новые материалы

Таганрогская трагедия не только вызвала в России династический и политический кризис, но породила в историческом сознании и историографии проблему смерти Александра I. Необычные обстоятельства смерти российского императора почти в двух тысячах верст от столицы вызвали к жизни массу народных слухов, шедших как бы впереди погребальной процессии. Главной особенностью, объединявшей их, была уверенность народа, что Александр I не умер в Таганроге, вместо него через всю Россию везут тело другого человека или куклу, а император невероятным образом скрылся за границей или на бескрайних просторах своей страны. Постепенно слухи утихали, но во второй половине 1860-х гг. вспыхнули вновь и были связаны с личностью таинственного старца Федора Кузьмича, под именем которого якобы скрывался император Александр I¹

Эта легенда в историческом сознании вновь ожила в конце 1880-х — начале 1890-х, о чем свидетельствуют рапорты сибирских генерал-губернаторов, где слухи о тождестве Александра I и Федора Кузьмича были широко распространены². Личностью Федора Кузьмича весьма интересовался обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, а могилу старца 7 июня 1892 г., во время своего путешествия по Сибири, посещал цесаревич Николай Александрович³.

¹ О народных слухах, вызванных смертью императора Александра I. 1825–1826 гг.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 859 (Н. К. Шильдер). Картон 17. № 7. Л. 110–117; Сведения о Федоре Кузьмиче, собранные Н. А. Лашковым: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 549 (Управление делами вел. кн. Николая Михайловича). Оп. 1. Д. 277.

² ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 17. № 7. Л. 20–25, 65; Картон 18. № 14. Л. 25–28.

³ РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 275. Л. 131 — 132 об; Д. 277. Л. 22–53.

И сегодня в некоторых общественных кругах она столь же актуальна, как 190 лет назад. Об этом свидетельствует появление в последние годы научно-популярных книг, посвященных «старцу Федору Кузьмичу» и вышедших несколькими изданиями⁴. В них реанимируется старая идея некоторых дореволюционных историков — В. В. Барятинского, Г. Василича, К. Н. Михайлова, а также историков-эмигрантов — Л. Д. Любимова и Н. В. Николаева⁵, что Александр I и старец — одно и то же лицо. Считая, что это был добровольный уход императора из власти под видом «фиктивной» смерти в Таганроге, они представляют его таинственную жизнь в Сибири как «великий искупительный подвиг отречения» и «покаяния». Причем версия о перевоплощении «монарха в монаха» рассматривается ее адептами (старыми и новыми) главным образом в нравственно-психологическом и религиозном аспектах. Их рассуждения сводятся к выявлению психологических мотивов, истоков «духовной драмы», «религиозного подвижничества» и «духовного становления Александра Благословенного»⁶.

Между тем сами основатели легенды о Федоре Кузьмиче в литературе — прежде всего Барятинский и Любимов — признавали, что прямых доказательств, «серьезных данных» тождества Александра I и Федора Кузьмича нет. Любимов писал, что всё построено «на пересказах, толках, да преданиях»⁷. Их современные последователи, справедливо считая, что настало время поставить изучение данной проблемы «на серьезную источниковую основу»⁸, тем не менее в качестве основных используют источники личного происхождения, причем главным образом относящиеся к Федору Кузьмичу. Это — воспоминания купца С. Ф. Хромова⁹, свидетельства о старце, полученные от сибирских крестьян, а также жития

⁴ *Фомин С. В.* Святой и праведный старец Феодор Кузмич. Из истории почитания его Царским Домом и русским народом. М., 2003; *Федоров В. И.* Александр Благословенный — святой старец Федор Томский (монарх-монах). 1-е изд. Томск, 2002; 2-е изд. Томск, 2004; *Громыко М. М.* Святой и праведный Федор Кузьмич — Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. 1-е изд. М., 2007; 2-е изд. М., 2010; *Алборов И. Г.* Александр I. Продолжение биографии. 2-е изд. СПб., 2014.

⁵ *Василич Г.* Император Александр I и старец Федор Кузьмич. 1-е изд. М., 1909; 4-е изд. М., 1911 (репринт: М., 1991); *Барятинский В. В.* Царственный мистик (Император Александр I — Федор Козмич). СПб., 1912; *Михайлов К. Н.* Император Александр — старец Федор Кузьмич. СПб., 1913; *Любимов Л. Д.* 1) Тайна императора Александра I. Париж, 1938; 2) Тайна старца Федора Кузьмича // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 209–215; *Николаев Н. В.* Александр Первый — старец Федор Кузьмич. Историческая биография. Сан-Франциско, 1984.

⁶ *Николаев Н. В.* Александр Первый — старец Федор Кузьмич. С. 240; *Громыко М. М.* Святой и праведный Федор Кузьмич — Александр I Благословенный. С. 6, 149–150, 152.

⁷ *Любимов Л.* Тайна императора Александра I. Новые материалы // Возрождение. 1937. 26 мая. № 4107. С. 7.

⁸ *Громыко М. М.* Святой и праведный Федор Кузьмич — Александр I Благословенный. 2-е изд. С. 53.

⁹ Краткое жизнеописание великого старца Федора Кузьмича. Из воспоминаний купца С. Ф. Хромова: РГИА. Ф. 549 (Управление делами вел. кн. Николая Михайловича). Оп. 1. Д. 275. В 1866 г. С. Ф. Хромов хотел передать Александру II свои записки о Федоре Кузьмиче, но Комиссия прошений на Высочайшее имя отказала ему в этом (*Громыко М. М.* Святой и праведный Федор Кузьмич — Александр I Благословенный. С. 55).

и сказания, составленные духовными лицами¹⁰. Их достоверность вызывала сомнение историков еще в начале XX в.¹¹, тем не менее современные авторы именно на них основывают свои построения о тождестве Александра I и Федора Кузьмича. Так, Громыко не сомневается в репрезентативности свидетельств крестьянки Ф. С. Коробейниковой, якобы идущих от самого старца. Будто бы в 1836 г. о суде над ним доложили Николаю I, который в Красноуфимск «секретным образом» отправил великого князя Михаила Павловича. Однако Федор Кузьмич якобы уговорил великого князя «не препятствовать осуждению его в Сибирь на поселение». С точки зрения Громыко, вполне возможно «обращение к императору» «по поводу задержанного», «не помнящего своего родопроисхождения» человека, так же как вероятен и «секретный выезд великого князя из-за границы». Но, во-первых, само по себе абсурдно, чтобы пермский губернатор мог сделать какой-либо «запрос государю». Во-вторых, неясно, почему о «бродяге Федоре Козьмиче» «дано было знать» носителю верховной власти, пусть даже секретно. В-третьих, приезд Михаила Павловича также вызывает сомнения, поскольку великий князь с начала сентября по 16 октября 1836 г. (когда «бродяга» находился в тюрьме, 10 сентября был осужден и отправлен в Сибирь) находился за границей¹². В-четвертых, вовсе апокрифом, построенном на алогизмах, представляется предположение Громыко, что Николай I сам поехал в Сибирь для возможной «незамеченной тайной встречи» со старцем. Поэтому не случайно император оказался 26 августа 1836 г. в городе Чембаре Пензенской губернии¹³. Между тем, как пишет сама автор, Федор Кузьмич появился под Красноуфимском 4 сентября 1836 г. и, следовательно, только в сентябре о нем могли доложить монарху. Причем Николай I собирался только проехать через Чембар, следуя в Тамбов, где его ждала императрица Александра Федоровна. Однако в ночь с 25 на 26 сентября в 5 верстах от Чембара произошел несчастный случай: экипаж, в котором ехали император и его постоянный спутник генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, перевернулся. У императора была сломана левая ключица, генерал отделался легким ушибом. В силу этого Николай I две недели оставался на излечении в Чембаре, из которого выехал в Тамбов 8 сентября¹⁴. Если бы целью императора был Красноуфимск, то он мог продолжить свой путь, поскольку Федор Кузьмич был отправлен в Сибирь только 13 октября 1836 г.

¹⁰ Сказание о жизни и подвигах великого раба Божия старца Феодора Кузьмича, подвижавшегося в пределах Томской губернии с 1837 по 1864 год. 1-е изд. СПб., 1891; 3-е изд.: Император-старец Федор Кузьмич. М., 2002. С. 185–226.

¹¹ *Кудряшов К. В.* Александр Первый и тайна Федора Козьмича. Пг., 1923. С. 47–48.

¹² *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 508.

¹³ *Громыко М. М.* Святой и праведный Федор Кузьмич — Александр I Благословенный. С. 77–80.

¹⁴ *Докучаев Н. А.* Памятный эпизод из поездки Государя Николая Павловича по России в 1836 году (Из рассказов священника-старожила) // Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А. Н. Цамутали; отв. сост. Т. В. Андреева. СПб., 2007. С. 439–444.

Что же касается официальных документов, то в работе М. М. Громыко они также касаются только «праведного старца», а их значение определяется «высоким духовным смыслом великого подвига отречения»¹⁵. Однако автор сама не выявляет и не анализирует делопроизводственную документацию, связанную с арестом, судом и ссылкой Федора Кузьмича, а ссылается на работы конца XIX — начала XX в., опубликованные в периодической печати (Р. Кузовникова, М. Ф. Мельницкого), в которых приведены официальные документы. При этом Громыко подчеркивает, что чаще всего они публикуются не «дословно», а даны в пересказе¹⁶.

На наш взгляд, подобный подход к теме страдает односторонностью и субъективностью, поскольку не учитывается сложный комплекс вопросов, аксиологической основой которого является личность Александра I как политика и государственного деятеля. Ведь при всем утомлении и разочаровании жизнью, характерных для последних лет его жизни и обусловленных целым рядом внешне- и внутривластных причин, Александр I оставался государем, отвечавшим за свою страну и своих подданных и не выпускавшим из своих рук нитей управления. И хотя в общественном мнении на фоне постоянного ожидания кардинальных перемен и отсутствия информации о реформаторских намерениях и реальных действиях правительства император утратил былую популярность и многим казалось, что он стремится уклониться или затянуть решение важнейших государственных проблем¹⁷, это не означало, что он «хотел уйти из власти и скрыться от общества»¹⁸. Наоборот, последние годы его царствования характеризуются интенсивным законотворческим процессом и поиском путей совершенствования системы управления. Но в условиях широкого распространения в русском обществе и армии западных либеральных идей и революционных событий в Европе новая модель преобразований предполагала не замену, а постепенное реформирование и дополнение действующих институтов структурами, способными установить законность и обеспечить порядок на местах. Именно с этим связана деятельность Комиссии составления законов по выявлению и систематизации отечественных законодательных материалов, ставшая важным этапом в подготовке Полного собрания и Свода законов Российской империи¹⁹.

¹⁵ Громыко М. М. Святой и праведный Федор Кузьмич — Александр I Благословенный. С. 152.

¹⁶ Там же. С. 154.

¹⁷ Материалы, собранные Н. К. Шильдером о смерти Александра I // ОР РНБ. Ф. 859. Картон 7. № 7. Л. 20–25; Из бумаг, доставленных Н. К. Шильдеру гр. Э. Чапским в 1892 г. // Там же. Картон 18. № 14. Л. 49–53; Из дипломатических воспоминаний лорда Лофтуса. Рассказы о кончине Александра I // Там же. Картон 18. № 18. Л. 52–54; Дуров Н. Д. История болезни и последних минут Александра I // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 160–161.

¹⁸ Алборов И. Г. Александр I. Продолжение биографии. С. 5.

¹⁹ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. 1-е изд. М., 2012. С. 332–381, 385–386.

И всё же главной проблемой, возникающей при изучении обстоятельств смерти Александра I, всегда была и остается проблема источников, относящихся к жизни и государственной деятельности императора и отражающих сложное переплетение эпох, от середины 1820-х гг. до начала XX в. Основными материалами личного происхождения, давно и широко известными, являются дневниковые и мемуарные свидетельства очевидцев событий. Прежде всего, это неоконченные дневниковые записки императрицы Елизаветы Алексеевны на французском языке, впервые опубликованные в русском переводе великим князем Николаем Михайловичем²⁰; дневник лейб-медика Я. В. Виллие²¹; записки лейб-хирурга Д. К. Тарасова²²; дневниковый журнал, который вел П. М. Волконский²³. Помимо этого, важными мемуарными источниками являются: во-первых, свидетельства о последних месяцах жизни и кончине Александра I, исходящие от генерал-вагенмейстера Афанасия Даниловича Соломко, находившегося при императоре неотлучно с 1814 по 1825 г.²⁴; во-вторых, воспоминания чиновника Канцелярии Главного штаба, преподавателя Школы колонновожатых Николая Игнатъевича Шенига (1795–1860). Он прокладывал маршруты поездки Александра I на Юге России, был свидетелем повседневной жизни императора в октябре–ноябре 1825 г. и лично присутствовал при бальзамировании тела покойного монарха²⁵. Здесь надо сказать, что в Государственном архиве Российской Федерации сохранились официальные документы о смерти Александра I с актом о вскрытии тела императора и списком лиц, присутствовавших при бальзамировании²⁶.

Новым источником личного происхождения является обнаруженная нами и введенная в 2007 г. в научный оборот неизвестная до того записка на французском языке личного секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны — Николая Михайловича Лонгинова. Данное мемуарное свидетельство также принадлежит

²⁰ *Великий князь Николай Михайлович*. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича. СПб., 1907. С. 16–28.

²¹ Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. 1825 г. / Пер. с фр. // Русская старина. 1892. Т. 73. Январь. С. 69–78.

²² Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. Воспоминания моей жизни. 1792–1866. СПб., 1872. Переиздано: *Тарасов Д. К.* Император Александр I. Последние годы царствования болезнь, кончина и погребение. По личным воспоминаниям лейб-хирурга. М., 2013.

²³ Собственный журнал генерал-адъютанта кн. П. М. Волконского во время болезни Александра I, с 5 по 19 ноября // Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. 4. СПб., 1898. С. 567–568.

²⁴ Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине в Бозе почивающего Государя Императора Александра Павловича, оставшиеся после смерти Генерал-Вагенмейстера Главного Штаба Афанасия Даниловича Соломко, состоявшего при Особе Императора с 1814 по 1825 год. СПб., 1910.

²⁵ *Шениг Н. И.* Воспоминания Николая Игнатъевича Шенига / Сообщ. С. Н. Шениг // Русский архив. 1880. Кн. 3. № 11/12. С. 267–325.

²⁶ ГА РФ. Ф. 728 (Библиотека Зимнего дворца). Оп. 1. Кн. 3. Д. 1217: Бумаги, относящиеся до кончины императора Александра I. 1825. 74 л.

очевидцу событий, поскольку Н. М. Лонгинов был в свите императрицы во время поездки в Таганрог и сопровождал Александра I в Крым²⁷.

Не менее важными являются другие материалы личного происхождения, прежде всего — эпистолярные источники. Накануне Первой мировой войны великим князем Николаем Михайловичем было опубликовано письмо входившего в свиту императора и сопровождавшего его в Крым камер-фурьера Даниила Григорьевича Бабкина сыну от 23 ноября 1825 г.²⁸ К новым документам следует также отнести письма И. И. Дибича от 7 декабря 1825 г.²⁹ и П. М. Волконского от 23 ноября 1825 г.³⁰, сопровождавших Александра I, личному секретарю вдовствующей императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламову.

Следует подчеркнуть, что авторы всех указанных эпистолярных, дневниковых и мемуарных источников сходятся как в хронологии событий (выделяя день 5 ноября, когда началась болезнь, с которого большинство мемуаристов ведут записи, и 14 ноября, когда у императора обмороки стали постоянными, и «болезнь приняла опасное направление»), так и в подробностях болезни и кончины Александра I.

Вместе с тем в классических источниках личного происхождения есть неточности и противоречия, на которых строили свою версию В. В. Барятинский и его последователи, считая, что дневники и мемуары «сфабрикованы» *post factum*. В первую очередь это касается записок Елизаветы Алексеевны. Оборванные на полуслове, они насыщены неясными реминисценциями императрицы. Но, на наш взгляд, этому есть простое объяснение. Во-первых, дневник обрывается 11 ноября потому, что именно с данного дня наступило явное ухудшение состояния императора (первый обморок)³¹ и императрица, с этого времени не отходившая от постели больного, не имела возможности его вести.

²⁷ Лонгинов Н. М. История о болезни и последних минутах жизни императора Александра, основанная на подлинных сведениях // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы. С. 55–60.

²⁸ Подлинник письма Д. Г. Бабкина // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1222⁶. Л. 2 — 2 об. См. также: Письмо Даниила Бабкина сыну Григорию Даниловичу. 23 ноября 1825 г. Таганрог // ОР РНБ. Ф. 859. Картон 18. № 18. Л. 1; Переписка по разным вопросам: переписка о работе «Александр I». Январь 1913 — 19 января 1915 г. // РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 133. Л. 133–137.

²⁹ РГВИА. Ф. 35. Оп. 3/244. Д. 1712.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 859. Картон 37. № 16. Л. 6. Не об этом ли письме или копии письма сообщила жена П. М. Волконского — Софья Григорьевна Волконская Николаю Павловичу в период междуцарствия? В записной книжке великого князя Николая Павловича от 30 ноября (12 декабря) 1825 г. записано: «<...> кн[ягиня] Софья В[олконская], письмо от ее мужа, говорит, что в голове Ангела нашли воду вследствие его болезни и что он ждет Константи-на через четыре или пять дней...» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой. М., 2013. С. 676). О 5 унциях воды писал и Н. И. Шениг: Шениг Н. И. Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига. С. 279.

³¹ Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 76; Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 123.

Во-вторых, странные реминисценции Елизаветы Алексеевны могли быть обусловлены тем фактом, что, скорее всего, императрица вела свой дневник не день за днем, а спустя несколько дней после происшедшего, рассказывая о событиях и передавая свои чувства и эмоции, относящиеся к более раннему времени.

Подобного рода особенностями обладает и дневник лейб-медика Я. В. Виллие, наполненный недомолвками, загадочными фразами, намеками. Лейтмотивом документа выступает факт упорного отказа Александра I от приема лекарств. Данные недомолвки «хитрого шотландца», как его называли, могли быть связаны с несколькими моментами. Во-первых, с тем, что он неправильно поставил диагноз и плохо лечил императора. Во всяком случае, к этому заключению пришла в декабре 1826 г. Парижская медицинская академия, проанализировавшая историю болезни императора³². Во-вторых, современники считали, что Виллие должен был убедить императора принимать лекарства. Упомянутый выше Д. Г. Бабкин писал сыну: «Вилье, это подлый интересан (в другом прочтении — “этот подлый интриган”. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 12226. Л. 2 об. — Т. А., Л. В.) и малодушный медик не нашел искусства и духа убедить императора принимать лекарства, тешил только разным лимонадом»³³.

Что же касается позиции Александра I, то это могла быть или слепая вера тяжело больного человека, что болезнь не столь опасна, или страх императора, что его могут отравить³⁴. Позже, в начале николаевского царствования в связи со слухами, что императора отравили, появившимися почти сразу, летом 1826 г., Военным министерством проводилось расследование, которое отвергло это предположение³⁵. Однако, когда в 1966 г. редакция журнала «Советские архивы» в связи с публикацией в нем статьи И. Н. Кунтикова и В. И. Денисьева о смерти Александра I отправила в Государственный научно-исследовательский институт судебной медицины Акт анатомического исследования останков Александра I, то получила заключение, в котором было сказано, что «не исключается возможность отравления»³⁶.

Записки лейб-хирурга Д. К. Тарасова также имеют логические противоречия. Так, мемуарист заявлял, что он не подписывал Акт о вскрытии тела императора, а на подлинном документе есть его подпись. В то же время он подчеркивал, что им был подписан Акт о смерти, но его подписи на оригинале

³² Русская старина. 1882. Т. 33. С. 480.

³³ Письмо Данило Бабкина сыну Григорию Даниловичу. Л. 1.

³⁴ *Великий князь Николай Михайлович*. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича. С. 23, 28.

³⁵ РГВИА. Ф. 1 (Общая канцелярия Военного министерства). Оп. 1. Д. 3582. Л. 1–35; Там же. Ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала Главного штаба ЕИВ). Оп. 4/847. Д. 498. Л. 1–32; Там же. Ф. 801 (Аудиторiatский департамент Военного министерства). Оп. 69/10. Д. 51. Л. 1–77.

³⁶ *Кунтиков И. Н., Денисьев В. И.* Легенда и документы о смерти Александра I // Советские архивы. 1966. № 3–4. С. 107–109.

документа нет³⁷. Это заставило адептов версии перевоплощения считать оба акта подложными. Между тем всё просто — Д. К. Тарасов, как часто бывает с мемуаристами, писавший свои записки гораздо позже описываемых событий, в 1842 г., просто перепутал, какой из обоих документов им был подписан.

И всё же таинственной кажется пауза со вскрытием тела Александра I: в условиях теплой южной погоды только на следующий день после кончины императора, 20 ноября, в 7 часов вечера, т.е. через 32 часа началось вскрытие тела, продолжавшееся всю ночь. Возможно, нужно было приготовить препараты для последующего бальзамирования. Известно, что Елизавета Алексеевна на это время переехала в частный дом Шахматовых и только 29 ноября вернулась во дворец.

Гораздо сложнее ответить на два других вопроса. Первый вопрос: почему, согласно материалам, отложившимся в фонде великого князя Николая Михайловича, Д. К. Тарасов вел в Таганроге другой вариант дневника «для себя», который, по воле лейб-хирурга, был сожжен вдовой после его смерти?³⁸ И второй: зачем, согласно материалам, собранным Н. К. Шильдером и находящимся в его фонде в ОР РНБ, Александр I взял с собой в Таганрог церемониал погребения Екатерины II³⁹. Была ли эта случайность? Или император, видя ухудшение здоровья Елизаветы Алексеевны или имея какие-то свои личные намерения, позаботился о траурном церемониале? Ответы на эти вопросы лейб-хирург и император унесли с собой в могилу.

Помимо этого как медицинские документы, так и авторы слишком туманно объясняют причину кончины императора. Во всяком случае, то, что пишет, например, великий князь Николай Михайлович: «...специфическая форма горячки (тифозный вид запущенной лихорадки, по нынешним понятиям)» — не доказывается фактами. Не было характерных при таком диагнозе опухания кишечных желез, увеличения или другого изменения в селезенке. Отзывы медиков и патологоанатомов, полученные в начале XX в., позволяют утверждать, что император скончался не от тифа или малярии («крымской лихорадки»). Возможная причина, по мнению хирурга В. Б. Гюббенета, — «кровоизлияние в мозг вследствие склероза сосудов мозга на почве луэса — сращения мозговых оболочек с черепом и пр., утолщение черепных костей»⁴⁰.

Помимо кровоизлияния в мозг возможна и другая причина смертельного исхода. Современный патологоанатом Ю. А. Молин приводит мнение прези-

³⁷ Ср.: Тарасов Д. К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение. По личным воспоминаниям лейб-хирурга. С. 204–205; Бумаги, относящиеся до кончины императора Александра I. 1825. 74 л.

³⁸ Письмо баронессы Н. М. Торнау вел. кн. Николаю Михайловичу от 30 августа 1907 г. // РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 281. Л. 18–21.

³⁹ Материалы, касающиеся легенды о старце Федоре Кузьмиче и «белой монахини» // ОР РНБ. Ф. 859. Картон 18. № 14. Л. 6.

⁴⁰ Цит. по: Барятинский В. В. Царственный мистик (император Александр I — Федор Кузьмич). С. 84.

дента ассоциации патологоанатомов Санкт-Петербурга профессора В. Л. Белянина о том, что «император в ходе своей поездки заболел острой инфекционной болезнью с септическим вариантом течения, на что указывают наличие лихорадки с обильным периодическим потоотделением, помрачением сознания, а также приступообразностью симптоматики. Учитывая периодически возникающий понос, можно предположить, что имела место острая кишечная инфекция паратифозной группы или сальмонеллез, протекавший в брюшно-тифозной форме»⁴¹. Есть вероятность, что положение усугубилось обострением ранее имевшейся в стадии ремиссии трофической язвы (вследствие невылеченного рожистого воспаления). В результате резко снизился иммунитет, что и ускорило неизбежный летальный исход, причиной которого явился сепсис.

И еще одна загадка — в Российском государственном историческом архиве в фонде известного историка искусства Николая Николаевича Врангеля сохранился любопытный документ под названием «Рассказ о Федоре Кузьмиче (императоре Александре I)». Рассказ был записан самим Н. Н. Врангелем 5 сентября 1912 г. со слов бывшего солдата Егора Лаврентьева, служившего при царской усыпальнице Петропавловского собора. Солдат рассказал Врангелю, что однажды, в 1864 г., ему вместе с другими солдатами было приказано явиться в усыпальницу. Прибыв на место, они увидели приехавшего министра императорского двора В. Ф. Адлерберга, а вскоре прибыл сам император Александр II. Вслед за этим подъехал траурный катафалк в сопровождении сенатора М. Н. Галкина-Враского. С катафалка сняли гроб, в котором лежал длиннородый старец. Гроб перенесли в собор, была вскрыта могила Александра I, которая оказалась пустой, и в гробницу положили тело привезенного. Гроб закрыли, а граф В. Ф. Адлерберг приказал всем присутствующим молчать о происшедшем. Интересен антураж самого документа, вложенного в три конверта. На первом рукой Н. Н. Врангеля написано: «Покорнейше просят вскрыть в 1936 году». Он вложен в другой конверт с надписью той же рукой: «Разрешаю вскрыть после моей смерти». Последний вложен в третий конверт с двумя подписями. Во-первых, матери Н. Н. Врангеля — М. Д. Врангель, которая после смерти Николая Николаевича в 1915 г. передала его архив в Рукописный отдел БАН: «Вскрыть в следующем после Императора Николая II царствовании и после кончины великого князя Николая Михайловича»; и во-вторых, подписью неизвестного: «Вскрыто 16-го июня 1915. Оказалось преждевременным для напечатания». Все три конверта помещены в большой конверт, на котором написано: «С приложением акта Библиотеки Академии наук от 26 января 1930 г. о вскрытии конверта, в котором находился данный рассказ, и 3 конвертов с пометами Н. Н. и М. Д. Врангелей»⁴².

⁴¹ Цит. по: *Наханетов Б. А.* Врачебные тайны Дома Романовых. М., 2008. С. 94.

⁴² РГИА. Ф. 653 (Н. Н. Врангель). Оп. 1. Д. 6. Л. 1–12. В 1961–1962 гг. из данного дела делал выписки П. А. Зайончковский. С. Б. Окунь в своей статье затрагивает этот сюжет, в целом отрицая версию о перевоплощении. См.: *Окунь С. Б.* Существует ли «тайна Федора Кузьмича» // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 191–197.

Согласно данным Л. Д. Любимова, М. Н. Галкин-Враский (Враской) посещал могилу старца Федора Кузьмича, скончавшегося 20 января 1864 г., но не в 1864, а в 1888 г. Об этом ему якобы говорила в Париже дочь министра Императорского двора гр. И. И. Воронцова-Дашкова — А. И. Шувалова, подчеркивая, что могилу Александра I вскрывали в конце 1880-х гг., возможно, именно в 1888 г, но она была пуста⁴³. Между тем не сенатор, а член Государственного совета М. Н. Галкин-Враский в 1864 г. находился за границей и по поручению министра внутренних дел П. А. Валуева изучал там опыт тюремного вопроса в Европе. По служебной надобности он, действительно, посещал Восточную и Западную Сибирь, но не в 1888 г., а в 1881–1882 гг., в Томске же был в 1894 г.⁴⁴

Версия же о вскрытии могилы Александра I при Александре III в конце 1880-х гг. опровергается воспоминаниями генерала от инфантерии Н. А. Епанчина. Он рассказал о своих встречах с историком Н. К. Шильдером, с которым император обсуждал этот вопрос: «Однажды Шильдер сообщил мне, что, когда он был незадолго у Государя и зашла речь о Федоре Кузьмиче: оказалось, что Император Александр III не имел определенного мнения о нем, а между тем, немало лиц из числа сторонников тождества Федора Кузьмича и Императора Александра I уверяли и до сих пор уверяют, что Александр III точно знал, что Федор Кузьмич именно и есть Император Александр I. Государь выслушал мнение Николая Карловича, которое я уже привел (Н. К. Шильдер не был сторонником определенной версии. — Т. А., Л. В.) и, заметив, что Он сам не знает, точно ли Александр I и Федор Кузьмич одно и то же лицо, сказал: “Что же, остается одно средство — вскрыть могилу”. Николай Карлович высказался решительно против такого намерения, так как, по его мнению, вскрытие могилы не даст необходимых разъяснений, но вызовет нежелательные пересуды, ибо вскрыть могилу без огласки невозможно. На основании достоверных документов Шильдер доказал, что тело Императора Александра I было неудачно бальзамировано. Оно начало разлагаться уже в Таганроге и особенно во время длинного пути до Петербурга»⁴⁵. Александр III согласился с доводами Н. К. Шильдера.

Существует версия, что и в 1921 г. большевики будто бы вскрывали царские усыпальницы, чтобы извлечь драгоценности. Об этом стало известно в подробностях в эмигрантских кругах, много писали в прессе в 1920-х и 1930-х гг. Эмигрантское сообщество было возмущено и удивлено: могила Александра I оказалась якобы пуста⁴⁶. Однако официальных документов об этом вскрытии

⁴³ Любимов Л. Тайна императора Александра I. С. 214.

⁴⁴ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. С. 172.

⁴⁵ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 184–185.

⁴⁶ Письмо из Праги «Как большевики их доставали» // Возрождение. 1933. 20 июля; Любимов Л. Тайна императора Александра I. Новые материалы // Возрождение. 1937. 29 октября. № 4103. С. 4.

не сохранилось. Такими апокрифами наполнены источники личного происхождения. Поэтому, с нашей точки зрения, при изучении темы смерти Александра I следует отдавать приоритет официальным материалам.

Прежде всего, это касается камер-фурьерских журналов. В связи с отъездом Александра I из Санкт-Петербурга в Таганрог 1 сентября 1825 г., а вслед за ним и Елизаветы Алексеевны (3 сентября), прекратились записи в журнале по «главной половине» (в правом столбце), но продолжались по «первой половине» слева, т.е. по покоям вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Последняя запись об Александре I: «В 6 часов утра Государь Император с Каменного острова один в коляске изволил прибыть в Царское Село. А оттуда в 15 минут 8-го часа Его Величество с Генерал-адъютантом бароном Дибичем в коляске соблаговолил отсутствовать в предпринятый путь в вояж по России в Таганрог»⁴⁷. 3 сентября аналогичная запись относительно Елизаветы Алексеевны, которая «изволила выйти под колоннаду к приуготовленным дорожным экипажам, и от онаго соблаговолила воспринять путь в вояж в Таганрог в сопровождении в других экипажах г-ж фрейлин Валуевой и княжны Волконской, генерал-адъют. князя Волконского, лейб-медика Штофрегена и действительного статского советника Лонгинова»⁴⁸. В журнале по «первой половине» Марии Федоровны (правая сторона листа) более добросовестный камер-фурьер уточнил время отъезда: «Государыня Императрица Елизавета Алексеевна распротясь с Ея Величеством Государыней Императрицей Марией Федоровной и принцессой Виртембергской Марией, соизволила потом в 40 минут 2 часа пополудни в последовании прибывших с Высочайшею особою из Царского Села вышеозначенных обою пола персон, отсутствовать из города Гатчино в дальний путь»⁴⁹. После этого по 26 ноября 1825 г. никаких записей по «главной половине» нет. Только 27 ноября, после получения сообщения о кончине Александра I, появляются записи о литургии и молебне⁵⁰.

Эти свидетельства камер-фурьерского журнала о поездке Александра I в Царское Село подтверждают дневниковые записи великого князя Николая Павловича о его встречах и разговорах с братом-монархом накануне его отъезда. Так, в дневниковой записи великого князя от 27 августа сказано: «Я к Ангелу, он не может сделать того, что надо сделать...» и позднее: «Матушка сделала нам сцену, слезы»⁵¹. Скорее всего, Николай Павлович решил все-таки на откровенный разговор со старшим братом по вопросу престолонаследия и говорил о том же, о чем сказал Александру I накануне его отъезда князь А. Н. Голицын — о секретном Манифесте от 16 августа 1823 г. Приводивший в порядок

⁴⁷ Журнал Высочайшего двора. 1825 год: РГИА. Ф. 516 (Камер-фурьерские журналы). Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Л. 663.

⁴⁸ Там же. Л. 666 об.

⁴⁹ Там же. Л. 668.

⁵⁰ Там же. Л. 830 об. — 831.

⁵¹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 631.

бумаги императора князь обратил внимание императора на «неудобство», которое может возникнуть, «когда акты, изменяющие порядок престолонаследия, остаются на столь долгое время не обнародованными»⁵². Государь, после минутного молчания, показал на небо и тихо сказал: «Будем же полагаться в этом на Господа. Он лучшим образом сумеет всё устроить, нежели мы, слабые смертные»⁵³. Уповая на Бога, Александр I не мог предвидеть одного — своей неожиданной смерти в Таганроге.

Помимо этого, в Российском государственном военно-историческом архиве находится огромный корпус официальных документов, отражающий обстоятельства путешествия в Таганрог, крымского вояжа, болезни и кончины Александра I⁵⁴, в том числе — оригиналы Акта о смерти на русском и французском языке и Акта анатомического исследования трупа императора. Кстати сказать, в последнем Акте указано, что на шее трупа имеются темно-красные пятна от приложения «шпанских мушек»; на правой ноге следы травмы, а на левой — рожистого заболевания. Это были последствия удара копытом лошади во время смотра войск в Брест-Литовске летом 1823 г. и напомнимания о рожистом воспалении, которым Александр I страдал в январе 1824 г.

Естественно, у фельдъегеря Н. И. Маскова, который, согласно официальным данным, был похоронен на следующий день после своей гибели около г. Орехова 4 ноября 1825 г.⁵⁵ или другого предполагаемого двойника этого быть не могло. И еще — Федор Кузьмич появился в Сибири в 1836 г. Если это был Александр I, то где он провел почти 11 лет своей жизни? 4 сентября 1836 г. бродягу освидетельствовали в полиции — рост 1 м 71 см (Александр Павлович на 10 см выше), волосы — густые и кудрявые (император, как известно, был плешив). Согласно воспоминаниям С. Ф. Хромова, Федор Кузьмич не пользовался очками при чтении (Александр I был близорук и использовал лорнет), старец не был глуховат. И последнее — если бы Александр I, у которого в начале 1820-х гг. возникло, постоянно усиливаясь, разочарование жизнью, захотел уйти из власти, то сделал бы это открыто, т.е. абдикировался и поселился бы в Крыму или на берегах Рейна, как он говорил, и вряд ли захотел закончить свои дни в Сибири.

Кроме этого, в фондах РГИА и РГВИА отложились материалы «Печальной комиссии по погребению», председателем которой был назначен кн. А. Б. Куракин, а руководителем похоронной процессии являлся кн. П. М. Волконский. Связанные с обстоятельствами перевозки тела императора из Таганрога в Петер-

⁵² Цит. по: 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 226.

⁵³ Там же.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 35. Оп. 3/244. Д. 1712. Л. 17–18, 38–40; Там же. Ф. 36. Оп. 1/248. Д. 15/318. Л. 1–122; Там же. Ф. 38. Оп. 1/250. Д. 606. Л. 1–251.

⁵⁵ Выписки Н. А. Лашкова о службе и смерти фельдъегеря Н. И. Маскова // РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 280. Л. 10–101.

бург и его захоронения, эти материалы отражают народное поклонение Александру I. Траурный кортеж по всему пути следования сопровождался толпами народа, так же как и в самой столице 13 марта 1826 г., когда состоялось погребение⁵⁶. Вряд ли императорская семья допустила бы подлог в данной ситуации.

В целом же нам представляется, что для адекватного освещения темы следует рассматривать проблему смерти Александра I в контексте исторических проблем последнего периода его царствования, отделяя от вопроса о жизни и смерти сибирского старца Федора Кузьмича и привлекая прежде всего официальные документы. Но, возможно, александровская легенда навсегда останется исторической загадкой, если, конечно, не будет проведена генетическая экспертиза.

References

- Alborov I. G.* Alexander I. Prodlženie biografii. 2nd izd. SPb., 2014.
Barätinskij V. V. Carstvennyi mistik (Imperator Alexander I — Fedor Kozmič). SPb., 1912.
Velikij knáz' Nikolaj Mihajlovič. Legenda o končine imperatora Alexandra I v Sibiri v obraze starca Fedora Kuzmiča. SPb., 1907.
Gromyko M. M. Svätój i pravednyj Fedor Kuzmič — Alexander Blagoslovennyj. Issledovanie i materialy k žitiü. 2nd izd. M., 2010.
Kudrāshov K. V. Alexander Pervyj i tajna Fedora Kozmiča. Pg., 1923.
Lūbimov L. D. Tajna imperatora Alexandra I. Paris, 1938.
Nahapetov B. A. Vračebnye tajny Doma Romanovyh. M., 2008.
Nikolaev N. V. Alexander Pervyj — starec Fedor Kuzmič. Istoričeskajâ biografîâ. San-Francisco, 1984.
Okun' S. B. Sušestvuet li «tajna Fedora Kuzmiča» // Voprocы istorii. 1967. N 1. S. 191–197.
Šil'der N. K. Imperator Alexander Pervyj. Ego žizn' i carstvovanie: V 4 t. T. 4. SPb., 1898.

Список литературы

- Алборов И. Г.* Александр I. Продолжение биографии. 2-е изд. СПб., 2014.
Барятинский В. В. Царственный мистик (Император Александр I — Федор Козмич). СПб., 1912.
Великий князь Николай Михайлович. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича. СПб., 1907.
Громыко М. М. Святой и праведный Федор Кузьмич — Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. 2-е изд. М., 2010.
Кудряшов К. В. Александр Первый и тайна Федора Козьмича. Пг., 1923.
Любимов Л. Д. Тайна императора Александра I. Париж, 1938.
Нахатетов Б. А. Врачебные тайны Дома Романовых. М., 2008.
Николаев Н. В. Александр Первый — старец Федор Кузьмич. Историческая биография. Сан-Франциско, 1984.
Окунь С. Б. Существует ли «тайна Федора Кузьмича» // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 191–197.
Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. 4. СПб., 1898

⁵⁶ Докладные записки Николаю I А. Б. Куракина. Дела Канцелярии Печальной Комиссии по погребению Александра I // РГИА. Ф. 472 (Кабинет ЕИВ). Оп. 8. Д. 5. Л. 45; Дела Канцелярии Печальной Комиссии по погребению Александра I // Там же. Д. 28. Л. 161–162; РГИА. Ф. 1 (Общая канцелярия Военного министерства). Оп. 1. Д. 3548. См. также: Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 133; Письма П. М. Волконского к Г. И. Вилламову от 21 ноября и 29 декабря 1825 г. // ОР РНБ. Ф. 859. Картон 37. № 16. Л. 31 – 32 об.

Н. В. Родин

Иудейский воинский некрополь Петрограда 1914–1918 гг. Социокультурные измерения

В ходе работы над диссертационным исследованием, посвященным вопросам организации воинских захоронений в Петрограде в годы Первой мировой войны, нами исследованы источники, свидетельствующие о смерти и захоронении лиц иудейского вероисповедания (не рассматривались этнические евреи других конфессий). В результате сформированы две базы данных под общим названием «Иудейский воинский некрополь Петрограда». Под «воинским некрополем» мы понимаем следующие категории лиц, включенных в базы данных: военнослужащие вооруженных сил стран-участниц Первой мировой войны (нижние чины и офицеры действительной службы как кадровых, так и запасных, ополченческих частей; воспитанники военно-учебных заведений; военные чиновники). В данном исследовании дефиниция «воинские захоронения» («воинский некрополь») включает в себя все перечисленные категории участников войны, а не только комбатантов. Хронологические рамки баз данных совпадают с формальными рамками участия России в Первой мировой войне — с 19 июля 1914 по 3 марта 1918 г.¹

Первая база данных составлена на основании метрических книг Петроградской хоральной синагоги² — основных источников, регистрировавших акты

¹ Не вызывают ни малейшего сомнения факты захоронений участников Великой войны и после подписания Брестского мира, но выявление подобных случаев требует отдельного трудоемкого исследования, хронологические рамки которого могут простираются на десятки лет (вплоть до погребения последнего ветерана-долгожителя), что не входит в наши исследовательские задачи.

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 422. Оп. 3. Д. 507, 523, 529, 531, 538.

гражданского состояния (рождение, брак, развод, смерть) столичных иудеев. Эти типографские ведомости заполнялись на русском языке вручную и имеют следующий формат (табл. 1):

Таблица 1

**Формат четвертой части («Об умерших») метрической книги
Петроградской хоральной синагоги**

ЧАСТЬ IV-Я ОБ УМЕРШИХ							
Лета		Где умер и погребен	Число и месяц		№	Болезнь или от чего умер	Кто умер
Женского	Мужского		Христианский	Еврейский			

От метрических книг православных церквей эти книги отличает наличие граф с указанием даты смерти по еврейскому календарю (халуах ха-иври), а также места смерти. В «христианском» столбце иудейских метрических книг обычно указывали не только дату смерти, но и дату погребения. В графе «Кто умер» записывали не только ФИО умерших, но и род их занятий (или звание, социальную принадлежность). В конце каждого месяца подсчитывали умерших обоого пола. Итоги заверялись подписями раввина и полицейского пристава, проверявшего книгу. Процесс идентификации и составления выборки при создании базы данных был облегчен наличием двух метрических книг, в которые записывали только нижних чинов действительной службы³. Выборки по данным за 1916 и 1917 гг. составляли на основании анализа общих «Метрических книг о смерти евреев», в которые вносились актовые записи о всех умерших иудеях, вне зависимости от рода их деятельности. Метрические книги о смерти за 1918 г. не сохранились.

Для формирования второй базы данных мы исследовали «Книги погребенным» («Книги погребенным на еврейском участке Преображенского кладбища») Петрограда⁴. Эти книги изготовлены типографским способом и заполнены вручную. Они имеют следующий формат (табл. 2):

³ Метрическая книга о смерти евреев из служащих нижних чинов за 1914 год // ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 3. Д. 507; Метрическая книга о смерти евреев из служащих нижних чинов за 1915 год // Там же. Д. 523. В этой же описи находятся и другие «корпоративные» метрические книги со сведениями об отставных нижних чинах, купцах и мещанах.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 234, 236, 239, 242, 244.

Таблица 2

**Формат книги погребенным на еврейском участке
Преображенского кладбища**

№ по порядку	Имя, отчество и фамилия умерших	Возраст	Звание и ремесло	Место его жительства	Болезнь, от которой умер	День смерти	Какие предъявлены свидетельства	Место на кладбище, где похоронен			Особое примечание
								Разряд	Отделение	№ могилы	

Отметим, что в графе «Место его жительства», если речь шла о военнослужащем, указывался адрес (или название) лечебного заведения, в котором он скончался. Точное значение графы «Особое примечание» не установлено. Наиболее вероятная трактовка — отметка о том, кто брал на себя расходы по погребению. По крайней мере большая часть примечаний (98) представляет собой слово «Правление»⁵ или различные вариации сокращений этого слова: «Правлен.»⁶, «Правл.»⁷, «Прав.»⁸, «Пр.»⁹. Очевидно, имеется в виду хозяйственное правление Петроградской синагоги, отвечавшее за захоронения столичных иудеев. Зафиксировано несколько случаев указания фамилий в этой графе: «Иохельсон»¹⁰, «Полякова»¹¹, «Райхман»¹². В шестидесяти двух случаях графа «Особое примечание» осталась пустой.

В конечном итоге первая база данных включает в себя 147 индивидуальных выписок об умерших и погребенных. Вторая — 167. Разница в 20 человек обусловлена, во-первых, отсутствием метрических книг за 1918 г., о чем упомянуто выше. Во-вторых, часть умерших не регистрировалась метрическими книгами хоральной синагоги Петрограда. Слияние массивов данных двух баз

⁵ См., напр.: ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 236. Л. 33 об., 41, 70, 71 об., 85; Там же. Д. 239. Л. 4, 32, 35, 37 об., 69, 92, 95; Там же. Д. 244. Л. 2, 9, 10 об., 11, 19, 20, 26.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 236. Л. 16.

⁷ См., напр.: ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 234. Л. 52 об., 61, 71; Там же. Д. 236. Л. 4 об., 18 об., 21, 57, 58 об., 80; Там же. Д. 239. Л. 74 об., 93, 96 об.

⁸ См., напр.: ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 234. Л. 52 об., 69; Там же. Д. 236. Л. 12 об., 23, 32, 43 об., 84; Там же. Д. 239. Л. 90 об., 102 об., 108 об.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 234. Л. 56 об., 66 об.; Там же. Д. 236. Л. 93 об., 95 об., 101 об.; Там же. Д. 239. Л. 9 об.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 236. Л. 70 об.

¹¹ Там же. Л. 30 об.; Там же. Д. 239. Л. 33 об.

¹² Там же. Л. 91 об.

дало результат в 168 записей. Дело в том, что в книгах погребенным по какой-то причине отсутствует запись о захоронении рядового 17-го стрелкового полка Русской императорской армии Моисея Ниселевича Пейлеца, умершего в Петрограде вследствие ранения ноги 28 июля 1915 г. и погребенного, согласно данным метрической книги, на Преображенском еврейском кладбище столицы 31 июля 1915 г.¹³ Таким образом, объединение двух баз данных позволило провести различные социокультурные измерения иудейского воинского некрополя. Следует отметить, что сведения об одних и тех же персоналиях в упомянутых источниках иногда противоречат друг другу. Например, значение дат смерти иногда отличается на несколько дней. Даже написание имен в книгах погребенным и метрических книгах синагоги нередко разнится.

Анализ выборки показал, что все умершие иудеи, включенные нами в базы данных, погребены на Преображенском еврейском кладбище Петрограда (или, как иногда говорили, на Еврейском участке Преображенского кладбища).

Правда, нужно сделать единственную, но существенную оговорку. 15 июня 1917 г. в Николаевском военном госпитале Петрограда от последствий ранения правого бедра скончался рядовой 45-й артиллерийской бригады Герш Юхтеншахер. В метрической книге Петроградской синагоги указана дата его погребения — 4 августа 1917 г. (спустя почти два месяца после смерти!), но не указано место захоронения¹⁴. В «Книге погребенным на Еврейском участке Преображенского кладбища» также есть запись о смерти Герша Юхтеншахера, причем даже указан адрес его захоронения на этом кладбище: 3 разряд, 6 отделение, могила № 123¹⁵. Но путаницу вносит наличие записи о захоронении Юхтеншахера в ведомости о погребенных воинах на Преображенском братском кладбище¹⁶. Согласно данным этого документа, он умер не 15, а 13 июня и погребен 17 июня. Преображенское братское кладбище было устроено весной 1915 г. на свободном участке Преображенского православного кладбища и предназначалось для захоронения участников Великой войны (главным образом для умерших в лечебных заведениях столицы). Подобные «тыловые» братские кладбища учреждались по инициативе Александровского комитета о раненых в десятках городов, в разных уголках империи¹⁷. Анализ документов Петроградского братского кладбища показывает, что хоронили на нем преимущественно христиан, хотя официального запрета на захоронение представителей других конфессий не существовало¹⁸. Поскольку данные разных источников

¹³ Там же. Оп. 3. Д. 523. Л. 6 об.

¹⁴ Там же. Д. 538. Л. 79 об.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 242. Л. 79.

¹⁶ Там же. Ф. 455. Оп. 1. Д. 261. Л. 226 об. — 227.

¹⁷ См., напр.: Дело Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел об увековечении памяти жертв Великой Европейской войны // РГИА. Ф. 1288. Оп. 3. 1-е делопроизводство (1914 год). Д. 17.

¹⁸ РГВИА. Ф. 16070. Оп. 1. Д. 522. Л. 42.

противоречат друг другу — неясно, где же все-таки нашел свое последнее упокоение рядовой Юхтеншахер. Можно предположить, что первоначально тело было предано земле на Петроградском братском кладбище (17 июня 1917), а затем его перенесли на Преображенское еврейское кладбище (4 августа 1917). Случай с Г. Юхтеншахером — скорее исключение из довольно консервативных ритуальных традиций столичной еврейской общины, которые касались и топографии некрополя.

В первой половине XIX в. членов столичной еврейской общины хоронили на небольшом участке Волковского Лютеранского кладбища. В начале 1870-х гг. власти были обеспокоены увеличением числа захоронений на исторических кладбищах. Считалось, что соседство кладбищ с жилыми кварталами негативно сказывается на санитарном состоянии города, провоцирует эпидемии. В целях постепенного закрытия старых кладбищ и начала захоронений вдали от столицы городские власти организовали два крупных кладбища, связанных с Санкт-Петербургом железной дорогой¹⁹. К северу от городской черты, неподалеку от станции Парголово Финляндской железной дороги появилось Успенское (ныне Северное) кладбище, а к югу, близ станции Обухово Николаевской железной дороги — Преображенское. Землю для Преображенского кладбища город приобрел по обеим сторонам железнодорожного полотна. С западной стороны было организовано Православное кладбище (ныне Кладбище памяти жертв 9 января), а восточную часть некрополя предполагалось разделить на участки для захоронения инославных и иноверцев. В 1873 г. еврейской общине С.-Петербурга по договору с Городским общественным управлением передали участок площадью 17 664 кв. сажени²⁰. Погребения начались в марте 1875 г.²¹ Вскоре участок для захоронения иудеев превратился в самостоятельное кладбище, разбитое на разряды, огороженное забором, с собственным персоналом и постройками. По договору с городскими властями еврейская община должна была вносить в городскую кассу фиксированную плату²² за каждое захоронение, а администрация Преображенского кладбища не вмешивалась в дела соседей. Лишь формально

¹⁹ Заметим, что это были первые два петербургских кладбища, которыми непосредственно управляли городские власти, а не духовенство.

²⁰ *Лукин В. М.* Еврейское кладбище // Кобак А. В., Пириутко Ю. М. [и др.] Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2009. С. 566.

²¹ Там же. С. 567.

²² При этом фактическая стоимость места, которое приобретали родственники умершего, значительно превышала ту таксу, которую администрация еврейского кладбища выплачивала городу. Очевидно, имели место случаи оплаты, не регламентированной прейскурантом. По крайней мере, огласке был предан случай вымогательства администрацией Еврейского кладбища огромной суммы денег у вдовы некоего Г. Ловьянова (См.: Биржевые ведомости. 1910. 5 января. № 11499). На этот скандал обратил внимание и попечитель Преображенского кладбища А. Маслов (Письмо попечителя Преображенского кладбища А. Маслова в городскую управу Санкт-Петербурга от 19 февраля 1910 года // ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 381а. Л. 41 — 41 об.).

попечитель Преображенского кладбища осуществлял надзор за Еврейским кладбищем, де-факто всеми делами кладбища руководило кладбищенское управление при хозяйственном правлении синагоги²³.

Количество погребений на Преображенском еврейском кладбище неуклонно (за исключением 1910–1912 и 1914 гг.) увеличивалось. Если в течение первого года работы кладбища было произведено 210 захоронений²⁴, то к началу XX в. статистика захоронений выглядела следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

Статистика погребений на Преображенском Еврейском кладбище Санкт-Петербурга (Петрограда) в 1900–1918 гг.

Год	Количество погребений (чел.)
1900	315
1901	326
1902	332
1903	343
1904	370
1905	405
1906	420
1907	450
1908	473
1909	437
1910	435
1911	411
1912	414
1913	446
1914	419
1915	604
1916	667
1917	742
1918	934

Составлено по: ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 381а. Л. 1а об.; Там же. Ф. 422. Оп. 1. Д. 234. Л. 71; Там же. Д. 236. Л. 101 об.; Там же. Д. 238. Л. 69, 72; Там же. Д. 239. Л. 111 об.; Там же. Д. 242. Л. 125 об.; Там же. Д. 244. Л. 158 об.

²³ Правила об управлении еврейским Преображенским кладбищем в Петрограде. Утверждено хозяйственным правлением Петроградской синагоги 30 апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 1.

²⁴ Отношение хозяйственного правления С.-Петербургской синагоги в С.-Петербургскую городскую управу от 26 июля 1908 года № 381 // ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 381а. Л. 1а об.

Тенденция увеличения числа захоронений легко объясняется ростом численности населения Санкт-Петербурга (и иудеев в том числе). Значительный скачок количества погребений в 1915 г. — следствие прироста иудейского населения Петрограда за счет беженцев из западных областей империи, оставленных неприятелю.

Проследим долю воинского некрополя среди общего количества погребенных за период Первой мировой войны. Суммарное количество захоронений на Преображенском еврейском кладбище с 1 января 1914 по 31 декабря 1918 г. — 3366 (подсчитано по табл. 3). Подсчет общего количества захоронений за военные месяцы (со второй половины июля 1914 по 3 марта 1918 г.) по источникам не производился, но может быть рассчитан теоретически. Для корректного расчета необходимо вычесть из этого числа количество захоронений за 16,5 месяцев, в течение которых Россия не находилась в состоянии войны. За пять довоенных лет (с 1909 по 1913 г. включительно) среднее количество ежегодных захоронений составляло 428,6 человек (округляя до целых, получим 429). Ежемесячно в среднем 35,75 человек (округляя — 36). Следовательно, за 16,5 мирных месяцев в промежутке между 1 января 1914 и 31 декабря 1918 г. могло быть захоронено 594 человека. Вычитая это количество из указанного выше числа 3366, получим 2772 захоронения. Таким образом, доля Иудейского воинского некрополя периода Великой войны (168 человек) в относительных показателях составляет 6% от общего числа погребений. В 1914 г. состоялось всего 9 воинских захоронений, первые три появились на Преображенском еврейском кладбище лишь 9 октября²⁵. Наиболее репрезентативной является статистика захоронений в 1915, 1916 и 1917 гг., так как полная протяженность этих лет приходится на участие России в Великой войне. В 1915 г. было 43 воинских захоронения (7,12% от 604 захоронений за этот год); в 1916 г. — 40 (6% от 667); в 1917 г. — 61 (8,22% от 742); наконец, в 1918 г. — 15 (подсчет велся только до марта 1918 г.).

Если более подробно рассматривать топографию воинских захоронений на Преображенском еврейском кладбище, то статистика выглядит следующим образом: абсолютное большинство захоронений производилось в третьем разряде (самым дорогим и престижным считался первый разряд, наименее престижным — пятый, на котором допускались бесплатные погребения). В третьем разряде было захоронено 159 человек из 168. Из этих 159 в шестом отделении — 157 человек. Именно этот участок (3-й разряд, 6-е отделение) можно по праву назвать «воинским островком» Преображенского еврейского кладбища. Белобилетник 12-й роты 172-го пехотного запасного полка Борух Абрамович Шпилькин — единственный воин, кто был погребен во втором отделении 3-го разряда²⁶. Отставной военный врач Я. И. Братин обрел земной покой в пятом отделении 3-го разряда²⁷. Еще два человека были захоронены

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 3. Д. 507. Л. 5 об.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 242. Л. 16.

²⁷ Там же. Д. 236. Л. 38 об.

в 4-м разряде (в 7-м и 8-м отделении)²⁸. Шесть человек — в пятом разряде (четверо в четвертом отделении, двое — в пятом)²⁹. Точный адрес захоронения рядового 17-го стрелкового полка М. Н. Пейлеца не установлен.

В гендерном отношении состав воинского некрополя практически полностью однороден. В базу данных нами включена лишь одна женщина — врач 3-й Кавказской инженерно-строительной дружины Надежда Львовна (Эстер Лейбовна) Кадыш³⁰. Она была убита. Обстоятельства ее гибели не установлены. Смерть наступила в Батуми (согласно данным метрической книги — 19 августа 1916 г., по данным книги погребенным — 26 августа 1916 г.). Ее тело перевезли в Петроград (с разрешения Батумского генерал-губернатора) и погребли 6 сентября 1916 г.

Известен возраст 147 человек из 168 (87,5% от общего числа воинских захоронений). Распределение погребенных по возрастным категориям представлено в табл. 4.

Таблица 4

Возрастные категории погребенных

Возрастной интервал	Количество захоронений
До 20 (18 и 19)	6
От 20 до 25	59
От 26 до 30	41
От 32 до 35	11
От 36 до 40	18
От 42 до 44	7
От 52 до 59	3
От 62 до 67	2
Неизвестного возраста	21

Составлено по: ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 234, 236, 239, 242, 244; Оп. 3. Д. 507, 523, 529, 531, 538

Составленная нами выборка воинского некрополя позволяет провести различные социокультурные измерения: выяснить количество представителей тех или иных социальных и профессиональных групп в этом массиве данных. Заметим, что лишь у шести человек особо указано социальное происхождение и принадлежность к местности. Все шестеро относятся к мещанскому сословию (наиболее многочисленному среди российских иудеев, что заставляет предположить, что и большая часть из остальных 162 были мещанами). Актовые

²⁸ Там же. Д. 239. Л. 66; Там же. Д. 242. Л. 90.

²⁹ Там же. Д. 236. Л. 11 об., 16, 29 об., 43 об.; Там же. Д. 242. Л. 56; Там же. Д. 244. Л. 5.

³⁰ Там же. Д. 239. Л. 82; Там же. Оп. 3. Д. 529. Л. 188 об.

записи в метрические и кладбищенские книги всегда включали в себя информацию о служебном статусе умершего: звание (чин) и/или должность. Нередко указывался род войск или точное место службы. Все 168 человек имеют в базе данных определенную социокультурную привязку. Только в шести случаях имеет место указание неопределенного звания (без должности, места службы и других подробностей), которое всё же позволяет причислить этих лиц к категории воинского некрополя: три человека записаны как «солдаты», двое при помощи словосочетания «воинский чин», один — «нижний чин».

До Февральской революции иудеи являлись дискриминируемой группой в вооруженных силах России. Их не производили в унтер-офицерские звания и офицерские чины и не принимали в военные училища, они не могли служить в определенных родах войск³¹. В то же время, несмотря на циркулярное ограничение, запрещавшее иудеям служить в гвардии³², источники свидетельствуют, что де-факто они все-таки могли нести службу в гвардейских частях. Нам удалось выявить двух нижних чинов, которые еще до Февральской революции проходили службу в запасных батальонах лейб-гвардии Егерского и лейб-гвардии Гренадерского полков³³. Специфическое положение комбатантов иудейского вероисповедания прослеживается и при анализе списков погребенных в Петрограде. Большая часть имела звание «рядовой» — 110 человек (65,5%). Из 168 лиц, внесенных в базу данных, выявлен лишь один офицер — прапорщик М. И. Лимановский, скончавшийся от ранения 9 января 1918 г.³⁴ Девять человек были военными врачами, в том числе один в чине статского советника³⁵. Поскольку на период участия России в Первой мировой войне выпали революционные события, мы включили в базу данных воинских чинов, ставших жертвами внутренних конфликтов. К ним, например, относятся пять юнкеров, убитых большевиками 29 октября 1917 г. Четверо несли службу во Владимирском военном училище: Марк Исаевич Бык, Шлема Дубицкий, Моисей Маркович Кальк, Шмуил Мовшевич Темкин. Юнкеру Дубицкому в момент гибели было 24 года, трем другим юнкерам — по 22 года³⁶. Кроме того, от штыковой раны живота скончался 20-летний юнкер Николаевского инженерного училища Илья Семенович Перель³⁷. Благодаря интернет-ресурсу «Еврейское кладбище. Уход за еврейскими могилами в Санкт-Петербурге» удалось установить, что над-

³¹ Левинская И. А. Еврейский вопрос в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и конец Российской империи: В 3 т. Т. 1: Политическая история. СПб., 2014. С. 545.

³² См. полный перечень ограничений для прохождения службы: Евреи в армии // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 9. С. 281.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 236. Л. 41, 70 об.; Там же. Оп. 3. Д. 523. Л. 5, 9.

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 244. Л. 5.

³⁵ Там же. Л. 26.

³⁶ Там же. Д. 242. Л. 105, 105 об., 106; Там же. Оп. 3. Д. 538. Л. 106 об., 107, 224. Согласно надгробной надписи, юнкеру Темкину шел 22-й год (рис. 1, 2).

³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 242. Л. 108 об.; Там же. Оп. 3. Д. 538. Л. 107.

гробье юнкера Темкина сохранилось (см. рис.)³⁸. Надгробье исполнено в виде «древа жизни» с отрубленными ветвями. Такой тип надгробного памятника был весьма распространен в конце XIX — начале XX в. Подобные монументы можно встретить как на христианских, так и на иудейских кладбищах на территории бывшей Российской империи. Надгробная надпись на иврите гласит: «Шмуэль бар Моше Темкин. Погиб во дни юности своей 27 дня месяца Хешвана 5678 года»³⁹. Русская надпись выполнена в новой орфографии, дата гибели указана по новому (григорианскому) стилю. В общий список воинского некрополя внесен и человек, оказавшийся «по другую сторону баррикад» — начальник отряда Петроградской красной гвардии Абрам Крузе, умерший от огнестрельного ранения в живот в Выборгском крепостном госпитале 27 января 1918 г.⁴⁰ Кроме того, в число погребенных иудеев попали два военнопленных австро-венгерской армии: чин 12-го гонведного полка М. Сюттан и рядовой 32-го ландверного полка С. Кальп⁴¹. Первый был погребен на одном участке с российскими комбатантами, а второго похоронили отдельно, в седьмом отделении четвертого разряда.

Фотография автора статьи (Н. В. Родин), сделана 7 февраля 2016 г. на Преображенском еврейском кладбище Санкт-Петербурга. Надгробье находится на бывшем «военном» участке кладбища (3 разряд, 6 отделение)

³⁸ Темкин С. М. // Еврейское кладбище. Уход за еврейскими могилами в Санкт-Петербурге. URL: http://www.jekl.ru/public/backid.php?product_id=6495 (дата обращения 01.03.2016).

³⁹ Перевод осуществил Д. Эрлих (Науийойи-Акмяне, Литва).

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 244. Л. 10 об.

⁴¹ Там же. Д. 239. Л. 66; Там же. Д. 244. Л. 9.

Распределение погребенных по принадлежности к разным родам войск отражено в табл. 5.

Таблица 5

Иудейский воинский некрополь Петрограда по родам войск

Род войск	Количество погребенных, чел.	Процентная доля от общего числа погребений, %
Пехота	124	73,8
Артиллерия	7	4,17
Кавалерия	5	2,98
Инженерные войска	9	5,36
Прочие (включая неопределенной принадлежности)	23	13,69

Составлено по: ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 234, 236, 239, 242, 244; Оп. 3. Д. 507, 523, 529, 531, 538

Заслуживают внимания данные о месте смерти лиц, причисленных нами к иудейскому воинскому некрополю. Большая часть умерла в Петрограде, причем в отдельных случаях указывалось лечебное заведение, в котором скончался человек. Например, в Николаевском военном госпитале умерло 49 человек, в Сосновских бараках — 12, в Александровском Семеновском военном госпитале — 8. Нет никаких данных о месте смерти 12 иудеев. Тела 13 человек были доставлены в Петроград для погребения из других географических пунктов, как близлежащих, так и весьма удаленных от столицы: Стрельны, Гатчины, села Медведь, Новгорода, Вильманстранда, Риги, Ревеля, Батуми, Сарыкамыш, Галиции. В нескольких случаях указывалось неопределенное место гибели на фронте: «на позиции», «в действующей армии», «на театре военных действий». Таким образом, воинов иудейского вероисповедания тоже коснулась весьма популярная в Русской императорской армии в годы Первой мировой войны традиция транспортировки убитых комбатантов для захоронения в тылу. Инициатива подобных перевозок принадлежала, как правило, родственникам погибших, которые желали захоронить останки на семейных некрополях.

Одним из наиболее примечательных параметров в контексте исследования иудейского воинского некрополя является причина смерти. В источниках указаны причины смерти всех 168 человек, причем у некоторых в соответствующей графе фигурируют несколько диагнозов. Например: «туберкулез легких и экссувативный плеврит»⁴², «хроническое воспаление легких и туберкулез гортани»⁴³ и т.д. Обработанная статистика причин смерти сведена нами в табл. 6.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 244. Л. 9 об.

⁴³ Там же. Д. 242. Л. 120.

Таблица 6

Причины смерти

Причина смерти (диагноз)	Количество установленных случаев
Туберкулез (бугорчатка, чахотка)	44
Смерть в бою и скорая смерть от различных видов ранений	36
Тиф	10
Болезни сердца	9
Воспаление легких	7
Плеврит	6
Истощение	5
Заражение крови	5
Воспаление левого среднего уха	4
Воспаление мозга	4
Воспаление почек	4
Дизентерия (кروавый понос)	3
Кровоизлияние в мозг	3
Смерть от утопления	2
Сифилис (спинная сухотка)	2
Саркома	2
Самоубийство	2
Прогрессивный паралич	2
Воспаление брюшины	2
Воспаление спинного мозга	2
Слабоумие	2
Гнилокровие	2
Аппендицит	1
Гнойное воспаление тазобедренного сустава после огнестрельного ранения	1
Карбункул	1
Малокровие	1
Опухоль мозга	1
Осложнение бедра	1
Острое геморрагическое воспаление мочевого пузыря	1
Рак мочевого пузыря	1
Острое гнойное воспаление миндалевидных желез	1
Острый перитонит	1
Отравление удушливыми газами	1
Психическое расстройство	1
Разрыв аорты	1
Рак прямой кишки	1
Хронический менингит	1
Хронический энцефалит	1
Цинга	1
Эпилептический статус	1

Составлено по: ЦГИА СПб. Ф. 422. Оп. 1. Д. 234, 236, 239, 242, 244; Оп. 3. Д. 507, 523, 529, 531, 538

К сожалению, источники, бывшие в нашем распоряжении, не позволяют судить о том, были ли заболевания, приведшие к летальному исходу, приобретенны в ходе пребывания на фронте или в запасных частях. В целом полученные статистические подсчеты показывают, что чаще к смерти приводили инфекционные заболевания (в первую очередь различные виды туберкулеза и тифа), а не урон от оружия. Высокая смертность от небоевых причин свидетельствует о неблагоприятной санитарной обстановке, которая царилa и на фронте (особенно в условиях позиционной войны), и в Петрограде, казармы которого были переполнены чинами запасных частей.

Проведенное исследование позволило установить точное количество участников Великой войны иудейского вероисповедания, погребенных в Петрограде. Все эти люди были захоронены на территории одного кладбища — Преображенского еврейского. Как видно из расчетов, иудейский воинский некрополь составлял небольшую часть (около 6%) захоронений всех столичных иудеев в рассматриваемый период. Если сравнивать количество погребенных в Петрограде воинов-иудеев с воинскими некрополями других конфессий, процентная доля иудейских захоронений еще меньше. Например, только на Петроградском братском кладбище с марта 1915 по август 1916 г. похоронили 5247 человек⁴⁴. То есть доля всех иудейских воинских захоронений (168 человек) составляет 3,2% от этого количества, но нужно иметь в виду, что захоранивали участников Великой войны и на других городских кладбищах.

References

- Evrei v armii* // Voennaja jenciklopedija. SPb., 1912. T. 9.
Levinskaja I. A. Evrejskij vopros v gody Pervoj mirovoj vojny // Pervaja mirovaja vojna i konec Rossijskoj imperii: V 3 t. T. 1: Politicheskaja istorija. SPb., 2014.
Lukin V. M. Evrejskoe kladbishhe // Kobak A. V., Pirjutko Ju. M. [i dr.] Istoricheskie kladbishha Sankt-Peterburga. M., 2009.
 Temkin S. M. // Evrejskoe kladbiše. Uhod za evrejskimi mogilami v Sankt-Peterburge. URL: http://www.jekl.ru/public/backid.php?product_id=6495 (date of access 01.03.2016).

Список литературы

- Левинская И. А. Еврейский вопрос в годы Первой мировой войны* // Первая мировая война и конец Российской империи: В 3 т. Т. 1: Политическая история. СПб., 2014.
Лукин В. М. Еврейское кладбище // Кобак А. В., Пирютко Ю. М. [и др.] Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2009.
 Правила об управлении еврейским Преображенским кладбищем в Петрограде. Утверждено хозяйственным правлением Петроградской синагоги 30 апреля 1914 года. Пг., 1914.
 Темкин С. М. // Еврейское кладбище. Уход за еврейскими могилами в Санкт-Петербурге. URL: http://www.jekl.ru/public/backid.php?product_id=6495 (дата обращения 01.03.2016).

⁴⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 673. Л. 5.

С. Л. Новиченко, Л. Э. Сутягина

К вопросу сохранения исторической памяти. Мемориальные зоны на рубежах обороны Ленинграда¹

Новая волна растущего интереса к прошлому в современном российском обществе объясняется стремлением сберечь национальную идентичность. Один из факторов этого феномена — сохранение исторической памяти. В статье рассматриваются аспекты восприятия исторической памяти через монументальные образы и мемориалы, посвященные защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

В 2016 г. Россия отмечает 75 лет с начала Великой Отечественной войны. Для Ленинграда тема блокады — особая. Кольцо немецкой сухопутной блокады сомкнулось 8 сентября 1941 г., когда части группы армий «Север» вышли к южной оконечности Ладожского озера и взяли Шлиссельбург. Судьба Ленинграда во многом решалась на берегах Ладоги и Невы. На территории современного Кировского района Ленинградской области с 1941 по 1944 г. разворачивались важнейшие операции по прорыву и освобождению Ленинграда от немецко-фашистской осады. Обустройство братских воинских захоронений по линии Ленинградского и Волховского фронтов и мемориализация мест сражений на рубежах героической обороны Ленинграда началась еще в суровые военные годы.

¹ Программа гранта фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (Постановление № 176 от 23 декабря 2014 г.) по проекту МАЭ РАН: «Современная петербургская идентичность: ресурсы сохранения и изменения» (научный руководитель проекта к. ф. н. В. Г. Узунова).

15 июля 1941 г. в обращении «Ко всем работникам музеев» была поставлена задача сбора материалов о Великой Отечественной войне, нашедшая подтверждение в письме от 15 ноября 1941 г. «О сборе материалов Великой Отечественной войны»².

Идея создания мемориалов на Ленинградском фронте была высказана архитектором А. С. Никольским³ в его блокадном дневнике 8 января 1942 г.: «Я задумал серию памятников — памятных точек боев за Ленинград. Такой, в полном смысле пространственный коллективный памятник боям на подступах к Ленинграду»⁴. Эскизы временных памятников на могилах павших бойцов встречаются и среди зарисовок архитекторов-фронтовиков.

Первые монументы на рубежах героической обороны города были установлены в 1944–1945 гг. Инициаторами их создания стали Ленинградский обком и горком ВКП(б), Военный совет и Политуправление Ленинградского фронта при непосредственном участии маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Осуществлялись они по проектам группы молодых ленинградских архитекторов, выпускников Академии художеств: лейтенанта Я. М. Зеленого, старшего лейтенанта К. Л. Иогансена и младшего лейтенанта В. А. Петрова. С начала войны до 1943 г. они сражались на различных участках Ленинградского фронта, а затем были откомандированы в распоряжение ленинградского Дома Красной армии, на работу по организации выставки «Героическая оборона Ленинграда», где и началась их совместная творческая работа. В 1943 г. К. Л. Иогансен⁵ совместно с В. А. Петровым⁶ создали проект одного из первых памятников на территории Кировского района. Воинский обелиск на берегу реки Тосно у Ивановских порогов на Неве посвящен плацдарму «Ивановский пятачок», образованному в ходе боев в августе 1942 г. Памятник воздвигли в 1944 г. силами инженерных войск Ленинградского фронта в очень короткий срок, в течение двух месяцев⁷.

В 1950-х гг. идею строительства и установки памятников на местах боев за Ленинград поддерживал и развивал Герой Советского Союза генерал-майор Н. П. Симоняк, командовавший 136-й стрелковой дивизией в январе 1943 г., при прорыве блокады. В 1948 г. был объявлен специальный конкурс на проекты памятников в поселке Гостилицы и на Невском пятачке. В нем принимали участие архитекторы и художники — бывшие воины Ленинградского фронта. Лучшим был признан проект памятника-obeliska архитектора А. И. Лапинова. Обелиск

² *Златоустова В. И.* Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // *Музей и власть* / Отв. ред. С. А. Каспаринская. М.: РИК, 1991. С. 226–298.

³ Никольский Александр Сергеевич (1884–1953) — советский архитектор, лауреат Сталинской премии первой степени (1951).

⁴ Из истории советской архитектуры 1941–1945 гг. Документы и материалы. Хроника военных лет. Архитектурная печать. М., 1978. С. 16.

⁵ Иогансен (Иогансон) Кирилл Леонардович (1909–1980) — советский архитектор, член Союза художников СССР, профессор.

⁶ Петров Василий Александрович (1916–1992) — советский архитектор.

⁷ *Твелькмейер В.* Памятники героической обороны Ленинграда // Ленинград. 1946. № 1–2. С. 34.

был изготовлен в Москве на заводе «Водники». Геральдические украшения отлиты из бронзы по проекту скульптора Г. П. Якимовой. Работы проводились на деньги, собранные ветеранами, освобождавшими Ленинград от немецкой блокады⁸. Еще в 1953 г., посетив Невский левобережный плацдарм, В. П. Бушев, ветеран 20-й дивизии войск НКВД, обратился с взволнованным письмом к главному редактору газеты «Красная Звезда»: «Печально видеть, когда через 8 лет после окончания Великой Отечественной войны на месте боев можно еще встретить незахороненные кости и части скелетов. Единственная ощутимая забота... заключается пока в том, что на берегу Невы, ближе к 8-й ГЭС (пристани Невдубстрой) организован пункт сбора утиля, собираемого местными жителями... с места боев. Хочется пожелать следующее: во-первых, чтобы встречающиеся на поверхности земли останки погибших бойцов Красной Армии были собраны и захоронены в братских могилах, во-вторых, чтобы место боев было отмечено каким-либо памятным знаком...»⁹ 20 ноября 1955 г. десятиметровый памятник-обелиск был торжественно установлен на Невском пятачке. Он стал первым монументом, посвященным героическим защитникам плацдарма.

23 июня 1956 г. Исполком Ленгорсовета принял постановление «О мероприятиях по сооружению памятников и мемориальных досок, посвященных героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны», в соответствии с которым началась работа по созданию мемориальной зоны вокруг Ленинграда. Архитектурная схема мемориальной зоны была разработана коллективом первой мастерской института «Ленпроект» под руководством Г. Н. Булдакова, заместителя главного архитектора города. В нее вошли первые обелиски 1940-х гг. и были намечены основные узлы — места наиболее важных событий: Пулковские высоты, Невско-Дубровский плацдарм, Дорога жизни и др. Затем началось проектирование узлов и сооружений, связанных с конкретным местом и событием¹⁰.

23 февраля 1965 г. со страниц газеты «Смена» к ленинградцам обратился поэт-фронтовик Михаил Дудин с предложением посадить вдоль бывшей линии фронта деревья и кустарники как символ вечной жизни и памяти. С тех пор мемориальная зона Ленинграда стала называться Зеленый пояс Славы. К сожалению, полностью реализованных проектов практически нет. На большинстве участков обороны сложились комплексы из разновременных и разнотильных монументов и мемориальных знаков, связанных только единством темы — битвы за Ленинград, но композиционно, как правило, они не объединены и существуют самостоятельно¹¹.

⁸ Лукьянов Ю. А. Памятник длиной 200 километров. Л., 1969. С. 125–126.

⁹ Суходымцев О. А. Кировск. Мгновения истории. СПб.: Галарт, 2011. С. 34–35.

¹⁰ Подвиг народа: Памятники Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Сост. и общ. ред. В. А. Голикова. М.: Политиздат, 1980. С. 133.

¹¹ Новиченко С. Л. Здесь вся земля — музей // Здесь вся земля — музей: Научн.-популярн. сб. СПб., 2010. С. 78.

Посвященный Дороге жизни комплекс в деревне Кобона вошел в состав Зеленого пояса Славы как неотъемлемая его часть. Первым элементом комплекса стала стела «Дорога жизни», установленная в 1964 г. по проекту архитекторов М. Н. Мейселя и А. А. Яковлева. В 1973–1974 гг. в дер. Дусьево был сооружен памятник Героям Ладоги по проекту архитекторов А. Д. Левенкова, П. И. Мельникова и художника В. В. Фоменко. Легендарная полуторка ГАЗ-АА застыла навечно на пьедестале, напоминая ледяные торосы Ладоги.

С начала 90-х гг. в дер. Кобона работает музей «Дорога жизни» — филиал Музейного агентства Ленинградской области. В состав комплекса также входит храм святого Николая Чудотворца (1861 г.; арх. М. А. Щурупов) — главный эвакуационный пункт в годы блокады, ставший для ленинградцев зримым символом спасения, символом Дороги жизни.

Спустя двадцать лет после войны В. А. Петров, теперь уже главный художник Ленинграда, спроектировал новый памятник «Невский порог» в поселке Усть-Тосно. Этот монумент символизирует те самые пороги на Неве, которые войска вермахта не смогли преодолеть осенью 1941 г. Проект памятника помогли создать ученики Петрова — выпускники училища им. В. И. Мухомовой архитектор Ф. К. Романовский и скульптор А. Г. Дёма. Сооружение «Невского порога» началось в марте 1967 г. Работали всё время вручную, технику нельзя было применять — опасно. Только через шесть месяцев состоялось торжественное открытие монумента¹².

В том же 1967 г. начались работы по увековечиванию событий, связанных с прорывом блокады Ленинграда в январе 1943 г. В районе дер. Марьино, на берегу Невы был воздвигнут монумент «Прорыв», который по существу является памятным знаком: основу его составляет танк Т-34-85 с гвардейской символикой на башне. Одновременно в рамках благоустройства Зеленого пояса Славы на Невском пятачке был установлен памятник военнослужащим Ленинградского военного округа (ЛВО) — танк Т-34-85. Работы проводились по инициативе ЛВО и осуществлялись под руководством майора Дягилева. В 1973 г. на месте встречи Ленинградского и Волховского фронтов 18 января 1943 г., в районе рабочего поселка № 1, на 66-м км Петрозаводского (Мурманского) шоссе по инициативе жителей города Кировска был установлен скромный обелиск.

В зоне прорыва блокады Ленинграда по заданию Управления культуры Леноблисполкома в 1977 г. институт Ленгипрогор разработал проект Мемориального комплекса. Работу над проектом вели архитекторы мастерской № 1 (руководитель Р. А. Широков) А. М. Тидельман и А. Г. Михайлов при участии Л. К. Вертоусова. Проект предполагал мемориализацию значительной территории — около 300 кв. км, ограниченную с севера Ладожским озером, с запада — левым берегом Невы (от истока до Невского пятачка), с востока — р. Назией и с юга — районом оз. Барское. Архитекторы включили в целостную систему не только существующие памятники-obelisks, мемориальные доски, братские

¹² Новиченко С. Л. Здесь вся земля — музей. С. 78–80.

захоронения, реликвии военных лет, но и около двадцати новых мемориальных объектов. Задуманный архитекторами военно-исторический комплекс представлял собой развитую в пространстве полицентрическую композицию, основными элементами которой должны были стать памятные участки: в районе бывших рабочих поселков № 1, 2, 8 и 5 на Синявинских болотах; бывших деревень Тортолово, Гайтолово, Гонтовая Липка, Вороново-Поречье и Мишкино; деревни Марьино, рощи «Круглой», Синявинских высот, в Шлиссельбурге, на Невском пятачке, на Преображенской высоте (Шлиссельбург), 8-й ГРЭС¹³.

Архитектурный ансамбль в районе соединения Волховского и Ленинградского фронтов должен был стать доминантой воинского мемориала. Предполагалось, что здесь, на центральной площади с Вечным огнем и монументом будет создан мемориальный зал с диорамой, повествующей о прорыве блокады Ленинграда, а также кинозал для показа документальных фильмов. На Синявинских высотах планировалось создать грандиозный ансамбль из сложной системы лестниц, подпорных стенок, ведущий к центральной скульптурной группе защитников Ленинграда. В районе уничтоженной деревни Тортолово, на месте боевых действий Волховского фронта, предлагалось организовать мемориал, включающий памятные знаки, братские воинские захоронения, экспозицию боевой техники и военные фортификационные сооружения.

Основная идея авторов ансамбля заключалась в сохранении ландшафтов и рельефов военного времени. Планировалось провести консервацию определенных участков местности, восстановив при необходимости траншеи, окопы, дзоты, блиндажи, тем самым максимально усилить эмоциональное воздействие мемориала. Проект был разработан с учетом перспективного плана развития Тосненского, а впоследствии и Кировского р-на Ленинградской области. Однако этот проект не удалось осуществить, как и многие другие¹⁴.

Не является исключением и мемориал «Невский пятачок». Первый проект мемориала, предусматривающий композиционно-смысловой охват значительной части плацдарма, был разработан Ленинградским научно-исследовательским институтом теории архитектуры и градостроительства в конце 60 — начале 70-х гг. По замыслу архитекторов О. С. Романова и М. Л. Хидекеля, художника Г. Д. Ястребенецкого и скульптора Э. Х. Насибулина, композиционным центром будущего мемориального комплекса должен был стать «Рубежный камень». Открытие памятника состоялось 12 сентября 1971 г., накануне 30-й годовщины рождения плацдарма, однако полностью осуществить проект не удалось¹⁵.

В 1985 г., в 350 м южнее «Рубежного камня», был воздвигнут памятник «Призрачная деревня» (архитекторы М. Л. Хидекель и О. С. Романов), ставший символом 38 селений, полностью уничтоженных в годы войны

¹³ Богоява В. В. В районе прорыва блокады // Ленинградская панорама. 1980. № 6. С. 10–12, 17.

¹⁴ Новиченко С. Л. Здесь вся земля — музей. С. 80.

¹⁵ Там же. С. 81.

на территории современного Кировского р-на. Благодаря работе поисковых отрядов было сформировано братское воинское захоронение между обелиском и памятником-танком. 8 мая 1999 г. освятили часовню святого Георгия Победоносца (арх. С. Г. Наумов). В 2000 г. архитектор О. С. Романов создал проект Храма Победы на Невском пятачке. От Храма Победы до братского воинского захоронения проектом было предусмотрено создание мемориальной аллеи. Однако этот проект не был осуществлен. 5 мая 2005 г. на берегу Невы был установлен Поклонный крест — и обустроена Интернациональная аллея Памяти и Славы с мемориальной плитой от правительства Ленинградской области. С 2005 г. на аллее началась установка памятных знаков, посвященных воинам бывшего Советского Союза. Первым был торжественно открыт памятный знак от Республики Татарстан, 22 июня 2007 г. — от Республики Казахстан, 9 мая 2009 г. — закладная плита от Республики Беларусь¹⁶.

Мемориальная зона «Синявинские высоты» к началу XXI в. сформировалась из разновременных и разностилевых монументов и памятных знаков, посвященных боям за Синявинские высоты. Располагается мемориал на печально знаменитой высоте 45,0 — так называемой «Чертовой высоте». Первые памятные плиты погибшим советским солдатам и офицерам были установлены в начале 50-х гг. по инициативе ветеранов боев и при участии местных органов власти и молодежи. В 1968 г. на могиле Героев Советского Союза Султана Баймагомбетова, уроженца Казахстана, и ленинградца Владимира Ермака была установлена бетонная стела с мраморным навершием. Памятник посвящен бойцам, закрывшими собой амбразуры вражеских дзотов в напряженных боях лета 1943 г.

На мемориале Синявинских высот в 1975 г. началось оформление аллеи Славы: на 64 мраморных плитах выбиты фамилии воинов, павших в боях за высоты в 1941–1944 гг. В начале 80-х гг. рабочие завода «Ладога» на Синявинских высотах начинают создавать мемориальный комплекс по проекту художника Б. К. Аманжолова. К 9 мая 1984 г. в центре мемориала установили Вечный огонь. Изменился и внешний вид стелы на могиле В. Ермака и С. Баймагомбетова. Бетонное основание было закрыто плитами, а по бокам стелы смонтированы стяги. Одновременно на месте природного источника, у подножия высоты соорудили «Родник памяти», представляющий собой куб, разорванный «искрой» — символом прорыва блокады.

К 8 мая 1985 г. между стелой и спуском к роднику была собрана «Стена памяти». В плиты из металла были вмонтированы фотографии бойцов с разрозненных памятных знаков, установленных в разное время на Синявинских высотах. На месте старинного села Синявино, уничтоженного в годы войны, установили символическое дерево Жизни. К 40-летию Великой Победы создание единого мемориального комплекса считалось завершенным. Однако до сих пор на Синявинских высотах стихийно устанавливаются памятные и мемори-

¹⁶ Новиченко С. Л. Здесь вся земля — музей. С. 81.

альные знаки, которые композиционно не объединены и нарушают единство восприятия всего мемориального ансамбля.

Желание потомков увековечить память своих родственников, погибших в боях за Ленинград, опровергает существующее мнение некоторых современных исследователей о том, что государственная идеология навязывает модель сохранения коллективной исторической памяти. Активная деятельность движения поисковых отрядов, где средний возраст участников 18–25 лет, не подтверждает точку зрения, что для современной молодежи военная история перестает быть предметом пристального интереса. Не только молодые военные историки, но и просто участники поискового движения занимаются изучением истории военной повседневности, исследуя карты военных действий и военные ландшафты и обозначая небольшими пирамидками воинские захоронения на местах боев.

Мемориальный комплекс героическим защитникам крепости Орешек (арх. И. Д. Билибин, скульпторы Г. Д. Ястребенецкий, А. Г. Дёма, 1985 г.) отличается своей завершенностью и входит в состав историко-архитектурного ансамбля на территории легендарной Шлиссельбургской крепости. 500 дней небольшой гарнизон бесстрашных советских солдат и офицеров эффективно оборонял древнюю крепость на острове в истоке р. Невы и защищал Дорогу жизни на Ладожском озере. Воинский мемориал вписался в ландшафт крепости. Но возникла проблема иного плана — монумент был создан в алтарной части разрушенного храма Иоанна Предтечи (арх. Штауберт; 1820-е гг.). Со временем встал вопрос реновации церкви и возобновления духовной деятельности шлиссельбургской православной общины. Решение этой проблемы кроется в совместном сотрудничестве Санкт-Петербургской епархии, правительства Ленинградской области, музейщиков и творческих организаций.

Историко-мемориальный комплекс, посвященный операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда (в районе дер. Марьино), является упрощенным воплощением грандиозного проекта «Прорыв» 1977 г.¹⁷ Ладожский мост через Неву, помимо основной функции, является неотъемлемой частью мемориала. По замыслу главного архитектора Ю. И. Синицы, это не просто инженерное сооружение, а своеобразная гигантская триумфальная арка через водную преграду в честь героев прорыва, арка, о которой мечтал архитектор А. С. Никольский в один из самых страшных дней блокады Ленинграда. 22 января 1942 г. он записал в своем дневнике: «За три недели умерло 40 архитекторов — членов Союза. Это по два человека в день. Смерть уже не потрясает. Нервы притупились... Но сдавать город нельзя. Лучше умереть, чем сдать. Я твердо верю в скорое снятие блокады и начал думать о проекте триумфальных арок для встречи Героев — войск, освободивших Ленинград»¹⁸. В декабре 1982 г. такая триумфальная арка была сооружена, впервые в практике

¹⁷ Новиченко С. Л. Здесь вся земля — музей. С. 80.

¹⁸ Никольский А. С. Ленинградский альбом: Рис., грав., проекты военных лет. Л., 1984. С. 197.

монументалистики — через водную преграду. Мост был построен в том самом месте, где в январе 1943 г. бойцы 136-й стрелковой дивизии генерала Н. П. Симоняка успешно форсировали Неву. Чтобы не нарушить впечатление безостановочного преодоления водной преграды, авторы проекта сместили разводную часть моста к правому берегу Невы.

Архитектурные формы Ладожского моста подчеркивают его восприятие как мемориала, а усиливает впечатление музей-диорама «Прорыв блокады Ленинграда», размещенный в левобережном пандусе. Над картиной (холст, масло; 40×8 м) о семидневных боях по деблокаде Ленинграда в январе 1943 г. работал коллектив ленинградских художников: артиллерийский разведчик 136-й стрелковой дивизии Н. М. Кутузов, заслуженные художники РСФСР Ф. В. Савостьянов, Л. В. Кабачек и К. Г. Молтенинов, а также В. И. Селезнев, Б. В. Котик и Ю. А. Гариков¹⁹. Предметный план диорамы выполнен группой специалистов объемного проектирования Комбината декоративно-прикладного искусства Ленинградского отделения Художественного фонда РСФСР под руководством В. Д. Зайцева. Военные консультанты — кандидат исторических наук полковник В. П. Зайцев, участники операции «Искра» — полковники в отставке Д. К. Жеребов и И. И. Соломахин помогли художникам в создании монументального исторического полотна. 7 мая 1985 г., в канун 40-летия победы, состоялось торжественное открытие музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда»²⁰.

В единую мемориальную композицию комплекса включен памятник-танк «Прорыв» (Т-34-85) и прилегающая территория, на которой сохранились «немые» свидетели тех событий — две липы, даже сейчас легко узнаваемые по следам бывших «ранений». Экспозиция военной техники, формирование которой началось в 2003 г., органично вписалась в пространство преддиорамной площади. В настоящее время на ней представлены шесть танков: два тяжелых — КВ-1, КВ-1С, легкие Т-26, БТ-5 и малый плавающий танк Т-38. Пять танков из шести подняты со дна р. Невы в районе легендарного Невского пяточка.

Осенью 1941 г. при проведении 2-й Синявинской наступательной операции через Неву на левобережный плацдарм удалось переправить несколько легких и тяжелых танков. В отчете инженерного управления от 5 ноября 1941 г. говорится о том, что один танк КВ-1 затонул²¹. Спустя десятилетия боевая машина «вышла» на плацдарм. Надо отдать должное советскому танкостроению: ходовая часть боевой машины, пролежавшей на дне Невы более шестидесяти лет, была в рабочем состоянии. 16 сентября 2003 г., после реставрации в Стрельне

¹⁹ Кручинина-Богданова В. И. Героям невосковой твердыни // Ленинградская панорама. 1984. № 5. С. 12.

²⁰ Сутягина Л. Э., Фоченкова М. Я. Музей-диорама «Прорыв блокады Ленинграда». СПб., 2000. С. 2.

²¹ Новиченко С. Л. К вопросу о создании танковой экспозиции под открытым небом в музее-заповеднике «Прорыв блокады Ленинграда» // Чтения по военной истории. СПб., 2006. С. 415.

на 61-м бронетанковом ремонтном заводе, КВ-1 своим ходом встал на вечную стоянку у мемориала.

В январе 2005 г. на экспозиции установили танк Т-26. Этот танк был первой серийной и самой массовой машиной в СССР — в 1931–1941 гг. на Ленинградских заводах было выпущено 11 208 танков Т-26 двадцати трех модификаций²².

Тяжелые бои по прорыву блокады возобновились на Невском пятачке осенью 1942 г. В ночь на 26 сентября на плацдарм были отправлены малые плавающие танки из состава отдельного батальона легких танков²³. Операция в районе Невского пятачка стала первой из двух проведенных за всю войну (вторая — 1944 г., Карельский фронт), в которой плавающие танки использовались для форсирования водной преграды и захвата плацдарма на противоположенном берегу. Осуществление их было возможно благодаря тому, что только в Советском Союзе в довоенный период было налажено крупносерийное производство плавающих танков. Т-38. До настоящего времени сохранилось только шесть экземпляров советских танков-амфибий предвоенного выпуска. Четыре из них находятся в России, два за рубежом: в Финляндии и Швеции. Т-38, установленный в экспозицию в мае 2005 г., помимо своего мемориального значения, является редким памятником истории советского танкостроения.

Во время нацистской осады войска Волховского фронта рвались на помощь к Ленинграду из района р. Назия, с. Путилово, железнодорожной станции Жихарево. В боях под Вороново, Карбуселью и Мишкино летом 1943 г. принимали участие танки КВ-1С 33-го гвардейского тяжелотанкового полка. Одна из этих машин была обнаружена в урочище «Карбусельские поля» в октябре 2005 г. Процесс ее восстановления растянулся более чем на год, так как сохранившаяся документация не давала детального представления обо всех частях танка. КВ-1С выпускался в военное время всего лишь год. Образцов танка этой модификации в России не сохранилось, хотя в зарубежных музеях он есть — в частности в Финляндии, в музее бронетанковой техники в Пароле²⁴. После реставрации, 19 января 2007 г., тяжелый танк КВ-1С занял свое место в почетном строю участников прорыва блокады Ленинграда.

Операция «Искра» — пятая операция по прорыву блокады Ленинграда, завершившаяся долгожданной победой. Единственный танк, непосредственно принимавший участие в этой операции (в составе 118-го отдельного танкового батальона, приданного 45-й гвардейской дивизии) — танк БТ-5, поднятый со дна реки в районе Невского пятачка в июне 2007 г. БТ-5, установленный на экспозиции 19 сентября 2007 г., является третьим сохранившимся экземпляром танка БТ-5. Один находится в подмосковной Кубинке, второй — в Монголии.

18 января 2008 г. еще один КВ-1 был установлен в экспозицию военной техники. Много споров вызвал его цвет — белый, но это соответствует зимнему

²² Новиченко С. Л. и др. Танки «Прорыва». Кировск, 2008. С. 6.

²³ Бычевский Б. В. Город-фронт. М., 1963. С. 172.

²⁴ Новиченко С. Л. и др. Танки «Прорыва». С. 11.

камуфляжу, который был нанесен на машину в ноябре 1941 г. Танк был поднят со дна Невы в районе Невского пяточка в октябре 2007 г.

Танковая экспозиция подобного рода на площади перед диорамой «Прорыв блокады Ленинграда» — единственная в стране. Она представляет не только уникальные образцы военной техники предвоенного выпуска, но и танки — участники боев, которые спустя десятилетия встали в единый строй. В мире нет площади, на которой мы могли бы увидеть такую коллекцию танков.

В 1990 г. на базе музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда», мемориальных комплексов Невский пяточок и Синявинские высоты в Кировском районе был создан музей-заповедник «Прорыв блокады Ленинграда». В его состав также вошли 38 братских воинских захоронения. Мемориальный заповедник на ландшафтных территориях мест сражений был создан, но он не в полной мере отражает все грани героической Ленинградской битвы.

В июле 1973 г. инициативной группой ветеранов в Управление культуры Леноблисполкома было направлено ходатайство о создании мемориальной зоны Волховского фронта от бывшей дер. Гонтовая Липка до бывшей дер. Вороново. 12 сентября 1973 г. такое же ходатайство было направлено в Ленинградский обком КПСС²⁵. В результате продолжительного обсуждения Музеем истории Ленинграда было поручено изготовить семь временных памятных знаков и установить их к 9 мая 1975 г. в роще «Круглой», Гонтовой Липке, Гайтолово, районе безымянных высот севернее Тортолова, на высоте в 500 м к северо-востоку от Тортолова, в Тортолово и возле развалин Дома отдыха в Вороново. Но установили только два: один из них на месте бывшей дер. Тортолово, другой — на пересечении дорог Тортолово — Двор охраны и Келколово—Путилово. Позднее они были заменены на постоянные памятные знаки.

По инициативе общественных организаций, Советов ветеранов дивизий и поисковых отрядов началась мемориализация передовых рубежей Волховского фронта. 16 мая 1982 г., к 40-летию Синявинской операции 1942 г., на правом берегу реки Черной был установлен памятник бойцам 73-й бригады морской пехоты, погибшим в Синявинской операции. В центре его — фигура «Скорбящего матроса», на постаменте два якоря, соединенные цепью. Рядом могила Неизвестного матроса с вмурованной в плиту пятиконечной звездой. На мраморном надгробии — фамилии павших²⁶.

9 мая 1980 г. на полпути от Тортолова к Гайтоловскому лесному кордону был установлен самодельный памятник 310-й стрелковой дивизии, принявшей боевое крещение на этих рубежах в сентябре 1941 г. Памятник, стилизованный под трехгранный штык, сварили из стального листа аспиранты Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ).

²⁵ *Неринговский Б. В.* От Гонтовой Липки до Вороново // Синявино, осенние бои 1941–1942 гг.: Сб. воспоминаний участников синявинских сражений. СПб., 2008. С. 467.

²⁶ *Неринговский Б. В.* От Гонтовой Липки до Вороново. С. 471.

На Синявинских высотах воевало и погибло немало выходцев из Казахстана — как казахов, так и русских. Поисковый отряд «Мемориальная зона» под руководством М. К. Кусаинова разработал концепцию мемориальной зоны «Надежда» в районе Синявинских высот и болот у бывших дер. Мишкино, Тортолово, Гайтолово, Гонтовая Липка, где с сентября 1941 по январь 1944 г. проходил передний край обороны Волховского фронта. Поисковики поставили задачу найти и похоронить с воинскими почестями всех тех, кто во время войны не был погребен. По мнению Майдана Кусаинова, активного руководителя поискового движения и создания мемориальной зоны Синявинских высот, линия Волховского фронта — сплошное братское захоронение, где под тонким слоем земли лежат останки бойцов. И если говорить о сохранении исторической памяти и исторической справедливости, то сегодня поисковые отряды решают благородную задачу похоронных команд военного времени, попутно разминируя местность.

В памятных знаках, установленных в мемориальной зоне «Надежда», используется Красная звезда. По мнению М. Кусаинова, она объединяет всех советских солдат и офицеров, независимо от конфессий. Памятник «Звезды-журавли» торжественно был открыт 9 мая 2002 г. у оз. Синявинское, за дорогой Мга–Кировск.

В настоящее время, благодаря подвижнической деятельности Е. В. Ильина, директора Военно-исторического центра СПбГУ, ветерана и исследователя Б. В. Нериновского, М. К. Кусаинова, протоиерея Вячеслава (Харинова), общественных организаций и поисковиков на бывшей передовой Волховского фронта (Тортолово — Роща Круглая) установлен целый ряд памятников, памятных знаков, стел, обелисков. 25 октября 2014 г. в поселке Апраксин состоялось открытие храмового комплекса в честь Святого Благоверного князя Александра Невского; в состав комплекса входит причтовый дом, где разместился небольшой исторический музей, хранящий артефакты военного времени и духовно-патриотический центр поискового движения. Земля Кировского района, хранящая следы ожесточенных сражений военных лет, напоминает нам о необходимости создания величественного мемориала в память защитников города Ленинграда на линии Волховского фронта²⁷.

Осмысление общего социального опыта блокадников и участников обороны Ленинграда, истории Ленинградской битвы и повседневной жизни города в условиях нацистской осады дает возможность зафиксировать блокаду как значимое событие в коллективной исторической памяти. В 1957 г. был заново открыт Музей обороны Ленинграда, закрытый в 1949 г. Впервые музей начал работу в апреле 1944 г. с выставки «Трофейного оружия». На экспозиции кроме оружия были представлены макеты и состав блокадного хлеба, макеты булочных, картины, агитационные плакаты, военные открытки и почтовые карточки²⁸.

²⁷ Там же.

²⁸ Сутягина Л. Э., Фоченкова М. Я. Тематико-экспозиционный план выставки «Свет и тьма Ленинградской блокады» // Архив музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда». Кировск, 1995.

В этот музей горожане приносили совершенно разные экспонаты, желая увековечить для себя и своих потомков не только память о войне, но и о тех конкретных переживаниях и событиях, которые выпали на их жизнь.

Практика мемориализации военных событий показывает, что к полям исторических сражений, где сохраняются как ландшафтные, так и созданные мемориалы, интерес не утрачен. Военно-исторические ландшафты, мемориальные зоны и братские воинские захоронения являются для общества не только своеобразными свидетелями исторических событий, но и тем информационным и духовным ресурсом, который позволяет сохранить историческую память. Тем более значимо всестороннее изучение истории ратных полей периода Великой Отечественной войны как объектов национального историко-культурного наследия.

References

- «Nevskij pàtačok»: ot placdarma k memorialu: Sb. st. SPb., 2007.
Arkad'ev V. Kirovsk. L., 1973.
 Bitva za Leningrad. 1941–1944. M., 1964.
Bobkov A. S. Na Volhovskom fronte. 1941–1944 gg. M., 1982.
Bogovač V. V. V rajone proryva blokady // Leningradskaâ panorama. 1980. N 6. S. 10–12, 17.
Boršev N. P. Operaciâ «Iskra». L., 1973.
Byčevskij B. V. Gorod-front. M., 1963.
Džigarhanân M. B. Podvig, zapečatennyj na veka // Leningradskaâ panorama. L., 1986. N 1.
Glezerov S. E. Ot nenavisti k primireniû. SPb., 2006.
Grigor'ev V. K. Kirovskij rajon Leningradskoj oblasti: Fotoal'bom. L., 1984. T. 2.
 Istoriâ ordena Lenina Leningradskogo voennogo okruga. M., 1988.
 Iz istorii Sovetskoj arhitektury 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy. Hronika voennyh let. Arhitekturnaâ pečat'. M., 1978.
Karius O. «Tigry» v grâzi. Vospominaniâ nemeckogo tankista. M., 2005.
 Kniga Pamâti. Leningradskaâ oblast' Kirovskij rajon. SPb., 1995.
Kolomic M. Pervye «Tigry». M., 2005.
Kručnina-Bogdanova V. I. Geroâm nevskoj tverdiny // Leningradskaâ panorama. 1984. N 5.
 Leningradskaâ bitva, 1941–1944: Sb. st. SPb., 1995.
Luk'ânov Ū. A. Pamâtnik dliinoû 200 kilometrov. L., 1969.
Mirošničenko G. G. Roždennaâ blokadoj. O boevom puti 67-j armii. SPb., 2001.
Nikol'skij A. S. Leningradskij al'bom: Ris., grav., proekty voennyh let. L., 1984.
Novičenko S. L. i dr. Zdes' vsâ zemlâ — muzej: Sb. st. SPb., 2010.
Ol' G. A. Aleksandr Nikol'skij. L., 1980.
 Podvig naroda: Pamâtniki Velikoj Otečestvennoj vojny. 1941–1945 gg. / Sost. i obš. red. V. A. Golikova. M.: Politizdat, 1980.
 Proryv blokady Leningrada. Âнвар' 1943 goda. Boevye dejstviâ vtoroj udarnoj armii / Sost. K. K. Krupica. SPb., 1994.
Šerbovič S. M. Ètot znakomyj i neznakomyj Kirovskij rajon. SPb., 2007.
Solânkina A. G. i dr. Sovetskie tâželye tanki 1917–1940 gg. M., 2004.
Suhodymcev O. A. Kirovsk. Mgnoveniâ istorii. SPb.: Galart, 2011.
Sutâgina L. È., Fočenkova M. A. Muzej-diorama «Proryv blokady Leningrada». SPb., 2000.
Sviridov V. P. Bitva za Leningrad. 1941–1944. L., 1962.
 Tanki «Proryva». Kirovsk, 2008.
Tvel'kmejer V. Pamâtniki geroičeskoj oborony Leningrada // Lenigrad. 1946. N 1–2.
 Velikaâ Otečestvennaâ vojna. 1941–1945: Ènciklopediâ. M., 1985.
Zlatoustova V. I. Gosudarstvennaâ politika v oblasti muzejnogo dela (1945–1985 gg.) // Muzej i vlast'. M.: RIK, 1991.

Список литературы

- Аркадьев В. Кировск. Л., 1973.
Битва за Ленинград. 1941–1944. М., 1964.
Бобков Я. С. На Волховском фронте. 1941–1944 гг. М., 1982.
Боговая В. В. В районе прорыва блокады // Ленинградская панорама. 1980. № 6. С. 10–12, 17.
Борщев Н. П. Операция «Искра». Л., 1973.
Бьчевский Б. В. Город-фронт. М., 1963.
Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985.
Григорьев В. К. Кировский район Ленинградской области: Фотоальбом. Л., 1984. Т. 2.
Глезеров С. Е. От ненависти к примирению. СПб., 2006.
Джигарханян М. Б. Подвиг, запечатленный на века // Ленинградская панорама. Л., 1986. № 1.
Златоустова В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть / Отв. ред. С. А. Каспаринская. М.: РИК, 1991.
Из истории Советской архитектуры 1941–1945 гг. Документы и материалы. Хроника военных лет. Архитектурная печать. М., 1978.
История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988.
Карлус О. «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М., 2005.
Книга Памяти. Ленинградская область Кировский район. СПб., 1995.
Коломиец М. Первые «Тигры». М., 2005.
Кручинина-Богданова В. И. Героям невосковой твердыни // Ленинградская панорама. 1984. № 5. Ленинградская битва, 1941–1944: Сб. ст. СПб., 1995.
Лукьянов Ю. А. Памятник длиной 200 километров. Л., 1969.
Мирошниченко Г. Г. Рожденная блокадой. О боевом пути 67-й армии. СПб., 2001.
Никольский А. С. Ленинградский альбом: Рис., грав., проекты военных лет. Л., 1984.
Новиченко С. Л. и др. Здесь вся земля — музей: Сб. ст. СПб., 2010.
«Невский пяточок»: от плацдарма к мемориалу: Сб. ст. СПб., 2007.
Оль Г. А. Александр Никольский. Л., 1980.
Подвиг народа: Памятники Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Сост. и общ. ред. В. А. Голикова. М.: Политиздат, 1980.
Прорыв блокады Ленинграда. Январь 1943 года. Боевые действия второй ударной армии. СПб., 1994.
Свиридов В. П. Битва за Ленинград. 1941–1944. Л., 1962.
Солянкин А. Г. и др. Советские тяжелые танки 1917–1940 гг. М., 2004.
Сулягина Л. Э., Фоченкова М. Я. Музей-диорама «Прорыв блокады Ленинграда». СПб., 2000.
Суходымцев О. А. Кировск. Мгновения истории. СПб.: Галарт, 2011.
Танки «Прорыва». Кировск, 2008.
Твелькмейер В. Памятники героической обороны Ленинграда // Ленинград. 1946. № 1–2.
Щербович С. М. Этот знакомый и незнакомый Кировский район. СПб., 2007.

Н. В. Федоров

Новые партнеры Новой Зеландии

Рецензия на монографию:

Новая Зеландия и страны Восточной Азии:

взаимоотношения в сфере политики, экономики

и культуры: Монография / И. В. Олейников,

Н. Н. Пузыня, А. А. Сучкова; науч. ред.

В. П. Олтаржевский. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 167 с.

В Иркутском государственном университете сложилась и успешно функционирует научная школа по изучению истории и современной политики Новой Зеландии. Рецензируемая монография, посвященная отношениям Новой Зеландии с Японией, Республикой Корея и Китаем, является очередным трудом исследователей этой школы. Поднятые в монографии вопросы, несмотря на их актуальность, до этого практически не были исследованы российскими учеными.

Азиатско-Тихоокеанский регион играет всё более значительную роль в мировой политике и экономике. Серьезные перемены происходят также внутри АТР. Большое значение в трансформации региональной политики принадлежит Китаю, Японии и Республике Корея. Влияние Китая как региональной и глобальной державы постоянно растет. Именно Китайская Народная Республика во многом определяет повестку дня современных международных отношений в АТР. Япония продолжает играть весомую роль в мире и регионе, наметились явные тенденции для серьезных перемен в ее внешней и оборонной политике. Растет экономическое значение и политическое влияние Респу-

блики Корея, которая стремится укрепить свое присутствие не только в рамках Восточной Азии, но и в других регионах. Таким образом, в условиях перемен в системе международных отношений в АТР выстраивание отношений с этими странами имеет серьезное значение для региональных держав. Именно развитию взаимодействия Новой Зеландии с Китаем, Японией и Южной Кореей и посвящена рецензируемая монография.

Несмотря на то что Новая Зеландия не относится к числу великих держав, она тем не менее демонстрирует впечатляющие успехи и в экономических показателях, и в индексах социального развития. Новая Зеландия старается занимать самостоятельную позицию по многим вопросам международных отношений и проводит многостороннюю внешнюю политику. Страны Восточной Азии играют при этом особую роль для современной Новой Зеландии. В монографии, в частности, отмечено, что Китай, Япония и Республика Корея занимают соответственно второе, четвертое и пятое места среди торговых партнеров Новой Зеландии, а две трети иностранных студентов, обучающихся в Новой Зеландии, являются выходцами из стран Восточной Азии (с. 156). Экономический подъем Японии, Южной Кореи, а затем и континентального Китая совпал с поиском Новой Зеландией новых приоритетов в торговле после спада в сотрудничестве с Великобританией, последовавшего за присоединением бывшей метрополии к ЕЭС в 1973 г. Развивавшаяся с середины XIX в. как часть Британской империи, Новая Зеландия во второй половине двадцатого столетия всё больше сближалась с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

В монографии исследованы отношения Новой Зеландии с Японией, Южной Кореей и Китаем со времени образования британской колонии в Новой Зеландии до современности. Авторы уделяют внимание взаимодействию в сфере политики, экономики, культуры, создавая тем самым многоплановую картину отношений Новой Зеландии с этими восточноазиатскими государствами. Монография основана на широком круге материалов, включая работы на китайском, японском и корейском языках. Текст дополнен фотоматериалами, иллюстрирующими различные события из отношений Новой Зеландии и стран Восточной Азии. Книга состоит из трех глав, посвященных связям Новой Зеландии с Японией, Республикой Корея и Китаем. Каждая глава написана специалистом в соответствующем направлении новозеландской внешней политики и представляет собой во многом самостоятельное исследование.

Первая глава монографии посвящена отношениям Новой Зеландии и Японии (автор главы — д. и. н. Н. Н. Пузыня). Глава начинается с периодизации новозеландско-японских отношений. Затем автор обращается к истории первых контактов между Японией и Новой Зеландией во второй половине XIX в. С начала следующего столетия отношения между Новой Зеландией и Японией стали развиваться более активно, но в то же время носили неоднозначный характер, что убедительно обосновывается автором. Хотя Япония была союзником Великобритании, но усиление Страны восходящего солнца (особенно

после победы в русско-японской войне 1904–1905 гг.) вызывало серьезное беспокойство в Новой Зеландии. После окончания Первой мировой войны расширение влияния Японии в регионе оставалось постоянным фактором новозеландской политики. В то же время между Японией и Новой Зеландией развивалось и конструктивное взаимодействие, в том числе и в сфере торговли. В 20–30-х гг. Япония занимала третье место среди зарубежных торговых партнеров Новой Зеландии (с. 18). В годы Второй мировой войны Новая Зеландия не была непосредственно затронута боевыми действиями на Тихом океане, однако ее вооруженные силы принимали участие в сражениях против Японии. При этом автор главы иногда противоречит себе, отмечая «активное участие» новозеландских вооруженных сил в операциях на тихоокеанском театре (с. 19) и уже на следующей странице указывая на практически полное отсутствие «серьезных военных столкновений между вооруженными силами Новой Зеландии и Японии» (с. 20). После окончания Второй мировой войны Новая Зеландия и Япония стали постепенно восстанавливать сотрудничество, которое затем перешло в отношения «равноправного партнерства» (с. 23). Для Японии послевоенный период был ознаменован принципиально новым подходом к внешней политике, а для Новой Зеландии «первые послевоенные десятилетия стали периодом становления подлинной государственной самостоятельности, началом переосмысления многих устоявшихся стереотипов во внешней политике и торгово-экономических отношениях с другими странами» (с. 23). Этому новому этапу в японо-новозеландских отношениях посвящен второй раздел первой главы. Н. Н. Пузыня анализирует все составляющие новозеландско-японских отношений и их выход на новый уровень. Новая Зеландия стремилась укрепить связи со странами АТР с 50-х гг., и в 60-е гг. этот процесс ускорился в связи с подготовкой к присоединению Великобритании к ЕЭС, что потребовало у Новой Зеландии пересмотра «внешнеполитической стратегии» и «необходимости диверсификации рыночных связей» (с. 27). При этом Япония демонстрировала высокие темпы экономического роста уже в 60-х гг., что делало ее перспективным партнером для Новой Зеландии. Как отмечает автор, «характерной особенностью новозеландско-японского экономического сотрудничества являлся взаимодополняющий характер экономик этих стран, что способствовало его развитию и становлению в качестве существенного элемента системы международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (с. 26). В 70-х гг. произошла дальнейшая активизация новозеландско-японских отношений, которая была обусловлена переменами в американской политике в АТР. В условиях сокращения американского присутствия в регионе, последовавшего за принятием «Гуамской доктрины» 1969 г., и Новая Зеландия, и Япония стали уделять особое внимание развитию связей со странами АТР. По словам Н. Н. Пузыни, «японская сторона придавала большое значение роли Новой Зеландии в деле поддержания взаимодействия между развитыми тихоокеанскими государствами и странами Азии» (с. 34). В разделе уделяется внима-

ние и развитию военно-политического сотрудничества между двумя странами. При этом утверждение автора о том, что «первыми примерами сотрудничества Японии и Новой Зеландии в военной сфере являлись совместные действия по поддержке американских войск во время войны на Корейском полуострове 1950–1953 гг.» (с. 37), нуждается, как минимум, в дополнительном пояснении. Если вооруженные силы Новой Зеландии принимали активное участие в боевых действиях, то Япония в Корейской войне оказывала США и их союзникам поддержку невоенного характера (в сфере логистики, транспорта и т.д.). Раздел завершается анализом торгово-экономического сотрудничества в 80–90-х гг., в том числе и в новых сферах. В частности, начиная с 80-х гг. Новая Зеландия стала популярным направлением среди японских туристов. Третий, заключительный раздел главы посвящен сотрудничеству Новой Зеландии и Японии в международных и региональных организациях. Несмотря на высокий исследовательский уровень данного раздела, хотелось бы отметить, что он выбивается из структуры первой главы. Изложение в предыдущих разделах построено по хронологическому принципу и было бы более логичным разделить второй раздел на два новых и дополнить их информацией, которая в монографии содержится в последнем разделе первой главы. К сожалению, в главе не рассмотрено взаимодействие между Новой Зеландией и Японией после 2000 г., что, на мой взгляд, не только оставляет без внимания актуальные проблемы двусторонних отношений последних лет, но и входит в диссонанс с двумя последующими главами. При этом на одной из фотографий, помещенных в монографии, отмечен эпизод новозеландско-японских отношений, относящийся к 2014 г.

Вторая глава монографии (автор — к. и. н. А. А. Сучкова) повествует об отношениях Новой Зеландии и Республики Корея. Название главы («Республика Корея и Новая Зеландия: обзор политико-экономического взаимодействия на рубеже веков») создает обманчивое впечатление поверхностного характера исследования (ввиду использования слова «обзор»), а выражение «на рубеже веков» может ввести читателя в заблуждение относительно хронологических рамок. Глава начинается с краткого обзора истории Кореи и Новой Зеландии с середины XIX в. и их первых контактов. Данный раздел основывается преимущественно (судя по цитируемым материалам) на русскоязычной литературе. Также в нем встречается ряд спорных утверждений. Например, автор указывает на то, что развитие Южной Кореи и Новой Зеландии происходило в условиях биполярной конфронтации СССР и США, затрагивающей и АТР (с. 62–63). В то же время начиная с 60-х гг. нужно говорить, скорее, о триполярной системе международных отношений на Тихом океане (США, СССР и КНР). На с. 65 автор пишет о положении в АТР в 1960–80-х гг.: «...в регионе, а именно в Корею, Японии, Камбодже и на Тайване, не были разрешены территориальные споры. <...> в таких странах, как КНДР, Китай, Камбоджа, Вьетнам и Филиппины вспыхивали внутренние конфликты». Безусловно, описанные выше процессы могли быть выявлены в данных государствах в указанный

период, однако порядок перечисления этих стран создает впечатление, что они были названы исследователем в произвольном порядке. Во втором разделе главы речь идет о политическом диалоге между Новой Зеландией и Республикой Корея. Тезис А. А. Сучковой о том, что сохранявшееся противостояние на Корейском полуострове в 50–60-е гг. «несколько тормозило» развитие отношений между Новой Зеландией и Республикой Корея, необходимо, с точки зрения рецензента, разъяснить более подробно. Речь идет скорее о сложной политической и экономической обстановке в Южной Корее в этот период, что не позволяло ей уделять достаточного внимания укреплению отношений со всеми потенциальными партнерами, включая и Новую Зеландию. Однако в дальнейшем диалог между Южной Кореей и Новой Зеландией стал развиваться более интенсивно. Автор анализирует ключевые события двусторонних отношений в контексте международных отношений в АТР. Третий раздел главы, посвященный торгово-экономическому сотрудничеству Республики Корея и Новой Зеландии, начинается с рассмотрения особенностей экономической системы Южной Кореи. Далее автор изучает ключевые соглашения в экономической сфере между Новой Зеландией и Республикой Корея, особенности взаимной торговли, а также определенные проблемы, возникающие между двумя странами (в частности сложности, связанные с образованием зоны свободной торговли). В контексте рассмотрения транспортной инфраструктуры автором высказано достаточно спорное положение: «...в июле 1982 г. был совершен первый морской рейс из Новой Зеландии в Южную Корею. Два судна “Южная земля” и “Кентербери” причалили к берегам Кореи» (с. 87). Во-первых, морское сообщение между двумя странами явно существовало и до 1982 г., а, во-вторых, по всей видимости, речь идет о визите двух фрегатов новозеландских ВМС (они будут упомянуты в следующей главе монографии) в Южную Корею. Возможно, подобное изложение этого события является следствием неудачной интерпретации или перевода использованного в исследовании источника. Последний раздел главы посвящен социально-гуманитарному сотрудничеству между двумя странами. При этом исследователь отмечает роль преподавателей из Новой Зеландии в системе образования Республики Корея и растущее число южнокорейских студентов (составляющих уже вторую по численности группу иностранных учащихся) в учебных заведениях Новой Зеландии (с. 95–96). К сожалению, в главе не уделяется должного внимания проблеме отношений Новой Зеландии с Северной Кореей (на неофициальном уровне, через международные гуманитарные организации и т.д.) и позиции новозеландских общественно-политических кругов по этому поводу. Автор при этом дает понять, что для Новой Зеландии развитие отношений с КНДР вполне может стать реальностью. В частности, было отмечено, что Новая Зеландия на заседании Регионального форума АСЕАН (АРФ) в 2000 г. «поставила вопрос об установлении дипломатических отношений с КНДР» (с. 78). Также, по словам А. А. Сучковой, «в Новой Зеландии ясно осознается, что поддержание нормальных, сба-

лансированных отношений с Республикой Корея, а также с КНДР будет содействовать укреплению безопасности на Корейском полуострове, а в перспективе и воссоединению двух разобщенных государств» (с. 79).

Третья глава монографии (автор — к.и.н. И. В. Олейников) называется «Новая Зеландия — Китай: обзор эволюции отношений (середина XIX — начало XXI в.)». В названии, как и в наименовании второй главы, почему-то используется слово «обзор». Глава отрывается своеобразным прологом, в котором говорится об особенностях современной системы международных отношений и роли Китая и Новой Зеландии в региональной политике. В первом разделе («Новая Зеландия и Китай: особенности взаимодействия с середины XIX до середины XX в.») в основном исследуется проблема китайской миграции в Новой Зеландии в указанный период. Следующий раздел посвящен отношениям между Новой Зеландией и Китайской Народной Республикой в 50-х — начале 70-х гг. Автор подробно анализирует вопрос, связанный с проблемой официального признания КНР Новой Зеландией в контексте международной обстановки в АТР и внутривнутриполитической ситуации в Новой Зеландии. Третий раздел главы начинается с установления дипломатических отношений между КНР и Новой Зеландией в 1972 г. и затрагивает сферу политического взаимодействия двух стран. Несмотря на развитие политического диалога, стороны периодически сталкивались с рядом противоречий. Например, в 1989 г. новозеландское правительство выступило с критикой властей КНР в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь, а в настоящее время у Новой Зеландии вызывает тревогу активизация китайской политики в Океании. Однако сокращение сотрудничества с Китаем вряд ли возможно, поскольку «активное противостояние с КНР крайне невыгодно для новозеландской экономики» (с. 128). По словам И. В. Олейникова, «в среднесрочной перспективе отношения в регионе между странами — участниками АНЗЮС и Китайской Народной Республикой будут характеризоваться сосуществованием трендов соперничества и взаимодействия» (с. 128). Экономическое взаимодействие с КНР исследовано в четвертом разделе. Несмотря на то что торговля между Новой Зеландией и Китайской Народной Республикой велась и до 1972 г. (в частности через Гонконг), именно после установления официальных отношений и начала экономических реформ в КНР стал происходить рост торгового оборота. Исследователь скрупулезно проанализировал эволюцию торговых отношений между КНР и Новой Зеландией в контексте внешней и внутренней политики двух стран. Большое значение для КНР и Новой Зеландии имело подписание в 2008 г. соглашения о зоне свободной торговли. Автор отмечает: «...для Китая соглашение о свободной торговле — это первая договоренность такого рода с развитым государством Запада, своеобразный прецедент, позволяющий ему более уверенно позиционировать свои интересы на мировой арене, а также начать переговоры по подобным вопросам с другими странами. В свою очередь для Новой Зеландии подписание и ратификация соглашения являются

крупнейшим прорывом новозеландской торговли со времени заключения соглашения о тесном экономическом партнерстве с Австралией в 1983 г.» (с. 141–142). Пятый раздел третьей главы посвящен социально-гуманитарному сотрудничеству КНР и Новой Зеландии. Автор анализирует положение китайской диаспоры в Новой Зеландии на современном этапе, а также обращает особое внимание на развитие сотрудничества в сфере образования и рост числа туристов из КНР, посещающих Новую Зеландию. Следует отметить, что в данной главе уделяется внимание преимущественно отношениям между Новой Зеландией и КНР, тогда как также можно было бы более подробно исследовать особенности взаимодействия Новой Зеландии с Гонконгом и Тайванем (которые частично были рассмотрены во втором разделе, в рамках проблем взаимоотношений между Новой Зеландией и КНР).

Если давать оценку монографии в целом, то хотелось бы отметить ее немного «несимметричный» характер. Первая глава, как уже было отмечено, заканчивается на 2000 г., тогда как в последующих главах рассмотрены также события за более поздний период. В третьей главе подробно исследованы история и современное положение китайского сообщества в Новой Зеландии, тогда как в отношении корейской или японской диаспоры подобного анализа проведено не было. Наряду с лакунами в книге встречаются повторы, касающиеся, к примеру, общих вопросов внутренней и внешней политики Новой Зеландии. Подобных повторов можно было бы избежать, если бы предисловие, написанное д. и. н., профессором Владимиром Павловичем Олтаржевским, в котором кратко рассмотрены основные вехи новозеландской истории, было бы развернуто в более подробную «вводную» главу, а главы, повествующие о двусторонних отношениях, были бы отредактированы исходя из содержания первой главы. Есть возражение и по поводу названия монографии. Регион Восточной Азии включает в себя не только Китай, Японию и Корею, но также и страны Юго-Восточной Азии. Поэтому содержанию книги в большей степени могло бы отвечать название «Новая Зеландия и страны Северо-Восточной Азии». Однако несмотря на указанные выше замечания следует признать, что рецензируемая монография выполнена на высоком академическом уровне. В книге проведено исследование малоизученных (или совсем неизученных) в российской историографии событий из истории и современного состояния международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В заключении монографии была еще раз подчеркнута актуальность исследуемых проблем: «Прочные и стабильные отношения между Новой Зеландией и государствами Восточной Азии важны как своеобразный пример установления полномасштабных отношений со странами АТР для Российской Федерации, пытающейся в последние годы активно интенсифицировать свою политику в этой части мира, осуществляя стратегию “восточного поворота”» (с. 156). К сказанному хотелось бы добавить, что Новая Зеландия, чьей традиционной сферой экспорта в страны АТР является продукция сельского хозяйства, успешно развивает взаимодействие

с Китаем, Японией и Республикой Корея в других областях — сфере туризма, образования, высоких технологий и т.д. Таким образом, Новая Зеландия сумела занять определенную нишу в системе региональной экономики, активно используя такие ресурсы, как высокий уровень жизни и социального развития в целом, имидж успешной страны, свою природную среду. В российском экспорте в страны АТР в настоящее время происходит рост доли сырья и энергоносителей. При этом у России также есть своеобразные «альтернативные» ресурсы — достижения в сфере культуры, науки и образования, а также широкие возможности для развития разнообразных видов международного туризма. Всё это также может быть использовано для укрепления сотрудничества со странами Восточной Азии.

Монография «Новая Зеландия и страны Восточной Азии» будет полезна для всех, кто профессионально занимается (или просто интересуется) как проблемами истории и современной политики Новой Зеландии, так и всего Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Остается сожалеть, что ее тираж всего лишь 100 экземпляров, и ждать от иркутских исследователей новых публикаций, посвященных разнообразным вопросам, связанным с Новой Зеландией.

С. Н. Искюль

Пост-юбилейные размышления о книге английского историка

**(Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу.
1807–1814 гг. М.: РОССПЭН. 2012)¹**

Доминик Ливен назвал свою книгу «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814 гг.», однако после прочтения книги английского историка остается впечатление, что все-таки не Россия, а «Александр I против Наполеона». Историки согласны с тем, что российский император заключил мир в 1807 г. только после того, как был разбит, но впоследствии и далее неоднократно выказывал себя непримиримым противником попыток заключения какого бы то ни было соглашения о мире с Наполеоном, упорно отстаивая это как дело принципа и старательно отменяя все прочие мнения. Повторяю, название книги представляется некоторым противоречием с ее содержанием. Таково впечатление; оно, может быть, не в полной мере относится ко всем главам, но оно таково. В остальном, в том, например, что касается хронологии, с автором можно согласиться, и его взгляд на войну 1812 г. как на составную часть коалиционных войн 1813–1814 гг., которые в России называли и продолжают называть до сих пор не вполне понятным названием «заграничных походов», представляется обоснованным, тем более что история 1812 г. без 1813–1814 гг. и в самом деле, может

¹ В сокращенном варианте текст опубликован в журнале «Российская история». 2013. № 6. С. 23–39.

быть, «теряет всякий смысл» (с. 49). В особенности же сказанное касается того существенного вклада, который по сравнению с другими державами внесли русские императорские армии, преодолевая неизбежные тяготы военных походов и преодолевая разного рода «трения» с союзниками, в общее дело антифранцузских коалиций 1813–1814 гг.

К достоинствам книги необходимо отнести в первую очередь богатство использованных автором документальных публикаций, среди которых не только известные многотомные сборники и воспоминания, опубликованные в прошлом и относительно недавно по-английски, по-немецки и по-французски, но и обширная литература, включая и исследования, вышедшие в свет на русском языке. Последнее обстоятельство и то, что Д. Ливен знаком с современной российской историографией, выгодно отличает книгу английского историка от многих прочих. Правда, цитируются в книге авторы не всегда по оригинальным изданиям; в некоторых случаях, особенно при обращении к мемуарам, автор предпочитает издания переводные, но это, скорее всего, не столь уж существенно. Критика некоторых авторов — предшественников Ливена присутствует в книге, при этом большей частью справедливая и обоснованная.

Для Ливена весьма характерно стремление к рассмотрению событий военной истории, так сказать, изнутри, и в этой связи необходимо отметить, что им удачно использованы многочисленные «Истории» различных полков русской армии, а также огромный биографический материал, почерпнутый из мемуарной литературы и органично вплетенный в канву повествования. Книга в изобилии снабжена всевозможными данными, касающимися комплектования тогдашних армий, производства и качества вооружения, сравнительных особенностей такого рода войск, как кавалерия, и технического оснащения армий. На это редко обращается внимание, между тем как такие данные помогают более рельефному восприятию картины боевых действий, а при описании некоторых эпизодов сражений лучше объясняют частный и общий успех или неудачу.

Сильной стороной представленной историком книги являются архивные источники, подавляющее большинство которых почерпнуто им из Российского государственного военно-исторического архива (Москва) (далее — РГВИА), где автор просматривал дела фондов Канцелярии Военного министерства, войны 1812 г. и последующих войн в Европе, Военно-Ученого архива, а также личные фонды. В ряде случаев ссылки на документы РГВИА служат дополнением не только к тем материалам, что были напечатаны в документальных сборниках на русском языке, но и к тем, что увидели свет в немецких и австрийских публикациях.

К положительным моментам, присутствующим в книге Д. Ливена, следует отнести и то, что он считает важным подчеркнуть вклад остзейских немцев в ход боевых действий и конечный успех России в войнах 1812–1814 гг. Этого в литературе уже давно не было по отчасти понятным, но едва ли не надуманным

причинам. Автор пишет о штабных офицерах, что и понятно, поскольку своей образованностью они большей частью превосходили природных русских, но и прочие офицеры-остзейцы неизменно отличались лучшими качествами офицерской касты. Разумеется, здесь сыграло свою очевидную роль происхождение автора, но достаточно и простого здравого, а главное подлинно исторического взгляда на вещи, чтобы согласиться с ним в том, что «без штабных офицеров нерусского происхождения Россия никогда не смогла бы одержать победу в кампаниях 1812–1814 гг. Более того, большинство этих людей были лояльны по отношению к российскому государству, а их семьи со временем становились частью российского общества» (с. 64). Добавим, что немецкое дворянство Остзейских губерний России с самого начала военных действий в 1812 г. и далее, вплоть до взятия Парижа, верой и правдой служило престолу и Отечеству. Одних только выходцев из Эстляндской губернии в русской армии насчитывалось 324 офицера, многие из которых были ранены и за свои подвиги многожды награждены орденами, а также золотым оружием за храбрость (*Wrangell G. Baltische Offiziere im Feldzuge von 1812. Reval: Franz Kluge, 1912. S. 4*). Воины-остзейцы, среди них такие блестящие офицеры русской армии, как графы Петр Петрович и его брат Павел Петрович фон дер Палены, бароны К. В. фон Будберг, К. Е. фон Врангель, Ф. В. фон Дризен, Г. фон Штаден, Т. фон Рюдигер и многие другие, всегда следовали принципам сословной чести и достоинства, никогда не ставя под сомнение безусловную необходимость следовать данной присяге на службе Отечеству, частью которого они себя всегда считали. Автор справедливо отмечает, что «почти что каждый пятый “русский” штабной офицер в сражении при Бородино даже не был подданным российского императора» (с. 63), но это не мешало всем им с честью исполнять свой долг. К слову сказать, военный министр и командующий 1-й Западной армией М. Б. Барклай де Толли, родившись в Риге, в 1812 г. уже не был шотландцем, а остзейским немцем, став полноправным представителем остзейского дворянства по окончании войны, в 1814 г.

Говоря о коалиционных войнах, предшествовавших 1812 г., в частности о войне 1807 г., автор высказывает убеждение в том, что «если бы для России была необходимость продолжать войну после Фридланда, нет никаких сомнений в том, что она была на это способна» (с. 88). Мысль любопытная, но отнюдь не бесспорная, ибо большинство источников, в первую очередь мемуарного и эпистолярного характера, сходятся на том, что, если бы кампания 1807 г. была продолжена, это привело бы к катастрофе: русская армия потерпела бы куда более серьезное поражение, чем при Фридланде, и ей пришлось бы спасаться бегством. Автор склонен далее считать, что «к тому времени Наполеон контролировал большую часть Западной и Центральной Европы и мог мобилизовать огромные ресурсы для войны против России» (с. 88). Возможно это и так, но в 1807 г. это едва ли входило в его планы, поскольку, довершив поражение Пруссии, уже тогда он стремился в первую очередь к заключению

мира и не случайно первый же зондаж русских был встречен благожелательно и имел далеко идущие последствия. В этом кроется и то, что «в конечном счете по условиям Тильзитского мира Александр получил большую часть того, что хотел» (с. 93), т.е. мир без каких бы то ни было территориальных уступок и репараций, а также сохранение Пруссии на географической карте Европы.

В своей книге Д. Ливен не раз касается вопросов, так или иначе связанных с причинами возникновения войны 1812 г. и ее продолжения за пределами России, но специально их не рассматривает, вместе с тем сосредоточивая свое внимание на противостоянии двух европейских империй — Франции и Великобритании, обладавшей «огромными территориальными приобретениями вне Европы, сделанными англичанами после 1793 г., не говоря уже об их растущей экономической мощи» (с. 151–152). В другом месте историк пишет: «Союзники и прежде всего Австрия стремились к чему-то вроде баланса сил в континентальной Европе. Наполеон же был приверженцем идеи создания в Европе французской империи или по крайней мере установления господства Франции» (с. 465). Историк согласен с тем, что впоследствии, когда война была перенесена из России в Европу, «континентальные державы-союзницы могли разделять приверженность Великобритании идее баланса сил, исходя из соображений собственной безопасности. Однако баланс сил на континенте означал, что прочие государства не могли бросить серьезный вызов английскому морскому и колониальному владычеству» (с. 581). Этот вызов могла бросить Англии Франция в союзе с Россией в эпоху Павла I, когда были прерваны торговые отношения с Великобританией. Известно, что Павел предлагал Первому консулу совершить вторжение на Британские острова, и союзные державы совместными усилиями выступили в защиту прав нейтральных государств в торговле на морях. При Александре I политика отца потеряла свою актуальность, хотя русско-французские переговоры и плодотворное сотрудничество в 1802–1803 гг. при совместном урегулировании германских дел (ср. с. 77) могли со временем принести свои плоды.

Для историка вполне очевидно, что «даже не выплачивая военную контрибуцию в 1807–1814 гг., Россия находилась в состоянии финансового кризиса», поскольку со второй половины XVIII в. десятилетиями «расходная статья государственного бюджета постоянно оказывалась выше доходной», а всё новые эмиссии бумажных ассигнаций привели в конце концов к тому, что «к 1812 г. стоимость бумажных денег Российской империи составляла лишь четверть от их “реальной” (в серебряном эквиваленте) ценности». Эта серьезнейшая проблема, естественно, провоцировала рост государственных расходов (с. 72–73), но ее решение путем проведения всегда непопулярных внутренних реформ сводилось к половинчатым мерам, ибо для российского императора внешняя политика всегда оставалась приоритетной. Тильзит дал Александру I возможность заняться наведением порядка в хозяйственной сфере, и «российский император тешил себя надеждой на то, что, если англичане полностью утратят

возможность торговли с континентом, и при этом выдвинутые Наполеоном условия будут умеренными, Лондон, возможно, пойдет на заключение мира». В самом деле «компромиссный мир, ограничивающий как британскую экспансию за пределами Европы, так и продвижение французов на континенте, идеально соответствовали бы интересам России». Автор пишет об этом, добавляя, что «радужные надежды Александра выглядели реалистичными и потому, что Тильзитский мир не обязывал Россию участвовать в военных действиях против Великобритании» (с. 94–95). Это представляется вполне очевидным, как и то, что эпоха франко-русского союза для царствования Александра I ознаменовалась несколькими более или менее продолжительными войнами и крупнейшими территориальными приобретениями Российской империи.

Говоря об общей ситуации перед войной 1812 г. и о подготовке Александра I к войне, Д. Ливен пишет о том, что военный министр представил императору записку о защите западных рубежей империи (с. 131), но почему-то вовсе не упоминает о таком факте, что дважды, в 1810 и в 1811 гг., Александр предполагал начать войну против Франции. Перед этим он лишь указывает, что «в сентябре 1810 г. <...> франко-русские отношения начали сползать к войне...» (с. 102), а в начале 1812 г. и так было ясно, что, «упустив все шансы нанести успешный и упреждающий удар» (с. 198), он вынужден был принять на вооружение иную стратегию. При этом автор считает, что Александр I «мог мириться со многими неудачами и скрывать свою досаду, но делал это потому, что имел перед собой конечную цель — мир в Европе, которой надеялся достичь, минуя серьезный кризис» (с. 102). Между тем, представляется, что в данном случае серьезным кризисом как раз и явилась бы русско-французская война, которую император дважды едва не начал перед 1812 г., принудив к совместным действиям и Пруссию. Уверенно можно предположить, что «Отечественной» она бы в таком случае не стала, превратившись в привычную коалиционную войну держав против Франции.

Но, останавливаясь на настойчивом стремлении Александра I присоединить к России Польшу, Д. Ливен пишет далее: «По-видимому, если бы его попытки установить контакт с поляками встретили радушный отклик, он мог бы обдумать возможность упредительного удара с целью захвата герцогства Варшавского и получения поддержки со стороны Пруссии, однако в российских дипломатических и военных архивах не сохранилось свидетельств подготовки наступательных операций 1810 и 1811 гг.» (с. 146). Странно, неужели автору неизвестно, что источники не только давно обнаружены, но столь же давно и опубликованы в материалах, собранных в томах авторитетного издания «Военно-ученого архива»?

Кстати об источниках. Автор знаком с письмом Александра I к своей матери, вдовствовавшей императрице Марии Феодоровне, перед Эрфуртским свиданием (с. 125–126), опубликованным Н. К. Шильдером еще в 1899 г. в журнале «Русская Старина», где император пишет «мы должны нарачивать свои

силы...», но в связи с этим он не акцентирует внимания на том факте, что уже осенью 1808 г., т.е. через год после Тильзита, для Александра I война с Францией была в ближайшей перспективе очевидной реальностью.

Памятником несостоявшейся наступательной войны против Франции предстают отданные в ожидании ратификации соглашения с прусским королем и перехода поляков Великого герцогства Варшавского на сторону России приказы Военного министерства России. Приказы были разосланы 24, 27 и 29 октября 1810 г. военным министром М. Б. Барклаем де Толли со ссылкой на Высочайшее повеление начальникам корпусов, дислоцированных на западной границе России генерал-лейтенантам П. Х. Витгенштейну, К. Ф. Багговуту, И. Н. фон Эссену 1-му и генералам от инфантерии П. И. Багратиону и Д. С. Дохтурову. Содержание приказов военный министр предписывал сохранять под «строжайшим и непроницаемым секретом», причем, с одной стороны, заверял командиров корпусов в том, что «нет никакой причины ожидать, что может случиться разрыв между нами и французами», а с другой стороны, требовал держать вверенные им соединения в постоянной готовности к выступлению в поход; при этом они обязывались ждать условного известия от генерал-лейтенанта Витгенштейна о переходе прусских границ, что должно было послужить для них сигналом к выступлению в поход (Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отдел 1-й. СПб., 1904. Т. V. С. 268–270, 302–304, 313–315). Но попытка эта сорвалась, причем сорвалась и вследствие отказа прусского короля от ратификации царскопольских русско-прусских соглашений, и по причине того, что письма российского императора польскому «молодому» другу с предложением самой широкой автономии и либеральной конституции Польше не сыграли той роли, которая им предназначалась: противники поглощения Великого герцогства Варшавского Россией в лице в первую очередь князя Юзефа Понятовского постарались не только нейтрализовать их действие, но и уведомить о содержании писем Александра I французскую сторону через поверенного в делах Франции в Варшаве барона Л.-П. де Биньона.

Говоря о той же ситуации 1810 — начала 1812 г., Д. Ливен подробно останавливается на А. И. Чернышеве и его деятельности в Париже (с. 134, 136–138). Автор книги полагает, что «блестяще проведенные операции русской разведки» в Париже давали Александру I все основания ожидать нападения французов (с. 653). При этом следовало, вероятно, сказать, что Чернышев лишь воспользовался связями, завязанными еще российским поверенным в делах П. И. Убри, благодаря чему в короткие сроки было создано целое «бюро» по изготовлению извлечений из документов, составлявших государственную тайну. 300 тыс. франков — такова была сумма, выплаченная чиновникам Военного министерства Франции за выполненную работу и за ту, что еще предстояло сделать. Но с полничным были схвачены все, в том числе и швейцар российского посольства в Париже, у которого происходили свидания Чернышева

с чиновниками министерства. Все, кроме Чернышева, которому удалось ускользнуть и окольным путем достичь Рейна, миновав Майнц и Кёльн, куда уже посланы были повеления об его задержании.

В официальной ноте, продиктованной самим Наполеоном, но не врученной российскому послу в Париже, содержалась жалоба на действия Чернышева. «Его Величество глубоко огорчен действиями графа Чернышева, — говорилось в ноте. — Он с изумлением узнал, что человек, с которым всегда хорошо обходился, который проживал в Париже не в качестве политического агента, а как флигель-адъютант российского Императора, аккредитованный особым письмом состоять при особе Императора французов, имевший значение доверенного лица, более близкого, нежели посланник, воспользовался своим положением, употребляя во зло всё то, что считается самым священным. Его Величество льстит себя надеждой, что и Император Александр будет глубоко огорчен, когда усмотрит в поведении господина Чернышева роль агента, действующего путем преступного подкупа, каковое деяние и международным правом, и законами чести осуждается. Его Величество Император приносит жалобу в том, что при его особе, притом в мирное время, под званием, внушавшим доверие, содержали шпионов, что позволительно только по отношению к врагу и во время войны. Он приносит жалобу в том, что шпионы выбраны были не из низкого сословия общества, но среди тех людей, кои по своему положению близко стоят к Государю...» (*Correspondance de Napoléon Ier, publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1868. T. 24. N 18 541*). Российский посол в Париже князь А. Б. Куракин был поставлен в известность о деле Чернышева, но, не придавая делу официального характера, Наполеон не стал упоминать о нем в переписке с Александром I. Дело было слишком щекотливым, чтобы хотя бы отчасти предавать его гласности и ставить союзника в неудобное положение.

Естественно, что такие «происшествия» не могли пройти бесследно и всеконечно способствовали росту подозрительности между союзниками и общему ухудшению взаимных их отношений. Совершенно естественно также, что и французская сторона пользовалась услугами платных или бесплатных, по убеждениям, осведомителей и шпионов. Сомнений в этом возникать не должно, но крупных провалов, подобно чернышевскому (а в случае с полковником А. И. Чернышевым налицо не только успех, но и крупный провал, поскольку не надо доказывать, что в такого рода делах важно не только осуществить порученное, но и замести следы), у французской разведки не было. Кроме того, возникает вопрос, следовало ли прилагать такие усилия к добыванию полного расписания французской армии, если в продолжение войны в России вплоть до вступления Великой армии в Москву в тактико-стратегическом отношении это никак не отразилось на действиях русской армии и не имело равным счетом никакого значения?

Касаясь важного военно-дипломатического сюжета о продолжавшейся к тому времени с 1806 г. войне с Турцией и о мире, подписанном в Бухаресте

(с. 149), следовало бы, в частности, сказать и о том важном обстоятельстве, что весьма ускорило его заключение, а именно о том, что во время переговоров М. И. Кутузов, склоняя турецких дипломатов к сотрудничеству, для пущей важности предъявил им талантливо изготовленное, вероятно, по его поручению, письмо Наполеона к Александру I, в котором шла речь о французских предложениях по разделу Турции между Францией и Россией. Об этом впервые упомянуто в фундаментальном труде о войне 1812 г., написанном личным секретарем Наполеона бароном Агатоном Фэном.

Важно отметить, что в преддверии войны в России Д. Ливен не упускает из виду такой существенный момент, как планы «сильной диверсии» в направлении Иллирии и Далмации силами Дунайской армии под командованием адмирала П. В. Чичагова, что явилось причиной его назначения не только командующим Дунайской армией, но и Черноморским флотом. Автор прав, когда пишет, что «эти планы таили двойную опасность: до того момента было сложно осуществлять контроль над наместником императора из Петербурга, да и сам император Александр I мог увлечься грандиозными замыслами». Но, «к счастью, турки, в конце концов, ратифицировали договор, и к русским вернулось здравомыслие» (с. 254).

Главы, раскрывающие содержание войны 1812 г. в России, включая и главу «Тыл в 1812 г.», написаны Д. Ливеном с большим знанием дела. Помимо описаний отступления, преследования, действий авангардов и арьергардов, попыток соединения обеих русских армий, взаимоотношений командующих и их штабных офицеров, многочисленных славных «дел», сражений, тягот походной жизни, незаурядного героизма и стойкости простых солдат, им приводятся самые различные факты, дополняющие уже известную картину внутренней жизни сословий русского общества. Конечно, он прав, когда пишет, что «ни один крестьянин не пошел в армию добровольно» и «прежде всего потому, что требовался беззаветный патриотизм для того, чтобы прослужить в армии двадцать пять лет при минимальных шансах получить унтер-офицерский чин» (с. 296). Известен, кстати сказать, один-единственный случай, когда крестьянин все-таки проявил «беззаветный патриотизм» и пошел добровольцем в армию. Это был дворовый человек смоленского помещика Павла Бельского Евтих Михеев, но из Дорогобужского рекрутского присутствия, куда он отлучился 22 июля 1812 г., не спросив позволения помещика, его тотчас препроводили в губернский город к городничему «для поступления с ним по законам» (*Щукин П. И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. М., 1903. Ч. 7. С. 53–54). В предыдущих главах автор упоминает о том, что «крестьянское население России оказалось на несколько месяцев “под французами” и почувствовало, что значит быть свободными от барщины и оброка» (с. 197–198), но не развивает далее эту любопытную тему войны в России. Историк не отрицает того факта, что русское дворянство в 1812 г. руководствовалось верноподданническими побуждениями, но справедливо указывает, что «имели место и многочисленные примеры

уклонения дворян от службы» (с. 303). Купечество же отнюдь не всегда «щедро жертвовало средства на военные нужды» (с. 301), ибо известны факты, когда в присутственных местах представители купеческого сословия записывали в соответствующие реестры крупные суммы денег, обязуясь их непременно внести на нужды армии, но потом, в 1813–1814 гг. их уже разыскивали «через полицию», и эти розыски далеко не всегда бывали успешны.

В главе «Бородино и падение Москвы» автор подробно останавливается на ошибках русского командования при создании оборонительных сооружений, на том, что укрепления на правом фланге «во многом оказались лишней тратой сил и времени», тем более что «ни флешы, ни редут Раевского не были возведены при участии офицеров инженерного корпуса» (с. 268). Подробно касается историк и собственно действий обеих сторон в генеральной битве. Он, в частности, склонен считать гибель генерала А. И. Кутайсова главной причиной, почему русская артиллерия при Бородине действовала не столь эффективно, как артиллерия противника (с. 277), т.е. предлагает вернуться к взгляду, который критиковал еще генерал-майор и военный историк Иван Петрович Липранди. Ливен также полагает, что известный кавалерийский маневр, предложенный в ходе боя главнокомандующему, был удачным и своевременным, склоняясь к официальной точке зрения, господствовавшей в историографии прошлого, а именно в трудах П. А. Жилина. Он так и пишет, имея в виду мнение Кутузова о действиях Ф. П. Уварова и М. И. Платова, высказанное им в день сражения: «Лишь много времени спустя русские пришли к пониманию, сколь много изменил этот маневр» (с. 278). Однако при изложении и оценке событий, последовавших за Бородинским сражением, Ливен справедливо подчеркивает то обстоятельство, что при оставлении Москвы Кутузов «беспокоился о том, чтобы разделить с другими часть ответственности за решение, которое не могло не вызвать сильного негодования и неодобрения» (с. 284). Это обстоятельство ранее зачастую замалчивалось, вопреки очевидным фактам.

Что же касается грандиозного пожара, то странно, что Д. Ливен обходит молчанием подробности организации этого действия в Москве, ограничившись лишь «сбалансированным» упоминанием о нем, возлагая вину за пожар на обе стороны и завершая свое рассмотрение таким пассажем для характеристики этого события: «Что имело значение в то время, так это утвердившееся мнение о том, что во всем виноват Наполеон и что уничтожение города явилось громадной жертвой со стороны патриотически настроенной части русского общества, в том числе в деле освобождения Европы» (с. 286–287, 315). Такое суждение представляется по меньшей мере странным после всего того, что известно из воспоминаний Наталии Нарышкиной, урожденной Ростопчиной, где описывается организация пожара Москвы генерал-губернатором Ф. В. Ростопчинным силами московской полиции.

В заключение автор делает вывод о причинах неудачи императора французов в России. Он считает, что «в 1812 г. Наполеон не сумел понять общество

и политику России и не воспользовался слабостями внутривосточного устройства страны» (с. 655). Но еще до этого автор сам пишет, что «для Наполеона кампания 1812 г. была кабинетной (?) войной, которая преследовала строго ограниченные политические цели» (с. 239), а говоря проще, Наполеон не собирался вмешиваться во внутренние дела своего недавнего союзника, отменяя крепостное право. Он не раз заявлял, что становиться «королем Жакерии» он ни при каких обстоятельствах был не намерен, и в этом отказе Наполеон всегда был последователен.

Главы, посвященные переносу военных действий за пределы Российской империи и коалиционным войнам 1813–1814 гг. в Европе, занимают у Д. Ливена чуть менее половины его большой книги. Картины дипломатических переговоров с целью заключения коалиционных соглашений до Плейвицкого перемирия и выработки единых условий мирного соглашения, которые предъявлялись французской стороне после того, как срок перемирия истек, перемежаются здесь с описанием военных действий. При этом роль Александра I была во многом определяющей как для дипломатических, так и для военных обстоятельств рассматриваемых событий, и он не остановился бы перед заменой Кутузова Л. Л. Беннигсеном, как он писал о том в одном из писем в Петербург, если бы главнокомандующий и далее продолжал считать, что русской армии в Европу ходить нет нужды. Более того Александр I отвергал все доводы в пользу ограниченного участия его армии в военных действиях и требовал от нее, напротив, полномасштабного участия в войне с тем, чтобы обе германские державы на деле присоединили свои силы к коалиции (с. 379). Более того, в заботах о привлечении союзников в коалицию, «сосредоточив всё внимание исключительно на разгроме Наполеона, Александр низводил политику России до уровня Османской империи и Персии и даже позволял принести в жертву исторические интересы России для того, чтобы задобрить австрийцев и англичан» (с. 375). Как подчеркивает Ливен в заключении к книге, «временами Александру приходилось почти что насильно тянуть их за собой, заставляя их послужить на благо собственным и европейским интересам» (с. 657). В первую очередь, разумеется, интересам собственным, и это следовало бы лишний раз подчеркнуть.

Так император поступал на протяжении всей кампании 1813 г., и автор прав, когда подчеркивает справедливость вывода о том, что «без Александра I Лейпцигское сражение было бы проиграно», и российский император наконец-то был вознагражден за ту катастрофу, что постигла его при Аустерлице (с. 573).

Та же политика, как показывает далее Д. Ливен, имела продолжение и в кампании во Франции. Автор прав, когда пишет: «Вовсе не выражая единодушный взгляд правящих кругов России, по ряду ключевых вопросов император оказывался в значительном меньшинстве» (с. 583), но тем настойчивее продолжал он оказывать влияние на текущие военно-дипломатические дела. Его не стесняло «с трудом подавляемое разочарование» со стороны лиц из его окружения.

В начале 1814 г. подобное чувство разочарования испытывали многие в лагере коалиции. Как подчеркивает историк, «Александр I казался им не просто властным человеком: они считали, что порой он движим сугубо личными и мелочными соображениями». Со ссылкой на впечатление лорда Р. С. Каслри Ливен пишет о некоей «рыцарственной тональности», в которой император склонен продолжать войну, поскольку, в отличие от всех политических и военных комбинаций, «кажется, ищет случая войти вместе со своей великолепной гвардией в неприятельскую столицу, — возможно, для того чтобы в силу свойственных ему милосердия и снисходительности явить тем самым контраст» по отношению к уничтожению Москвы (с. 585). По мнению Д. Ливена, «в 1814 г. Александр I часто позволял себе действовать под влиянием таких соображений, которые имели мало общего с интересами России», а «свою роль победителя и мирноносца он видел как личный апофеоз» (с. 585).

В главе «Падение Наполеона» автор пишет о том, что союзники были озабочены тем, чтобы самим французам была предоставлена возможность высказаться в пользу того или иного претендента на престол, а «два дня спустя Александру в разговоре с роялистски настроенным государственным деятелем пришлось признать, что общественная поддержка в пользу Реставрации была гораздо сильнее, чем он мог себе вообразить» и т.д. Так что уже 31 марта 1814 г. весьма искушенный в дипломатических делах К. В. Нессельроде вел переговоры с сохранявшим свое влияние Ш.-М. де Талейраном для того, чтобы «заручиться его поддержкой в деле свержения Наполеона и замены его правления устойчивым режимом — легитимным в глазах французов и стремящимся к мирному урегулированию» (с. 642). Представляется, что историку не было нужды лишней раз подчеркивать, что «выбирать предстояло самим французам» (с. 643). Вопрос о форме правления и претенденте на престол был решен уже давно и без их участия. Все эти разговоры о приемлемости республиканской формы правления или возможности вступления на французский престол шведского наследного принца были чистой воды кокетством, и правы были те парижане, которые в белых повязках на рукавах союзных военных (для того чтобы со стороны было понятно, кто есть кто) по недоразумению усмотрели вящее указание на то, чем они должны были руководствоваться (поскольку белый цвет — цвет лилий династии Бурбонов). В связи с этим автор пишет, что «лишь дезертирство из наполеоновской армии корпуса маршала Мармона положило конец сомнениям Александра и окончательно решило вопрос о реставрации монархии» (с. 644) и далее в пандан к этому: «Даже армия — главный оплот Наполеона, была раздираема противостоянием...» (с. 650). В данном случае говорить о дезертирстве корпуса не приходится, ибо, когда преданные Наполеону солдаты и офицеры, не знавшие, куда их ведут по приказанию маршала, оказались в расположении войск союзников, они едва не взбунтовались, и герцогу Рагузскому стоило немало усилий, чтобы сохранить строй и субординацию. Что касается того, что армия «была раздираема противостоянием»,

достаточно вспомнить 1815 г. и шествие Наполеона от залива Жуан до Парижа, которое произошло без единого выстрела, ибо «королевские» войска полк за полком переходили на его сторону. Там же автор пишет о том, что, покинув в 1815 г. остров Эльба, Наполеон якобы «пытался уничтожить результаты мирного урегулирования 1814 г.» (с. 650). Едва ли это соответствует действительности, поскольку сразу по прибытии в Тюильри, уже 4 апреля 1815 г., Наполеон обратился к иностранным государям с письмом, в котором признавал условия Парижского мира 1814 г.

Между прочим, следует, вероятно, заметить, что в ряде случаев автор слегка грешит против логики. Например, он пишет: «Однако свойственная ему (Александру I. — С. И.) временами манера в духе Вудро Вильсона провозглашать основополагающие принципы мирового порядка также коренилась в ощущении, столь же характерном для американцев...» (с. 78). Или такая фраза: «В своем стремлении к такому мировому порядку, в котором склонность к мирному сосуществованию и сотрудничеству имела большую ценность, при одновременном преследовании интересов своей страны, Александр проявлял не больше лицемерия, чем лидеры союзных стран, одержавших победу в Первой и Второй мировой войнах XX столетия» (с. 102). Или, например: «Подобно Эйзенхауэру он (Шварценберг. — С. И.) умел разряжать конфликтную ситуацию» (с. 470), или в битве под Лейпцигом «хотя и в меньшем масштабе, этот эпизод напоминает атаку тяжелой английской кавалерии на пехоту д'Эрлона на начальном этапе битвы при Ватерлоо» (с. 516), или: «То, что удалось сделать Блюхеру под Лейпцигом, очень напоминало то, чего он впоследствии добьется при Ватерлоо» (с. 554). Читатель согласится с тем, что обращаться к будущему во всех приведенных случаях отнюдь неправомерно, поскольку сравнение возможно лишь с тем, что уже было, а не с тем, что еще только будет...

Из частных моментов, порою всплывающих при чтении этой книги, обращает на себя внимание эпизод в связи с делом М. М. Сперанского. Автор пишет: «Поскольку Александр порой устраивал театральные представления, а на сей раз зрителем оказался достаточно глупый и впечатлительный немецкий профессор, можно рассматривать истерику императора как игру блестящего актера...» (с. 144). Говорить так о Георге Фридрихе Парроте, проректоре Дерптского университета, мог только человек, поверхностно знакомый с сюжетом и с фактом трогательной дружбы императора с выдающимся ученым.

Впрочем, отчасти это можно отнести на счет качества перевода. В ноябре 2012 г. автору этих строк довелось ознакомиться с переводом этой книги на французский язык. Перевод, который увидел свет в Edition des Syrtes, выполнен г-жой Антониной Рубишу-Стретц (Roubichou-Stretz). Сравнение перевода одних и тех же текстов на разные языки вполне правомерно, и мне представляется, что французский перевод книги Ливена много лучше ее перевода с английского на русский язык; во всяком случае он читается без особых трудностей, а это значит, что сложный авторский текст историка хорошо

отредактирован. В русском же переводе серьезной научной книги встречаются такие выражения, которые редактор не должен был пропустить. При характеристике личности Александра I переводчик допускает выражение «нервный человек» (с. 99), что отнюдь не верно, ибо в данном случае, скорее всего, имелся в виду человек нервный или излишне впечатлительный. Такие выражения, как «спихнуть ответственность» (с. 284), «самый волнительный период его жизни» (с. 446) или «Меттерних втирал союзникам очки» (с. 463) или «схлестнуться с основными силами коалиционной армии» (с. 608) едва ли, по моему мнению, могут присутствовать в серьезной книге по истории. Ведь естественно и по-русски правильно в этом и в любом другом случае употребление выражений «сложить ответственность», «волнующий», а также «вводил в заблуждение» и «сразиться». Непонятной остается фраза, как ни доискиваешься ее смысла: «Никто из них никогда не стрелял, будучи охвачен гневом» (с. 272) — это об ополченцах, присоединенных к русской армии перед сражением при Бородине. В переводе часто встречаются такие выражения, как «скарб» (с. 506, 507) вместо «обоз», «независимое боевое соединение» (с. 508) вместо «самостоятельное», или «вояки» (с. 522) вместо «воины». Недоумение вызывает такая фраза: «...отказ Ермолова ни в коей мере не был основан исключительно на ксенофобских и иррациональных чувствах» (с. 515). Задаешься вопросом, почему английское слово *the aggression* непременно надо переводить как агрессия, а не предприимчивость или энергичность (ср. «лишь у Блюхера имелся необходимый для победы запас агрессии...», с. 622). Отнюдь не может быть признан удовлетворительным перевод и такой фразы, где речь идет об историографии противостоявших друг другу в 1813–1814 гг. сторон: «...то, что произошло на самом деле, теряется в нестройном шуме французского и немецкого патриотизма и мачизма» (с. 623).

Общепризнано, что переводчику должна быть в общих чертах знакома эпоха и отдельные ее сюжеты, а обращение к словарям, в том числе и биографическим, в ряде случаев просто необходимо. Между тем в переводе книги Д. Ливена встречаются такие огрехи: «Эдмунд Бурке» (с. 113) вместо Эдмунда Бёрка, британского философа и публициста, и «Фабиус» (с. 138) вместо известного Фабия Максима Квинта — римского государственного деятеля и полководца, имевшего прозвище Кунктатор (Медлитель), которым часто наделяли М. И. Кутузова. Не следовало бы пренебрегать указанием титулов и имен всякий раз, когда в тексте встречались титулованные особы, например принц Евгений (Ойген) Вюртембергский, а не писать не слишком вразумительное: «В распоряжение Вюртембергского поступила большая часть его собственного 2-го корпуса...» (с. 502 и далее до 558).

Актуальное в юбилейном году издание на русском языке, вероятно, готовилось в спешном порядке, что отчасти объясняет наличие в нем грамматических и так называемых компьютерных ошибок, некоторые из которых особенно досадны, поскольку касаются источников: «РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3419. Л. 4i-ii» (с. 373).

Особо следует сказать об отдельных авторских обобщениях, которые вряд ли уместны, тем более что и смысл их не всегда ясен. Так, говоря о «польской» политике Франции и о том, что «военные демарши против России, как правило, оканчивались провалом» из-за «огромности» территории и богатства ресурсов, Ливен далее пишет: «Так было как в годы Первой мировой и “холодной” войн, обе из которых Россия проиграла в значительной мере из-за восстаний, поднятых нерусскими народами, но во многом и из-за самих русских...» (с. 240). Такого рода актуальные «сближения» не могут не вызвать возражений.

В заключение рискую вызвать на себя шквал критики, но мне лично представляется, что как таковой России не было нужды побеждать Наполеона в 1812–1814 гг.; это было жизненно необходимо именно Александру I, который, подписав Тильзитский мир, ни на мгновение не оставлял мысли о грядущем реванше: он потерпел поражение при Аустерлице, поражение позорное сугубо лично для него, но не потому, что он проиграл битву, а вследствие того, что после катастрофы началось паническое бегство, в ходе которого царь и его союзник Франц II потеряли из виду друг друга; для самого Александра в этом катастрофическом поражении особенно мучительным было то, что свой неприглядный облик, моральное и физическое состояние, включая рвоту и прочие желудочные проблемы, скрыть от окружавших его придворных ему не удалось ввиду полного упадка сил. Именно лицемерие и жажда реванша, а также «упрямая настойчивость, которую ничто не могло сломить» (с. 102) двигали всеми побуждениями и поступками императора до и после Тильзита. Именно это определило весь его последующий образ мыслей и действий, включая и попытки развязать войну уже в 1810 г. (т.е. еще до того, как Великая Армия на деле стала формироваться), а впоследствии и позу оскорбленного вторжением Наполеона в Россию, а также декларированную им «насущную необходимость подписания продолжительного и гарантированного мира», но непременно в Париже. Император французов, как справедливо пишет Д. Ливен, «возможно, и размышлял о том, чтобы стереть Пруссию» с лица земли в 1806–1807 гг., но в 1812 г. «он полагал, что уничтожение Российской империи не было ни в его силах, ни в его интересах» (с. 294). Поэтому, добавим уже от себя, после вторжения в Россию он не раз обнаруживал намерение начать переговоры о мире. В главе «Тыл в 1812 г.» автор констатирует: «Вовсе не желая свергать Александра с трона или погружать Россию в пучину революции и хаоса, Наполеон хотел, чтобы император согласился на условия мира и затем сделал их обязательными для русского общества. Отчасти по этой причине он в ходе кампании 1812 г. подчеркивал свое уважение к Александру и выставлял напоказ свое видение событий, согласно которому истинным поджигателем войны была Великобритания и ее тайные агенты в кругах петербургской знати» (с. 294).

При встрече с пленным генералом П. А. Тучковым, которому была возвращена шпага, Наполеон недвусмысленно дал понять, что с его стороны дорога к переговорам открыта; сказанное подтверждают и письма императора,

посланные в Петербург из Москвы при посредстве генерал-майора И. А. Тутолмина и отца Герцена И. А. Яковлева. Король Неаполитанский также делал шаги к завязыванию переговоров, благодаря чему, собственно, и удалось установить, а затем и продлить своего рода перемирие перед вступлением французов в Москву с тем, чтобы не препятствовать вывозу обозов с имуществом и москвичам, собиравшимся покинуть столицу. Известное свидание М. И. Кутузова с графом Ж.-А. Лористоном и другие французские мирные инициативы явились логическим продолжением стремления положить конец войне, а может быть, и восстановить отношения на новой основе. Всё это могло найти свое отражение в книге Д. Ливена, но историк предпочел предложить читателю весьма любопытный, своего рода, если можно так выразиться, новый европейский взгляд на события 1807–1814 гг.

Книга английского историка представляется заметным явлением в историографии. Ей едва ли не суждено привлечь внимание специалистов, занимающихся изучением общих и частных сюжетов выдающейся своими военно-дипломатическими свершениями эпохи. Обращение к исследованию всех тех коллизий александровского времени, которые, не получив должного освещения, в том числе и в книге Д. Ливена, нуждаются в поиске новых источников и критическом их освещении, надо полагать, может способствовать преодолению стереотипов и поиску новых решений вопросов военной истории, составляющих канву 1807–1814 гг. Представленный выше частный взгляд, отразивший отдельные существенные «моменты» интерпретаций английского историка, также, как надеется автор, обратит на себя внимание не только специалистов, но и всех тех, кто с интересом читает старые и новые книги по отечественной истории.

Т. Г. Леонтьева

Либеральная ретроспектива: pro et contra

О книге В. В. Шелохаева «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции» (М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.)

Отношение российского общества к отечественным либералам поражает крайней неустойчивостью. Так, в 2000-х гг. видным либералам прошлого возводились памятники (в Ярославле, Воронеже, Орле, Иркутске и других городах), а тем временем пресса настойчиво поносила современных адептов либеральной идеи. Явление, впрочем, вовсе не новое, нечто подобное случалось в прошлом. Рецензируемая книга заставляет вновь основательно задуматься над этим феноменом.

Имя доктора исторических наук, профессора Валентина Валентиновича Шелохаева известно широкому кругу исследователей российской дореволюционной многопартийности. Он стал не только пионером изучения российского либерализма в «застойные» годы, но и успешным публикатором уникальных исторических источников. Под его руководством был создан многотомный свод документов и энциклопедий по истории практически всех общероссийских политических партий. Настоящая книга является своего рода итогом работы над историей главной либеральной партии — Партии народной свободы, начатой еще в 1970–1980 гг.¹

¹ См.: Шелохаев В. В. 1) Аграрная программа кадетов в Первой русской революции // Исторические записки. Т. 86. М., 1970; 2) Провал деятельности кадетов в массах (1906–1907 гг.) // Исторические записки. Т. 95. М., 1975; 3) Кадеты — главная партия

Данное фундаментальное исследование охватывает *всю* историю Конституционно-демократической партии — от ее зарождения до «умирания» в эмиграции. Основную источниковую базу составляют многочисленные документы, опубликованные под руководством Шелохаева в течение 1990–2000 гг. Автор последовательно рассматривает вехи формирования кадетской партии и ее организационную структуру, активизацию в годы Первой русской революции, думскую тактику, отношение к Первой мировой войне и революции, позицию в годы Гражданской войны, наконец, эмигрантский этап ее деятельности. Основное внимание уделяется ситуации в кадетских верхах.

Следует отметить, что задача историка в данном случае не из легких. Как писать историю проигравшей партии? Попробовать реабилитировать, представив в ее лице реальную альтернативу «неудобному» прошлому? Попытаться «добить» исторического лузера? Автор удачно избегает подобных эмоциональных соблазнов, предложив объективную картину несоответствия либеральных намерений тогдашним российским реалиям.

Как известно, сам термин «либерал» периодически становится едва ли не ругательным для подавляющей части российского общества. Обаяние освободительных идей сменяется отторжением их носителей. Вольно или невольно, автор старается выяснить, с чем это было связано, какие врожденные черты русского либерализма, а равно и тактические установки препятствовали его устойчивой популярности. В общем, это попытка разглядеть русский либерализм изнутри, вглядываясь в те или иные действия кадетских лидеров.

Возникновение либерализма в России было связано с осознанием определенным сегментом отечественных интеллектуалов необходимости кардинального общественного переустройства. По мнению автора, детские и юношеские годы представителей этой части интеллигенции не случайно пришлось на эпоху Великих реформ с их верой в возможность вписаться в европейскую демократию мирным путем. Однако наступила «эпоха реакции», и либералам пришлось скорректировать свой курс. Формирование собственно кадетской партии поначалу протекало в рамках сотрудничества с социалистами, однако кристаллизация идейно-политических позиций тех и других в годы Первой русской революции привела к расколу между ними. Это было неизбежно. Будущие лидеры кадетской партии рассчитывали на единство всех общественных сил, вроде бы одинаково заинтересованных в общественных переменах: российские элиты по соглашению с самодержцем выработают подобие Конститу-

либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; 4) Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; 5) Либеральная модель переустройства России. М., 1996; 6) Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; 7) Кадеты в горниле революции 1917 г. // Петербургская историческая школа: Альманах. Второй год выпуска. Памяти В. И. Старцева. СПб., 2002; 8) Кадеты и революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005 и др.

ции. Ее основополагающие принципы давно утвердились в сознании европейских либералов: политические и вероисповедные свободы, равенство граждан перед законом, парламентаризм, независимый суд, широкое развитие местного самоуправления и т.п. Предполагалась постепенная замена самодержавно-бюрократического режима конституционно-монархическим строем. Вместе с тем, ориентируясь на опыт Великобритании, кадеты превзошли его по части принципа бессловности — он применялся не только к нижней, но и верхней палате парламента. Далеко не всех российских либералов того времени устраивал такой подход.

Как бы то ни было, проект подвергался критике со стороны как земцев-конституционалистов, так и радикально настроенной интеллигенции. Заметим, что кадетов критиковали всегда, и это по-своему указывает на сложность поисков средней линии между российскими Сциллой и Харибдой — диктатурой и демократией. Они изначально пытались сконструировать «гибкую» модель преобразования страны, основанную «на выжидании и лавировании между самодержавием и пробуждающимся от спячки народом», учитывая «альтернативную возможность исхода борьбы против самодержавного режима» (с. 23). Отсюда нарастание их «левизны» в рабочем и аграрном вопросе в период общественных потрясений. Позднее западные политики недоумевали: российские либералы действуют как социалисты, социалисты — как анархисты (что, несомненно, было связано с эмоциональной перенасыщенностью российского политикума²). Действительно, начало образования кадетской партии оказалось связано с заметным «порозовением» правой части российского политического ландшафта.

В рецензируемой монографии особенно привлекает анализ автором *генетической* природы кадетизма. Это делается прежде всего в ходе анализа обсуждения либералами своей партийной программы. Теоретики российской модернизации сразу же оказались перед поистине «роковым» для них вопросом: на кого — власть, общественность или народ — сделать ставку в ходе движения в выбранном направлении? Было известно, что существующий режим не склонен к реформам, а традиционалистские массы, даже впадая в бунтарство, не представляют иного образа правления кроме монархического. Недаром выдающийся ученый И. А. Бодуэн де Куртенэ высказался откровенно: «Революция есть лихорадка. Многие из тех, которые сейчас требуют республики, будут удивляться, когда придут в себя. Чтобы создать республику, нужно создать республиканцев не только на словах, но и на деле... Требованием республики мы вели бы народ на путь военной диктатуры...» (с. 92). Такое предостережение звучало резонно, однако «осторожность» кадетов вызвала общественную неудовлетворенность и даже подозрительность по отношению к ним.

Примечательно, что автор обращает внимание на то, что в рядах российских либералов оказалось чрезвычайно много лучших ученых умов того времени.

² См.: *Булдаков В. П.* Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. М., 2014. С. 11–22.

Это повлекло не собой не только нескончаемые дискуссии, в результате которых кадеты всегда «запаздывали», но и туманность программных манифестаций. В «эпоху перемен» требуются четкие, а не расплывчатые формулировки, равно как и быстрые, а не «согласованные» решения. Между тем партия всегда колебалась между *Realpolitik* и нравственными идеалами. Понятно, что от этого страдал ее имидж в глазах общественно нетерпеливых элементов, которых становилось всё больше. Поэт Андрей Белый, поразительно тонко ощущавший духовную атмосферу своего времени, вспоминал, что в условиях самодержавного режима «общественные коллективы влачили жалкое существование, да и то влачили его потому, что выявили безвольную неврастению под формой либерального фразерства, которому — грош цена...»³. От русских либералов ожидали большего, нежели то, что они отваживались предложить. Кадеты исходили из основополагающей — *эволюционной* — посылки демократии: «Только свободная личность может стать фундаментом формирования гражданского общества и правового государства» (с. 91). Но такая установка могла быть понята нетерпеливой общественностью как пассивная защитная реакция на правительственную репрессивность.

По мнению В. В. Шелохаева, серьезной проблемой для русского либерализма западнического (кадетского) типа была недостаточная зрелость средних городских слоев — тех самых, что составляли на Западе социокультурную основу парламентаризма и конституционализма. Нервозность этих слоев оборачивалась тем, что они с легкостью меняли политическую ориентацию, покидая ряды то одной, то другой партии. Изнутри кадетская партия была «рыхлой», способной по-настоящему активизироваться лишь в ходе избирательных кампаний. В 1905–1907 гг. учтенная численность почти 570 кадетских организаций составляла 46 тыс. человек. При этом кадеты оставались городской партией: зафиксировано всего 74 сельские организации, причем преимущественно в земских губерниях (с. 113). В условиях особой остроты аграрного вопроса ситуация выглядела многозначительно. И даже на пике своего влияния в 1917 г. численность кадетов не превышала 100 тыс. человек (с. 543), на порядок уступая социалистам.

Автор уделил значительное внимание социальному составу кадетской партии (с. 119–125), она была самой «дворянской»: выходцы из этого сословия составляли 80% (у наиболее «демократичных» социал-демократов их было «всего» 24%). Временно поддержала кадетскую аграрную программу лишь незначительная часть зажиточных крестьян и казаков. В общем, складывается парадоксальная картина: активно строить демократию в России взялось барское «скудеющее» сословие.

Лидеры кадетов психологически склонялись к *диалогу* с «застойным» самодержавием, а не к общественному лидерству в связи с «непредсказуемыми» поворотами истории. Именно поэтому они постоянно оказывались «позади событий», хотя довольно точно угадывали перспективы их развития. Так, В. А. Маклаков

³ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 8.

с думской трибуны заявлял: «Новая война — это новая революция», причем с ним были солидарны и другие члены ЦК. Напротив, П. Б. Струве отказывался в это верить, а П. Н. Милюков пытался попросту заглушить подобные разговоры (с. 421–422). Возникает вопрос: было ли это попыткой «спрятать голову в песок», или как пишет автор, проявлением «иллюзорности» милюковских прогнозов? Как бы то ни было, вряд ли с такими неуверенными представлениями о происходящем можно было выстроить перспективную стратегическую линию. Последующий ход событий это подтвердил.

Стоит обратить особое внимание на то, как оценивается значение знаменитой думской речи Н. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г., в которой прозвучал риторический вопрос о действиях существующей власти: «Что это, глупость или измена?» По мнению Шелухаева, несмотря на огромный общественный резонанс, было бы явным преувеличением считать ее «штормовым сигналом» к революции. Но стоит ли, задается вопросом автор, отводить ей роль ««громоотвода» от революции», которой всегда не хотел Милюков (с. 496)? Представляется, что, отгораживаясь от реальных общественных настроений собственными доктринами и догмами, российские политики постоянно действовали невпопад. В особой степени это относится к лидеру кадетов.

Дело в том, что претензии либеральной оппозиции постоянно расходились с ее объективными возможностями. В связи с этим не могли не раздражать претензии кадетов на выражение общественного мнения в целом. Особенно возмущало это людей правых взглядов. «Вот он, кадетский деспотизм: не смеешь ничего предпринять индивидуально без благословения кадетского коллектива, — так написал 22 января 1917 г. в своем дневнике М. Богословский. — Вот она, партия народной *свободы!*»⁴ Но накануне 1917 г. конструктивная работа в Думе сделалась невозможной, а на свержение самодержавия кадеты не могли решиться. Прогрессивный блок, в котором ведущую роль играли кадеты, фактически оказался не у дел. Ситуацию определяли слухи о «предательстве» во власти и «заговорах» против нее⁵.

Примечательно, что лидеры кадетов признавали, что события Февральской революции застали их врасплох (с. 499). Им, как и многим современникам, было очевидно, что монархия совершила самоубийство (с. 509). Об этом стоило бы вспомнить нынешним конспирологам, фантазирующим на предмет всевозможных заговорщиков⁶. То, что революции не делаются по заказу, не раз подчеркивал и В. И. Ленин.

По-своему подтвердили это события апреля 1917 г., к развязыванию которых неволью приложил руку лидер кадетов, объяснивший вслед за тем свой

⁴ Богословский М. М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 295.

⁵ См.: Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 390–396, 433–434, 449.

⁶ См.: Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 474–550.

провал тем, что «созидательная сила революции не поспевает за разрушительной» (с. 534). Трудно вообразить более беспомощное заявление со стороны политика, вроде бы уверенного в своем умении лавировать между крайностями. А по существу, к этому времени стоило бы забыть о пресловутых проливах, и задуматься над последствиями прогрессирующей недееспособности русской армии. «Упрямее Милюкова только кадетская партия, которая продолжает, не смотря ни на что, считать его своим лидером», — иронизировал над этим известный сатирик. Однако вряд ли он был прав, напоминая о «массе поражений, которых стоил ей этот полководец»⁷. Российская история постоянно убеждает в том, что по-настоящему подталкивают революцию не всевозможные конспираторы и инсургенты, а публичные люди, лишённые элементарного политического чутья по причине крайнего догматизма.

Между прочим, некоторые кадеты старшего поколения были не меньшими доктринерами, чем Милюков. Так, один из основателей партии, Е. И. Кедрин в 1906 г. встречал резкий отпор в рабочей аудитории (с. 160). В годы войны, будучи уполномоченным Союза городов на фронте, он заслужил такую характеристику: «Подлинной жизни не знал, занимался политическими выкладками и “анализом создавшегося положения” и, в общем, торчал... среди быстро разлагавшихся армейцев, как белая ворона». Показательно, что его речи «пестрели цитатами и именами». После Февральской революции он был некоторое время комиссаром Временного правительства на Западном фронте, и знавшие его люди считали, что ему повезло: солдаты, наслушавшиеся его «беззубых и тошнотворных речей», не убили его⁸. Между тем Кедрин состоял членом кадетской агитационной комиссии, призванной вести пропаганду среди крестьян. Сомнительно, чтобы действия этой комиссии имели успех, хотя в ее составе имелся и такой «левый» кадет, как кн. Д. И. Шаховской (с. 544–545).

В целом на протяжении 1917 г. кадетская партия проделала ту же эволюцию, что и средний обыватель: от веры в демократию до требований «сильной власти». В. В. Шелохаев справедливо отмечает, что кадеты не смогли убедить лидеров Советов в необходимости согласованных действий, им не удалось уговорить лидеров национальных партий повременить на время войны с постановкой национального вопроса, не говоря уже о неспособности к решению всех объективно назревших социальных проблем (с. 505). Но возникает вопрос: мог ли кто-либо тогда «уговорить» народную стихию? И не вышли ли социальные процессы за все мыслимые политические границы?

В контексте нарастания социального хаоса особый интерес вызывает осознание кадетами необходимости «хирургического вмешательства». Способны ли были они отстаивать свои идеалы «непопулярным» путем? Автор показывает, что, дойдя до осознания необходимости военной диктатуры, кадеты не могли решить, на кого опереться: то ли на Л. Г. Корнилова, то ли на М. В. Алексева

⁷ Доросевич В. М. При особом мнении. Кишинев, 1917. С. 70.

⁸ Паустовский К. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1957. Т. 3. С. 469, 470.

(с. 604–609). Возникает вопрос: способны ли были они вообще к оперативному принятию «спасительных» решений в критических ситуациях?

В обществе опасности, связанные с кадетскими «согласованиями», ощущались весьма болезненно. «Правительство формируется, — иронизировал в дневнике историк М. Богословский 27 сентября 1917 г. — Судьба России, как оказывается, зависит от того, как поступит Кишкин, даст ли он согласие вступить в министерство на пост министра призрения... А что такое Кишкин, если не самый посредственный из посредственных кадетов, если не попросту глупый человек?»⁹ Но в дееспособность «профессорской» партии не верили в 1917 г. сами профессора. Доктринерство одних кадетских лидеров в сочетании с нерешительностью других разочаровывало всю потенциальную массу сторонников либерализма в России.

Перманентные промахи кадетов смотрятся неизбежной частью неудачливого российского реформаторства. Очевидно, что его «генетический изъян» таился в несовпадении политической культуры элит и народа¹⁰. Получается, что либерализм в России возможен только как кратковременная мода, связанная с ослаблением российской государственности и невыносимостью существования независимо мыслящих людей в условиях окостеневшего авторитаризма¹¹. Понятно, что при этом либералы непременно проиграют приверженцам тотального отрицания прежней государственности¹².

Сегодня многие словно забыли, что ключевым словом для понимания всеобщей истории либерализма всё же остается свобода, а потому всякие неудачи в ее реализации связаны с неготовностью к ней широких масс. И если вместо перманентного овладения всё новыми и новыми пространствами свободы мы имеем «восстание масс», то последующее «бегство от свободы» оказывается неизбежным. Неудачи русского либерализма связаны с тем, что политическая культура народа, воспитанного авторитарно-патерналистской системой, могла продуцировать только «русский бунт», блокирующий всякую планомерную демократизацию общества. Создается впечатление, что автор данной монографии имплицитно настроен именно на такой вывод.

Несмотря на то что авторский замысел концентрируется на анализе деятельности кадетских верхов, из содержания книги видно, насколько велика была отчужденность либералов *in corpore* от основной массы населения. Известно, что политики западного типа и народ пребывали в разных культурных измерениях. Ясно, что в таких условиях, не говоря уже о сословной разобщенности,

⁹ Богословский М. М. Дневники. С. 427.

¹⁰ См.: Леонтьева Т. Г. Российское реформаторство: генетический изъян? // Россия и современный мир. 2004. № 4 (45).

¹¹ См.: Булдаков В. П. Уходящая натура? Истоки и смысл русского либерализма // Истоки и его время. К 70-летию профессора В. В. Шелохаева. М., 2011.

¹² См.: Булдаков В. П. Большевизм в интерьере российской многопартийности // Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России: Сборник статей к 60-летию профессора В. В. Шелохаева. М., 2001.

нет смысла говорить о существовании в дореволюционной России даже подобия «гражданского общества»¹³. Между тем только в условиях укорененности гражданского правосознания либералы в России могли надеяться на успех.

Одно из главнейших политических грехопадений (или нелепостей!) Милокова, оттолкнувшего от кадетов значительную часть белогвардейцев, связано с «неожиданно» провозглашенной весной 1918 г. в Киеве «германской ориентацией». Оказавшись в Киеве, Милоков вступил в контакт с немецким командованием и дипломатическими представителями, рассчитывая, что Германия обеспечит переброску частей Добровольческой армии к Москве для скорейшего свержения большевистского правительства. Так или иначе, Милоков решил, что существует перспектива пересмотра Брестского мира на *его* условиях. Разумеется, немцам это было ни к чему, командование добровольцев по-прежнему рассчитывало на союзников, да и кадетское большинство довольно решительно восстало против своего формального руководителя (с. 619–635). В общем, киевский кульбит Милокова, объявленный кадетами его «личной инициативой», колоссально уронил репутацию кадетов и существенно облегчил большевикам задачу борьбы с ними.

По мнению Шелохаева, в годы Гражданской войны кадеты играли лидирующую роль в надпартийных общественно-политических объединениях, «сплачивая вокруг себя широкие круги антибольшевистских сил» (с. 640). Однако этот тезис звучит сомнительно на фоне идейного развала единого руководящего центра кадетов. В этот период активные антибольшевистские силы могли концентрироваться либо вокруг лидеров военной контрреволюции, либо под влиянием эсеровской партии. Так, в сущности, и было.

Автор считает, что в эмиграции кадеты «проделали огромную интеллектуальную работу» (с. 758). Но возникает вопрос: смогли ли предложить что-либо качественно новое для переустройства России сравнительно с прежними установками? В сущности, Шелохаев так отвечает на этот вопрос: «Начав свою идейно-теоретическую и политическую деятельность с большим подъемом и верой в непременный и скорый успех в России в самом начале XX в., новое поколение российских либералов, оказавшись в эмигрантской среде, не выдержало испытания и, разочарованное, ушло в историческое небытие» (с. 843). В общем, «вошедшие в плоть и кровь привычки кадетам преодолеть так и не удалось» (с. 853).

Стоило в связи с этим вспомнить и об одном «историографическом» грехопадении Милокова, весьма неожиданно для историка-позитивиста связавшего революцию с деятельностью масонов. Нельзя забывать, что во времена «застоя» за это «открытие» ухватились некоторые советские авторы¹⁴ — то ли

¹³ Как ни странно, доводы о существовании в сословной России «гражданского общества» некоторые авторы аргументируют наличием множества «некоммерческих организаций». См.: Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М., 2011. С. 9.

¹⁴ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974. С. 4–5.

исчерпав возможности «марксистской» аргументации относительно причин революции, то ли выполнявшие определенный политический заказ. Помнить о таких зигзагах исторического воображения принципиально важно, поскольку, как только «объективные» данные о предпосылках революции начинают казаться недостаточными или неубедительными, тут же оживляются всевозможные конспирологи — таково неизбежное порождение наших нынешних историографических слабостей. Последние, в свою очередь, связаны с крайней имперской этатизированностью представлений о прошлом — естественный результат отсутствия гражданского общества¹⁵. Исследование В. В. Шелохаева убеждает, что либеральная политическая и историографическая мысль так и не смогла выбраться из этатистской «западни» русской истории.

При всей концептуальной продуманности исследования некоторые выводы автора вызывают сомнения. К сожалению, довольно поверхностно показаны взгляды кадетских верхов на церковный вопрос в России. Понятно, что они стояли за отмену всяких вероисповедных ограничений и свободу совести, признавали приоритетное положение среди всех конфессий Русской православной церкви, которая должна была наряду с ними пользоваться материальной поддержкой со стороны государства (с. 89–90, 520–521, 580–581). Но насколько единодушны они были в этом вопросе? Какое место они отводили приходской жизни в деле консолидации общества? Показательно, что серьезной критике поведение правительства (за которое, безусловно, несет ответственность и кадетская партия) и церковных верхов подверг в августе 1917 г. на заседании ЦК кадетской партии бывший обер-прокурор Св. Синода А. В. Карташев. Он, в частности, указал на недовольство мирян пассивностью епископов на Поместном соборе, назвал «государственной достоевщиной» выступления делегатов Государственного совещания, охарактеризовал поведение правительства, проявившего «абсолютную неспособность к действиям, вытекающей из какой-то анархической теории власти» «государственной гамлетовщиной». По его мнению, ни власть, ни кадеты «не могли угнаться за катастрофическим ходом событий». Автор отметил этот момент (с. 582–583), но всё же остается неясным: осознавали ли кадеты в полной мере возможности церкви в консолидации общества, в какой степени учитывали они особенности религиозного (и не только!) сознания основной массы населения.

Нельзя забывать, что летом 1917 г. за кадетами пытались «угнаться» представители церковных кругов. Отмечалось в частности, что «в июле 1917 г. программа партии по церковному вопросу была... дополнена положениями, вполне согласованными с постановлениями Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве в июне сего года». Утверждалось, что вместо общедемократического требования отделения церкви от государства кадеты отстаивали право

¹⁵ См.: *Buldakov V. P. The Imperial Mentality and Psychology in the USSR and its Consequences // Ethnic and National Issues in Russian and East European History / Ed. J. Morison. Basingstoke, 2000. P. 230–259.*

«свободного самоопределения» РПЦ, а православная религия, по их убеждениям, должна была «пользоваться первенством почета во всех актах государственной жизни», причем государство оказывает ей «покровительство в законе и материальную поддержку». В общем, представители православной иерархии в связи с выборами в Учредительное собрание склонялись к тому, чтобы считать кадетов «партией церкви»¹⁶. Неважно, насколько это соответствовало реалиям; важно было бы показать ответную реакцию (если она последовала) со стороны кадетов.

Несомненно, реализации кадетских планов в 1917 г. «мешала» непривычная (однако вполне естественная для того времени) конфигурация власти. Однако вряд ли достаточным будет такое ее описание: «Двоевластие в центре сопровождалось многовластием в регионах» (с. 597). Подобная характеристика власти существовала преимущественно в умах и речах политических доктринеров — от тех же кадетов до большевиков, — выступая аргументом в борьбе за собственное единовластие. Петроградский Совет не претендовал на власть: знаменитый Приказ № 1, реально парализовавший политическое влияние правительства на армию, был спонтанным актом, вырванным у умеренных социалистов возбужденными солдатами¹⁷. К тому же представление о власти в низах оставалось моноцентричным — иного не допускало тогдашнее поставлоритарное политическое сознание. Массы упорно добивались «своей» власти.

В некоторых случаях в тексте используются газетные клише. Довольно странно звучит такая формулировка, как «большевистский путч» (с. 574–575). В советское время писали об организованной большевиками в начале июля 1917 г. «мирной демонстрации рабочих и солдат, расстрелянной Временным правительством». В постсоветский период обнаружилась другая крайность, которую и воспроизвел автор. Между тем основные события революции протекали вовсе не по сценарию той или иной партии. Вопреки представлениям о давно планировавшемся заговоре, июльский политический кризис застал лидеров большевиков врасплох¹⁸. По мнению выдающегося философа Ф. А. Степуна, ставшего очевидцем событий, происходящее «было скорее какою-то бунтарскою маятой, чем революционным действием»¹⁹. Трудно сказать точнее, однако В. В. Шелохаев предпочитает следовать в формулировках за кадетами, негодовавшими по поводу «преступного бунта» (с. 575). В другом случае он возрождает большевистский стереотип, утверждая, что Украинская Центральная рада уже в июне 1917 г. требовала предоставления Украине независимости

¹⁶ См.: Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 15–16. 15 августа. Отдел неофициальный. С. 445; Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 15–16. 15 августа. Отдел неофициальный. С. 444–445.

¹⁷ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 766–772.

¹⁸ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. С. 573.

¹⁹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 389.

(с. 572). На деле ситуация была много сложнее — украинских лидеров подтолкнул к такому решению большевистский переворот²⁰.

Трудно понять, то ли кадеты в 1917 г. были уверены, что «значительная часть армейского офицерства была настроена монархически», то ли это точка зрения автора (с. 607), но в любом случае это не соответствует действительности. Основная масса офицерства была аполитична, монархические взгляды стали возрождаться среди офицеров лишь к концу Гражданской войны.

Как бы то ни было, рецензируемая монография — фундаментальное исследование, внушительное по содержанию, подводящее итог целому этапу изучения русского либерализма. Несомненно, труд профессора В. В. Шелохаева существенно повлияет на качественное обновление последующего исследовательского процесса.

References

- Šelohaev V. V.* Agrarnaâ programma kadetov v Pervoj russkoj revolúcii // *Istoričeskie zapiski*. Т. 86. М., 1970.
- Šelohaev V. V.* Ideologiâ i političeskaâ organizaciâ rossijskoj liberal'noj buržuazii. 1907–1914 gg. М., 1991.
- Šelohaev V. V.* Kadety — glavnaâ partiâ liberal'noj buržuazii v bor'be s revolúciej 1905–1907 gg. М., 1983.
- Šelohaev V. V.* Kadety v gornile revolúcii 1917 g. // *Peterburgskaâ istoričeskaâ škola: Al'manah. Vtoroj god vypuska. Pamâti V. I. Starceva*. SPb., 2002.
- Šelohaev V. V.* Kadety i revolúciâ v Rossii // *Političeskie partii v rossijskih revolúciâh v načale XX veka*. М., 2005.
- Šelohaev V. V.* Liberal'naâ model' pereustrojstva Rossii. М., 1996.
- Šelohaev V. V.* Proval deâtel'nosti kadetov v massah (1906–1907 gg.) // *Istoričeskie zapiski*. Т. 95. М., 1975.
- Šelohaev V. V.* Razrabotka kadetami nacional'nogo voprosa v gody Pervoj mirovoj vojny // *Pervaâ mirovaâ vojna. Prolog XX veka*. М., 1998.

Список литературы

- Шелохаев В. В.* Аграрная программа кадетов в Первой русской революции // *Исторические записки*. Т. 86. М., 1970.
- Шелохаев В. В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991.
- Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.
- Шелохаев В. В.* Кадеты в горниле революции 1917 г. // *Петербургская историческая школа: Альманах. Второй год выпуска. Памяти В. И. Старцева*. СПб., 2002.
- Шелохаев В. В.* Кадеты и революция в России // *Политические партии в российских революциях в начале XX века*. М., 2005.
- Шелохаев В. В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- Шелохаев В. В.* Провал деятельности кадетов в массах (1906–1907 гг.) // *Исторические записки*. Т. 95. М., 1975.
- Шелохаев В. В.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война. Пролог XX века*. М., 1998.

²⁰ См.: *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 290–294, 503, 575.

Аннотации

Абеленцева О. А. Землевладение Николаевского Мостицкого монастыря в XV–XVII вв.

Николаевский Мостицкий монастырь был основан в окрестностях Великого Новгорода в начале XV в. В результате кризисных явлений последней четверти XVI — начала XVII в. он пережил периоды запустения. Вотчинный архив монастыря за XV–XVI вв. утрачен. В середине XVII в. обитель была возрождена, а в 1663 г. приписана к Успенскому Тихвинскому монастырю. В статье на основе анализа материалов писцового дела и актов XVII в. установлен состав вотчин Мостицкого монастыря в XV–XVII вв.

Ключевые слова: Россия, XVII в., Николаевский Мостицкий монастырь, Успенский Тихвинский монастырь, монастырские вотчины, монастырские архивы.

Алапуру Ристо. Финские элиты и Россия в XIX в.

В статье рассматривается комплекс проблем, связанных со взаимоотношениями элиты Великого княжества Финляндского и высшей бюрократии Российской империи. Элита княжества взяла на себя двойственную роль — своего рода посредника между населением Финляндии и имперской властью, обеспечивая лояльность самодержавию, но также и укрепление финских институциональных особенностей (так называемый «лояльный патриотизм»). Вместе с тем реальные властные возможности финской элиты были довольно ограниченными. Самоидентификация элиты княжества выстраивалась на особом варианте национализма — *Fennomania* — вектором действия которого было не только стремление к освобождению, но и строительство государства на основе национализма. В то же время это не позволяло избежать противоречий между необходимостью поддержания высшей бюрократией княжества лояльности в отношении монарха и устремлениями идеологической элиты.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Россия, элиты, высшая бюрократия, национализм.

Андреев А. А. Посольство Ашур Бека к Петру Великому и начало миссии князя А. Б. Черкасского

Статья посвящена хивинскому посольству Ашур Бека в Россию в 1713–1715 гг. На основании опубликованных и неопубликованных источников, в том числе и из фонда 134 «Сношения России с Хивой» РГАДА, автор рассматривает историю самой дипломатической миссии посланника из Хивы, структуру и особенности деятельности посольства в пределах Российского государства. Дополнительно исследуются причины приезда Ашур Бека в период частой смены власти в Хиве и ставятся два дискуссионных вопроса. Первый — о существовании портрета хивинского посла Ашур Бека. Второй — о корреляции хивинского посольства и переговоров с Ашур Бекем с последующим известным походом А. Черкасского в Хиву.

Ключевые слова: Хивинское ханство, Йадигер-хан, Ашур Бек, Петр Первый, Александр Черкасский, посольства к Петру Первому, посольские грамоты и челобитные.

Андреева Е. А. Появление голландской расписной фаянсовой плитки в России во второй половине XVII — начале XVIII в.: историография вопроса

В статье собраны и проанализированы все версии, связанные со временем и местом появления голландской плитки (dutch tile) в России. Выявлены, собраны и проанализированы все высказанные в литературе версии о самой ранней дате и месте появления плитки в Петербурге. Решается, насколько существенно высказанное в историографии мнение о привозе голландской плитки из немецких земель. Не остается без внимания вопрос о связи появления плитки в России с работой в Петербурге голландского мастера Петра Эггбрехта (Peter Eggebrecht). Отдельный большой раздел посвящен распространенному до сих пор в историографии мнению о налаживании в Петербурге в первой четверти XVIII в. массового производства плитки, которую не отличить от голландской. В статье выявлены основные причины, по которым возникла эта ошибочная версия об изготовлении плитки в Петербурге. Один параграф посвящен налаживанию производства плитки на московском керамическом заводе И. А. Гребенщикова.

Ключевые слова: голландская фаянсовая плитка, Россия, Голландия, Петербург, А. Д. Меншиков, Петр I, дворец Меншикова, Летний дворец Петра I, Зимний дворец Петра I.

Андреева Т. В., Высочков Л. В. Утомление жизнью или уход: Александр I. 1825 год. Новые материалы

Таганрогская трагедия в ноябре 1825 г. не только перевернула последнюю страницу в исторической судьбе Александра I, но и дала толчок к созданию легенды о его перевоплощении в таинственного сибирского старца Федора Кузьмича. В народном сознании, отечественной дореволюционной, эмигрантской и советской, а также зарубежной исторической литературе она оживала неоднократно. В последние годы легенда вновь реанимирована. Данная статья посвящена анализу классических мемуарных свидетельств и новых источников личного происхождения и официальных материалов, освещающих последний период жизни, обстоятельства болезни и кончины российского императора. Авторы стараются рассмотреть историю их возникновения, определить достоверность, выявить причины закрепления в историческом сознании легендарной версии об уходе Александра I из власти под видом «фиктивной смерти» в Таганроге.

Ключевые слова: Александр I, Федор Кузьмич, Таганрог, 1825, легенда.

Дмитриева З. В. Челобитные крестьян и посадских людей Новгородской земли о платежах и повинностях в 1610-е гг.

Публикация вводит в научный оборот челобитные крестьян и посадских людей Новгородской земли в годы Смуты начала XVII в. Челобитные носят частно-деловой характер и представляют собой прошения отдельных лиц или групп населения, направляемые в Великий Новгород представителям шведско-русской администрации. Челобитные хранятся в Государственном архиве Швеции в составе второй серии Ockupationsarkivet från Novgorod. Новгородский делопроизводственный архив 1610-х гг. был вывезен Я. П. Делагарди после ухода оккупационных войск из Великого Новгорода и заключения Столбовского мира со Швецией в 1617 г. В отличие от приказной документации челобитные не только содержат полную информацию о масштабах разорения сельского и городского населения, но и о видах и объемах прямых налогов и экстраординарных сборов на содержание шведской армии, о государственных повинностях, выполняемых крестьянами и посадскими людьми во время оккупации.

Ключевые слова: Смутное время, налоги, Великий Новгород, челобитные, Якоб Делагарди, Иван Никитич Большой Одоевский, крестьяне, посадские люди.

Ильин П. В. Международная научная конференция «Историческая память России и декабристы. 1825–2015»

В статье представлен обзор научных докладов и сообщений, сделанных на международной научной конференции «Историческая память России и декабристы. 1825–2015» (14–16 декабря 2015 г., Санкт-Петербург). Научный форум стал единственной крупной научной конференцией, посвященной проблемам истории декабризма, состоявшейся в год 190-летия событий на Сенатской площади. В публикуемой хронике дается основное содержание практически всех представленных докладов, раскрываются задачи, особенности и значение прошедшей международной научной конференции, показана актуальность, перспективность и научная плодотворность затронутых в ходе работы конференции проблемных направлений исследований и конкретно-исторических вопросов, в том числе историографического, источниковедческого характера, проблем исторической памяти и персоналистики.

Ключевые слова: общественно-политическая история, историческая память, декабристы, 190-летие со дня восстания декабристов 14 декабря 1825 г., историография, источниковедение, биографика.

Илюха О. П., Пеллинен Н. А. От карельских озер до киргизских степей: путевой дневник-воспоминания политического ссыльного Василия Еремеева-Ряйхя (1907–1908 гг.)

Впервые в переводе с финского на русский язык публикуется путевой дневник, написанный карельским крестьянином Василием Еремеевым-Ряйхя, высланным за «противоправительственную деятельность» в 1908 г. Дневник был отредактирован и дополнен автором по памяти уже по месту ссылки. На языке оригинала текст был опубликован в Финляндии на страницах журнала «Karjalan Kävijä» («Путешественник Карелии»). Карельская культура небогата историческими источниками личного происхождения. Тем бóльшую ценность представляет дневник Василия Еремеева — молодого человека, наделенного литературным даром, «врожденным чувством пера», хорошо владевшего и русским, и финским языками.

Ключевые слова: В. Еремеев-Ряйхя, дневник, 1907–1908, Финляндия, Карелия, Россия.

Искюль С. Н. Пост-юбилейные размышления о книге английского историка (Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814 гг. М.: РОССПЭН, 2012)

Статья представляет собой развернутую рецензию книги английского историка Доминика Ливена, опубликованной по-русски в юбилейном 2012 г. Книга явилась предметом оживленной дискуссии российских историков.

Ключевые слова: война 1812 г., Коалиционные войны 1813–1814 гг., Наполеон, Александр I.

Леонтьева Т. Г. Либеральная ретроспектива: pro et contra. О книге В. В. Шелохаева «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции» (М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.)

Рецензия на монографию В. В. Шелохаева «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции» (М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.).

Наземцева Е. Н. Специфика политико-правового положения русской эмиграции в Китае в период обострения международной ситуации на Дальнем Востоке (1931–1937 гг.)

В статье рассматривается политико-правовое положение русской эмиграции в Китае в период обострения международной ситуации на Дальнем Востоке (1931–1937 гг.). Основное внимание уделено специфике правового статуса русской эмиграции в Маньчжурии. Охарактеризованы особенности правового положения русской эмиграции в других центрах русского рассеяния в Китае — Шанхае, Тяньцзине. Показано влияние проблемы правового статуса русских эмигрантов на советско-китайские и советско-японские отношения, а также зависимость их правового положения от внешнеполитических событий, общей международной обстановки и дипломатических отношений на Дальнем Востоке в 1930-х гг. и накануне Второй мировой войны.

Ключевые слова: русская эмиграция, Китай, СССР, Лига Наций, беженцы, правовое положение, оккупация, международные отношения, дипломатия.

Новиченко С. Л., Сутягина Л. Э. К вопросу сохранения исторической памяти. Мемориальные зоны на рубежах обороны Ленинграда

В данной статье рассматриваются вопросы истории создания военных мемориалов, памятников и братских воинских захоронений на рубежах обороны Ленинграда. Авторы затрагивают проблему мемориализации военно-исторических ландшафтов как один из факторов сохранения исторической памяти в современном российском обществе.

Ключевые слова: архитектура, памятник, монумент, мемориал, братское воинское захоронение, идентичность, историческая память.

Новожеев Р. В., Барынкин В. П., Иванчогло И. С. Охрана и режим в лагерях для немецких военнопленных на территории Брянской области в 1944–1948 гг. (на примере лагерей № 252 и 327)

В статье на основе документов из фондов Государственного архива Брянской области (ГАБО) рассматриваются структурные, технические и кадровые вопросы организации охраны и режимные правила для спецконтингента в лагерях для немецких военнопленных и интернированных на территории Брянской области. Лагеря № 252 и 327 действовали на территории Брянской области в 1944–1948 гг. Содержащиеся в них военнопленные вермахта и армий сателлитов Германии работали на лесоразработках, восстановлении городской инфраструктуры, заводов и фабрик, учебных заведений, в подсобных хозяйствах. Лагерь имел утвержденные правила функционирования. Строго регламентировалось обустройство лагерной зоны, время дневных и ночных караулов, работа КПП, пропускной режим. Регулярно проводились инспекционные проверки лагерей и лагерных отделений со стороны органов безопасности.

Ключевые слова: немецкие военнопленные, лагерь для военнопленных, охрана, лагерный режим, Брянская область, конвойные войска, вахтовая команда, спецконтингент.

Сниедзе Кале. Группа молодых художников — латышских стрелков «Дайле» («Искусство») и ее участники. Интерпретация предыдущей ревизии

Автор статьи предпринимает попытку выяснить, насколько основательны созданные в советское время представления о латышских стрелках как

боевиках, подвергая анализу биографии художников и художественные работы стрелковой группы «Дайле».

Ключевые слова: красные стрелки, художники, советская власть, революционное искусство, Гражданская война, художественное образование, студия Кремля.

Рюмина Т. О., Исаев С. А., Хайзе М. 1905 год в России: взгляд лютеранского пастора из Санкт-Петербурга

Публикация текста проповеди лютеранского пастора из Санкт-Петербурга, в которой нашла отражение ситуация в России в период обострения внутриполитической ситуации.

Ключевые слова: Россия, 1905 г., проповедь, революция, протестантский священник.

Родин Н. В. Иудейский воинский некрополь Петрограда 1914–1918 гг. Социокультурные измерения

В статье проведен анализ иудейского воинского некрополя Петрограда: участников Первой мировой войны иудейского вероисповедания, захороненных на территории столицы Российской империи. В ходе проделанной работы были установлены следующие параметры: точное количество погребенных, места их захоронения, возрастные категории, социальная принадлежность (насколько позволили данные источников), звания и чины, принадлежность к определенному роду войск, причина смерти. В отдельных случаях удалось определить обстоятельства и места смерти. Сделано сравнение количества захоронений исследуемой группы с воинским некрополем других конфессий и общеиудейским некрополем.

Ключевые слова: Первая мировая война, Петроград, кладбища, иудеи, евреи, вооруженные силы России, потери, похороны, культура смерти, восстание юнкеров 29 октября 1917 г.

Свердлов М. Б. Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М. М. Щербатов

На материалах статей, рукописей и «Реестра библиотеки кн. М. М. Щербатова» установлены иностранные книги и статьи, которые читал князь М. М. Щербатов во время военной службы в Петербурге в 1750-е гг. На основании их анализа автор пришел к выводу, в соответствии с которым в эти годы происходил процесс его становления как историка, мыслителя, общественного и государственного деятеля.

Ключевые слова: М. М. Щербатов, Просвещение, история, философия, этика, личная библиотека.

Соколова Н. В. Из истории боярского землевладения в Нижегородском уезде в 80-х гг. XVII в.

Статья посвящена истории вотчинных владений А. В. Голицына в Нижегородском уезде. Впервые вводимые в научный оборот источники, в том числе описные и отказные книги, позволили исследовать размеры и границы вотчины, охарактеризовать входившие в нее поселения, проанализировать особенности системы сельского расселения, рассмотреть категории зависимого населения и его основные занятия. Заволжская вотчина рассматривается в общем контексте землевладения Голицыных в период наибольшего их политического могущества.

Ключевые слова: XVII в., Россия, Голицыны, А. В. Голицын, опала, ссылка, вотчина, землевладение, крестьяне, Нижегородский уезд.

Тарасов К. А. Распад Российской империи в ракурсе концепций Б. Андерсона и М. Хроха

Статья посвящена анализу концепций двух ведущих исследователей национальных движений в XX в. Б. Андерсона и М. Хроха и возможности применения их достижений для изучения темы распада Российской империи. Хрох разработал модель развития национального движения. Особую роль в его концепции играет деятельность элиты. М. Хрох подчеркивал важность фактора модернизации, от которого зависел успех или неуспех создания нации. Однако при применении его концепции на материалах, связанных с распадом Российской империи, видно, что национальные движения не достигли здесь фазы массовой мобилизации. Б. Андерсон рассматривал нацию как «воображаемое сообщество», в котором люди ощущают себя как некое целое; нация конструируется через формирование литературного языка, развитие книжного дела, создание картографического образа страны. Нарботки Б. Андерсона перекликаются с современными исследованиями национальных идентичностей. Таким важным направлением, например, является изучение «изобретенных традиций». Внимание к воображаемой географии позволяет объяснить череду межэтнических вооруженных конфликтов, которые сопровождали распад государства. Важным дополнением концепции Андерсона может служить изучение образа Другого.

Ключевые слова: национализм, национальная идентичность, Российская империя, Б. Андерсон, М. Хрох, распад империи, воображаемые сообщества, историческая память, воображаемая география.

**Федоров Н. В. Новые партнеры Новой Зеландии.
Рецензия на монографию: Новая Зеландия и страны
Восточной Азии: взаимоотношения в сфере
политики, экономики и культуры: Монография /
И. В. Олейников, Н. Н. Пузыня, А. А. Сучкова; науч. ред.
В. П. Олтаржевский. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 167 с.**

Рецензия на коллективную монографию «Новая Зеландия и страны Восточной Азии: взаимоотношения в сфере политики, экономики и культуры», подготовленную исследователями из Иркутского государственного университета. В Иркутском государственном университете сложилась научная школа, занятая изучением истории и современной политики Новой Зеландии. Рецензируемая монография является очередным вкладом иркутских исследователей в изучение Новой Зеландии в России. В монографии были изучены различные сферы отношений Новой Зеландии с Японией, Кореей и Китаем с середины XIX в. до современности. Монография состоит из трех глав, каждая из которых посвящена взаимодействию Новой Зеландии с одной из указанных выше стран.

Ключевые слова: Новая Зеландия, Восточная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, Китай, Япония, Корея, международные отношения.

Abstracts

Abelentseva O. A. The Land Ownership of the Nicholas Mostishchsky Monastery in the 15th–17th Centuries

The Nicholas Mostishchsky Monastery was founded in the vicinities of Veliky Novgorod in the early 15th century. As a result of the crisis events of the last quarter of the 16th – the beginning of the 17th century, the monastery experienced a period of desolation, when the land estates' archive of the monastery for the 15–16th centuries was lost. In the middle of the 17th century, the monastery was revived, and in 1663 it was attached to the Tikhvin Assumption Monastery. On the basis of analysis of the materials of the scribal descriptions (*pistsovoe delo*), as well as the acts of the 17th century, in the article the structure of land estates (*votchina*) of the Nicholay Mostishchsky Monastery in the 15–17th centuries is presented.

Key words: Russia, 17th century, Monastery of Nicholas Mostishchsky, Tikhvin Assumption Monastery, monastery land estates (*votchiny*), monastery archives.

Alapuro Risto. Finnish Elites and Russia in the Nineteenth Century

The position of Finland in the Russian Empire affected relations between the Finnish elites – bureaucratic, economic and ideological – and their relations with popular groups within the Grand Duchy. The central elite, the highest echelons of the bureaucracy, assumed a dual role. This elite was the interface between the empire and the local population and it espoused both loyalty to the autocracy and consolidation of Finnish institutional distinctiveness – a position epitomized by the term «loyal patriotism». The Finnish state and its central administration emerged as a result of an external decree, which gave the bureaucratic elite strong reasons for identifying with and further developing the new political unit. A major factor in this identification was the fact that the elite lacked a real power base, most notably land-ownership, outside the bureaucracy. In enhancing the country's distinctiveness, the elite was well aware that it had to maintain loyalty to the autocracy and forestall all offences against social peace in the borderland. In its relations with popular domestic

groups, the elite began to construct its legitimacy on its solidarity with the «people». Unlike nationalism in many other ethnically distinct regions of multinational empires in the same epoch, the Finnish variant, Fennomania, was not only a movement for liberation and emancipation but also a version of state-based nationalism. It included both upper-class conservatism, loyalty to the mother country, and a strong populist component. Finally, the bureaucratic elite had to utilize the learned estate (the clergy and academics) in their efforts to maintain loyalty to the empire. This need created (limited) tensions between the bureaucracy and the ideological elite.

Key words: bureaucracy, elite, Finland, Russian Empire, central administration.

Andreev A. A. Mission of Ashur Beck to Peter the Great and the beginning of the Prince A. B. Cherkassky's mission

The article is devoted to history of Embassy led by Ashur Beck from the Khiva Khanate in Russia in 1713–1715. On the basis of both published and unpublished documents, mainly from the Russian State Archive of ancient acts, the author describes the history of Embassy, its structure and values of its activity in Russia. Additionally, the author considers the reasons of its coming to Russia in context of political struggle in Khiva and raises two issues. The first one is about existence of Ashur Beck's portrait. The second point is how Embassy from Khiva correlates with famous A. Cherkassky's mission.

Key words: The Khiva Khanate, Yadgar khan, Ashur beck, Peter the Great, Alexander Cherkassky, embassies to Peter the Great, ambassadorial letters and petitions.

Andreeva E. A. The appearance of Dutch painted porcelain tile in Russia in the second half of 17th — beginning of the 18th century and place of occurrence of the Dutch tiles in Russia

The author analyzes all possible versions concerning time and place of appearance of the Dutch tiles in Russia. In addition, the article examines all existing in science literature opinions about the earliest date and place of its arrival to St. Petersburg. The author disputes widespread judgment about importing Dutch tiles from the German lands. The largest part of the article deals with popular among the historians opinion about the establishment in St. Petersburg in the first quarter of the 18th century mass production of tiles, which cannot be distinguished from the Dutch.

Key words: historiography, dutch tiles, fayence, delftware, delft blue, Netherlands, St. Petersburg, A. D. Menshikov, Peter the First, Menshikov Palace, Summer Palace of Peter the First, Winter Palace of Peter the First.

Andreeva T. V., Vyskochkov L. V. Tiredness of life or departure: Alexander I. (1825). New materials

The tragedy of Taganrog in November, 1825 not only turned the last page in the history of Alexander I, but also gave incitement to the creation of legends about his transformation into mysterious Siberian elder (*starets*) Feodor Kuzmich. In people's mind, domestic pre-revolutionary, Soviet, émigré and foreign historical literature it was revived several times. In recent years, the legend was resurrected again by some modern authors who support the theory about the identity of Alexander I and Fyodor Kuzmich. This article is devoted to analysis of both classical memoir evidences and new sources of personal origin and official materials covering the last period of life, the circumstances of the illness and death of the Russian Emperor. The authors try to consider the history of occurrence of these materials, determine the accuracy and identify the causes of strengthening in the historical perception of the legendary versions of Alexander I resignation of power by dint of «phantom of death» in Taganrog.

Key words: Alexander I, Fedor Kuzmich, Taganrog, 1825, legend.

Dmitrieva Z. V. Petitions about Taxes and Duties Submitted by Peasants and Traders of Novgorod in the 1610s

The publication familiarizes scholars with petitions (*chelobitnyie*) submitted by peasants and traders (*posadskiye liudi*) from Novgorod dating back to the Time of Troubles of the early 17th century. The petitions are of a private and business nature and could be submitted either by individuals or groups of people to Novgorod the Great for examination by Swedish-Russian administration; as a rule, they contained requests to cut down duties and fees. Petitions are stored in the State Archive of Sweden in the second series of Ockupationsarkivet från Novgorod. Records from Novgorod administration archive of the 1610s were evacuated by J. P. Delagardi after departure of the invaders from Novgorod the Great and signing of the Peace Treaty of Stolbovo between Russia and Sweden in 1617. Unlike administration (*prikazy*) documents the petitions contain not only full information about the degree of devastation of the rural and town population, but also data about the types and sums of direct taxes and special fees collected for the support of the Swedish army as well as material concerning various state services carried out by peasants and traders (*posadskiye liudi*) during the occupation period.

Key words: Time of Troubles, tax, Novgorod, petition, Jacob De la Gardie, Ivan Nikitich Bol'shoi Odоеvskii, peasants.

**Fedorov N. V. New partners of New Zealand.
Review of the monograph: New Zealand and states
of East Asia: relations in sphere of politics, economy
and culture / I. V. Oleynikov, N. N. Puzynya,
A. A. Suchkova; ed. by V. P. Oltarzhevskiy. Irkutsk:
Irkutsk State University Publishing House, 2014. 167 p.**

This review is dedicated to the collective monograph «New Zealand and states of East Asia: relations in sphere of politics, economy and culture», written by researchers from Irkutsk State University I. V. Oleynikov, N. N. Puzynya, A. A. Suchkova. In Irkutsk State University was formed the research school for studies of history and contemporary politics of New Zealand. The reviewed monograph can be marked as a new contribution of Irkutsk researchers in New Zealand studies in Russia. In the monograph there was a research of different spheres of relations of New Zealand with Japan, Korea and China from the middle of 19th century to nowadays. The book consists of three chapters, each of which is dedicated to interaction of New Zealand with one of states, mentioned before. The chapters were written by researchers, who were recognized experts in appropriate directions of foreign policy of New Zealand.

Key words: New Zealand, East Asia, the Asia-Pacific region, China, Japan, Korea, international relations.

**Ilyin P. V. International scientific conference «Historical
Memory of Russia and the Decembrists. 1825–2015»**

The article provides a detailed review of scholars' reports and presentations held during the work of the international scientific conference «The historical memory of Russia and the Decembrists. 1825–2015». The conference was held in anniversary days on December 14–16, 2015 at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, State Museum of History of St. Petersburg and the Institute of History of St. Petersburg State University. This scientific forum was the only major scientific conference on the history of the Decembrists movement, held in the year of the 190th anniversary of the events at the Senate Square in St. Petersburg.

The published chronicle presents the basic content of almost all the reports, outlines features and value of the conference. It discloses the urgency, the viability and scientific importance of the problem areas of research and specific historical issues of different spheres, including historiography, source study, and problems of historical memory, broached during the conference.

Key words: social and political history, historical memory, Decembrists, Study of the Decembrist movement, conference, 190th anniversary of the uprising of the Decembrists, December 14, 1825, historiography, source studies, biography.

Ilyukha O. P., Pellinen N. A. From lakes of Karelia to steppes of Kyrgyzstan: the travel memoirs of a political exile Vassily Eremeev-Räjhä (1907–1908)

This is the first publication of a Russian translation of the travel diary written in Finnish by Karelian peasant Vassily Eremeev-Räjhä, who was charged with ‘anti-government activities’ and exiled in 1908. The author edited and elaborated the diary from memory afterwards, when in exile. The original text was published in Finland in «Karjalan Kävijä» («Karelian Traveler») magazine. There are not so many historical sources of individual authorship in Karelian culture. It makes the diary of Vassily Eremeev, a young man gifted in the art of literature, with ‘innate sense of letters’, fluent in both Russian and Finnish even more valuable.

Key words: Vassily Eremeev-Räjhä, diary, Finland, Russia, Karelia, 1907–1908.

Iskyl S. N. After-anniversary reflections about English historian’s book (*Lieven D. Russia against Napoleon. The Battle for Europe. 1807–1814. Moscow: ROSSPEN. 2012. 680 p.*)

The article presents a detailed review of British historian Dominic Lieven’s book, published in Russian in the Jubilee 2012 year. The book was the subject of boisterous discussion between Russian historians who generally appreciated its contents and conclusions.

Key words: War of 1812, The coalition wars of 1813–1814, Napoleon, Alexander I.

Leont’eva T. G. Liberal retrospective: pro et contra. About the book V. V. Shelokhaev «Constitutional democratic party in Russia and emigration» (M.: ROSSPEN, 2015. 863 p.)

Review of the monograph of V. V. Shelokhaev «Constitutional democratic party in Russia and emigration» (M.: ROSSPEN, 2015. 863 p.).

Nazemtseva E. N. The specificity of the politic and legal status of the Russian emigration in China in the period of aggravation of the international situation in the Far East (1931–1937)

The article considers the politic and legal status of the Russian emigration in China in the period of aggravation of the international situation in the Far East (1931–1937). The main attention is paid to the specificity of the legal status of the Russian emigration in Manchuria. The peculiarities of legal status of the Russian emigration in other centers of the Russian dispersion in China – Shanghai and Tianjin are characterized too. The influence of problem of legal status of the Russian emigrants on Soviet-Chinese and Soviet-Japanese relations and dependence of their legal status on international events, global foreign situation and diplomatic relations in the Far East in 1930s and on the eve of the World War II are shown.

Key words: the Russian emigration, China, the USSR, League of Nations, refugees, legal status, occupation, foreign relations, diplomacy.

Novichenko S. L., Sutyagina L. E. To preserve historical memory. The memorial area on the borders of the defense of Leningrad

This article considers issues of history of war memorials, monuments and brotherly military burial grounds on the borders of the defense of Leningrad. The authors address the issue of memorialization of the military-historical landscape as one of the factors for the preservation of historical memory in contemporary Russian society.

Key words: architecture, monument, memorial, fraternal military burial, identity, and historical memory.

Novozheev R. V., Barynkin V. P., Ivanchoglo I. S. Security and custodial control in the camps for German prisoners of war in Bryansk region in 1944–1948 (by the example of the camps N 252 and N 327)

The article deals with a vast amount of archival documents from the funds of the State archive of the Bryansk oblast (GABO). The issues of structural, technical and personnel organization and operating rules for the inmates in the camps for German prisoners of war and internees on the territory of Bryansk region are analyzed. Camps N 252 and N 327 operated in Bryansk region in 1944–1948. The prisoners of war of Wehrmacht and the armies of the satellites of Nazi Germany were kept

there. They worked in forestry and at the farms, restored urban infrastructure, factories, and educational institutions. The camp had strictly approved rules of operation. The arrangements of the camp area, regulations of day and night guards, work of checkpoints, access mode were strictly regulated. The security agencies regularly conducted inspections of the camps and camp departments.

Key words: German prisoners of war, camp, security, custodial control, Bryansk region, unescorted, military escort, rotational team, «team assistance», the inmates.

Ryumina T. O., Isaev S. A., Heise M. 1905 in Russia: a view of the Lutheran pastor from St. Petersburg

Publication of the text of the sermon Lutheran pastor from St. Petersburg, which reflected the situation in Russia in the period of sharp aggravation of the political situation.

Key words: Russia, 1905, the sermon, the revolution, the Protestant priest.

Rodin N. V. Jewish military necropolis of Petrograd 1914–1918: Social and cultural dimension

The Jewish military necropolis of Petrograd is analyzed in the article: the Judaic participants of the First World War buried in the capital of the Russian Empire. The following parameters were set in the course of the done work: the exact number of buried, burial places, age categories, social status (as far as data of the sources has allowed), ranks, belonging to a certain kind of troops, a cause of death. In some cases it was succeeded to define circumstances and places of death. Comparison of number of burials of the studied group with a military necropolis of other faiths and an all-Judaic necropolis is made.

Key words: First World War, Petrograd, cemeteries, Jews, Russian armed forces, casualties, funeral, culture of death, Military schools Rebellion on October 29, 1917.

Sniedze Kale. Latvian Riflemen's Young Artists Circle *Daile* and its Members. Revision of the Current Interpretation

In the publication the author aims to determine how well grounded were the Soviet period perceptions of Latvian artists in Soviet Russia as fighters by analyzing the biographies and works of artists from the riflemen's circle *Daile*.

Key words: Red riflemen, artists, Soviet power, revolutionary art, civil war, revolution, art education, Kremlin studio.

Sokolova N. V. From the history of seigniorial tenure in Nizhny Novgorod *uezd* in the 1680s

This paper is dedicated to the history of manorial estates of A. V. Golitsyn in the Nizhny Novgorod *uezd*. Sources that are introduced into scientific circulation for the first time, including *opisnye knigi* and *otkaznye knigi*, allowed to explore the dimensions and boundaries of estates, characterized its settlements, analyze the characteristics of rural settlement system and review the category of dependent people and their basic training. *Zavolzhskaya votchina* is analyzed in the overall context of Golytsyns' landownership during the period of their biggest political power.

Key words: the 17th century, Russia, House of Golitsyn, Alexey Golitsyn, disgrace, exile, estate, peasants, landownership, Nizhny Novgorod *uezd*, *opisnye knigi*, *otkaznye knigi*.

Sverdlov M. B. Reading of the young aristocrat in 1750s: Prince M. M. Shcherbatov

On materials of articles, manuscripts and «Registry of the library book. M. M. Shcherbatov» set of foreign books and articles, which were read by Prince M. M. Shcherbatov during military service in St. Petersburg in the 1750s. On the basis of their analysis the author came to the conclusion, according to which in those years was the process of its formation as a historian, philosopher, public and statesman.

Key words: M. M. Shcherbatov, Enlightenment, history, philosophy, ethics, personal library.

Tarasov K. A. The collapse of the Russian empire from the perspective of concepts of B. Anderson and M. Hroch

This article analyzes concepts of two leading researchers of national movements in the 20th century B. Anderson and M. Hroch and the possibility of using their achievements to study disintegration of the Russian Empire. M. Hroch made a model of development of the national movement. A special role in it played elites. According to the scholar, they «aroused» the nation. In addition, M. Hroch stressed the importance of the factor of modernization, which depended on the success or failure of nation-building. However, when we try to apply this concept to the materials relating to the collapse of the Russian empire, it becomes clear that national movements have not reached the phase of mass mobilization. B. Anderson considered the nation as «imagined community», in which even without knowing each other people feel a unity. According to him nations are constructed through

the formation of a literary language, book development, the creation of the cartographic image of the country. Some achievements of B. Anderson are in common with modern research of national identities. Thus an important area, for example, is the study of «invented traditions». Attention to the imaginary geography helps us to explain a series of inter-ethnic conflicts that accompanied the collapse of the state. As an important addition to Anderson's concept can serve a study of the image of Another.

Key words: nationalism, national identity, the Russian Empire, B. Anderson, M. Hroch, the collapse of the empire, imagined communities, historical memory, an imaginary geography.

Сведения об авторах

Абеленцева Ольга Алексеевна, к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: oaabelen@mail.ru

Алапуро Ристо, Professor of Sociology (emeritus), Ph. D., Хельсинкский университет, Финляндия.

E-mail: risto.alapuro@helsinki.fi

Андреев Артем Алексеевич, к. и. н., доц. кафедры этнополитологии факультета политологии СПбГУ, м. н. с. отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа; доц. факультета международных отношений и социальных наук ИВЭСЭп, научный сотрудник Института истории СПбГУ.

E-mail: gal7gas@yandex.ru

Андреева Екатерина Александровна, к. и. н., старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

E-mail: eandreeva@yandex.ru

Андреева Татьяна Васильевна, д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Барынкин Владимир Павлович, к. и. н., доц., Брянский государственный аграрный университет.

E-mail: barinvova@yandex.ru

Высочков Леонид Владимирович, д. и. н., проф. кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории СПбГУ.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Дмитриева Зоя Васильевна, д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: zvdmitr.@rambler.ru

Иванчогло Иван Сергеевич, студент, Брянский государственный аграрный университет.

E-mail: ivancioglo1992@gmail.com

Ильин Павел Владимирович, к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: pavil@pi9402.spb.edu

Илюха Ольга Павловна, д. и. н., директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

E-mail: ilyukha.olga@mail.ru

Исаев Сергей Александрович, к. и. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

Искюль Сергей Николаевич, д. и. н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

E-mail: iskiouls@yahoo.com

Леонтьева Татьяна Геннадьевна, д. и. н., проф., декан исторического факультета Тверского государственного университета.

E-mail: kroneko@mail.ru

Наземцева Елена Николаевна, к. и. н., научный сотрудник, Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

E-mail: elenanazz@mail.ru

Новиченко Светлана Леонидовна, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

E-mail: lousia@yandex.ru

Новожеев Роман Владимирович, к. и. н., доц., Брянский государственный аграрный университет.

E-mail: novrom@bk.ru

Пеллинен Наталия Александровна, к. и. н., м. н. с., сектор языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

E-mail: nataliapellinen@gmail.com

Родин Николай Владимирович, лаборант отдела новой истории России СПбИИ РАН.

E-mail: nrodinspb@gmail.com

Рюмина Татьяна Олеговна, сотрудница Центральной канцелярии Церкви Ингрии.

E-mail: tanyaron09@yandex.ru

Свердлов Михаил Борисович, д. и. н., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, проф. Российского государственного педагогического университета им. Герцена.

E-mail: sverdlovmb@mail.ru

Сниедзе Кале, Латвийская академия художеств, докторант кафедры художеств МА.

E-mail: sniedze.kale@gmail.com

Соколова Наталья Викторовна, к. и. н., старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН.

E-mail: natalia_sokolova@outlook.com

Сутягина Людмила Эдуардовна, к. философ. н., ведущий специалист Музея антропологии и этнографии Российской академии наук.

E-mail: lousia@yandex.ru

Тарасов Константин Андреевич, к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: senderkeeper@mail.ru

Федоров Николай Викторович, к. и. н., доцент кафедры американских исследований, СПбГУ.

E-mail: nfedorov@yandex.ru

Contacts of authors

Abelenzeva Olga Alekseevna, Ph. D., senior researcher, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Institute of History.

E-mail: oaabelen@mail.ru

Alapuro Risto, Professor of Sociology (emeritus), Ph. D., University of Helsinki.

E-mail: risto.alapuro@helsinki.fi

Andreev Artyom Alekseevich, Ph. D., Research Fellow in Department «Menshikov's Palace» of State Hermitage, Assistant Professor of the Department of International Relations, St. Petersburg State University.

E-mail: gal7gas@yandex.ru

Andreeva Ekaterina Aleksandrovna, Senior Research Fellow, the State Hermitage.

E-mail: eandreeva@yandex.ru

Andreeva Tatiana Vasilievna, Dr. of Sciences (History), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Institute of History, major scientist.

E-mail: ta.-a.andreeva2014@yandex.ru

Barynkin Vladimir Pavlovich, Ph. D., associate professor, Bryansk state agricultural university.

E-mail: barinvova@yandex.ru

Dmitrieva Zoya Vasil'evna, Dr. of Sciences (History), leading scientist, Division of Medieval Russian history of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: zvdmitr.@rambler.ru

Fedorov Nikolai Viktorovich, Ph. D., Associate Professor, American Studies Department, St. Petersburg State University.

E-mail: nfedorov@yandex.ru

Isaev Sergey Alexandrovich, Ph. D., senior researcher, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

Ilyukha Olga Pavlovna, Dr. of Sciences (History), Director of the Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences.

E-mail: ilyukha.olga@mail.ru

Ilyin Pavel Vladimirovich, Ph. D., senior researcher, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavil@pi9402.spb.edu

Iskyul Sergey Nicolaevitch, Dr. of Sciences (History), leading scientist, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: iskiouls@yahoo.com

Ivanchoglo Ivan Sergeevich, student, Bryansk state agricultural university.

E-mail: ivancioglo1992@gmail.com

Leontyeva Tatyana Gennadyevna, Dr. of Sciences (History), professor, the dean of department of history of the Tver' state university.

E-mail: kroneko@mail.ru

Nazemtseva Elena Nikolaevna, Ph. D., research associate, Military History Research Institute Military Academy of General Staff, Russian Federation.

E-mail: elenanazz@mail.ru

Novichenko Svetlana Leonidovna, senior research fellow of the Military historical museum of artillery, engineer and signal corps.

E-mail: lousia@yandex.ru

Novozheev Roman Vladimirovich, Ph. D., associate professor, Bryansk state agricultural university.

E-mail: novrom@bk.ru

Pellinen Natalia Aleksandrovna, Ph. D., researcher, Sector of Linguistics, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre, RAN.

E-mail: nataliapellinen@gmail.com

Rodin Nikolaj Vladimirovich, assistant of the modern Russian history department of the Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: nrodinspb@gmail.com

Ryumina Tatiana Olegovna, employee of the Central office of the Church of Ingria.

Email: tanyaron09@yandex.ru

Sniedze Kale, Doctorate Student at the Faculty of History and Theory of Arts Art Academy of Latvia MA.

E-mail: sniedze.kale@gmail.com

Sokolova Natalia Viktorovna, Ph. D., senior research fellow, Lomonosov Moscow State University, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: natalia_sokolova@outlook.com

Sutyagina Lyudmila Eduardovna, PhD, leading specialist of the Museum of anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences.

E-mail: lousia@yandex.ru

Sverdlov Michail Borisovitch, Dr. Of Sciences (History), chief researcher, St. Petersburg Institute of History, Professor, Russian State Pedagogical University.

E-mail: sverdlovmb@mail.ru

Tarasov Konstantin Andreevich, Ph. D., researcher of the St. Petersburg institute of history, Russian Academy of Science.

E-mail: senderkeeper@mail.ru

Viskochkov Leonid Vladimirovich, Dr. of Sciences (History), Professor of the Department of Russian History from ancient times to the 20th century, Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Требования к публикации статей и материалов

• Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. (для аспирантов — не более 0,5 а. л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).

• Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, учебного звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

• Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева.

• Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы.

• Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.

• Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, так же как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.

• Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации / отказе в публикации / направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.

• Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.

• Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.

• До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.

• Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

Издательство «Нестор-История» с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректура
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

**Наличие собственной типографии
позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги**

**Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книготорговые организации**

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86
Москва
+7 (499)755 96 25
или

через форму обратной связи на нашем сайте nestorbook.ru

Все книги издательства «Нестор-История»

можно приобрести по адресу:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. +7(965)048-04-28

Москва, ул. 1-я Брестская, д. 62, 3-й этаж, тел. +7(499)755-96-25

(100 м от станции метро «Белорусская-Кольцевая»)

или заказать:

www.nestorbook.ru

По вопросам оптовой торговли обращайтесь:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28

ТД «Гуманитарная Академия», тел. (812)430-99-21, www.humak.ru

